ПОЛКОВОДЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

К.К.РОКОССОВСКИЙ

СОЛДАТСКИЙ ДОЛГ

К.К.РОКОССОВСКИЙ СОЛДАТСКИЙ ДОЛГ

ПОЛКОВОДЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Константин Константинович
РОКОССОВСКИЙ

К.К.РОКОССОВСКИЙ

СОЛДАТСКИЙ ДОЛГ

МОСКВА
Межрегиональный фонд
«Выдающиеся полководцы и флотоводцы
Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.»
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1997

ББК 63.3(2)722
Р66

Рокоссовский К.К.
Р66 Солдатский долг. — М.: Межрегиональный фонд «Выдающиеся полководцы и флотоводцы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», Воениздат, 1997. — 479 с., ил. — (Полководцы Великой Отечественной).

ISBN 5—203—00489—7.

Впервые воспоминания полководца публикуются без изъятий. Восстановить текст удалось благодаря внукам маршала — Константину Вильевичу и Павлу Вильевичу Рокоссовским, представившим издателям авторскую рукопись, которая подвергалась значительным сокращениям по идеологическим и конъюнктурным соображениям в предыдущих изданиях.

Читателя привлекут смелые оценки военачальника, его искренность в изложении фактов, анализ некоторых принципов военного искусства, подробности планирования и осуществления операций, взаимоотношений между Ставкой и фронтами.

Издание этой книги стало возможным благодаря спонсорской поддержке банка «Российский кредит».

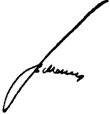
ISBN 5—203—00489—7 **ББК 63.3(2)722**

Уважаемые читатели!

Помогая изданию мемуаров маршала Рокоссовского, банк «Российский кредит» вносит свой вклад в изучение славного прошлого России, ее исторического наследия. Впервые «Солдатский долг» издается без цензорских купюр, хотя выдержал уже пять переизданий. Мы убеждены, что есть только одна правда, которую мы обязаны знать. Только с правдивой историей мы можем жить в настоящем и строить будущее.

Говорят, у воина нет трудного или легкого пути. Есть только один — славный. Именно такой боевой путь и прошел знаменитый российский полководец Константин Рокоссовский. Воспоминания маршала Рокоссовского не только рассказ о боевом прошлом, но и завет на будущее.

Президент банка
«Российский кредит»

В.Б. Малкин

ПОЛКОВОДЕЦ СУВОРОВСКОЙ ШКОЛЫ

По разным причинам (прежде всего идеологическим и конъюнктурным) публикация документов Великой Отечественной войны затянулась на десятки лет. Под влиянием цензорских запретов из военно-исторической литературы исключались негативные факты, скороговоркой освещались неудачи начального периода войны, замалчивались трагические события.

Это коснулось и мемуаров военачальников, политических деятелей, конструкторов военной техники и оружия. Так, маршалы К.А. Мерецков и К.К. Рокоссовский исключили из своих мемуаров факты о пребывании в заключении, а маршалы С.К. Тимошенко, Р.Я. Малиновский, Ф.И. Толбухин, В.Д. Соколовский, Л.А. Говоров вообще не оставили своих воспоминаний о войне, что, можно полагать, обеднило военно-историческую литературу и науку.

Нужно также иметь в виду, что мемуаристы находились под влиянием политических страстей общества, они вольно или невольно излагали события с позиций господствующей идеологии и устоявшихся представлений о развитии страны, ее вооруженных сил. Даже в тех случаях, когда военачальники, опираясь на свой жизненный опыт, пытались объективно излагать факты, в их рукописи вмешивалась умелая рука редактора, отсекая критику высшего руководства, собственный взгляд на события, военное строительство в целом. Так произошло и с рукописью Константина Константиновича Рокоссовского «Солдатский долг».

Его книга вышла в 1968 году, когда маршал тяжело болел. Он был вынужден подписать мемуары в печать, хотя из них были исключены не только отдельные абзацы, но и многие страницы, а текст некоторых глав подвергся не всегда обоснованной редакторской правке. Из рукописи

были изъяты страницы, где маршал писал о недостаточной боевой готовности войск Красной Армии, критически оценивал деятельность командования Киевского Особого военного округа накануне и в первые дни войны, отмечая потерю управления соединениями, случаи паники в войсках. Особенно большие купюры были в главах о Смоленском сражении и Московской битве, когда генерал Рокоссовский командовал оперативной группой войск, а затем войсками 16-й армии второго формирования.

Через двадцать с лишним лет после выхода книги «Солдатский долг» в «Военно-историческом журнале» были опубликованы большие по объему и значительные по содержанию фрагменты, исключенные из рукописи при подготовке ее к печати*. Восстановленные страницы, встреченные читателями с величайшим интересом, вызвали большой поток писем, что привело редакцию журнала в некоторое замешательство. Получившие огласку размышления, критические замечания по стратегическому руководству военными действиями, оценки маршала требовали научного анализа, обсуждения, но к этому, по всей вероятности, редакция журнала была не готова. Последние опубликованные купюры касались событий Курской битвы, далее давалось обещание: «Продолжение следует», но оно так и не последовало.

До сих пор интерес к пропускам и изъятиям из воспоминаний К.К. Рокоссовского сохраняется. Поэтому Межрегиональный общественный фонд «Выдающиеся полководцы и флотоводцы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» и Военное издательство при поддержке банка «Российский кредит» решили подготовить новое, шестое издание воспоминаний Рокоссовского, приняв за основу пятое издание его книги и первоначальный текст рукописи, который сохранили внуки маршала — Константин Вильевич и Павел Вильевич Рокоссовские. Они же подобрали из семейного архива и большинство фотографий, публикуемых в книге. В приложениях помещены автобиография Рокоссовского, перечень операций, в которых он принимал участие, другие документы.

Издатели искренне убеждены в том, что нельзя оставаться во власти прежних взглядов, включая свои собственные, если они ошибочны в свете новых знаний. Теперь

* См.: Военно-исторический журнал. 1989. № 4, 5, 6; 1990. № 2; 1991. № 7; 1992. № 3.

прийти к истине позволяет более открытый доступ к документам и архивным материалам. Без правды о прошлом нет движения вперед, не может быть правильной оценки настоящего...

Широко известна в нашей стране и за ее пределами фотография командующих войсками фронтов на заключительном этапе Великой Отечественной войны (она воспроизведена в книге). На ней запечатлены И.Х. Баграмян, А.М. Василевский, Л.А. Говоров, А.И. Еременко, Г.К. Жуков, И.С. Конев, Р.Я. Малиновский, К.А. Мерецков, К.К. Рокоссовский, Ф.И. Толбухин. Почти все они родились и выросли в крестьянских или рабочих семьях, прошли боевой путь от солдата до маршала. Все участвовали в первой мировой и гражданской войнах. Примечательно, что они на десять лет были в среднем моложе фельдмаршалов вермахта.

Известный военный историк генерал-лейтенант Н.Г. Павленко из десяти этих полководцев выделил пятерых — Жукова, Василевского, Рокоссовского, Конева и Малиновского, — которые, по его словам, были способны проводить в жизнь собственные решения. Спорить или, точнее, возражать И.В. Сталину кроме Жукова могли Василевский и Рокоссовский. А главными военными советниками Сталина с первых дней войны можно считать Б.М. Шапошникова и Г.К. Жукова; в 1942 году к ним присоединились А.М. Василевский и К.К. Рокоссовский, в 1944 году советником стал и А.И. Антонов.

В ноябре 1943 года был учрежден высший полководческий орден «Победа». Им награждались военачальники за успешное проведение операций, которые в корне меняли обстановку в пользу Красной Армии. Ордена «Победа» были удостоены (в порядке награждения): Г.К. Жуков, А.М. Василевский, И.В. Сталин, К.К. Рокоссовский, И.С. Конев, Р.Я. Малиновский, Ф.И. Толбухин, Л.А. Говоров, С.К. Тимошенко, А.И. Антонов, К.А. Мерецков. Вторым орденом «Победа» были награждены Сталин, Жуков, Василевский.

Напомним, что звание Маршал Советского Союза перед войной носили С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов, Г.И. Кулик, С.К. Тимошенко и Б.М. Шапошников. В ходе войны за выдающиеся победы и особые отличия маршалами Советского Союза стали: Жуков (январь 1943 г.), Василевский (февраль 1943 г.), Сталин (март 1943 г.), Конев (февраль 1944 г.), Говоров (июнь 1944 г.), Рокоссовский (июнь

1944 г.), Малиновский (сентябрь 1944 г.), Толбухин (сентябрь 1944 г.), Мерецков (октябрь 1944 г.). Еще четырем военачальникам маршальское звание было присвоено после войны: Соколовскому (1946 г.), Баграмяну (1955 г.), Еременко (1955 г.), Ф.И. Голикову (1961 г.).

* * *

Константин Рокоссовский родился 21 декабря 1896 года в Великих Луках Псковской губернии в семье железнодорожного машиниста, поляка по национальности. Военная биография Константина Константиновича началась в августе 1914 года в 5-м Каргопольском драгунском полку. За три года первой мировой войны он дослужился до унтер-офицера, стал георгиевским кавалером.

После революции Рокоссовский добровольно вступил в Красную Армию, был избран помощником командира отряда. В должностях командира отряда, дивизиона, конного полка прошел с боями от Урала до Забайкалья. В ноябре 1919 года, командуя конным дивизионом, Рокоссовский с тридцатью всадниками захватил артиллерийскую батарею противника, за что был награжден орденом Красного Знамени.

В 23 года Рокоссовский стал командиром 30-го кавалерийского полка, численность которого составляла 1080 человек. В то время ему пришлось преследовать банды барона Унгерна до их полной ликвидации в августе 1921 года.

Вскоре Рокоссовский командует 27-м полком 5-й Кубанской кавалерийской дивизии, которая уничтожала различные банды в Забайкалье. В его аттестации отмечалось: «Обладает твердой волей, энергичный, решительный. Обладает лихостью, хладнокровием. Выдержан. Способен к проявлению полезной инициативы. В обстановке разбирается хорошо. Сообразителен. По отношению к подчиненным, равно как и к себе, требователен. Заботлив. Пользуется любовью и популярностью. Военное дело любит... Награжден двумя орденами Красного Знамени за операции на Восточном фронте против Колчака и Унгерна. Задания организационного характера выполнял аккуратно. Ввиду неполучения специального военного образования желательно командировать на курсы. Должности комполка вполне соответствует».

На аттестации командующий 5-й армией И.П. Уборевич 3 декабря 1923 года написал: «Заслуживает выдвижения на должность комбрига вне очереди».

Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава (ККУКС) в Ленинграде — это не военная академия, но тем, кто жаждал знаний, они дали многое. Позволяет это утверждать тот факт, что их окончили Жуков, Рокоссовский, Баграмян, Еременко, другие военачальники. Именно здесь подружились Рокоссовский и Жуков и сохранили дружбу до конца своих дней, хотя всегда оставались соперниками. Они соперничали на военно-спортивных играх и соревнованиях, при изучении военных наук и обсуждении литературных новинок. Это соперничество перешло потом и в сферу военного искусства. Оба они ощущали свой полководческий талант, ревниво следили за военными успехами друг друга, а часто объединяли свои интеллектуальные усилия для решения стратегических задач.

После учебы Рокоссовский возвратился в Забайкалье. В должности командира кавбригады он участвовал в военном конфликте на КВЖД. Бригада действовала успешно, и грудь комбрига украсил третий орден Красного Знамени. Он получил повышение по службе — стал командиром 7-й Самарской кавалерийской дивизии, дислоцировавшейся в Минске.

Одним из четырех кавполков (39-м) дивизии командовал Жуков. Спустя 35 лет он вспоминал: «Рокоссовский был очень хорошим начальником. Блестяще знал военное дело, четко ставил задачи, умно и тактично проверял исполнение своих приказов. К подчиненным проявлял постоянное внимание и, пожалуй, как никто другой, умел оценить и развить инициативу подчиненных ему командиров. Много давал другим и умел вместе с тем учиться у них. Я уже не говорю о его редких душевных качествах — они известны всем, кто хоть немного служил под его командованием».

Обратите внимание на перечень достоинств и черт характера, которые ценил Жуков в своем друге. Он выделял именно те черты, которых ему порой недоставало. Как часто он был излишне резок, нетерпим. Рокоссовский в одном из своих приказов отмечал: «Нет худшего в Красной Армии преступления, кроме измены и отказа от службы, как рукоприкладство, матерщина и грубость, то есть случаи унижения достоинства человека...» Уважение к людям он пронес через всю свою жизнь.

Как ни горько об этом писать, но репрессии второй половины 30-х годов не обошли и такого талантливого комдива, а затем и комкора, каким зарекомендовал себя Рокоссовский. В августе 1937 года он был арестован. Обвинение, предъявленное Константину Константиновичу, было смехотворным. Оказывается, он якобы еще во время службы в Каргопольском полку был завербован в шпионы польским агентом Юшкевичем, служившим там же унтер-офицером.

На судебном разбирательстве Рокоссовский заявил: «Судите, казните, если у вас даже мертвые дают показания... Юшкевич пал смертью храбрых под Перекопом, и о его подвиге писала «Красная звезда».

Суд был приостановлен, а следствие продолжено. Рокоссовского спросили, чем он будет заниматься, если выйдет из тюрьмы. Он ответил:

— Я каменотес и буду обрабатывать мрамор... Поеду в Москву, — добавил он, — добьюсь приема у Сталина и скажу ему, что в «Крестах» сидит много честных и преданных Советскому государству людей...

— Вы крупно ошибаетесь, — урезонил его следователь.

Но ошибался все же следователь. Правда была на стороне комкора Рокоссовского. В марте 1940 года его освободили из-под стражи, восстановив во всех гражданских правах и снова назначив командовать 5-м кавалерийским корпусом, будто и не было тридцати месяцев, проведенных им в тюрьме.

Если бы все это время Рокоссовский находился на командных должностях, вряд ли он весной 1940 года оказался в подчинении у Жукова — командующего войсками Киевского Особого военного округа. И как бы ни сокращалась в дальнейшем дистанция в служебном положении этих незаурядных личностей, все же судьбе было угодно, чтобы Жуков находился впереди.

Их следующая встреча состоялась осенью 1941 года. Обороняя Москву, Жуков командовал войсками Западного фронта, а Рокоссовский — 16-й армией на волоколамском направлении. Оба они верили в окончательную победу. Именно тогда Сталин спросил у Жукова:

— Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю вас об этом с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

— Москву, безусловно, удержим!

На аналогичный вопрос корреспондента «Красной звезды» П. Трояновского Рокоссовский ответил:

— Уверен: скоро немцы начнут выдыхаться. И придет время — мы будем в Берлине.

Репутация Рокоссовского с начала войны росла не по дням, а по часам. В приграничном сражении 1941 года он использовал на свой страх и риск 200 резервных автомашин фронта для быстрейшего выдвижения корпуса к Ковелю и отличился в оборонительных боях на этом направлении, за что был награжден орденом Красного Знамени. После битвы под Москвой его имя стало известно не только в армейских кругах, но и всему народу. В судьбоносном сражении на Волге он предложил рискованное, но заманчивое стратегическое решение: использовать 2-ю гвардейскую армию Малиновского для быстрейшего уничтожения окруженных в Сталинграде войск Паулюса, чтобы затем все семь армий двинуть к Азовскому морю и отсечь на Северном Кавказе немецкую группу армий «Юг». Однако решение не было принято из-за возникшей опасности прорыва группировки Манштейна из района Котельниково к Сталинграду.

За пределами страны имя Рокоссовского стало известно после окружения немецко-фашистских войск в Сталинграде. В Ставке ВГК обсуждали: кому поручить окончательную ликвидацию окруженной группировки — Еременко или Рокоссовскому? Берия предложил — Еременко. Жуков отдал предпочтение Рокоссовскому, но заметил, что Еременко будет обижен. Сталин резюмировал: «Еременко я расцениваю ниже, чем Рокоссовского. Войска не любят Еременко, Рокоссовский пользуется большим авторитетом. Еременко плохо показал себя в роли командующего Брянским фронтом, и он нескромен и хвастлив».

А вот что писал в своих мемуарах главный маршал авиации А.Е. Голованов о Константине Константиновиче: «Его блестящие операции по разгрому и ликвидации более чем трехсоттысячной армии Паулюса, окруженной под Сталинградом, его оборона, организованная на Курской дуге с последующим разгромом наступающих войск противника, боевые действия в Белорусской операции снискали ему славу полководца не только в нашей стране, но и за ее пределами. Вряд ли можно назвать кого-либо, кто бы так успешно действовал как в оборонительных, так и в наступательных операциях. Благодаря своему многогранному военному образованию, огромной личной культуре, уважительному отношению к подчиненным, своим воле-

вым качествам и выдающимся организаторским способностям он снискал себе непререкаемый авторитет, уважение и любовь всех, с кем ему довелось воевать. Обладая даром предвидения, он почти всегда безошибочно разгадывал намерения противника, упреждал их и, как правило, выходил победителем...

С большим уважением и теплотой относился к Рокоссовскому Сталин, он любил его за светлый ум, широту мышления, культуру, скромность и, наконец, за мужество... Я не слышал, чтобы Верховный называл кого-либо по имени и отчеству, кроме Б.М. Шапошникова, однако после Сталинградской битвы Рокоссовский был вторым человеком, которого Сталин стал так называть»*.

В Курской битве Рокоссовскому доверяют командование войсками Центрального фронта. Уже само название фронта предполагало, что его войска окажутся в полосе главного удара противника. Так оно и вышло. Искусно создавая оборону и подвижные резервы, Рокоссовский подтянул к переднему краю все тылы, чтобы в случае окружения войска могли сохранять боеспособность, а также нанес по врагу упреждающую артиллерийскую контрподготовку, поражающую исследователей своей смелостью до сих пор. Ведь если бы сотни тысяч снарядов были выпущены по пустому месту, то войска фронта остались бы безоружными перед бронированным кулаком врага. Даже заместитель Верховного Главнокомандующего Жуков, находившийся на командном пункте Центрального фронта, не рискнул взять на себя ответственность за решение об открытии огня.

— Вы командуете фронтом, вам и решать, — ответил Жуков. — Я считаю, что времени терять нельзя.

Рокоссовский повернулся к начальнику артиллерии фронта генералу Казакову:

— Василий Иванович, начинай!..

Операция «Багратион», имевшая целью освобождение Белоруссии, началась с победы Рокоссовского в Ставке ВГК. Утверждая замысел операции, Сталин не согласился с решением командующего войсками 1-го Белорусского фронта начать прорыв обороны противника одновременным нанесением двух главных ударов и предложил все силы сосредоточить в одном ударе. Но командующий фронтом настаивал на своем решении. Сталин дважды отсылал Рокоссовского «подумать» вне зала заседаний. Константин

---

* Голованов А.Е. Записки командующего АДД. М., 1997. С. 299—300.

Константинович хорошо понимал, чем может обернуться предложение Сталина «подумать» в случае неуспеха операции, но был непоколебим. А когда замысел командующего фронтом поддержали Жуков и Василевский, уступил и Сталин.

— Настойчивость командующего фронтом, — сказал он, — доказывает, что организация наступления тщательно продумана. А это надежная гарантия успеха...

Надо заметить, что к тому времени Сталин уже избавился от излишней самоуверенности в вопросах оперативного управления, больше опирался на Генеральный штаб, чаще прислушивался к Жукову, Василевскому, Антонову, а из командующих фронтами в первую очередь к Рокоссовскому.

Василевский писал о Сталине: «И если говорить о людях, которые натерпелись от него, то я натерпелся от него, как никто. Бывал он и со мной, и с другими груб, непозволительно, нестерпимо груб и несправедлив. Но надо сказать правду, что бывал и иным...» Иным он был, общаясь с Рокоссовским, — предупредительным, обходительным, подчеркнуто вежливым. Недаром близко знавшие Константина Константиновича свидетельствовали, что он обладал манерами разговора и поведения, которые разоружали оппонента, исключали его агрессивность, переводили дискуссию в спокойное, деловое русло. Умение расположить к себе любого человека — природный дар Константина Константиновича.

Видимо, этот дар распространялся и на Сталина. Когда в конце ноября 1941 года на истринском рубеже обороны сложилась критическая обстановка, Сталин позвонил Рокоссовскому и, не требуя доклада, справился о самочувствии:

— Вам тяжело?

— Да, товарищ Сталин, очень тяжело. Очень...

— Я понимаю. Прошу вас продержаться еще некоторое время, вам поможем...

На другой день в 16-ю армию прибыли полк «катюш», два полка противотанковой артиллерии, три батальона танков, две тысячи московских ополченцев для восполнения потерь...

Телефонных разговоров Сталина с командующим фронтом Рокоссовским, равно как и с другими командующими, было за войну немало. Такие звонки давали колоссальный заряд энергии, окрыляли, вдохновляли. Еще об одном разговоре, происходившем во время Варшавского восста-

ния, Рокоссовский вспоминал: «Сознание невозможности предпринять крупную операцию для того, чтобы выручить восставших, было мучительным.

В этот период со мной беседовал по ВЧ Сталин. Я доложил обстановку на фронте и обо всем, что связано с Варшавой. Сталин спросил, в состоянии ли войска фронта предпринять сейчас операцию по освобождению Варшавы. Получив от меня отрицательный ответ, он попросил оказать восставшим возможную помощь, облегчить их положение».

На мой взгляд, в создавшейся ситуации Рокоссовский сделал все, что от него зависело, для оказания помощи восставшей Варшаве в августе—сентябре 1944 года. Но по иронии судьбы именно Рокоссовского и Сталина западные историки считают виновными в неудаче восстания. Исследователи словно забывают, кто спровоцировал восстание...

Были в истории взаимоотношений Сталина и Рокоссовского и такие моменты, когда обаяние командующего фронтом было бессильно, и тогда раздавались звонки, после которых у Константина Константиновича наступали черные дни. Один такой звонок прозвучал осенью 1944 года. Тогда предстояла Висло-Одерская операция. 12 ноября Сталин позвонил Рокоссовскому и сказал, что он назначается командующим войсками 2-го Белорусского фронта.

— За что такая немилость, что меня с главного направления переводят на второстепенный участок? — спросил Рокоссовский.

Сталин ответил, что все три фронта являются главными. Успех предстоящих операций будет зависеть от тесного взаимодействия 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов.

Сталин сказал, что командующим войсками 1-го Белорусского фронта назначается Жуков, и спросил:

— Как вы смотрите на эту кандидатуру?

— Кандидатура вполне достойная, — ответил Рокоссовский.

— Если не продвинетесь вы и Конев, то никуда не продвинется и Жуков...

Константину Константиновичу конечно же было обидно расставаться с войсками, находящимися на главном направлении, которые он вел на запад с 1943 года. Но приказ есть приказ — его надо исполнять. И все же зачем это перемещение? Какие мотивы? Может быть, потому, что

Жуков был главным действующим лицом в обороне Москвы, поэтому ему надо брать и Берлин? Историк Н.Г. Павленко считает, что Сталин просто убирал из Ставки Жукова, мешавшего ему принимать собственные стратегические и политические решения.

Перебрасывая Рокоссовского с берлинского направления, Сталин, по словам самого Жукова, «действовал неспроста». «С этого момента, — писал он, — между Рокоссовским и мной уже не было той сердечности, близкой товарищеской дружбы, которая была между нами долгие годы». И далее: «Сталин хотел завершить блистательную победу над врагом под своим личным командованием, то есть повторить то, что сделал в 1813 году Александр I, отстранив Кутузова от главного командования и приняв на себя верховное командование, с тем чтобы прогарцевать на белом коне при въезде в Париж во главе русских доблестных войск, разгромивших армию Наполеона».

Всякое сравнение хромает, сказал кто-то из великих. Не лишено этого недостатка и сравнение Жукова. Как известно, Сталин был Верховным Главнокомандующим с первых дней войны. А относительно «прогарцевать», то это как раз и досталось на долю Жукова. Именно он был во главе войск, взявших Берлин.

Решение Сталина объясняют еще и тем, что авторитет Жукова в нашей стране и у союзников был очень велик, он оставался заместителем Верховного Главнокомандующего и в случаях осложнения обстановки имел право принимать самостоятельные решения.

Но все же, думается, причиной перевода Рокоссовского с главного направления была политика. Как раз та ее грань, о которой уже после войны Константин Константинович говорил близким: в Советском Союзе его считали поляком, а в Польше — русским. Все остальные причины, на мой взгляд, были сопутствующими. Основание утвердиться в этом мнении дает реплика Сталина, записанная Константином Симоновым после обсуждения романа Э.Г. Казакевича «Весна на Одере» (1949 г.): «Не все там верно изображено: показан Рокоссовский, показан Конев, но главным фронтом там, на Одере, командовал Жуков. У Жукова есть недостатки, некоторые его свойства не любили на фронте, но надо сказать, что он воевал лучше Конева и не хуже Рокоссовского». Заметьте, «не хуже Рокоссовского», а не наоборот.

Почерк талантливого полководца проявился и в действиях войск 2-го Белорусского фронта. Они, ликвидируя угрозу флангового удара врага из Восточной Пруссии и Северной Польши по наступающим боевым порядкам 1-го Белорусского фронта, применяли решительные формы наступления: глубокие рассекающие удары, стремительный выход танковых войск во фланг и тыл противнику. В различных районах было окружено более пятнадцати вражеских группировок общей численностью около 300 тыс. солдат и офицеров. Выйдя к морю и отрезав им пути отхода из Восточной Пруссии, войска 2-го Белорусского фронта вступили в Померанию. Однако недостатки Ставки в планировании Восточно-Прусской операции сказались на действиях войск. «Если бы 2-й Белорусский фронт, — вспоминал Рокоссовский, — после выхода к Балтийскому морю смог повернуть все или почти все свои силы на запад, то события на берлинском направлении развивались бы более успешно, а сам Берлин, возможно, был бы взят гораздо раньше».

Подобную точку зрения позже разделил В.И. Чуйков, утверждавший, что Берлин можно было взять не в мае, а в феврале 1945 года и, следовательно, закончить войну на три месяца раньше.

Сам Жуков на научной конференции в 1945 году говорил: «Можно было пойти на Берлин, можно было бросить подвижные войска и подойти к Берлину. Но... назад вернуться было бы нельзя, так как противник легко мог закрыть пути отхода. Противник легко, ударом с севера, прорвал бы нашу пехоту, вышел на переправы р. Одер и поставил бы войска фронта в тяжелое положение».

Да, соблазн был велик, но и риск тоже: овладением Берлином завершалась война в Европе! Очевидно одно: прочность обороны Берлина оказалась много выше, чем ожидало советское командование.

Отметим характерное: на просторах между Вислой и Одером Рокоссовский действовал стремительными прыжками, бросая войска к Восточной Пруссии, к Данцигской бухте, затем на запад, к Одеру, потом они разворачивались на 180 градусов в Восточную Померанию и затем опять на запад через Одер, к берегам Мекленбургской бухты. Рокоссовский отмечал, что «это был сложный маневр войск целого фронта, подобного которому не было на протяжении всей Великой Отечественной войны».

Войска 2-го Белорусского фронта уничтожили или пленили соединения вермахта, угрожавшие правому флангу советских войск, нацеленных на Берлин. Выход к морю у Данцига, Кольберга, Свинемюнде, Ростока лишил противника возможности перебрасывать войска из Курляндии, Норвегии, Дании. Резервы вермахта для продолжения борьбы кончались. К тому же 3 мая передовые танковые части Рокоссовского встретились с британскими войсками фельдмаршала Монтгомери. 7 мая в Висмаре состоялась личная встреча этих прославленных полководцев. Оба они были готовы в случае необходимости повернуть свои войска к югу, чтобы нанести удар по Берлину.

* * *

24 июня 1945 года в Москве на Красной площади в ознаменование победы Советского Союза над фашистской Германией был проведен Парад Победы. Честь командовать парадом была оказана Константину Константиновичу Рокоссовскому. И все понимали, что он заслужил это своими боевыми делами под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, в Белоруссии и Польше, на берлинском направлении. Сам Константин Константинович говорил:

— Командование Парадом Победы я воспринял как самую высокую награду за свою многолетнюю службу в Вооруженных Силах...

После здравицы, которую произнес принимавший парад Жуков, Рокоссовский подал команду к торжественному маршу и двинулся впереди парадного расчета. С чувством честно исполненного долга перед Родиной чеканили шаг маршалы, генералы, командиры и солдаты...

После войны Рокоссовский командовал Северной группой войск, располагавшейся на территории Польши. Он быстро установил хорошие отношения с правительством и общественными организациями страны. Президент Болеслав Берут просил направить Рокоссовского в распоряжение польского правительства, чтобы он занял пост министра национальной обороны Польши. Рокоссовский вначале отказался от предложения, но затем согласился с одним условием: он должен остаться гражданином СССР.

Семь лет Рокоссовский возглавлял Войско Польское и был заместителем председателя Совета министров ПНР. Ему присвоено звание маршала Польши. В ноябре 1956 го-

да он попросил освободить его от занимаемой должности по состоянию здоровья — через месяц исполнялось 60 лет. Просьба была удовлетворена, и он возвратился в Советский Союз. В прощальной грамоте правительства Польши были слова: «О положительных результатах Вашей работы свидетельствует укрепление обороноспособности нашей страны и поднятие как организационного уровня, так и оснащения и обучения Войска Польского, в чем очень велик внесенный Вами вклад...»

По возвращении в Советский Союз Рокоссовский еще почти шесть лет был заместителем министра обороны и главным военным инспектором. В октябре 1957 года в связи с обострением обстановки на Ближнем Востоке он был назначен командующим войсками Закавказского военного округа и оставался на этом посту до нормализации обстановки.

В своих мемуарах Рокоссовский анализирует некоторые принципы военного искусства, отмечает ошибки высшего военного руководства. Он был убежден, что решения командования Красной Армии в первые дни войны не соответствовали обстановке, сложившейся на фронтах. Все ждали приказа сверху, в то время как необходимо было принимать самостоятельные решения в зависимости от ситуации. Так делал он сам, собирая отходившие в беспорядке войска под Смоленском, заново формируя 16-ю армию и организуя ее действия под Москвой.

Рокоссовский подвергал ревизии принцип «не отходить ни на шаг, стоять насмерть». Он был убежден, что приказ командира «стоять насмерть» оправдан лишь тогда, когда этим достигается спасение от гибели большинства. Он считал нецелесообразным стремление всегда и везде наступать и прекращал бесцельные атаки, которые лишь изматывали войска и влекли за собой неоправданные потери. Каждая атака, полагал он, должна иметь определенную цель и быть всесторонне обеспеченной. «Больше огня — меньше солдат погибнет», — говорил полководец. В борьбе с сильнейшим противником Рокоссовский стремился наносить удары и отходить на новый рубеж, сохраняя бойцов и оружие.

— Где командир действует так, как ему положено, не может быть паники, растерянности; не будет и лишних жертв, — не раз повторял он.

3 октября 1941 года Рокоссовский, узнав о тяжелой обстановке у соседа справа (19-я армия генерала М.Ф. Лу-

кина), не стал дожидаться распоряжения командующего фронтом и передал Лукину две дивизии, танковую бригаду и артполк.

Известно, что командарм 16, убежденный в своей правоте, добивался разрешения отвести войска на более выгодный оборонительный рубеж по реке Истра. Его обращение через голову командующего фронтом к начальнику Генерального штаба получило гневное осуждение Жукова и приказ — «ни шагу назад».

В те же дни командир 1-й гвардейской танковой бригады М.Е. Катуков попросил у Рокоссовского два-три дня на приведение техники в порядок. Ответ гласил: «Обстановка сейчас такая, что не приходится думать о передышках, формированиях и т.п. Сейчас ценность представляет каждый отдельный боец, если он вооружен. Деритесь до последнего танка и красноармейца. Этого требует обстановка. Налаживайте все в процессе боя и походов». В этом ответе Рокоссовский оставлял Катукову свободу решений и действий.

Рокоссовский постоянно заботился о сохранении личного состава, его обученности. Во вверенных ему войсках создавались специальные отряды, которые в ночное время сменяли основные силы, нуждавшиеся хотя бы в нескольких часах сна и отдыха. Он всегда беспокоился о резервах, о помощи войскам, ведущим бой на пределе возможного.

В начале войны многие командиры действовали по неизвестно кем установленному правилу: «Пленных не брать!» Это порождало отчаянное сопротивление противника, увеличивало собственные потери. Желанием сохранить жизнь солдат противоборствующих сторон было продиктовано предложение Рокоссовского окруженным под Сталинградом войскам капитулировать, так он поступал и в последующем. Это соответствовало извечному ратному правилу: «Полководцу более славы доставляют пленные, чем убитые».

Рокоссовский исповедовал известные суворовские принципы: «Не множеством побеждают, а уменьем», «Каждый воин должен понимать свой маневр»; он поощрял инициативу подчиненных — «...на месте лучше судить и соответственно действовать».

Полководец обладал ценным качеством — умением подбирать и воспитывать кадры, особенно ближайших соратников и помощников. У Рокоссовского был на редкость сплоченный, инициативный и весьма работоспособный

штаб. Генералы М.С. Малинин, В.И. Казаков, Г.Н. Орел, А.И. Прошляков и другие прошли со своим командующим от Москвы до Вислы. Командный пункт Рокоссовского называли штаб-квартирой. Там собирались начальники родов войск и служб для доклада о проделанной работе и обсуждения возникавших проблем. Обмен мнениями облегчал уяснение обстановки и принятие новых решений. Очевидцы отмечают, что в штаб-квартире господствовала деловая и творческая обстановка. Командующий перед принятием решения хотел, чтобы каждый внес в общее дело свою долю творчества. В итоге же он четко формулировал задачи и указания по их выполнению.

Взгляды Рокоссовского на способы ведения боевых действий в различных условиях читатель найдет в его мемуарах. Рокоссовский утверждал, например, что на войне все решает коллектив, а командующий должен подобрать его и дирижировать работой. При этом командующему лучше оставаться в тени, незаметно вмешиваясь в общую работу.

— Надо уметь слушать солдата, — говорил Рокоссовский, — и тогда вы почерпнете новые силы, новые мысли для руководства войсками.

Он отрицательно относился к институту представителей Ставки ВГК на фронтах, которые, по его мнению, излишне вмешивались в руководство войсками, теряя при этом обобщающие функции Ставки.

Где должен находиться полководец и его командный пункт? Рокоссовский неоднократно возвращался к этой проблеме и во всех случаях утверждал, что командир, командующий должен быть там, откуда ему удобнее управлять войсками.

Осенью 1941 года командир 78-й стрелковой дивизии А.П. Белобородов заметил Рокоссовскому, что командарму не следует забираться на передний край.

— И командарму надлежит знать, что происходит на переднем крае, — ответил Рокоссовский. — Если долго не бываешь в окопах, то появляется ощущение, словно какая-то важная линия связи оборвалась и какой-то очень ценной информации не хватает...

В самых сложных ситуациях Рокоссовский не терял присутствия духа, оставаясь невозмутимым и хладнокровным. Бойцы и командиры заражались его спокойствием и чувствовали себя уверенно в любой обстановке.

Известно, что полководец немыслим без сильной воли, без собственных оценок событий на фронте, без интуиции,

без своего почерка в операциях, то есть без своего «я». Всеми этими качествами в полной мере был наделен Рокоссовский.

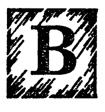
Константин Константинович много времени проводил в войсках, знал боевые возможности соединений и их командиров. Личная проверка частей и соединений являлась для него средством сколачивания войск, их воспитания и обучения. Трудно поверить, но за всю свою воинскую службу, как признался маршал своему адъютанту Б.Н. Захацкому, он не наказал ни одного подчиненного.

— Прежде чем наказать, — говорил он, — попробуйте поставить себя на место подчиненного. Когда выясните все обстоятельства, тогда и принимайте решение о наказании...

Уважение к человеку независимо от его положения и звания, постоянная забота о подчиненных, легендарная смелость и удивительная скромность Константина Константиновича Рокоссовского вызывали к нему искреннюю любовь. Его заслуги перед Родиной навечно остались в истории нашего государства, в сердцах его соратников, в благодарной народной памяти.

Алексей Басов, доктор исторических наук

ЗАВТРА — ВОЙНА

есной 1940 года я вместе с семьей побывал в Сочи. После этого был приглашен к народному комиссару обороны маршалу С.К. Тимошенко. Он тепло и сердечно принял меня.

Вспомнилось мне начало тридцатых годов — 3-й кавалерийский корпус, которым тогда командовал С.К. Тимошенко и где я был командиром 7-й Самарской имени Английского пролетариата кавдивизии. Комкор у всех нас, конников, пользовался уважением. Больше того — любовью. И на высоком посту наркома он сохранил ту же простоту в обращении и товарищескую доступность.

Семен Константинович предложил мне снова вступить в командование 5-м кавалерийским корпусом (в этой должности я служил еще в 1936—1937 годах). Корпус переводился на Украину, был еще в пути, и нарком пока направил меня в распоряжение командующего Киевским Особым военным округом генерала армии Г.К. Жукова. Я должен был помочь в проверке войск, готовившихся к освободительному походу в Бессарабию. В моем присутствии нарком сообщил об этом по телефону командующему округом.

Я был включен в группу генералов, работавших под руководством командующего войсками округа. Мы все время проводили в частях. Поручения генерала Жукова были интересны и позволили мне уяснить сильные и слабые стороны наших войск. Но недолго нам пришлось вместе с ним работать на Украине: Георгий Константинович Жуков уехал в Москву на должность начальника Генерального штаба, а я, вернувшись из Бессарабии, вступил в командование корпусом.

Опыт, приобретенный в дни освободительного похода, был очень полезен. Мы, командиры, старались опираться на него, организуя боевую подготовку войск.

Конец сорокового года ознаменовался для меня новым назначением. Я стал командиром 9-го механизированного корпуса, который еще предстояло сформировать. Это было полной неожиданностью. Ведь я провел в коннице двадцать семь лет. Начал службу в 5-м Каргопольском драгунском полку старой русской армии в августе 1914 года. Пробыл в кавалерии всю первую мировую войну. После октября 1917 года — опять в коннице, в рядах Красной Армии.

Словом, я сроднился с этим родом войск, полюбил его. Здесь прошел хорошую школу — и в боях, и в мирное время. Здесь поднимался со ступеньки на ступеньку от командира эскадрона до командира корпуса. Работал уверенно, чему способствовало то, что хорошо понимал своеобразный характер командиров-кавалеристов.

Переход на службу в новый род войск, естественно, вызвал опасение: справлюсь ли с задачами комкора в механизированных войсках? Но воодушевляли оказанное доверие и давний интерес к бронетанковым соединениям, перед которыми открывались богатые перспективы. Все, вместе взятое, придало мне бодрости, и, следуя поговорке, что «не боги горшки обжигают», я со всей энергией принялся за новое дело, понимая, что формировать корпус придется форсированными темпами.

Нужно сказать, что уже в первую мировую войну конница стала терять свое былое значение. Появились на театре военных действий массовые армии, насыщенные автоматическим оружием (пулеметы), скорострельной артиллерией, танками и авиацией. Образовались сплошные фронты. Войска, зарывшиеся в землю и огородившиеся колючей проволокой, исключали успешные действия кавалерии в конном строю. Конница наряду с пехотой была посажена в окопы, конь стал преимущественно средством передвижения. Гражданская война в России воскресила ненадолго роль конницы. Это определялось особыми обстоятельствами, в первую очередь тем, что на полях сражений не было сплошных фронтов. Конница, как наиболее подвижной в то время род войск, приобрела тогда большое значение. Этому способствовали сравнительно еще богатые в стране ресурсы конского поголовья. Сказывалось и наличие старых кавалерийских кадров. Брошенный Комму-

нистической партией клич «Пролетарий, на коня!» быстро осуществился, и красная кавалерия сказала свое веское слово в разгроме внутренней контрреволюции и иностранной интервенции.

Годы шли. Народ претворял в жизнь лозунг партии — догнать передовые капиталистические страны в развитии современной промышленности. Пятилетки создавали возможность оснащать армию более совершенным вооружением. Развивалась и военная мысль. Наша военная наука далеко шагнула вперед по сравнению с военной наукой крупных капиталистических государств. Тогда на Западе были в ходу такие теории, как теории Дуэ и Фуллера. В одном случае превозносилась роль авиации, способной будто бы самостоятельно решить исход войны, в другом — возможности танковых войск. У нас же и танкам, и авиации, и артиллерии, и пехоте отводилось свое место, а в целом в основу подготовки Вооруженных Сил было положено взаимодействие всех родов войск, нашедшее выражение в теории глубокого боя, разработка которой связана с именами М.Н. Тухачевского, В.К. Триандафиллова и других.

Были, конечно, ярые конники, сохранявшие еще увлечение кавалерией, но не они делали погоду. Формирование бронетанковых соединений началось как раз за счет некоторого сокращения конницы.

И уже во второй половине тридцатых годов наши Вооруженные Силы имели значительное количество сформированных и сколоченных механизированных корпусов оперативного назначения.

Организационная структура Красной Армии и боевая готовность войск полностью соответствовали задачам, стоявшим перед армией социалистического государства. На должной высоте находилась и подготовка командного состава во всех звеньях. Основная масса командиров и политработников имела к тому же боевой опыт, приобретенный в первой мировой и гражданской войнах. Наши Вооруженные Силы способны были нанести сокрушительный удар по любому врагу, рискнувшему напасть на Советскую Родину.

Правда, в конце тридцатых годов были допущены серьезные промахи. Пострадали и наши военные кадры, что не могло не отразиться на организации и подготовке войск.

Нападение фашистской Германии на Польшу и молниеносный разгром ее вооруженных сил, несмотря на мужество большинства солдат и офицеров, и еще более трагический исход военных действий во Франции подтвердили, каким преимуществом обладала Германия, создавшая мощные бронетанковые и моторизованные войска, а также сильную авиацию.

С этого момента у нас возобновилось интенсивное формирование механизированных корпусов. Радостно было сознавать, что наконец восторжествовали правильные взгляды и снова у нас организуются столь необходимые для обороны и победы в современной войне крупные танковые и механизированные соединения. В разгар этих организационных мероприятий дошла очередь и до меня.

Итак, распрощавшись с кавалерией, я стал танкистом.

9-й мехкорпус состоял из трех дивизий. Это были 131-я моторизованная дивизия под командованием полковника Н.В. Калинина, 35-я танковая дивизия полковника Н.А. Новикова и 20-я танковая дивизия, командиром которой был полковник М.Е. Катуков (оговорюсь, что из-за болезни командира в первые дни войны 20-ю водил в бои его заместитель полковник В.М. Черняев).

Наш корпус находился в непосредственном подчинении командования Киевского Особого военного округа.

Одна мысль руководила нами: чем быстрее приведем корпус в боевую готовность, тем лучше выполним свой долг перед народом и партией. Уже в процессе формирования развернули всестороннюю боевую подготовку подразделений, частей и всего соединения в целом. Ведь бóльшую часть людей, прибывших на укомплектование, приходилось обучать начиная с азов. Мне, как комкору, посчастливилось в том отношении, что ближайшие мои помощники были образованными и самоотверженными людьми. Они умели учить бойцов и командиров тому, что потребуется на войне. Среди них прежде всего хочется выделить начальника штаба тридцатидевятилетнего генерал-майора Алексея Гавриловича Маслова. Он был, как говорилось тогда, «академиком» (то есть закончил академию имени М.В. Фрунзе), штаб корпуса держал хорошо и всецело отдался подготовке нижестоящих штабов, дисциплинируя их работников и приучая к самостоятельности мышления. Мне нравился его стиль — требовательность и

чуткость к мысли и инициативе подчиненных, органическая потребность личного общения с войсками. Большую помощь в подготовке корпуса к грядущим испытаниям оказывали мне также заместитель по технической части полковник Внуков и замполит товарищ Каменев.

Время не ждало. Фашистская Германия, опьяненная своими успехами на Западе, приступила к операциям на Балканах, покоряя одну страну за другой. Все мы, военные, чувствовали, что приближается момент, когда и наша страна — хотим мы того или нет — будет втянута в водоворот разбушевавшейся войны.

Откровенно говоря, мы не верили, что Германия будет свято блюсти заключенный с Советским Союзом договор. Было ясно, что она все равно нападет на нас. Но договор давал нам возможность выиграть время для укрепления нашей обороны и лишал империалистов надежды создать единый антисоветский фронт.

Сколько эта «оттяжка» продлится, в нашем корпусном масштабе знать было не дано. Однако времени мы не теряли. В первую очередь сосредоточили свое внимание на подготовке командиров и штабов. Проводились командно-штабные выходы в поле со средствами связи и обозначенными войсками, военные игры на картах и полевые поездки по наиболее вероятным маршрутам движения корпуса на случай внезапной войны. Обязали всех офицеров обеспечивать повседневную боевую готовность подразделений и частей, не дожидаясь полного укомплектования.

Мне, как увидит читатель, недолго пришлось командовать 9-м мехкорпусом в период войны, но я храню в душе признательность его офицерам за то, что они поняли своего командира, глубоко осознали, насколько необходимы были все наши мероприятия, продиктованные пониманием неизбежности близкой войны. То, что было сделано в те дни, не прошло бесследно, и мы это почувствовали в июне сорок первого. Я не зря старался воспитывать у командного состава прежде всего самостоятельность, решительность и смелость. Только командир, обладающий такими качествами, мог быть на высоте требований, предъявляемых боем.

Этого мы добивались изо дня в день, с верой в силы людей. И коллектив офицеров корпуса отвечал инициативной, самостоятельной работой. Была создана атмосфера высокой бдительности. Мне было известно, что и в других

корпусах с тревогой и озабоченностью готовились ко всяким неожиданностям.

В мае 1941 года новый командующий Киевским Особым военным округом М.П. Кирпонос провел полевую поездку фронтового масштаба. В ней принимал участие и наш мехкорпус, взаимодействуя с 5-й общевойсковой армией на направлении Ровно, Луцк, Ковель.

В дни полевой поездки я ознакомился с приграничной местностью на направлении вероятных действий корпуса и на других участках. Строительство укрепленного района только развертывалось.

Я не касался тогда и не касаюсь сейчас проблем большой политики, а рассуждаю как командир, накопивший к 1941 году практический боевой опыт и знания в области тактики, оперативного искусства и стратегии.

Даже по тем скудным материалам, которые мне удавалось получить из различных источников, можно было сделать некоторые выводы из действий немецких войск в Польше и во Франции. Немцы заимствовали некоторые положения теории глубокого боя. В наступательных операциях ведущую роль они отводили танковым, моторизованным соединениям и бомбардировочной авиации; сосредоточивали все силы в один кулак, чтобы разгромить противника в короткие сроки; наносили удары мощными клиньями, ведя наступление высокими темпами по сходящимся направлениям. Особое значение они придавали внезапности.

Именно поэтому мы старались держать порох сухим.

Невольно вспоминалась мне служба в Приморье и в Забайкалье в 1921—1935 годах. При малейшей активности «соседа» или в случае передвижения его частей по ту сторону границы наши войска всегда были готовы дать достойный отпор. Все соединения и части, находившиеся в приграничной зоне, были в постоянной боевой готовности, определяемой часами. Имелся четко разработанный план прикрытия и развертывания главных сил; он менялся в соответствии с переменами в общей обстановке на данном театре.

В Киевском Особом военном округе этого, на мой взгляд, недоставало.

Еще во время окружной полевой поездки я беседовал с некоторыми товарищами из высшего командного состава. Это были генералы И.И. Федюнинский, С.М. Кондрусев, Ф.В. Камков (командиры стрелкового, механизированного

и кавалерийского корпусов). У них, как и у меня, сложилось мнение, что мы находимся накануне войны с гитлеровской Германией. Однажды заночевал в Ковеле у Ивана Ивановича Федюнинского. Он оказался гостеприимным хозяином. Разговор все о том же: много беспечности. Из штаба округа, например, последовало распоряжение, целесообразность которого трудно было объяснить в той тревожной обстановке. Войскам было приказано выслать артиллерию на полигоны, находившиеся в приграничной зоне. Нашему корпусу удалось отстоять свою артиллерию. Доказали, что можем отработать все упражнения у себя на месте. И это выручило нас в будущем. Договорились с И.И. Федюнинским о взаимодействии наших соединений, еще раз прикинули, что предпринять, дабы не быть захваченными врасплох, когда придется идти в бой.

Делалось все, что было в пределах наших сил и прав, начиная с систематического наблюдения за разработкой мобилизационных документов. В частности, проверили народнохозяйственный автотранспорт, приписанный к корпусу. К сожалению, в гражданских организациях этому вопросу не уделяли должного внимания. (Скажу сразу: в связи с тяжелой обстановкой, сложившейся с 22 июня в приграничной зоне, 9-й мехкорпус не получил ни одной машины из приписанных по плану мобилизации; она, кстати, была объявлена уже в момент выступления корпуса в боевой поход.)

И самое тревожное обстоятельство — истек май, в разгаре июнь, а мы не получили боевую материальную часть. Учебная техника была на износе, моторы доживали свой срок. Пришлось мне ограничить использование танков для учебных целей из опасения, что мы, танкисты, окажемся на войне вообще без каких бы то ни было танков.

21 июня я проводил разбор командно-штабного ночного корпусного учения. Закончив дела, пригласил командиров дивизий в выходной на рассвете отправиться на рыбалку. Но вечером кому-то из нашего штаба сообщили по линии погранвойск, что на заставу перебежал ефрейтор немецкой армии, по национальности поляк, из Познани, и утверждает: 22 июня немцы нападут на Советский Союз.

Выезд на рыбалку я решил отменить. Позвонил по телефону командирам дивизий, поделился с ними полученным с границы сообщением. Поговорили мы и у себя в штабе корпуса. Решили все держать наготове...

*Восстановленные купюры из авторской рукописи**

Являясь участником первой мировой от ее начала и до конца, а также гражданской войны и Октябрьской социалистической революции, я приобрел богатый практический боевой опыт. Познал, что такое война в полном смысле этого слова. Прилагая много усилий к изучению военного дела, получил достаточно глубокие знания в области тактики, оперативного искусства и стратегии. С юношеских лет увлекался военно-исторической литературой, отображавшей развитие военного искусства, начиная с походов Александра Македонского и римских полководцев и т.п.

Служба в Красной Армии, в войсках, располагавшихся в приграничных районах, многому меня научила. Во всяком случае, имел полное представление обо всех мероприятиях, проводимых в войсках, в задачу которых входило обеспечение (прикрытие) развертывания главных сил на случай войны. Боевая готовность этих войск всегда определялась не днями, а часами.

Для приграничных районов существовал и особый режим, ограничивавший посещение этих районов не проживавшими здесь лицами.

В приграничном районе КОВО в то время происходили невероятные вещи. Через границу проходили граждане туда и обратно. К нам шли желающие перейти на жительство в СССР. От нас уходили не желающие оставаться в пределах Советского Союза. Правда, для прохождения через границу были определены пропускные пункты, но передвижение в приграничной полосе таило в себе много неприятностей для нас.

В этой же полосе свободно разъезжали на автомашинах переодетые в штатскую одежду немецкие офицеры, получившие разрешение нашего правительства на розыск и эксгумацию захороненных якобы здесь немецких военнослужащих.

Нередки были случаи пролетов немецких самолетов. Стрелять по ним было категорически воспрещено. Характерным был случай, происшедший во время полевой поездки. В районе Ровно произвел вынужденную посадку немецкий

* Здесь и далее **курсивом** публикуются восстановленные купюры (изъятия) из авторской рукописи. Для сохранения логики изложения в ряде случаев повторяются ранее опубликованные тексты.

самолет, который был задержан располагавшимися вблизи нашими солдатами. В самолете оказались четыре немецких офицера в кожаных пальто (без воинских знаков). Самолет был оборудован новейшей фотоаппаратурой, уничтожить которую немцам не удалось (не успели). На пленках были засняты мосты и железнодорожные узлы на киевском направлении.

Обо всем этом было сообщено в Москву. Каким же было наше удивление, когда мы узнали, что распоряжением, последовавшим из Наркомата обороны, самолет с этим экипажем приказано было немедленно отпустить в сопровождении (до границы) двух наших истребителей. Вот так реагировал центр на явно враждебные действия немцев.

Довольно внимательно изучая характер действий немецких войск в операциях в Польше и во Франции, я не мог разобраться, каков план действий наших войск в данной обстановке на случай нападения немцев.

Судя по сосредоточению нашей авиации на передовых аэродромах и расположению складов центрального значения в прифронтовой полосе, это походило на подготовку прыжка вперед, а расположение войск и мероприятия, проводимые в войсках, этому не соответствовали.

Даже тогда, когда немцы приступили к сосредоточению своих войск вблизи нашей границы, перебрасывая их с запада, о чем не могли не знать Генеральный штаб и командование КОВО, никаких изменений у нас не произошло. Атмосфера непонятной успокоенности продолжала господствовать в войсках округа...

Стало известно о том, что штаб КОВО начал передислокацию из Киева в Тернополь. Чем это было вызвано, никто нас не информировал. Вообще, должен еще раз повторить, царило какое-то затишье и никакой информации не поступало сверху. Наша печать и радио передавали тоже только успокаивающие сообщения.

Во всяком случае, если какой-то план и имелся, то он явно не соответствовал сложившейся к началу войны обстановке, что и повлекло за собой тяжелое поражение наших войск в начальный период войны.

Около четырех часов утра 22 июня дежурным по штабу мне была вручена телефонограмма из штаба 5-й армии с распоряжением о вскрытии особо секретного оперативного пакета, хранившегося в штабе корпуса. В пакете имелась

директива, в которой указывалось о немедленном приведении корпуса в боевую готовность и выступлении в направлении Ровно, Луцк и далее.

К началу войны наш корпус был укомплектован людским составом почти полностью, но не обеспечен основной материальной частью: танками и мототранспортом. Обеспеченность этой техникой не превышала 30 процентов положенного по штату количества. Техника была изношена и для длительных действий непригодна. Проще говоря, корпус как механизированное соединение для боевых действий при таком состоянии был небоеспособным. Об этом не могли не знать как штаб КОВО, так и Генеральный штаб.

Неясность обстановки заставила нас в соответствии с положением о походном движении в предвидении возможной встречи с противником организовать разведку и охранение. Вызывало недоумение то обстоятельство, что в воздухе с момента объявления тревоги и на походе мы не видели нашей авиации, в то время как немецкая появлялась довольно часто. Преимущественно это были бомбардировщики, проходившие над нами на большой высоте и без сопровождения истребителей.

О причинах этого мы вскоре узнали при виде разбитых и сожженных немецкой авиацией наших самолетов, так неразумно сосредоточенных на аэродромах, расположенных в приграничной полосе.

Совершив в первый день 50-километровый переход, основная часть корпуса, представлявшая собой пехоту, выбилась совершенно из сил и потеряла всякую боеспособность. Нами не было учтено то обстоятельство, что пехота, лишенная какого бы то ни было транспорта, вынуждена на себе нести помимо личного снаряжения ручные и станковые пулеметы, диски и ленты к ним, 50-мм и 82-мм минометы и боеприпасы.

Это обстоятельство вынудило сократить переходы для пехоты до 30—35 км, что повлекло за собой замедление и выдвижение вперед 35-й и 20-й так называемых танковых дивизий.

Мотострелковая дивизия, имевшая возможность принять свою пехоту, хотя и с большой перегрузкой, на автотранспорт и танки, следовала нормально к месту назначения и 22 июня, к исходу дня, оторвавшись на 50 км вперед, достигла района Ровно.

Учитывая это, мы решили со штабом корпуса выдвинуться вперед на направление движения 35 тд, с тем чтобы проследить переправу последней через реку Горынь южнее Ровно. Начальник штаба генерал-майор А.Г. Маслов отдал распоряжение о подготовке командного пункта, для чего вперед выслал взвод саперов на машинах.

Прихватив с собой батарею 85-мм пушек, предназначавшуюся для противотанковой обороны, двинулись вперед к месту предполагаемого расположения КП. Дорога пролегала через огромный массив буйно разросшихся хлебов, достигавших высотой роста человека. И вот мы стали замечать, как то в одном, то в другом месте, в гуще хлебов, появлялись в одиночку, а иногда и группами странно одетые люди, которые при виде нас быстро скрывались. Одни из них были в белье, другие — в нательных рубашках и брюках военного образца или в сильно поношенной крестьянской одежде и рваных соломенных шляпах. Эти люди, естественно, не могли не вызвать подозрения, а потому, приостановив движение штаба, я приказал выловить скрывавшихся и разузнать, кто они. Оказалось, что это были первые так называемые выходцы из окружения, принадлежавшие к различным воинским частям. Среди выловленных, а их набралось порядочное количество, обнаружилось два красноармейца из взвода, посланного для оборудования нашего КП.

Из их рассказа выяснилось, что взвод, следуя к указанному месту, наскочил на группу немецких танков, мотоциклистов и пехоты на машинах, был внезапно атакован и окружен. Нескольким бойцам удалось бежать, а остальные якобы погибли. Другие опрошенные пытались всячески доказать, что их части разбиты и погибли, а они чудом спаслись и, предполагая, что оказались в глубоком тылу врага, решили, боясь плена, переодеться и пытаться прорваться к своим войскам.

Ну а их маскарад объяснялся просто. Те, кто сумел обменять у местного населения обмундирование на штатскую одежду, облачились в нее, кому это не удалось, остались в одном нательном белье. Страх одолел здравый смысл, так как примитивная хитрость не спасала от плена, ведь белье имело на себе воинские метки, а враг был не настолько наивен, чтобы не заметить их. Впоследствии мы видели трупы расстрелянных именно в таком виде — в белье.

Воспевая героическое поведение и подвиги войск, частей и отдельных лиц в боях с врагом, носившие массовый характер, нельзя обойти молчанием и имевшиеся случаи паники, позорного бегства, дезертирства с поля боя и в пути следования к фронту, членовредительства и даже самоубийств на почве боязни ответственности за свое поведение в бою.

Нанесенный врагом неожиданный удар огромными силами и его стремительное продвижение в глубь территории на некоторое время ошеломили наши неподготовленные к этому войска. Они подверглись шоку. Чтобы вывести их из этого состояния, потребовалось длительное время. Растерянности способствовали еще причины военного и политического характера, относившиеся ко времени, отдаленному от начала войны.

Совокупность важных причин и обстоятельств в определенной степени понизила боеспособность войск в моральном отношении, на какой-то период ослабила их устойчивость и упорство, вывела из равновесия особенно те части, которые вступали в бой неорганизованно. А иные неустойчивые элементы совершенно потеряли веру в свои силы, в возможность сопротивления грозному врагу.

Наблюдались случаи, когда даже целые части, попавшие под внезапный фланговый удар небольшой группы вражеских танков и авиации, подвергались панике... Боязнь окружения и страх перед воображаемыми парашютными десантами противника в течение длительного времени были настоящим бичом. И только там, где были крепкие кадры командного и политического состава, люди в любой обстановке дрались уверенно, оказывая врагу организованный отпор.

Нужно сказать и о том, что местная печать (областная, республиканская) и даже в некоторой степени центральная, сообщая о диверсантах, переодетых в форму милиционеров, пограничников, сотрудников НКВД, командиров и т.п., якобы наводнивших страну, и призывая к бдительности, одновременно способствовала распространению ложных слухов и панике. Этим стали пользоваться малодушные люди в войсках.

Как пример приведу случай, имевший место на участке, занимаемом корпусом. На КП корпуса днем был доставлен генерал без оружия, в растерзанном кителе, измученный и выбившийся из сил, который рассказал, что, следуя по заданию штаба фронта в штаб 5-й армии для выяснения

обстановки, увидел западнее Ровно стремглав мчавшиеся на восток одна за другой автомашины с нашими бойцами. Словом, генерал уловил панику и, чтобы узнать причину, породившую ее, решил задержать одну из машин. В конце концов это ему удалось. В машине оказалось до 20 человек. Вместо ответов на вопросы, куда они бегут и какой они части, генерала втащили в кузов и хором стали допрашивать. Затем, недолго думая, объявили переодетым диверсантом, отобрали документы и оружие и тут же вынесли смертный приговор. Изловчившись, генерал выпрыгнул на ходу, скатился с дороги в густую рожь. Лесом добрался до нашего КП.

Случаи обстрела лиц, пытавшихся задержать паникеров, имели место и на других участках. Бегущие с фронта поступали так, видимо, из боязни, чтобы их не вернули обратно. Сами же они объясняли свое поведение различными причинами: их части погибли и они остались одни; вырвавшись из окружения, были атакованы высадившимися в тылу парашютистами; не доезжая до части, были обстреляны в лесу «кукушками» и тому подобное.

Весьма характерен случай самоубийства офицера одного из полков 20 тд. В память врезались слова его посмертной записки. «Преследующее меня чувство страха, что могу не устоять в бою, — извещалось в ней, — вынудило меня к самоубийству».

Случаи малодушия и неустойчивости принимали различные формы. То, что они приобрели не единичный характер, беспокоило командный и политический состав, партийные и комсомольские организации, вынуждало принимать экстренные меры для предотвращения этих явлений.

Для розыска и установления связи с 19 и 22 мк, части которых должны находиться где-то впереди или в стороне от нас, были разосланы разведгруппы, возглавляемые офицерами штаба корпуса, в нескольких направлениях. С одной из таких групп выехал начальник штаба корпуса. Возвратившись, он доложил, что ему удалось на короткое время связаться с начальником штаба фронта генералом М. А. Пуркаевым. Никакой информации о положении на фронте сообщено не было, из чего следовало, что начштаба фронта сам, по-видимому, на то время ничего не знал. Это и понятно, поскольку связь с войсками была нарушена противником с первого часа нападения. Для разрушения

проводной связи он применял мелкие авиабомбы, имевшие приспособление в виде крестовины на стержне. Задевая провода, они мгновенно взрывались. «Бомбочки» пачками сбрасывались с самолетов. Кроме того, провода разрушались и диверсантами, подготовленными для этой цели, возможно, еще до начала войны.

Продолжая движение в район сосредоточения, мы неоднократно наблюдали бомбежку немецкими самолетами двигавшихся по шоссе Луцк — Ровно колонн как войсковых частей, так и гражданского населения, эвакуировавшегося на восток. Беспорядочное движение мчавшихся поодиночке и группами машин больше напоминало паническое бегство, чем организованную эвакуацию. Неоднократно приходилось посылать наряды для наведения порядка и задержания военнослужащих, пытавшихся под разными предлогами (необоснованными) уйти подальше от фронта.

БОИ НАЧАЛИСЬ

коло четырех часов утра 22 июня дежурный офицер принес мне телефонограмму из штаба 5-й армии: вскрыть особый секретный оперативный пакет.

Сделать это мы имели право только по распоряжению Председателя Совнаркома СССР или народного комиссара обороны. А в телефонограмме стояла подпись заместителя начальника оперативного отдела штарма. Приказав дежурному уточнить достоверность депеши в округе, в армии, в Наркомате, я вызвал начальника штаба, моего заместителя по политчасти и начальника особого отдела, чтобы посоветоваться, как поступить в данном случае.

Вскоре дежурный доложил, что связь нарушена. Не отвечают ни Москва, ни Киев, ни Луцк.

Пришлось взять на себя ответственность и вскрыть пакет.

Директива указывала: немедленно привести корпус в боевую готовность и выступить в направлении Ровно, Луцк, Ковель. В четыре часа приказал объявить боевую тревогу, командирам дивизий Н.А. Новикову, Н.В. Калинину и В.М. Черняеву прибыть на мой КП.

Пока войска стягивались на исходное положение, комдивам были даны предварительные распоряжения о маршрутах и времени выступления. Штаб корпуса готовил общий приказ.

Вся подготовка шла в быстром темпе, но спокойно и планомерно. Каждый знал свое место и точно выполнял свое дело.

Затруднения были только с материальным обеспечением. Ничтожное число автомашин. Недостаток горючего. Ограниченное количество боеприпасов. Ждать, пока сверху укажут, что и где получить, было некогда. Неподалеку находились центральные склады с боеприпасами и гарни-

зонный парк автомобилей. Приказал склады вскрыть. Сопротивление интендантов пришлось преодолевать соответствующим внушением и расписками. Кажется, никогда не писал столько расписок, как в тот день.

А.Г. Маслов с утра добивался связи с вышестоящим командованием. Лишь к десяти часам каким-то путем он на несколько минут получил Луцк. Один из работников штаба армии торопливо сказал, что город вторично подвергается бомбежке, связь все время рвется, положение на фронте ему неизвестно.

Почти к этому же времени удалось получить сведения, что Киев бомбили немцы. И тут же связь опять нарушилась.

С командованием округа, которому мы непосредственно подчинялись, связаться никак не могли. От него за весь день 22 июня — никаких распоряжений.

Около одиннадцати часов над нами на большой высоте прошло до двадцати немецких бомбардировщиков. Зенитная артиллерия обстреляла их.

Это еще раз убедило меня в том, что действую правильно, и я все внимание сосредоточил на подготовке войск.

Горючее, боеприпасы, обеспечение порядка в самом городе, охрана воинского имущества, остающегося после ухода войск, забота о семьях комсостава, проверка готовности частей, митинги личного состава — все нужно было успеть сделать в считанные часы. И вместе с тем я уже думал о боях. За долгие годы службы я хорошо узнал, что такое война, и поэтому меня больше всего беспокоило, как встретит свой первый бой наш необстрелянный солдат.

Вот деталь, по которой читатель — представитель нового поколения, — возможно, поймет ход мыслей комкора в первый день так неожиданно начавшейся войны. Выступая в поход по тревоге, я запретил выдавать командирам и сержантам защитного цвета петлицы и знаки различия. Командир должен резко выделяться в боевых порядках. Солдаты должны его видеть. И сам он должен чувствовать, что за его поведением следят, равняются по нему.

В четырнадцать часов 22 июня корпус выступил по трем маршрутам в общем направлении Новоград-Волынский, Ровно, Луцк. Справа по автостраде следовала одной колонной 131-я моторизованная дивизия. Ее вел полковник Н.В. Калинин, хороший боевой командир, из бывших кавалеристов. По расчету времени эта дивизия выдвигалась значительно вперед. Калинин сумел, правда с большой перегрузкой, усадить свою пехоту на автомашины и танки.

Немного грузовиков мы смогли ему подбросить в последний момент.

В центре уступом назад шла 35-я танковая дивизия полковника Н.А. Новикова, опытного танкиста, а левее — 20-я танковая дивизия. Организовали разведку и охранение.

В воздухе с момента объявления тревоги и на походе мы не видели нашей авиации. Немецкие самолеты появлялись довольно часто, это были преимущественно бомбардировщики, проходившие над нами на большой высоте, почему-то без сопровождения истребителей.

Мы вскоре узнали, в чем дело, увидев наши разбитые и сожженные самолеты, так непредусмотрительно сосредоточенные на аэродромах приграничной полосы.

К началу войны 9-й мехкорпус был укомплектован личным составом почти полностью. Не хватало еще вооружения, и обучение людей не было завершено. Но в сложившейся обстановке воевать с этим составом было можно.

Несчастье заключалось в том, что корпус только назывался механизированным. С горечью смотрел я на походе на наши старенькие Т-26, БТ-5 и немногочисленные БТ-7, понимая, что длительных боевых действий они не выдержат. Не говорю уже о том, что и этих танков у нас было не больше трети положенного по штату. Пехота обеих танковых дивизий машин не имела, а поскольку она значилась моторизованной, не было у нее ни повозок, ни коней.

Но, несмотря на трудности, мы сделали все, чтобы собрать в боевой кулак наши силы и дать отпор врагу, честно выполнить свой солдатский долг. Однако, вспоминая минувшее, я могу теперь сказать, что в директиве Генерального штаба не был предусмотрен вариант действий корпуса на тот случай, если война застанет его в стадии формирования, без боевой техники и транспорта. А об этом не следовало забывать. Директива имела в виду полнокровное механизированное соединение, обеспеченное всем для выполнения любой боевой задачи.

Мы были вынуждены с первого же дня вносить необходимые поправки. Жизнь заставляла! Основная масса войск корпуса — по существу, пехота, лишенная конского тягла, — совершила в первый день 50-километровый переход. Для меня это до сих пор — пример выносливости и самоотверженности советского солдата. Но люди совсем выбились из сил. Я видел их в конце этого марша. Пехота вынуждена была нести на себе помимо личного снаряжения

ручные и станковые пулеметы, 50- и 82-миллиметровые минометы и боеприпасы к ним. И в какую жару...

Пришлось сократить переходы до 30—35 километров. Ночью вместе с Новиковым и Черняевым обдумали итоги первого дня и сделали выводы. Дали нашим так называемым танковым дивизиям новый порядок движения. В первом эшелоне — танки с пехотным десантом и частью артиллерии. Этот эшелон двигался скачкообразно, от рубежа к рубежу, отрываясь от пехоты и поджидая ее. Основная масса войск и артиллерии следовала вторым эшелоном в обычном, предусмотренном для пехоты порядке.

Моторизованная дивизия, имея машины, к исходу 22 июня достигла района Ровно, где и остановилась на привал, совершив 100-километровый переход. К этому времени связь штаба корпуса со всеми соединениями была устойчивой, и положение не вызывало беспокойства.

Утром 23 июня полковник Калинин прислал донесение. Командарм М.И. Потапов временно подчинил его дивизию себе и поставил задачу: выйти на реку Стырь, занять к исходу дня оборону по восточному берегу этой реки на участке Жидичи, Луцк, Млынов и не допустить прорыва немцев на восток. Сделано это было через голову командира корпуса.

Из донесения и из других источников смутно вырисовывалась картина событий на луцком направлении. Во всяком случае, стало очевидным, что противнику удалось прорваться через границу и значительно продвинуться вглубь.

Не изменяя походного порядка, главные силы корпуса продолжали 23 июня движение по намеченным маршрутам, усилив разведку на флангах.

Поскольку Калинин был впереди, мы решили выдвинуть на направление 35-й танковой дивизии наш КП. Маслов выслал вперед взвод саперов на машинах, и мы поехали с намерением по пути проследить переправу частей полковника Новикова через реку Горынь южнее Ровно.

Паром не мог обеспечить по времени переправу дивизии. Внесли поправку, распорядившись использовать мост у местечка Гоща. Затем наш штаб двинулся далее. На всякий случай я взял с собой батарею 85-миллиметровых пушек.

К концу дня из рощи, находившейся километрах в трех восточнее Здолбунова, навстречу нам выдвинулись пять немецких танков и три автомашины с пехотой. Штаб подготовился к бою. Батарея развернулась, получив рас-

поряжение открыть огонь прямой наводкой. Немцы, увидев это, не приняли боя и быстро ретировались в лес.

КП пришлось оборудовать несколько севернее.

Положение требовало выяснить обстановку и в зависимости от этого начать действовать, дав войскам возможность хоть немного отдохнуть и привести себя в порядок после форсированных переходов.

Где-то впереди или в стороне от нас должны были находиться части 19-го и 22-го мехкорпусов генералов Н.В. Фекленко и С.М. Кондрусева. Разведгруппы, возглавляемые командирами из штаба корпуса, отправились на поиски. С одной из них на своем неизменном мотоцикле выехал начальник штаба корпуса. В результате мы установили, что Кондрусев выступил в направлении Ковеля и передовыми частями уже ведет бой севернее Луцка. Корпус Фекленко движется на Дубно.

Маслов, вернувшись, доложил, что ему удалось на короткое время связаться с начальником штаба фронта* генералом М.А. Пуркаевым. Тот успел передать, что корпус переходит в подчинение 5-й армии и нам следует сосредоточиться в районе Клевань, Олыка.

Наши части шли вперед. Навстречу по шоссе Луцк — Ровно двигались на восток беспорядочные толпы людей. Над шоссе часто появлялись немецкие самолеты. Они бомбили войска и беженцев.

24 июня 9-й мехкорпус вышел в район сосредоточения и вступил в бой.

131-я мотодивизия, отбросив за Стырь форсировавшие ее передовые части противника, вела бой на рубеже Луцк и южнее, отражая попытки немцев снова переправиться на восточный берег.

35-я танковая дивизия вела бой юго-западнее Клевани, имея перед собой части 13-й немецкой танковой дивизии.

20-я танковая дивизия на рассвете 24-го головным полком с ходу атаковала располагавшиеся на привале в районе Олыка моторизованные части 13-й танковой дивизии немцев, нанесла им большой урон, захватила пленных и много трофеев. Уже в тот день полковник Черняев показал, что обладает качествами настоящего командира. Закрепившись, его дивизия весь день успешно отбивала атаки подходивших танковых частей противника.

---

* Киевский Особый военный округ с первых дней войны был преобразован в Юго-Западный фронт. — *Прим. ред.*

КП корпуса расположился в районе Клевани. На следующий день та же картина — упорные оборонительные бои на рубеже Луцк, Олыка, южнее Клевани с танками и мотопехотой двух немецких дивизий (14-й и 13-й). Противник стремился перехватить дорогу Ровно—Луцк и овладеть Луцком. Наши части героически отразили эти попытки. Лишь к вечеру стало затихать. Немцы тогда ночью не наступали. Закатывалось солнце — и они останавливались на отдых.

26 июня по приказу командарма Потапова корпус нанес контрудар в направлении Дубно. В этом же направлении начали наступать левее нас 19-й, а правее 22-й механизированные корпуса. Никому не было поручено объединить действия трех корпусов. Они вводились в бой разрозненно и с ходу, без учета состояния войск, уже двое суток дравшихся с сильным врагом, без учета их удаленности от района вероятной встречи с противником.

Время было горячее, трудности исключительные, неожиданности возникали везде. Но посмотрим распоряжение фронта, относящееся к тому периоду: «Нанести мощный контрудар во фланг прорвавшейся группе противника, уничтожить ее и восстановить положение». Согласовывалось ли оно с обстановкой на участке, о котором идет речь, не говоря уже о положении, сложившемся к 26 июня на житомирском, владимир-волынском и ровненском направлениях, где немецкие войска наносили свой главный удар? Нет, не согласовывалось. У меня создалось впечатление, что командующий фронтом и его штаб в данном случае просто повторили директиву Генштаба, который конкретной обстановки мог и не знать. Мне думается, в этом случае правильнее было бы взять на себя ответственность и поставить войскам задачу, исходя из положения, сложившегося к моменту получения директивы Генерального штаба.

Корпуса продолжали тяжелые бои с противником, который все усиливал нажим. Кроме действовавших здесь танковых и моторизованных сил он подтянул и пехотные дивизии.

Связь с соседями то и дело прерывалась. Удалось узнать, что 22-й мехкорпус сам был атакован большими вражескими силами, понес потери и отброшен на северо-восток от Луцка. В самом начале боя был убит генерал Кондрусев, в командование вступил начальник штаба В.С. Тамручи. Сосед слева — 19-й корпус — при попытке начать наступ-

ление тоже был атакован противником из района Дубно, отброшен к Ровно, где и вел оборонительный бой.

Вечером к нам на КП пришел очень расстроенный командир танковой дивизии 22-го мехкорпуса с забинтованной рукой. Тон его доклада вынудил меня к довольно резкому разговору:

— Немедленно прекратите разговоры о гибели корпуса! Двадцать второй дерется, я только что говорил с Тамручи. Идите, приступайте к розыску своих частей, присоединяйтесь к ним...

Выехав с группой офицеров штаба на высотку в расположение ведущих бой частей 20-й танковой дивизии, я наблюдал движение из Дубно в сторону Ровно огромной колонны автомашин, танков и артиллерии противника. А с юга к нашему рубежу обороны шли и шли новые колонны гитлеровцев.

Все, что мог сделать командир корпуса, располагая очень небольшим количеством танков, — это опереться на артиллерию. Так я и поступил. Не могу отказать себе в удовольствии вспомнить один яркий момент этих до невозможности трудных боев.

Был опять получен приказ о контрударе. Однако противник настолько превосходил нас, что я взял на себя ответственность не наносить контрудар, а встретить врага в обороне. В тех лесистых, болотистых местах немцы продвигались только по большим дорогам. Прикрыв дивизией Новикова избранный нами рубеж на шоссе Луцк—Ровно, мы перебросили сюда с левого фланга 20-ю танковую с ее артполком, вооруженным новыми, 85-миллиметровыми орудиями. Начальник штаба организовал, а Черняев быстро и энергично осуществил маневр.

Орудия поставили в кюветах, у шоссе, а часть — прямо на дороге.

Немцы накатывались большой ромбовидной группой. Впереди мотоциклисты, за ними бронемашины и танки.

Мы видели с НП, как шли на 20-ю танковую внушительные силы врага. И увидели, что с ними стало. Артиллеристы подпустили фашистов поближе и открыли огонь. На шоссе образовалась чудовищная пробка из обломков мотоциклов и бронемашин, трупов гитлеровцев. Но наступавшие вражеские войска продолжали по инерции двигаться вперед, и наши орудия получали все новые цели.

Враг понес тут большие потери и был отброшен. Полковник Новиков, используя удачу Черняева, двинулся вперед и сумел занять нужные нам высотки.

Н.В. Калинин прислал в штаб корпуса важные показания пленного немецкого полковника, который на допросе сказал:

— Артиллерия ваша превосходна, да и дух русского солдата на высоте...

Мы заставили противника довольно долго по тем временам топтаться на месте. Было ясно, что наша «дерзость» не останется безнаказанной. Так оно и случилось. Над нами появились «юнкерсы». Самолеты шли волнами и бомбили нас нещадно, но, к счастью, безрезультатно: солдаты были укрыты в лесу, пушки и танки поставлены в окопы.

Мне, как командиру корпуса, больше всего доставляло неприятностей отсутствие информации о положении на фронте. Чувство локтя необходимо не только солдату. Оно — в более широком понимании — необходимо и высшему комсоставу действующих войск. Без этого, хочешь или не хочешь, творческая мысль оказывается связанной.

Всю информацию пришлось добывать самим. Работники штаба во главе с генералом Масловым быстро освоились в той, порою казалось — невыносимой, обстановке, в которую мы попали, и смогли обеспечить нас необходимой информацией. Но далось это дорогой ценой: многие штабные офицеры погибли, выполняя задания.

По отдельным сообщениям в какой-то степени удавалось судить о том, что происходит на нашем направлении. Как идут дела на участках других армий Юго-Западного фронта, мы не знали. По-видимому, генерал Потапов был не в лучшем положении. Его штаб за все время, что я командовал 9-м мехкорпусом, ни разу не смог помочь нам в этом отношении. К тому же и связь с ним чаще всего отсутствовала.

Полезные данные были получены при опросе пленных, а их наши дивизии взяли уже несколько сотен человек — как солдат, так и офицеров. Среди них был и захваченный артиллеристами Черняева полковник, у которого оказались ценные документы и карты. Они помогли нам лучше представить обстановку.

Картина была неутешительной. Немцам удалось внезапным ударом заранее сосредоточенных крупных сил прорваться на стыке 5-й и 6-й наших армий. В прорыв вошли танковые и моторизованные соединения. Эти войска раз-

вивали успех, стремясь быстрее продвинуться на житомирском направлении.

Главный удар противника пришелся южнее нас. Описывая военные события в районе Луцка и гордясь мужеством и умелыми действиями вверенных мне войск, я все же откровенно скажу: трудно представить, как бы мы выглядели, окажись под воздействием вражеских сил на направлении главного удара.

Нам тоже было нелегко. Командир 131-й мотодивизии донес, что пехота и танки противника отбросили его полки, оборонявшиеся на рубеже реки Стырь, и на широком фронте форсировали реку. Напрашивался вывод, что враг наращивает силы и на нашем направлении и готовит здесь более мощный танковый удар.

Дивизии наши поредели. Но бойцы и командиры из необстрелянных стали обстрелянными. Значение этого нельзя недооценивать. Они на личном опыте убедились, что «немцев, как и японцев, бить можно» (это выражение одного танкиста из 35-й танковой дивизии; я поинтересовался — при чем тут японцы? Оказывается, он помнил Халхин-Гол). Словом, люди стали сильнее.

Во время тяжелых боев мы нашли и необычный источник пополнения: в лесах близ Клевани бродило тогда немало бойцов, потерявших свои части. Мы собирали их и направляли в наши пехотные полки. Многие из этих бойцов отлично проявили себя затем в боях...

Немцы бросали против 9-го мехкорпуса все новые силы. Упорные бои продолжались до 29 июня. Противнику не удалось перехватить дорогу Ровно—Луцк на направлении Клевани, не удалось ему и вообще прорвать оборону войск 5-й армии. Правда, он смог вводом дополнительных сил потеснить правый фланг армии на участке Ковель, Луцк и форсировать реку Стырь. Но этим немцы не избавили себя от угрозы со стороны наших войск, то есть 5-й армии и приданных ей мехкорпусов, нависавших с севера над флангом основной немецкой группировки, устремившейся на Житомир. Эта угроза сильно беспокоила вражеское командование. Отсюда — непрерывные атаки, все более мощные, с целью ее ликвидировать.

30 июня для наших войск создались серьезные трудности на житомирско-киевском направлении, вследствие чего 5-я армия начала отход на рубеж старых укрепрайонов. К нашему огорчению, состояние старых УРов не улучшилось. Соединения корпуса, отражая атаки наседавшего против-

ника, отходили от рубежа к рубежу, применяя методы «подвижной обороны».

У Новоград-Волынского корпус, отбив врага, занял оборону по реке Случь, оседлав дорогу на Житомир.

Немецкие танковые и моторизованные соединения были оснащены техникой, которая превосходила по своим качествам наши устаревшие машины Т-26 и БТ.

После форсированных переходов и десятидневных боев у нас и этих устаревших танков оставались единицы (насколько мне известно, не лучше было и в 19-м и в 22-м мехкорпусах). Несмотря на столь плачевное положение с материальной частью и понесенные в боях потери, корпус продолжал упорно сражаться.

Командиры дивизий полковник Н.В. Калинин, полковник Н.А. Новиков и полковник В.М. Черняев оказались на высоте в этих первых боях. В обстановке исключительно сложной они с честью справились со своими трудными обязанностями. Сказались глубокие знания, творческая инициатива, решительность, умение не колеблясь брать на себя ответственность, когда этого требовала резко меняющаяся обстановка. Командиру корпуса было легко работать с такими замечательными офицерами, хотя слово «легко» кажется неподходящим для тех дней.

Помнится, когда еще корпус дрался в районе Клевани и помешал немцам перерезать шоссе, удалось как-то собраться накоротке. Впервые после начала войны встретились все вместе — командование корпуса и командиры дивизий. Дружеские объятия. Расцеловались. Живы. И воюем. К сожалению, с некоторыми из моих славных соратников по 9-му мехкорпусу эта встреча была последней. Вскоре после боев под Клеванью мы потеряли прекрасного офицера полковника В.М. Черняева. Он был тяжело ранен. И хотя нам удалось эвакуировать его в харьковский госпиталь, Черняев скончался там от гангрены. Боевые друзья хранят о нем светлую память.

Ни огромное превосходство противника в танках, ни широкое использование им авиации, которая беспрепятственно бомбила наши боевые порядки, особенно там, где враг наносил удар, не сломили упорства корпуса. Гитлеровцы не смогли разгромить нас. Им удалось лишь потеснить наши войска, да и то ценой огромных потерь.

Сочетая усилия пехоты, артиллерии и незначительного количества танков, комбинируя их действия, мы стремились нанести противнику как можно больший урон. И это

нам удавалось на протяжении всех боев под Луцком и под Новоград-Волынским. За отличия в этих боях все командиры дивизий 9-го мехкорпуса, многие командиры полков и другие командиры и политработники были отмечены правительственными наградами. Получил орден и наш неутомимый начальник штаба. Я был также награжден четвертым орденом Красного Знамени.

В разгар боев под Новоград-Волынским, где немцы пытались отбросить наш корпус на северо-восток, обеспечивая себе продвижение к Киеву, пришло распоряжение Ставки. Меня назначали командующим армией на Западный фронт. Было приказано немедленно прибыть в Москву.

Сдав командование генералу А.Г. Маслову, 14 июля на машине отправился в Киев. Приехал туда поздним вечером. Крещатик, обычно в эти часы заполненный народом, был пуст, молчалив и погружен в темноту.

На восточном берегу Днепра, в Броварах, разыскал КП фронта. Остаток ночи провел в штабе, договорившись утром вылететь самолетом в Москву.

Утром представился командующему Юго-Западным фронтом генерал-полковнику М.П. Кирпоносу. Он был заметно подавлен, хотя и старался сохранить внешнее спокойствие. Я считал своим долгом информировать командующего о том, какова обстановка в полосе 5-й армии. Он слушал рассеянно. Мне пришлось несколько раз прерывать доклад, когда генерал по телефону отдавал штабу распоряжения. Речь шла о «решительных контрударах» силами то одной, то двух дивизий. Я заметил, что он не спрашивал при этом, могут ли эти дивизии контратаковать. Создавалось впечатление, что командующий не хочет взглянуть в лицо фактам.

А немцы раскалывали войска Юго-Западного фронта в центре, стремительно продвигаясь к Киеву. Появилась угроза окружения 6, 26 и 12-й армий.

15 июля я покинул Киев, получив предварительно сведения, что на Западном фронте тоже неблагополучно — немцы подходят к Смоленску.

По дороге в Москву невольно снова и снова перебирал в памяти все, что пришлось увидеть и пережить накануне и в первые недели войны. Мне уже тогда стали известны многочисленные примеры невиданной стойкости наших солдат. Подлинный героизм проявили гарнизоны Бреста, Либавы. С беззаветной храбростью дрались многие наши части и соединения. И все же было ясно, что приграничное

сражение нами проиграно. Остановить врага теперь можно будет не подбрасыванием разрозненных частей и соединений к расшатанному фронту, а созданием где-то в глубине нашей территории сильной группировки, способной не только противостоять мощной военной машине противника, но и нанести ему сокрушительный удар.

На первый план выдвигалась задача задержать, остановить врага. Это был вопрос жизни или смерти для всей страны.

В разгаре было Смоленское оборонительное сражение, и мне выпала честь стать его участником на завершающем этапе.

* * *

26 июня я выехал с группой офицеров штаба на одну из высот в расположение ведущих бой частей 20-й танковой дивизии. Отсюда наблюдали движение из Дубно в сторону Ровно огромной колонны машин, танков и артиллерии противника. Одновременно с ней с юга в направлении действий наших 20 и 35 тд подходили танковые, моторизованные и пехотные части с артиллерией. Не менее тревожное сообщение поступило от командира 131 мд. Он доносил, что противник (пехота с танками) отбросил части дивизии, оборонявшиеся на рубеже реки Стырь, и на широком фронте форсировал реку. Следовательно, на направлении, где действовал наш корпус, можно было ожидать удара более крупными силами.

Нужно заметить, что к этому времени, о котором упоминаю, с информацией войск о положении на фронте дело обстояло из рук вон плохо. Информацию приходилось добывать самим. И если о событиях на нашем направлении удавалось более-менее узнавать и догадываться, то о происшедшем или происходящем на участке других армий Юго-Западного фронта мы ничего не знали. По-видимому, и штаб 5-й армии тоже ничего не знал, ибо он нас не информировал. Связь корпуса со штабом 5-й армии чаще всего отсутствовала, а с соседями периодически прекращалась.

Нам стало известно, что 22 мк атакован противником, понес большие потери и отброшен на северо-восток от Луцка. Сосед слева, 19 мк, при попытке перейти в наступление тоже атакован противником и, понеся большие потери, отброшен к Ровно, где продолжает вести бой.

К вечеру 25 июня на КП нашего корпуса в районе Клевани прибыл пешком командир танковой дивизии 22 мк, насколько мне память не изменяет, генерал-майор Семенченко в весьма расстроенном состоянии, с забинтованной кистью правой руки. Он сообщил, что его дивизия полностью разбита. Ему же удалось вырваться, но, отстреливаясь из револьвера, он был настигнут немецким танком. Сумел увернуться, упал, при этом его рука попала под гусеницу танка.

Вскоре здесь оказался и один из комиссаров полка этого же корпуса, сообщивший о гибели генерала Кондрусева и о том, что их корпус разбит. Упаднический тон и растерянность комдива и комиссара полка вынудили меня довольно внушительно посоветовать им немедленно прекратить разглагольствования о гибели корпуса, приступить к розыску своих частей и присоединиться к ним.

А накануне в районе той же Клевани мы собрали много горе-воинов, среди которых оказалось немало и офицеров. Большинство этих людей не имели оружия. К нашему стыду, все они, в том числе и офицеры, спороли знаки различия.

В одной из таких групп мое внимание привлек сидящий под сосной пожилой человек, по своему виду и манере держаться никак не похожий на солдата. С ним рядом сидела молоденькая санитарка. Обратившись к сидящим, а было их не менее сотни человек, я приказал офицерам подойти ко мне. Никто не двинулся. Повысив голос, я повторил приказ во второй, третий раз. Снова в ответ молчание и неподвижность. Тогда, подойдя к пожилому «окруженцу», велел ему встать. Затем, назвав командиром, спросил, в каком он звании. Слово «полковник» он выдавил из себя настолько равнодушно и вместе с тем с таким наглым вызовом, что его вид и тон буквально взорвали меня. Выхватив пистолет, я был готов пристрелить его тут же, на месте. Апатия и бравада вмиг схлынули с полковника. Поняв, чем это может кончиться, он упал на колени и стал просить пощады, клянясь в том, что искупит свой позор кровью. Конечно, сцена не из приятных, но так уж вышло.

Полковнику было поручено к утру собрать всех ему подобных, сформировать из них команду и доложить лично мне утром 26 июня. Приказание было выполнено. В собранной команде оказалось свыше 500 человек. Все они были использованы для пополнения убыли в моторизованных частях корпуса.

В разгар боев под Новоград-Волынским и юго-восточнее его мною было получено распоряжение Ставки о назначении

меня командующим армией Западного фронта и о немедленном прибытии в Москву.

14 июля я отправился на машине в Киев.

В город прибыл ночью и поразился безлюдью и царившей в нем зловещей тишине.

Крещатик, обычно в это время кишевший народом, оглашавшийся громкими разговорами, шумом, смехом и сияющий огнями витрин, был пуст, молчалив и погружен в темноту. Ни одной живой души не видно на улицах. Остановив машину для того, чтобы узнать, где можно найти штаб фронта, я закурил папиросу. И тут же из мрака на меня обрушилось: «Гаси огонь!..», «Что, жизнь тебе надоела?..», «Немедленно гаси!..». Раздались и другие слова, уже покрепче. Это, должен сознаться, меня сильно удивило. Уж очень истерические были голоса. Это походило уже не на разумную осторожность, а на признаки панического страха. Что ж, пришлось покориться и быстро потушить папиросу.

КП фронта оказался в Броварах, на восточном берегу Днепра. Остаток ночи я провел в штабе фронта, а утром представился командующему фронтом генерал-полковнику М.П. Кирпоносу. Меня крайне удивила его резко бросающаяся в глаза растерянность. Заметив, видимо, мое удивление, он пытался напустить на себя спокойствие, но это ему не удалось. Мою сжатую информацию об обстановке на участке 5-й армии и корпуса он то рассеянно слушал, то часто прерывал, подбегая к окну с возгласами: «Что же делает ПВО?.. Самолеты летают, и никто их не сбивает... Безобразие!» Тут же приказывал дать распоряжение об усилении активности ПВО и о вызове к нему ее начальника. Да, это была растерянность, поскольку в сложившейся на то время обстановке другому командующему фронтом, на мой взгляд, было бы не до ПВО.

Правда, он пытался решать и более важные вопросы. Так, несколько раз по телефону отдавал распоряжения штабу о передаче приказаний кому-то о решительных контрударах. Но все это звучало неуверенно, суетливо, необстоятельно. Приказывая бросать в бой то одну, то две дивизии, командующий даже не интересовался, могут ли названные соединения контратаковать, не объяснял конкретной цели их использования. Создавалось впечатление, что он или не знает обстановки, или не хочет ее знать.

В эти минуты я окончательно пришел к выводу, что не по плечу этому человеку столь объемные, сложные и ответственные обязанности, и горе войскам, ему вверенным. С

таким настроением я покинул штаб Юго-Западного фронта, направляясь в Москву. Предварительно узнал о том, что на Западном фронте сложилась тоже весьма тяжелая обстановка: немцы подходят к Смоленску. Зная командующего Западным фронтом генерала Д.Г. Павлова еще задолго до начала войны (в 1930 г. он был командиром полка в дивизии, которой я командовал), мог заранее сделать вывод, что он пара Кирпоносу, если даже не слабее его.

В дороге невольно стал думать о том, что же произошло, что мы потерпели такое тяжелое поражение в начальный период войны.

Конечно, можно было предположить, что противник, упредивший нас в сосредоточении и развертывании у границ своих главных сил, потеснит на какое-то расстояние наши войска прикрытия. Но где-то, в глубине, по реальным расчетам Генерального штаба, должны успеть развернуться наши главные силы. Им надлежало организованно встретить врага и нанести ему контрудар. Почему же этого не произошло?..

Приходилось слышать и читать во многих трудах военного характера, издаваемых у нас в послеоктябрьский период, острую критику русского генералитета, в том числе и русского Генерального штаба, обвинявшегося в тупоумии, бездарности, самодурстве и пр. Но, вспоминая начало первой мировой войны и изучая план русского Генерального штаба, составленный до ее начала, я убедился в обратном.

Тот план был составлен именно с учетом всех реальных особенностей, могущих оказать то или иное влияние на сроки готовности, сосредоточения и развертывания главных сил. Им предусматривались сравнительные возможности России и Германии быстро отмобилизоваться и сосредоточить на границе свои главные силы. Из этого исходили при определении рубежа развертывания и его удаления от границы. В соответствии с этим определялись также силы и состав войск прикрытия развертывания. По тем временам рубежом развертывания являлся преимущественно рубеж приграничных крепостей. Вот такой план мне был понятен.

Какой же план разработал и представил правительству наш Генеральный штаб? Да и имелся ли он вообще?..

Мне остро захотелось узнать, где намечался рубеж развертывания. Предположим, что раньше он совпадал с рубежом наших УРов, отнесенных на соответствующее расстояние от старой границы. Это было реально. Но мог ли этот рубеж сохранить свое назначение и в 1941 году? Да, мог,

поскольку соседом стала фашистская Германия. Она уже вела захватническую войну, имея полностью отмобилизованными свои вооруженные силы.

Кроме того, необходимость заставляла учитывать такой важный фактор, как оснащение вооруженных сил новой техникой и вообще новыми средствами, чего не было в прежних армиях. Ведь он обусловил и новый характер ведения войны. К примеру, значительно увеличилась подвижность, а стало быть, и маневренность войск на театре военных действий.

Не прибегая к мобилизации, мы обязаны были сохранять и усиливать, а не разрушать наши УРы по старой границе. Неуместной, думаю, явилась затея строительства новых УРов на самой границе на глазах у немцев. Кроме того, что допускалось грубейшее нарушение существующих по этому вопросу инструкций, сама по себе общая обстановка к весне 1941 года подсказывала, что мы не успеем построить эти укрепления. Долгом Генерального штаба было доказать такую очевидность правительству и отстоять свои предложения.

Вспомнилась окружная полевая поездка в июне 1941 года, то есть накануне войны, и беседы со многими товарищами, которые здраво оценивали положение, создавшееся к тому времени. Мы сходились во мнении, что немцы развязали себе руки на западе, готовы к использованию своего преимущества для нападения на СССР. Но неужели это не чувствовали военные руководители центрального и окружного масштаба? Ну, допустим, Генеральный штаб не успел составить реальный план на начальный период войны в случае нападения фашистской Германии. Чем же тогда объяснить такую преступную беспечность, допущенную командованием округа (округами пограничными)? Из тех наблюдений, которые я вынес за период службы в КОВО и которые подтвердились в первые дни войны, уже тогда пришел к выводу, что ничего не было сделано местным командованием в пределах его прав и возможностей, чтобы достойно встретить врага.

На мою долю выпала честь всю свою службу в Красной Армии провести в приграничных округах: на Дальнем Востоке, в Забайкалье, в БВО и ЛВО. Это дало мне возможность глубоко изучить задачи, возлагаемые на приграничные войска, а также положения, обязывающие их поддерживать постоянную повышенную боевую готовность, способность в течение нескольких часов приступить к активным дейст-

виям. Соответственно определялась и дислокация войск в мирное время. Кроме того, на период угрожающего положения войска выводились в предусмотренные заблаговременно районы. Все эти вопросы тщательно отрабатывались на военных играх и в полевых поездках в окружном масштабе с высшим командным составом. Примерно такая же подготовка велась с командирами в корпусах и дивизиях... Велась, но только не в КОВО. Потому-то войска этого округа с первого же дня войны оказались совершенно не подготовленными к встрече врага. Их дислокация у нашей границы не соответствовала угрозе возможного нападения. Многие соединения не имели положенного комплекта боеприпасов и артиллерии, последнюю вывезли на полигоны, расположенные у самой границы, да там и оставили.

То, что произошло 22 июня, не предусматривалось никакими планами, поэтому войска были захвачены врасплох в полном смысле этого слова. Потеря связи штаба округа с войсками усугубила тяжелое положение.

Совершенно иначе протекали бы события, если бы командование округа оказалось на высоте положения и предпринимало своевременно соответствующие меры в пределах своих полномочий, проявляя к этому еще и собственную инициативу, а также смелость взять на себя ответственность за проведение мероприятий, диктуемых создавшейся у границы обстановкой. А этого сделано не было. Все ожидали указаний свыше.

Могу о том судить хотя бы по содержанию оперативного пакета, который был мною вскрыт в первый день войны. Содержание его подгонялось под механизированный корпус, закончивший период формирования и обеспеченный всем, что положено иметь ему как боевому соединению. А поскольку он находился только в первой, то есть начальной, стадии формирования, то как Генеральным штабом, так и командованием округа должно было быть предусмотрено и его соответствующее место на случай войны. Но в таком состоянии оказался не только 9 мк, но и 19-й, 22-й да и другие, кроме 4-го и 8-го, которые начали формирование значительно раньше и были более-менее способны вступить в бой. Они к тому же имели в своем составе и новые танки Т-34 и КВ.

Сохранение трех упомянутых корпусов (всего таких в КОВО имелось пять) сыграло бы решающую роль в нанесении последующего контрудара совместно с подходившими из глубины страны общевойсковыми армиями. А так они из-за

слабого оснащения танками представляли собой плохие пехотные соединения, к тому же не имели и положенного стрелковому соединению вооружения. В то же время задачи им ставились исходя из их предназначения, то есть формального названия, а не из возможностей.

Но о чем думали те, кто составлял подобные директивы, вкладывая их в оперативные пакеты и сохраняя за семью замками? Ведь их распоряжения были явно нереальными. Зная об этом, они все же их отдавали, преследуя, уверен, цель оправдать себя в будущем, ссылаясь на то, что приказ для «решительных» действий таким-то войскам (соединениям) ими был отдан. Их не беспокоило, что такой приказ — посылка мехкорпусов на истребление. Погибали в неравном бою хорошие танкистские кадры, самоотверженно исполняя в боях роль пехоты.

Даже тогда, когда совершенно ясно были установлены направления главных ударов, наносимых германскими войсками, а также их группировка и силы, командование округа оказалось неспособным взять на себя ответственность и принять кардинальное решение для спасения положения, сохранить от полного разгрома большую часть войск, оттянув их в старый укрепленный район.

Уж если этого не сделал своевременно Генеральный штаб, то командование округа обязано было это сделать, находясь непосредственно там, где развертывались эти трагические события.

Роль командования округа свелась к тому, что оно слепо выполняло устаревшие и не соответствующие сложившейся на фронте и быстро менявшейся обстановке директивы Генерального штаба и Ставки. Оно последовательно, нервозно и безответственно, а главное, без пользы пыталось наложить на бреши от ударов главной группировки врага непрочные «пластыри», то есть неподготовленные соединения и части. Между тем заранее знало, что такими «пластырями» остановить противника нельзя: не позволяли ни время, ни обстановка, ни собственные возможности. Организацию подобных мероприятий можно было наладить где-то в глубине территории, собрав соответствующие для проведения этих мероприятий силы. А такими силами округ обладал, но они вводились в действие и истреблялись по частям.

Я уже упоминал выше о тех распоряжениях, которые отдавались командующим фронтом М.П. Кирпоносом в моем присутствии и которые сводились к тому, что под удары

организованно наступающих крупных сил врага подбрасывались по одной-две дивизии. К чему это приводило? Ответ может быть один — к истреблению наших сил по частям, что было на руку только противнику.

Вспоминая в дороге все, что мне пришлось видеть, ощущать и узнать в первые недели войны, я никак не мог разобраться, что же происходит.

Ведь элементарные правила тактики, оперативного искусства, не касаясь уже стратегии, гласят о том, что, проиграв сражение или битву, войска должны стремиться к тому, чтобы, прикрываясь частью сил, оторваться основными силами от противника, не допустив их полного разгрома. Затем с подходом из глубины свежих соединений и частей организовать надежную оборону и в последующем нанести поражение врагу.

НА ЯРЦЕВСКИХ ВЫСОТАХ

так, несколько часов в Москве. Ставка. Здесь мне было сказано, что на смоленском направлении «образовалась пустота» в результате высадки противником крупного воздушного десанта под Ярцево. Задача: прикрыть это направление и не допустить продвижения немцев в сторону Вязьмы.

Узнал я, что Ставка и командование Западного фронта, учитывая значение днепровского рубежа, спланировали создать в районе Ярцево сильную подвижную группу в составе двух-трех танковых и одной стрелковой дивизий. Предполагалось, что ее активные наступательные действия, поддержанные частями 16-й и 20-й армий, смогут привести к резкому улучшению оперативной обстановки и позволят удержать Смоленск. Вот меня и ставили во главе этой группы. На вопрос, какие и откуда будут выделены войска в мое распоряжение, мне назвали несколько дивизий и полков и разрешили подчинять себе все, что встретим по дороге от Москвы до Ярцево.

Более конкретные указания мне следовало получить у командующего фронтом.

Генеральный штаб выделил в мое распоряжение две автомашины со счетверенными зенитными пулеметными установками и расчетами при них, радиостанцию и небольшую группу командиров. К вечеру того же дня новое «соединение» прибыло на фронт. Командный пункт маршала С.К. Тимошенко располагался в Касне. Пошел представиться и уточнить задачу. Маршал встретил приветливо, познакомил меня с членом Военного совета фронта Н.А. Булганиным и начальником политуправления Д.А. Лестевым.

У командования фронта сложилось определенное мнение: центральная группа армий противника, продолжая

наступление, использует крупные танковые и моторизованные соединения; они на некоторых участках прорвали фронт и стремятся в глубину, чтобы окружить и уничтожить наши войска под Смоленском. Полагая, что силы Красной Армии уже достаточно ослаблены и не смогут оказать серьезного сопротивления на московском стратегическом направлении, гитлеровское командование решило одним ударом преодолеть здесь последнюю преграду. 2-я и 3-я танковые группы противника, не дожидаясь подхода 9-й и 2-й полевых армий, должны были рассечь на нескольких направлениях войска нашего Западного фронта, окружить и уничтожить их главные силы в районе Смоленска и открыть себе дорогу на Москву.

В соответствии с этим и организовывалась борьба наших немногочисленных сил.

В первом оперативном эшелоне на смоленском и витебском направлениях действовали 20-я армия генерала П.А. Курочкина и 19-я армия генерала И.С. Конева.

Курочкину, по словам командующего фронтом, было крайне тяжело. Его войска уже долго вели оборонительные бои с врагом, намного превосходившим их и в людях и в технике. 20-ю армию время от времени удавалось подкреплять за счет прибывавших частей 16-й армии, в частности так был введен в бой — и тоже разрозненно — 5-й мехкорпус И.П. Алексеенко.

Конев со своими соединениями по мере их выгрузки пытался овладеть Витебском, куда уже ворвался враг, но безуспешно. Массированные удары немецкой авиации по атакующим частям срывали все эти попытки, вынуждали к отходу.

М.Ф. Лукин пока еще держал Смоленск, и, видимо, С.К. Тимошенко был уверен в его непоколебимости, хотя у командующего 16-й армией к этому времени осталось всего две стрелковые дивизии. Но это были прекрасные соединения — кадровые забайкальские дивизии, закалку и традиции которых трудно переоценить. Мне запомнились слова, услышанные в штабе фронта: «Лукин сидит в мешке и уходить не собирается». Горловину мешка в районе соловьевской и ратчиновой переправ через Днепр немцы всячески пытались перехватить. Там действовал сводный отряд полковника А.И. Лизюкова, которому ввиду важности дела командующий фронтом лично поставил задачу обеспечить пути подвоза всего необходимого борющимся

под Смоленском войскам, а в случае надобности — и пути их отхода.

— Лизюков — надежный командир, — сказал маршал. — Недавно я посылал Льва Доватора проверить, как там у него дела. Он вернулся в восторге, даже предложил отметить Лизюкова наградой, а я Доватору верю...

Здесь я впервые услышал о Л.М. Доваторе, который в то время состоял в резервной группе офицеров при командующем фронтом. Вскоре он получил кавалерийский корпус, и отсюда начался славный боевой путь этого генерала в Великой Отечественной войне.

В штабе фронта я ознакомился с данными на 17 июля. Работники штаба не очень-то были уверены, что их материалы точно соответствуют действительности, поскольку с некоторыми армиями, в частности с 19-й и 22-й, не было связи. Поступили сведения о появлении в районе Ельни каких-то крупных танковых частей противника. Данные о высадке воздушного десанта в Ярцево имелись, но они еще не были проверены.

Ночью я выехал в Ярцево. На прощание командующий фронтом сказал:

— Подойдут регулярные подкрепления — дадим тебе две-три дивизии, а пока подчиняй себе любые части и соединения для организации противодействия врагу на ярцевском рубеже.

Мы и стали это делать сразу, собирая на пути в Ярцево всех, кто мог быть полезен для борьбы.

В короткое время собрали порядочное количество людей. Были здесь пехотинцы, артиллеристы, связисты, саперы, пулеметчики, минометчики, медицинские работники... В нашем распоряжении оказалось немало грузовиков. Они нам очень пригодились...

Так началось в процессе боев формирование в районе Ярцево соединения, получившего официальное название «группа генерала Рокоссовского».

Для управления был буквально на ходу сформирован штаб из пятнадцати—восемнадцати офицеров. Десять из них окончили академию имени М.В. Фрунзе и находились в распоряжении отдела кадров Западного фронта. Я заметил, что они с охотой приняли назначение. Какой офицер — если это настоящий офицер! — не стремится в трудные моменты в войска, чтобы именно там применить свои способности и знания! В числе этих товарищей был подполковник Сергей Павлович Тарасов. Он стал началь-

ником нашего импровизированного штаба, он же возглавил и оперативный отдел. Как говорят, «и швец, и жнец...». Сухощавый, выносливый, со спортивной закалкой, не раз выручавшей его в горячие минуты боя, подполковник в самой сложной ситуации мог сохранять ясность мысли. Руководителю штаба все-таки нужно немного тишины. А наш штаб работал под огнем, находясь там, где создавалось наиболее угрожаемое положение. Казалось, никаких условий для штабной работы!..

Условий не было. А штаб все-таки был — штаб на колесах: восемь легковых автомобилей, радиостанция и два грузовика со счетверенными зенитными пулеметными установками. Прибыв под Ярцево, штаб быстро сориентировался в обстановке, установил связь с частями, оказавшимися в этом районе, и приступил к организации обороны. Бывало, подполковник срывался:

— Все шиворот-навыворот, черт знает зачем нас учили!.. Обычно даешь связь сверху вниз, а тут ездишь и клянчишь в частях: дайте конец на КП командующего...

Скудость средств вынуждала нас протягивать провода почти по переднему краю вдоль фронта. Отсюда частые порывы. Выручали нас «офицеры на колесах». Да, живая связь тогда решала почти все, особенно в первые десять дней.

К достоинствам офицеров управления отнесу глубокое понимание важности возложенной на них задачи, смелость, доходившую до самопожертвования, а также способность быстро разбираться в запутанной обстановке и проявлять инициативу. Не раз я в мыслях добром поминал академию имени Фрунзе, подготовившую этих товарищей.

И самому командующему группой войск тоже приходилось работать у переднего края, переезжая с одного участка на другой.

Первым соединением, которое мы встретили восточнее Ярцево, оказалась 38-я стрелковая дивизия полковника М.Г. Кириллова. Он был уже в возрасте и опытен. Дивизия эта принадлежала 19-й армии, воевала и потеряла при отходе связь со штармом. Кириллов, почувствовав неожиданный нажим немцев у Ярцево, занял, как мог, оборону. Поскольку мне еще в Касне стало известно, что связи с И.С. Коневым нет, я использовал 38-ю дивизию для отпора противнику непосредственно у Ярцево, которое было уже в руках врага.

Командир дивизии обрадовался, что он наконец-то не один. Мы пополнили его полки собранными в дороге людьми. Нужно сказать, что такого пополнения с каждым днем становилось все больше. Узнав, что в районе Ярцево и по восточному берегу реки Вопь находятся части, оказывающие сопротивление немцам, люди уже сами потянулись к нам. Прибывали целыми подразделениями или же группами во главе с командным составом.

Мне представляется важным засвидетельствовать это, как очевидцу и участнику событий. Многие части переживали тяжелые дни. Расчлененные танками и авиацией врага, они были лишены единого руководства. И все-таки воины этих частей упорно искали возможности объединиться. Они хотели воевать. Именно это и позволило нам преуспеть в своих организаторских усилиях по сколачиванию подвижной группы.

Вскоре у нас появилось новое соединение — 101-я танковая дивизия полковника Г.М. Михайлова. Людей в ней недоставало, танков она имела штук восемьдесят старых, со слабой броней, и семь тяжелых, нового образца. Во всяком случае, для нас это была большая поддержка.

Сам командир дивизии был храбрым офицером. Он заслужил на Халхин-Голе звание Героя Советского Союза. Беда его была в том, что привык действовать мелкими подразделениями. Так поступал он и теперь, в новых условиях, терпел неудачи, нес неоправданные потери. Это его раздражало. А раздражение — плохой советчик командиру любого ранга.

18 или 19 июля мы с Тарасовым заскочили на НП к Кириллову, который вел упорный бой с вражеской пехотой. Потом здесь немного затихло. На легковой машине к нам подъехали несколько командиров, и вдруг среди них я увидел знакомое — и дорогое — лицо.

— Камера!.. Иван Павлович, тебя ли вижу?..

На самом деле это был он, мой старый сослуживец времен конфликта на КВЖД, когда я водил в бои 5-ю отдельную Кубанскую кавбригаду, а он командовал в ней артдивизионом.

Замечательный командир-артиллерист, стойкий большевик (в гражданскую войну был комиссаром!) и чудесный товарищ.

Встреча оказалась как нельзя ко времени. Узнав, что Камера является начальником артиллерии 19-й армии и потерял связь с этой армией, я предложил ему возглавить

артиллерию нашей группы и помочь нам бить наседавшего врага. Иван Павлович охотно согласился и энергично взялся за дело. Я с облегчением вздохнул. Под Ярцево, как это было и в боях в районе Луцка, рассчитывать приходилось прежде всего на артиллерию — перед нами опять появились вражеские танки.

Обстановка на этом рубеже оказалась более серьезной, чем предполагали в штабе Западного фронта. Первый же бой помог установить, что в районе Ярцево находится не только выброшенный немцами десант, но и более внушительные силы. Обойдя Смоленск с севера, сюда прорвалась 7-я танковая дивизия. Разведка и показания пленных засвидетельствовали, что начали прибывать моторизованные части из танковой группы врага, действовавшей на смоленском направлении.

Ярцево, как я уже писал, было захвачено противником. Форсировав Вопь, он овладел плацдармом на восточном берегу реки и старался — пока осторожно — продвинуться по шоссе в сторону Вязьмы. Одновременно мы зафиксировали его активность в южном направлении, то есть в направлении переправ в тылу 16-й и 20-й армий.

Разобравшись в обстановке, я тогда примерно так представил себе намерения противника: сомкнуть кольцо окружения вокруг наших войск, воюющих в районе Смоленска, — сделать это противник намеревался на рубеже реки Вопь и южнее по Днепру, — а затем обеспечить себе условия для прорыва по автостраде к Москве.

На долю двух наших дивизий и выпала тяжелая задача сорвать эти намерения противостоявших нам вражеских сил.

Наша оборона по необходимости носила линейный характер. Второго эшелона не было. В качестве резерва я мог использовать два полка 101-й танковой дивизии, расположенные несколько уступом влево. Мотострелковый полк этой дивизии оборонял справа Дуброво, слева — Городок, Лаги; на его участке был поставлен противотанковый артиллерийский полк. Уступом вправо юго-западнее Замошья располагался 240-й гаубичный полк. Таким образом, автострада и железная дорога были надежно обеспечены в противотанковом отношении. А это немало!.. 38-я стрелковая дивизия оборонялась восточнее Ярцево по берегу реки Вопь. Танковые полки 101-й танковой дивизии занимали выгодное положение для контратаки в случае прорыва немцев вдоль автострады.

Обо всем этом мной и было донесено командующему фронтом. Я, между прочим, доложил, что прибывающие на ярцевский рубеж по распоряжению фронта дивизии крайне малочисленны. В одной оказалось 260 человек, в другой и того меньше.

Огромным усилием всех офицеров, представлявших собою управление группы наших войск, в процессе непрерывных боев удалось в короткий срок организовать вначале сопротивление врагу, не допуская его продвижения на восток. А затем мы начали переходить в наступление, нанося немцам удары то на одном, то на другом участке и нередко добиваясь успеха. Правда, успехи по масштабам носили тактический характер. Но они способствовали укреплению дисциплины в войсках, ободряли бойцов и командиров, которые убеждались, что способны бить врага. Тогда это много значило.

Кроме того, наша активность, видимо, озадачила вражеское командование. Оно встретило отпор там, где не ожидало его встретить; увидело, что наши части не только отбиваются, но и наступают (пусть не всегда удачно). Все это создавало у противника преувеличенное представление о наших силах на данном рубеже, и он не воспользовался своим огромным превосходством. Фашистское командование нас «признало», если так можно сказать. Оно подтягивало и подтягивало свои войска в район Ярцево, наносило массированные удары авиацией по переправам и боевым порядкам нашей группы. Возросла мощность вражеского артиллерийского и минометного огня. Нас спасали леса и то, что пехота наша зарылась в землю.

Бои под Ярцево, непрерывные и тяжелые для обеих борющихся сторон, мешали немецким войскам продвигаться к югу. Это был наш вклад в общую борьбу Западного фронта, целью которой являлось задержать врага, нанести ему наибольший урон и в то же время не допустить окружения армий, сражавшихся под Смоленском.

Сводный отряд полковника А.И. Лизюкова, оборонявший переправы на Днепре в тылу 16-й и 20-й армий, некоторое время действовал самостоятельно, а затем по логике событий был подчинен нашей группе войск.

Полковник Александр Ильич Лизюков был прекрасным командиром. Он чувствовал себя уверенно в любой, самой сложной обстановке, среди всех неожиданностей, которые то и дело возникали на том ответственном участке, где пришлось действовать его отряду. Смелость Александра

Ильича была безгранична, умение маневрировать малыми силами — на высоте. Был момент, когда немцы перехватили горловину мешка в районе переправ через Днепр. Но это продолжалось всего несколько часов. Подразделения Лизюкова отбросили и уничтожили весь вражеский отряд.

Сам полковник был из танкистов (перед войной служил заместителем командира 37-й танковой дивизии), и отряд его состоял из танкистов — это были остатки танкового и мотострелкового полков, принадлежавших 5-му мехкорпусу, о судьбе которого мне уже пришлось упоминать. У них сохранилось всего пятнадцать танков. Но люди были отборные, кадровые военные, крещенные боем, включая командиров полков Сахно и Шепелюка.

А.И. Лизюков особенно отличал майора Михаила Гордеевича Сахно. Бой роднит, и между ними, как я убедился, была настоящая фронтовая дружба. Командир сводного отряда говорил: «Майор Сахно — вот кто истинный герой обороны соловьевской переправы». (Между прочим, если вы хотите лучше узнать офицера, прислушайтесь к тому, что он говорит о своих подчиненных. Подлинный командир всегда сумеет оценить их вклад в общее дело трудной борьбы с врагом, воздать людям должное.)

Бои на ярцевском рубеже не прекращались в тот период ни днем ни ночью. Выполняя огромной важности задачу, наши части несли значительные потери. При пополнении же дивизий и формировании подразделений и частей мы испытывали большие трудности. На сборный пункт прибывали люди, принадлежавшие раньше к различным частям. Отставшие, потерявшие связь, они выбирались из окружения в одиночку и небольшими группами. Всех этих людей надо было сплотить в единый боевой коллектив. А сделать это было непросто, тем более что времени на это не давалось. Люди узнавали друг друга в бою. В сформированных подразделениях мы не всегда могли создать партийные организации. В этих условиях особая ответственность ложилась на офицеров — от командира взвода до командира дивизии.

От поведения командира зависело очень многое. Он должен был обладать большой силой воли и чувством ответственности, уметь преодолеть боязнь смерти, заставить себя находиться там, где его присутствие необходимо для дела, для поддержания духа войск, даже если по занимаемому положению там ему не следовало бы появляться.

На ярцевском рубеже ценными были именно такие командиры. Им верили солдаты. Они вели за собой людей на выполнение самых тяжелых задач, на подвиг. Под их руководством подразделения и части крепли действительно не по дням, а по часам и дрались с врагом организованно и упорно, было ли то в наступлении, в обороне или при отступлении.

Я не сторонник напускной бравады и рисовки. Эти качества не отвечают правилам поведения командира. Ему должны быть присущи истинная храбрость и трезвый расчет, а иногда и нечто большее.

В первые дни боев восточнее Ярцево наш НП находился на опушке леса. Примерно в километре от опушки расположилась в обороне стрелковая часть. Противник вел редкий артиллерийский огонь. Мы с генералом Камерой решили посмотреть, как окопалась пехота, и пошли к ней. Тут-то и развернулись события.

На наших глазах из-за гребня высот, удаленных километра на два, стали появляться густые цепи немецких солдат. Они шли в нашу сторону. Вслед за ними показалось до десятка танков.

Наша пехота не дрогнула и продолжала вести огонь из пулеметов по наступавшим гитлеровцам. Подала голос и гаубичная артиллерия.

Генерал Камера сказал, что вот-вот на опушке развернется противотанковая 76-миллиметровая батарея для стрельбы прямой наводкой. Началось все неплохо.

Немецкая пехота залегла. Танки приостановили движение.

А вскоре на горизонте появилась вражеская авиация... Немецкие самолеты уже пикируют на наши окопы. Усилился огонь вражеских орудий и минометов. Снова двинулись танки, догоняя цепи уже поднявшихся автоматчиков. Самолеты, встав в круг, бомбят наши позиции. Пехотинцы не выдержали, дрогнули. Сначала побежали к лесу одиночки, затем целые группы. Трудно и больно было смотреть на них...

Но вот из толпы бегущих раздались громкие голоса самих же солдат:

— Стой! Куда бежишь? Назад!.. Не видишь — генералы стоят... Назад!..

Да, действительно, мы с Иваном Павловичем Камерой стояли во весь рост, на виду у всех, сознавая, что только этим можно спасти положение.

Солдатские голоса и наша выдержка оказали магическое действие. Бежавшие вернулись на свои места и дружным огнем заставили опять залечь пехоту противника, поднявшуюся было для атаки.

Наша батарея уже развернулась, открыла огонь прямой наводкой по танкам, подожгла несколько машин, остальные повернули назад. Наступление было отбито.

Не помню, кто мне рассказывал, вероятно кто-то из бойцов. Среди бегущих оказался бывалый солдат-усач, из тех, кто воевал еще в первую империалистическую. Он-то и не растерялся в трудную минуту. Бежит и покрикивает:

— Команду подай!.. Кто команду даст?.. Команда нужна!..

Бежал, бежал да сам как гаркнет:

— Стой! Ложись! Вон противник — огонь!

Я этого усача и сейчас представляю себе как живого.

А вот еще один пример. Дело было все там же, под Ярцево. Шел жаркий бой. Наступал противник, и наши части с трудом отражали его атаки. Особенно большую помощь им оказывала артиллерия. На моих глазах на гаубичную батарею обрушилась немецкая авиация.

Батарея огня не прекратила. Команды выполнялись четко. Командир батареи следил за небом. Видит — оторвавшиеся бомбы летят на позицию батареи, командует:

— В щели, ложись!

Только взорвались бомбы — и тут же команда:

— К орудиям!..

И огонь продолжался.

Батарея понесла некоторые потери, было повреждено одно орудие. Но артиллеристы блестяще выполнили свой долг.

Это был героизм солдат, возглавляемых достойным командиром. К большому сожалению, не помню фамилии командира батареи — годы стирают многое.

Я мог бы привести немало подобных примеров мужества и героизма целых подразделений и частей. В нашей группе войск шла добрая слава о мотострелковом полке, которым командовал подполковник Воробьев. Полк держал оборону на главной магистрали Москва — Минск. На эту часть и на ее командира мы полагались вполне.

...С каждым днем расширялся участок боевых действий. Противник вводил дополнительные силы. Прибывало войск и у нас. Управлять ими становилось все труднее. Мы по-прежнему со своим КП на колесах держались по-

ближе к передовой. Иначе было нельзя. И штаб наш редел. За десять дней более половины штабных офицеров погибли или же получили тяжелые ранения. Однажды я чуть не лишился самого начальника штаба. Понадобилось срочно выехать на КП фронта, и я необдуманно предложил подполковнику Тарасову взять для поездки вместо «козла» ЗИС-101. А фашистские летчики гонялись за командирскими машинами, не жалея времени, пуль и бомб. Сергей Павлович попал в переплет, попробовал укрыться в придорожном сарае. Немецкий летчик прошил крышу очередями, сбросил зажигательные бомбы. Все обрушилось, и только физическая закалка помогла начальнику штаба выбраться из этого пекла. Он вернулся обожженный, злой и взялся за свои дела как ни в чем не бывало (замечу сразу: этот замечательный человек впоследствии командовал дивизией, получил звание генерал-майора).

Как-то на рассвете — это было в конце июля — мне доложили, что прибыл какой-то генерал и просит разрешения представиться. Выбравшись из легковой машины, где я спал, встретился с товарищем. Это был командир 7-го мехкорпуса В.И. Виноградов. Он прибыл в мое распоряжение вместе со своим штабом.

Штаб был в полном составе, со всеми отделами, прилично экипирован. Имелись радиостанции, штабные машины, оборудование и все, что положено для нормальной работы и управления крупным соединением. Возглавлял штаб полковник М.С. Малинин.

Познакомились накоротке. Поручил Малинину выбрать место для командного пункта, а сам занялся другими делами.

Новый начальник штаба обратился к Тарасову:

— Когда приступим к сдаче-приему дел?

Тарасов изумился:

— Каких дел? — и вынул из планшета блокнот — всю свою канцелярию.

Пора штабных импровизаций миновала. Все стало по-другому, и я это почувствовал следующим же утром с мелочи. Подъезжает на мотоцикле девушка-красноармеец.

— В чем дело?

— Завтрак товарищу командующему.

— Откуда?

— Из штаба.

До этого командующий группой войск, как и все, спал под сосной или в машине, ел из солдатского котелка. Вилка и свежая салфетка показались вещами из другого мира.

Некоторое недовольство у меня сначала вызвало то, что Малинин, на мой взгляд, далеко отнес от переднего края наш КП (километров на восемь или десять). Поскольку я сам поручил ему выбрать место, пришлось смириться, но от замечания я все-таки не удержался.

— Не слишком ли глубоко мы забрались от фронта? Пожалуй, тут забудешь, что идет война...

Полковник взглянул на меня с удивлением, но дисциплинированно смолчал.

Зародившийся было в связи с этим случаем холодок быстро исчез. Вскоре я убедился, что КП находится там, где нужно: бои принимали затяжной характер. В общем, Михаил Сергеевич Малинин с первых же дней показал себя умницей, опытным и энергичным организатором. Мы с ним сработались, а впоследствии хорошо, по-фронтовому, сдружились.

Был создан настоящий командный пункт, наблюдательные пункты на переднем крае, быстро установлена проводная связь с войсками.

Опытному глазу сразу было заметно, что в руках полковника Малинина сколоченный, исполнительный и быстро реагирующий на все, что делается в войсках, штабной коллектив. Властная натура руководителя штаба порою охлаждала инициативу подчиненных, но потом это прошло, стерлось... Впрочем, к этому будет время вернуться.

Хорошее впечатление произвел на меня начальник артиллерии 7-го мехкорпуса генерал-майор Василий Иванович Казаков. Он сразу отправился на огневые позиции — по-хозяйски оценить, что у нас и где имеется, каковы кадры. Короче говоря, генерал отдался делу, освободив И.П. Камеру, которого требовала Москва. Вскоре стало известно, что Камера, так много сделавший на ярцевских рубежах, назначен начальником артиллерии Западного фронта. Рад был за товарища, получившего достойное поле деятельности.

Генерал Виноградов, назначенный ко мне заместителем, вскоре тоже был отозван от нас.

К концу июля положение войск нашей группы значительно упрочилось; не говорю уже о том, что мне лично стало легче, когда получил полнокровный аппарат управления. Командование фронта подкрепило нас несколькими

танковыми батальонами. Московская партийная организация прислала батальон коммунистов. Удалось выкроить время и приветствовать этот отряд. Немецкие летчики как будто узнали о его прибытии: на нас посыпались бомбы. Быстро рассредоточили людей в лесу, а когда закончился налет, продолжили нашу беседу. В заключение я сказал, что скоро товарищи получат возможность рассчитаться с врагом. Так оно и вышло.

Собрав все, что можно, на участок Ярцева, мы нанесли удар. Противник его не ожидал: накануне он сам наступал, был отбит и не предполагал, что мы после тяжелого оборонительного боя способны двинуться вперед. Элемент неожиданности мы и хотели использовать. Ударили в основном силами 38-й стрелковой и 101-й танковой дивизий, придав им артиллерию и танки, в том числе десять тяжелых — КВ. В результате наши части овладели Ярцево, форсировали Вопь и захватили на западном ее берегу очень выгодные позиции, на которых и закрепились, отбив все контратаки.

Опять был очень хорош мотострелковый полк Воробьева, порадовал взаимодействием с танками. Получил боевое крещение батальон московских коммунистов. Товарищи с гордостью говорили, что «открыли боевой счет», но откровенно обеспокоены господством вражеской авиации. «Старожилы» ярцевского рубежа уже к этому привыкли, насколько возможно притерпелись, а свежим людям, впервые попавшим на фронт, было трудно.

В бою за овладение Ярцево самыми чувствительными для нас были удары с воздуха. И то, что мы, несмотря на это, добились успеха, говорило о мужестве и героизме войск, еще недавно потерявших было должную организацию.

Впервые мне тогда удалось увидеть, как наши 37-миллиметровые зенитные батареи сбили три пикирующих бомбардировщика, заставив этим другие неприятельские самолеты набрать высоту. А то они совсем уж обнаглели, нападая даже на отдельные машины. Часто немецкие летчики вместо бомб сбрасывали продырявленные бочки из-под бензина, издававшие при падении свист и вой. Это уже походило на хулиганство.

Ведя активные действия на ярцевском участке, мы не могли ни на минуту упускать из виду, что делается южнее, в районе переправ. Директивой Западного фронта от 27 июля нашей группе войск была поставлена задача:

удержать Ярцево и не допустить прорыва противника на Вязьму. Это было главным, тем не менее я с облегчением вздохнул, когда удалось подкрепить полковника Лизюкова, послав ему противотанковый дивизион 108-й стрелковой дивизии с пулеметной ротой. Сюда же вскоре мы направили другие части и весь участок подчинили командиру 44-го стрелкового корпуса В.А. Юшкевичу (он был тогда еще в звании комдива). Теперь можно было считать, что это направление прочно обеспечено.

Обстановка в районе Смоленска все более осложнялась, и не только для наших войск, но и для противника. Все-таки становилось ясным, что немцы завязли в Смоленском сражении. Если смотреть на вещи в развитии, то гитлеровский план «молниеносной войны» затрещал. Затрещал, по существу, в самом начале войны.

В конце июля немецкое командование опять прилагало все силы, чтобы выполнить задачу окружения наших армий. По данным разведки и опроса захваченных в боях за Ярцево пленных, стало известно, что готовится новое наступление с целью во что бы то ни стало отрезать пути возможного отхода 16-й и 20-й армий. Для этого противная сторона намеревалась силами 7-й и 20-й танковых дивизий нанести удар по обороне наших войск в районе Ярцево.

Эти сведения помогли нам своевременно принять надлежащие меры противодействия. И успеха противник не добился. Он понес большие потери в танках и живой силе, а смог лишь незначительно потеснить на некоторых участках наши части. Его наступление последних чисел июля захлебнулось. Решающую роль сыграла артиллерия, умело организованная в этом бою генералом В.И. Казаковым.

Танки КВ произвели на врага ошеломляющее впечатление. Они выдержали огонь орудий, которыми были вооружены в то время немецкие танки. Но машины, вернувшиеся из боя, выглядели тоже не лучшим образом: в броне появились вмятины, у некоторых орудий были пробиты стволы. Хорошо показали себя танки БТ-7: пользуясь своей быстроходностью, они рассеивали и обращали в бегство неприятельскую пехоту. Однако много этих машин мы потеряли — они горели как факелы.

Если немцы увидели такую новую нашу технику, как КВ, то и мы кое-что у них обнаружили, а именно — новые образцы противотанковых ружей, пули которых прошивали наши танки старых типов. Провели испытание, убедились, что специальными пулями из этих ружей пробивается

и бортовая броня Т-34. Захваченную новинку срочно отправили в Москву.

Еще в начале боев меня обеспокоило, почему наша пехота, находясь в обороне, почти не ведет ружейного огня по наступающему противнику. Врага отражали обычно хорошо организованным артиллерийским огнем. Ну а пехота? Дал задание группе товарищей изучить обстоятельства дела и в то же время решил лично проверить систему обороны переднего края на одном из наиболее оживленных участков.

Наши уставы, существовавшие до войны, учили строить оборону по так называемой ячеечной системе. Утверждалось, что пехота в ячейках будет нести меньше потерь от вражеского огня. Возможно, по теории это так и получалось, а главное, рубеж выглядел очень красиво, все восторгались. Но увы! Война показала другое...

Итак, добравшись до одной из ячеек, я сменил сидевшего там солдата и остался один.

Сознание, что где-то справа и слева тоже сидят красноармейцы, у меня сохранялось, но я их не видел и не слышал. Командир отделения не видел меня, как и всех своих подчиненных. А бой продолжался. Рвались снаряды и мины, свистели пули и осколки. Иногда сбрасывали бомбы самолеты.

Я, старый солдат, участвовавший во многих боях, и то, сознаюсь откровенно, чувствовал себя в этом гнезде очень плохо. Меня все время не покидало желание выбежать и заглянуть, сидят ли мои товарищи в своих гнездах или уже покинули их, а я остался один. Уж если ощущение тревоги не покидало меня, то каким же оно было у человека, который, может быть, впервые в бою!..

Человек всегда остается человеком, и, естественно, особенно в минуты опасности ему хочется видеть рядом с собой товарища и, конечно, командира. Отчего-то народ сказал: на миру и смерть красна. И командиру отделения обязательно нужно видеть подчиненных: кого подбодрить, кого похвалить, словом, влиять на людей и держать их в руках.

Система ячеечной обороны оказалась для войны непригодной. Мы обсудили в своем коллективе и мои наблюдения и соображения офицеров, которым было поручено приглядеться к пехоте на передовой. Все пришли к выводу, что надо немедленно ликвидировать систему ячеек и переходить на траншеи. В тот же день всем частям группы были даны соответствующие указания. Послали донесение ко-

мандующему Западным фронтом. Маршал Тимошенко с присущей ему решительностью согласился с нами. Дело пошло на лад проще и легче. И оборона стала прочнее. Были у нас старые солдаты, младший комсостав времен первой мировой войны, офицеры, призванные по мобилизации. Они траншеи помнили и помогли всем быстро усвоить эту несложную систему.

Начался август. Смоленск был занят неприятелем. Всякие попытки выбить его из города были бы бесцельными. Маршал С.К. Тимошенко отдал приказ об отходе. Войска 16-й и 20-й армий благополучно отошли за Днепр по соловьевской и ратчиновской переправам и были использованы для усиления обороны на рубеже Холм-Жирковский, Ярцево, Ельня. Наша группа содействовала частям генералов Лукина и Курочкина, перейдя в наступление под Ярцево и южнее.

Немецко-фашистское командование, нанося удары войсками группы армий «Центр» (2-я, 9-я армии и две танковые группы), было уверено, что операция закончится окружением и уничтожением в районе Смоленска основных сил Западного фронта. Эта затея провалилась. Враг встретил на московском стратегическом направлении не пустоту, как предполагал, а вновь созданную прочную оборону. Для ее преодоления гитлеровцам потребовались и дополнительные войска и необходимое на подготовку время.

Командующий фронтом вызвал меня и сказал:

— Поедем к героям Смоленска... примешь шестнадцатую армию.

Поехали почему-то к П.А. Курочкину. Вскоре прояснилось, в чем дело: командующего 20-й армией отзывала Москва, М.Ф. Лукина назначали на его место.

Березняк у деревни Васильки. Палатка командарма. Бревенчатый стол. И — тихое небо. Война словно примолкла. Подъехала машина, из нее почти вынесли Лукина. Его ранило во время бомбового удара на переправе, где он, спасая людей, наводил порядок.

Мы знали друг друга еще с тридцатых годов, когда Михаил Федорович был начальником командного отдела Главного управления кадров Красной Армии. Старый воин, опытный и хорошо подготовленный военачальник, справедливый товарищ.

И вот мы встретились на войне. В этот момент он и сказал мне, как бы подводя итог тому, что смог сделать, и тому, чего не смог:

— Шестнадцатую армию не разбили, ее растащили...

Рядом с ним неназойливо хлопотал, усаживая раненого командира, невысокий плотный дивизионный комиссар с круглым спокойным лицом крестьянина. Лукин познакомил:

— Лобачев, член Военного совета. — Улучив минуту, прибавил: — Фурмановской складки мужик.

Командующий фронтом поздравил товарищей Лукина, Курочкина, Лобачева с награждением орденом Красного Знамени. Он высказал мнение, что в тяжелых боях войска Западного фронта совершенно расстроили наступление противника, соединения его понесли потери и лишены наступательной способности минимум на десять дней. Тут же маршал уже официально сообщил о перестановках в руководстве, спросил, у кого имеются просьбы. Я попросил назначить начальником штаба полковника Малинина, а начальником артиллерии генерала Казакова, тем более что фактически произошло объединение войск нашей группы с войсками 16-й армии.

После объединения армия представляла внушительную силу: шесть дивизий — 101-я танковая полковника Г.М. Михайлова, 1-я Московская мотострелковая, в командование которой вступил полковник А.И. Лизюков, 38-я полковника М.Г. Кириллова, 152-я полковника П.Н. Чернышева, 64-я полковника А.С. Грязнова, 108-я полковника Н.И. Орлова, 27-я танковая бригада Ф.Т. Ремизова, тяжелый артиллерийский дивизион и другие части.

Армия занимала оборону на 50-километровом фронте, перехватывая основную магистраль Смоленск — Вязьма.

Некоторое время спустя противник все же предпринял попытку прорвать оборону на ярцевском направлении. Решил, по-видимому, прощупать ее устойчивость. Ему это не принесло ничего, кроме значительных потерь. Бой шел напряженный, длился два дня, затем активность немцев иссякла.

Впервые на нашем участке действовала батарея реактивной артиллерии, так называемые «катюши». Она накрыла наступавшую немецкую пехоту с танками. Мы вылезли из окопов и, стоя в рост, наблюдали эффектное зрелище. Да и все бойцы высыпали из окопов и с энтузиазмом встречали залпы «катюш», видя бегство врага.

Огонь этого оружия по открытым живым целям страшен. По окопавшейся пехоте он менее эффективен, так как для поражения цели требуется прямое попадание в окоп, а «катюши» в основном вели огонь по площадям с

большим рассеиванием снарядов. Эту особенность в дальнейшем мы учитывали. И еще с одной особенностью пришлось столкнуться. Вначале применение реактивных установок на фронте ограничивалось в целях секретности такими инструкциями, что, бывало, хоть отказывайся от использования. Многие командиры-артиллеристы поговаривали, что с этими «катюшами» приходится возиться, как с капризной женщиной. Я был вынужден на свой риск внести некоторые упрощения. При умелом использовании реактивные установки давали хорошие результаты.

Армия постепенно оснащалась артиллерийскими средствами, и это позволяло танкам врага, в которых он нас превосходил, противопоставить нашу артиллерию. Она выручала войска. Артиллеристов у нас в стрелковых частях уважали и любили. К тому же вражеская тактика применения танков была достаточно изучена.

Вот против немецкой авиации мы ничего придумать не могли. Оставалась опять же артиллерия — 37-миллиметровые орудия, но их было очень мало, и они могли поражать самолеты только на небольшой высоте.

Пополнялись наши части по необходимости за счет выбиравшихся из окружения. Приток людей, шедших с запада на восток — к своим! — не останавливался: кто шел от самой границы, кто из-под Минска... Многие офицеры — я к ним относился с особенным уважением — выводили свои группы с оружием, прорывались с боем. Но сколько бойцов и командиров выходили безоружными! Всех их необходимо было вооружить. А чем? Из тыла мы в те дни получали мало.

Кто-то — чуть ли не Алексей Андреевич Лобачев — подал мысль: если окруженцы смогли целыми группами проходить через линию фронта и по территории, занимаемой противником, то и мы в состоянии заслать в тыл врага разведчиков и поискать оружие на полях минувших боев. Попробовали. Опыт оказался очень удачным, и в течение продолжительного времени мы таким путем добывали из-под носа у немцев, что было нужно. Группы смельчаков — в их числе и товарищи, вышедшие из окружения и знавшие, где пройти, — приносили винтовки, автоматы, пулеметы, минометы, вывозили даже 45-миллиметровые орудия, не говоря уж о боеприпасах, в которых мы тоже остро нуждались.

Так мы тогда жили... Тем не менее, повторяю, 16-я армия представляла уже внушительную силу. Сражалась она все более стойко.

И противник, понеся большие потери при наступлении, перешел к обороне. К половине августа разведка установила, что немцы усиленно укрепляют рубеж вдоль западного берега реки Вопь. В захваченных приказах и других документах 9-й немецкой армии мы читали об интенсивных работах по всей линии обороны.

Заговорила о нас столица. В сводках Совинформбюро часто упоминалась ярцевская группа войск, а затем 16-я армия. К нам стали приезжать делегации московских заводов, партийных и комсомольских организаций, бывали партийные работники и политические деятели, зачастили писатели, корреспонденты, и артисты выступали в частях. Дорогие и прочные связи!..

Как-то позвонили из Генерального штаба — встречайте английскую военную делегацию (ее возглавлял генерал, представлявший вооруженные силы Великобритании при нашем Генштабе). Я находился на левом фланге, в районе соловьевской переправы, и, честно говоря, мне тогда было не до визитеров. Принять гостей поручили Михаилу Сергеевичу Малинину, он организовал встречу на КП полковника Кириллова, в 38-й стрелковой дивизии. Прошла она в вежливом дипломатическом духе и, как рассказывали Малинин и Лобачев, довольно тепло. Англичане выпили по нескольку наших фронтовых норм «хорошей русской водки» и не скупились на хвалебные тосты в честь Красной Армии.

Во второй половине августа наш сосед справа — 19-я армия, которой командовал генерал И.С. Конев, — провел наступательную операцию. Она оказалась неожиданной для противника и имела некоторый успех местного значения. Но немцы были еще достаточно сильны, их оборону прорвать не удалось. После этого войска Западного фронта продолжали наступательные операции только в районе Ельни, куда противник проник частью сил во время его июльского наступления.

16-я армия, удерживая свой рубеж, вела силовую разведку и время от времени переходила на отдельных участках в наступление. Действия противостоявших вражеских войск носили примерно такой же характер. Велось взаимное прощупывание сил. Нам удалось установить, что танковые и моторизованные дивизии, с которыми мы еще

недавно боролись, отведены в тыл, их место заняла немецкая пехота.

Командный пункт армии был заботами Малинина оборудован заново, в густом лесу, хорошо замаскирован. Из палаток мы перешли в блиндажи. Сыровато. В палатках жилось свободнее, просторнее, и воздух свежей. Но в общем устроились солидно. И работали дружно. Здесь, под Ярцево, я с радостным чувством увидел, что складывается у нас интересный, весьма работоспособный коллектив руководителей. А это так важно! Когда военачальник готовит вверенные ему войска в дни мира, он имеет время для подбора и отбора кадров, для их воспитания, для притирки характеров. А тут нас сближала война. Член Военного совета А.А. Лобачев не раз говорил, что наш коллектив быстро сплотился потому, что каждый уже узнал, почем фунт лиха. Офицеры штаба 16-й армии проявили себя в сложных и динамических обстоятельствах конца июля и начала августа с лучшей стороны. Я имею в виду прежде всего начальника штаба М.С. Малинина, начальника артиллерии армии В.И. Казакова, главу наших связистов П.Я. Максименко (полковник был уже в летах, настоящий виртуоз своего дела), начальника бронетанковых и механизированных войск Г.Н. Орла.

У каждого руководителя своя манера, свой стиль работы с ближайшими сотрудниками. Стандарта в этом тонком деле не изобретешь. Мы старались создать благоприятную рабочую атмосферу, исключающую отношения, построенные по правилу «как прикажете», исключающую ощущение скованности, когда люди опасаются высказать суждение, отличное от суждения старшего. В этом духе мое поколение красных офицеров воспитывала партия...

Нашим центральным рабочим местом была, как мы называли, штаб-квартира. Здесь я присутствовал при докладах, которые делали Малинину начальники разведки, оперативного отдела, связи. В то же время и Малинин слушал, когда мне докладывали руководители родов войск. Здесь же был и член Военного совета. При мне чаще всего велись разговоры с направленцами, с командирами соединений и частей усиления. Такая система позволяла мне, как говорится, врастать в обстановку. В штаб-квартире обдумывались решения, составлялись приказы и распоряжения. Все это облегчало работу, развивало полезную инициативу, побуждало творческую мысль. Больше было счастливых находок.

Можно было не сомневаться, что педантичный, спокойный, уверенный в себе и в своих подчиненных начальник штаба М.С. Малинин сумеет обеспечить выполнение приказа. Была у Малинина еще одна черта, может быть, необычная для руководителя крупного штаба — потребность своими глазами увидеть и оценить местность предстоящих боев. Должно быть, это было у него способом самоконтроля. Он довольно часто появлялся на позициях частей, в войсках его знали, и это тоже повышало авторитет нашего штаба.

Мне нравилось, что мои помощники, люди образованные и влюбленные в военное дело, умели отстаивать свое мнение. Приходилось иногда подумать над предложением. Прикинешь и скажешь: «Правильно, я упустил, давайте сделаем тут по-вашему...»

Ценнейшим человеком оказался генерал Василий Иванович Казаков. Я уже упоминал, что в те времена мы главные наши надежды возлагали на артиллерию. У генерала были и глубокие знания, и интуиция, и умение работать с людьми. Вот уж кого любили в войсках!

Для наблюдения за противником мы чаще всего пользовались НП на участках стрелковых дивизий. Но один наблюдательный пункт, оборудованный артиллеристами, особенно привлекал. Казаков и его офицеры устроились на верхнем этаже и на трубе ярцевской фабрики: уж очень хороший обзор местности открывался оттуда. Неприятельские позиции просматривались на большую глубину, было видно всякое передвижение врага.

Единственное неудобство: чтобы добраться туда, нужно было проскочить низинку свыше километра, тщательно пристрелянную немецкой артиллерией. Как только появлялась достойная внимания цель, немцы немедленно открывали огонь, да еще какой!..

Одиночная машина, мчащаяся на предельной скорости, и была такой целью.

Все происходило на глазах как немецких, так и наших солдат, располагавшихся в окопах. Это обстоятельство вызывало даже известный азарт, пожалуй, непохвальный для столь солидных командиров, как командующий армией и начальник артиллерии. Но мы с увлечением каждый раз проскакивали на машине обстреливаемое пространство.

За низинкой начиналась городская окраина. Там уже приходилось соблюдать полную осторожность. Пробирались скрытно, кое-где и ползком, к наблюдательному пун-

кту наших славных артиллеристов. Город обезлюдел. В нем царила мертвая тишина, нарушаемая лишь разрывами снарядов и мин. Известная ярцевская мануфактура была сожжена гитлеровской авиацией.

Возвращались уже затемно.

Всю ночь над нашим КП слышался гул немецких бомбардировщиков. Они шли на Москву, и это вызывало злость, которая усиливалась чувством беспомощности: мы ничем не могли помешать их налетам на родную столицу. Зато с какой радостью уже днем мы узнавали, что герои московской ПВО рассеяли вражеские бомбардировщики, не дали им прорваться к самому городу!

Район обороны нашей армии немецкие летчики в то время не беспокоили. Запомнился мне лишь один случай, вызвавший вначале большую тревогу.

То там, то тут самолеты противника стали сбрасывать кульки из плотной бумаги. В них были обнаружены мельчайшие насекомые. Отдано распоряжение тщательно следить за каждым вражеским самолетом, собирать и на месте сжигать подозрительные пакеты. Несколько штук с соблюдением всех предосторожностей отправили на проверку в Москву.

Москва тоже встревожилась. Там начали производить анализы. А с неба продолжали сыпаться кульки, некоторые лопались, их содержимое расползалось. Мы не успевали производить дезинфекцию. Вскоре из Москвы получили результаты анализов: ничего опасного. Гитлеровцы просто хотели поиграть на наших нервах.

Мы вели бои местного значения, совершенствовали оборону и обучали людей тому, что завтра от них потребуется в бою. Маршал Тимошенко горячо приветствовал наше начинание — месячные курсы младших лейтенантов, на которые мы отобрали отличившихся бойцов со средним, а то и с высшим образованием. Партийные и комсомольские организации помогали всячески распространять опыт борьбы с танками с помощью бутылок с горючей смесью. Потрясение от неудач первых дней войны начало проходить. Однажды, зайдя в нашу землянку, я услышал, как Лобачев настраивал начальника политотдела одной из дивизий:

— Для военных война — естественное состояние, ее невзгоды тоже, а у тебя все нервы, пора с этим кончать.

Он верно схватил суть совершавшихся перемен.

Считаю своим товарищеским долгом сказать доброе слово о генерале Алексее Андреевиче Лобачеве. Мы с членом Военного совета армии жили душа в душу. Он любил

войска, знал людей, и от него я всегда получал большую помощь. Таков был этот человек, что ощущалась потребность общения с ним. Мы жили в одной землянке, позже обычно выбирали домик, где можно устроиться вдвоем. Когда вместе с другими корреспондентами у нас стал бывать Владимир Ставский — тоже крепкий большевик, интересный писатель, не чуждый военному делу, — мы жили втроем. Бывали задушевные часы!..

Ко времени нашего знакомства и совместной службы А.А. Лобачев сложился как политический работник крупного масштаба. Однако крутой ему выдался путь. Бывает, что в судьбе одного человека отразится особенность времени.

Война — суровая проверка людей. Так было и так всегда будет. Но этот естественный процесс у нас очень осложнился. Незадолго до войны огромное количество командиров и политработников было выдвинуто снизу на крупные должности в войсках. А опыт? Знания? Ориентировка в масштабах, о которых товарищи и не мечтали? Все это пришлось приобретать уже в боях. Лобачев рассказывал мне, как он, старший политрук, чуть ли не в течение месяца стал дивизионным комиссаром; в тридцать девятом был поставлен во главе политического управления Московского военного округа. Он считал за счастье, что весь 1940 год ему довелось служить на одном месте, в должности члена Военного совета в новой — 16-й армии, создававшейся в Забайкалье, и с горячей признательностью отзывался о ее командующем. И все-таки ему приходилось очень трудно. Помогли живой ум, организаторский талант и большевистское умение учиться у жизни.

В сентябре генерал И.С. Конев был назначен командующим Западным фронтом. 19-ю армию от него принял М.Ф. Лукин, а в командование 20-й армией вступил генерал Ф.А. Ершаков.

Успешно завершилась к этому времени операция в районе Ельни. Под ударами советских войск противник был отброшен на запад. На нашем участке, равно как и у соседей, никаких изменений не произошло. Штабы всех трех армий держали друг с другом прочную связь, отработали взаимодействие на стыках.

С Лукиным в это время особенно сблизились. Он еще двигался с трудом, и мы с Лобачевым часто наведывались на КП 19-й армии. Встречаясь неоднократно, мы обсуждали вопросы, связанные с положением войск обеих армий. Выработалась уверенность, что врагу не удастся прорваться

через наши рубежи. Стыки надежно прикрыты. Обдумана и отработана взаимная помощь при ликвидации прорыва вражеских сил на каком-либо участке.

Во второй половине сентября штаб тщательно разработал план действий войск армии на занятом ею рубеже. Мероприятия, предусмотренные в нем, обеспечивали решительный отпор противнику. В то же время имелся вариант на случай, если, несмотря на все наши усилия, противнику все же удастся прорвать оборону. Этот вариант определял, как должны отходить войска, нанося врагу максимальный урон и всемерно задерживая его продвижение. Мысли, руководившие нами: враг еще намного сильнее нас, маневреннее, он все еще удерживает инициативу, поэтому нужно быть готовым и к осложнениям.

Этот план был представлен командующему Западным фронтом И.С. Коневу. Он утвердил первую часть плана, относившуюся к обороне, и отклонил вторую его часть, предусматривавшую порядок вынужденного отхода.

Тишина на нашем участке, да и у соседей, начала нас настораживать. Что-то немцы затевали. Возможности армии не позволяли разгадать намерения врага. Разведка, которую мы вели войсковыми средствами, подтверждала, что перед нами по-прежнему находятся только пехотные части. Никаких особо важных данных из штаба фронта тоже не поступало.

Вообще информация командующих армиями была организована тогда очень плохо. Мы, собственно, не знали, что происходит в пределах фронта, а за его пределами и подавно. Это мешало.

Приехал к нам с группой офицеров Михаил Федорович Лукин. Артисты московской эстрады давали свой первый концерт на полянке близ штаба армии. Декорациями служил пожелтевший лес.

Концерт был очень хороший. Все аплодировали с удовольствием и благодарностью.

Песни песнями, но, пользуясь случаем, мы уединились с Лукиным и поговорили о поведении противника, вызывавшем настороженность. Решили провести силовую разведку.

На следующий день это осуществили.

В бою взяли пленных. Они показали, что у них в тылу на ярцевском направлении появились какие-то танковые и моторизованные части.

Мы приняли меры усиления, особенно в дивизиях, седлавших главную магистраль Вязьма — Смоленск.

В.И. Казаков организовал контрартиллерийскую подготовку, в которой участвовал и дивизион «катюш».

Ночь на 2 октября. Наблюдатели с переднего края и разведгруппы сообщали: со стороны противника явно слышен шум танковых моторов.

А с рассветом началось немецкое наступление на нашем центральном участке, где мы и ожидали удар.

Впервые за все время вражеская авиация бомбила расположение нашего КП, не причинив, правда, большого вреда.

Находясь на наблюдательном пункте, мы видели, как почти одновременно с открытием артиллерийского и минометного огня двинулись немецкие танки, а вслед за ними поднялась пехота. Но тут же ответили все орудия, предназначенные для контрартиллерийской подготовки. Били прямой наводкой противотанковые батареи. «Катюши» — уже целым полком — обрушили свои залпы на неприятельских солдат, вылезших из окопов.

Наша пехота не дрогнула. Она достойно встретила огнем атаковавшие ее густые цепи. На некоторых участках дело дошло до рукопашных схваток.

Бой продолжался до двенадцати часов дня.

Противник, понеся большие потери в людях и технике, не добился успеха. 16-я армия отстояла свои позиции.

После полудня завязались напряженные бои у Лукина. Противник несколько потеснил на правом крыле 19-й армии ее части, но командующий говорил мне, что надеется своими силами восстановить положение.

Весь следующий день враг держал под сильным огнем наш участок обороны, не предпринимая наступления. Группы самолетов бомбили позиции батарей и вели усиленную разведку дорог в сторону Вязьмы.

Сообщения из 19-й армии к вечеру 3 октября стали тревожнее. Командарм говорил по телефону:

— Вынужден загнуть свой правый фланг и повернуть фронтом на север... Связи с соседом — 30-й армией — не имею.

Лукин просил помочь, и мы направили ему две стрелковые дивизии, танковую бригаду и артполк.

У нашего соседа слева генерала Ершакова было спокойно.

Из штаба фронта никаких тревожных сигналов не поступало.

А между тем гроза надвигалась. Вскоре она разразилась при обстоятельствах абсолютно неожиданных.

НЕОЖИДАННЫЙ ПРИКАЗ

Вечером 5 октября я получил телеграмму из штаба Западного фронта. Она гласила: немедленно передать участок с войсками генералу Ф.А. Ершакову, а самому со штабом 16-й армии прибыть 6 октября в Вязьму и организовать контрудар в направлении Юхнова. Сообщалось, что в районе Вязьмы мы получим пять стрелковых дивизий со средствами усиления.

Все это было совершенно непонятно. Севернее нас, в частности у генерала Лукина, обстановка складывалась тяжелая, каковы события на левом крыле фронта и южнее, неизвестно...

Тут были товарищи Лобачев, Казаков, Малинин, Орел. У них, как и у меня, телеграмма эта вызвала подозрения. Помню возглас начальника штаба:

— Уходить в такое время от войск? Уму непостижимо!

Я потребовал повторить приказ документом за личной подписью командующего фронтом.

Ночью летчик доставил распоряжение за подписями И.С. Конева и члена Военного совета Н.А. Булганина.

Сомнения отпали. Но ясности не прибавилось.

Уже прибыли приемщики от 20-й армии. Сборы были короткими. Наш штаб двинулся к новому месту назначения, и все мы чувствовали, что произошли какие-то грозные события, а у нас в этот тревожный момент — ни войск, ни уверенности, что найдем войска там, куда нас посылают.

Попытки связаться по радио со штабом фронта были безуспешны. Мы оказались в какой-то пустоте и в весьма глупом положении.

Нужно было самим постараться выяснить обстановку, что и делалось с помощью разведки в разных направлениях.

Насторожила картина, которую увидели, подходя к Днепру восточнее Ярцево. Брошенные позиции. В окопах ни одного человека. Мы знали, что в тылу за нашей армией располагалась по Днепру одна из армий Резервного фронта. Где она и что здесь произошло, трудно было догадаться.

На пути к Вязьме стали попадаться машины различных тыловых частей 30-й и 22-й армий. Красноармейцы в один голос говорили, что немецкие парашютисты разбили их подразделения, а им удалось прорваться и они теперь ищут своих. На дороге все чаще обгоняли группы беженцев с пожитками на повозках.

Рассказы людей и данные разведчиков несколько прояснили положение вещей. Видимо, танковым и моторизованным войскам врага удалось прорваться в полосе 19-й и 30-й армий и довольно глубоко проникнуть на восток. Беженцы называли Сычевку, Пигулино, Холм-Жирковский и другие селения, утверждая, что там будто бы уже большие силы немцев, много танков и тому подобное. Все эти пункты находились севернее магистрали Ярцево — Вязьма. Напрашивался вывод, что это, вероятно, один из клиньев, вбитых противником, и нужно ожидать, что он будет повернут для перехвата автострады и создания внутреннего кольца окружения наших войск.

Никаких частей мы не встречали. Связаться со штабом фронта все не удавалось. Ощущение оторванности было гнетущим. Крайне беспокоил вопрос, что происходит южнее магистрали. Мы с Малининым остановились у стога сена в ожидании разведданных. Лобачев, захватив нескольких офицеров, поехал вперед. Прошло не более часа, и он вернулся, опустился рядом с нами на сено:

— Встретил на перекрестке Василия Даниловича Соколовского. В Касне уже никого нет. А наша задача, он сказал, остается прежней.

По мнению Лобачева, начальник штаба фронта в это время сам точно не знал, что где происходит.

Разведчики все еще не обнаружили каких-либо войск в районе Вязьмы. Где они находятся, эти обещанные в приказе И.С. Конева дивизии? С этой мыслью я ехал к месту расположения нового нашего КП.

Мы нашли его почти готовым. Заработали радисты. Штаб фронта молчал: должно быть, находясь в движении, не успел развернуть свои радиосредства.

Не смогли радисты связаться и с какими-либо частями.

Поручив Малинину разыскивать войска и добиваться связи с фронтом или Ставкой, мы с Лобачевым отправились в город.

Начальник гарнизона генерал И.С. Никитин доложил:

— В Вязьме никаких войск нет, и в окрестностях тоже. Имею только милицию. В городе тревожно, распространяются слухи, что с юга и юго-востока из Юхнова идут немецкие танки.

— Где местная советская и партийная власть?

— В соборе. Там все областное руководство.

Собор стоял на высоком холме, поднимаясь над Вязьмой, подобно древней крепости. В его подвале мы действительно нашли секретаря Смоленского обкома партии Д.М. Попова, вокруг него собрались товарищи из Смоленского и Вяземского городских комитетов партии. Здесь же был начальник политуправления Западного фронта Д.А. Лестев. Он обрадованно помахал рукой:

— Все в порядке, товарищи. Знакомьтесь с командующим...

К сожалению, пришлось их огорчить. Командующий-то есть, да командовать ему нечем. Я попросил генерала Никитина доложить партийному руководству все имеющиеся у него сведения о войсках и положении в районе Вязьмы. Лестев был крайне удивлен.

— Как же так? — заявил он. — Я недавно из штаба фронта, он перебирается на новое место, и меня заверили, что тут у вас не менее пяти дивизий, которые ждут прибытия штаба шестнадцатой армии...

Происходил этот разговор во второй половине дня 6 октября.

Не успел я спросить Никитина насчет разведки и наблюдения за подступами к городу, как в подвал вбежал председатель Смоленского горсовета А.П. Вахтеров:

— Немецкие танки в городе!

— Кто сообщил?

— Я видел их с колокольни!

— Алексей Андреевич, позаботься, пусть приготовят машины, — обратился я к генералу Лобачеву.

Мы с Лестевым и Поповым быстро взобрались на колокольню. Действительно, увидели эти танки. Они стреляли из пулеметов по машинам, выскакивавшим из города.

Немецкие танки вступали в Вязьму. Нужно было немедленно выбираться. Вязьму в данное время некому было защищать.

Самым емким оказался мой ЗИС-101, «газики» Лобачева и Попова поменьше. Забрав всех товарищей, мы покинули город. Вырваться удалось благополучно. В одном месте чуть не столкнулись с танком, но успели нырнуть в переулок, и врагу не удалось обстрелять нас прицельным огнем.

КП располагался в перелеске километрах в десяти северо-восточнее Вязьмы. Здесь мы стали подытоживать все данные, которые смог собрать штаб. Немцы нанесли удар излюбленным способом: прорыв фронта на двух направлениях, создание внутреннего кольца окружения смыканием клиньев в глубине прорыва... Вот это для нас в тот момент было ясно. Значит, местом смыкания вражеских клещей оказалась Вязьма. Это мы уже знали, это сами наблюдали и чувствовали. Наша разведка подтвердила. Но где должно образоваться внешнее кольцо окружения, о чем не преминет позаботиться враг, еще известно не было. И нам предстояло это выяснить.

Вечером 6 октября к нам на КП приехал начальник оперативного управления штаба фронта генерал Г.К. Маландин и с ним наш старый добрый знакомый генерал И.П. Камера. Они разыскивали штаб фронта. Обстановку на фронте товарищи не представляли. Я рассказал им, что сумели мы разузнать, и посоветовал попробовать ночью пробраться севернее автострады на восток: туда, по всей вероятности, направился штаб фронта. Для безопасности Маландина и Камеру сопровождала группа наших офицеров. Эти товарищи благополучно выполнили задание, но на обратном пути их обстреляли немцы, двоих ранило, машина сгорела, и смельчаки пешком еле прорвались к нам.

Малинин доложил, что попытки разыскать какие-либо дивизии под Вязьмой тщетны. Предстояло подумать, что предпринять в этом странном положении.

Вернуться к своим войскам?

Враг, уплотняя внутреннее кольцо, уже лишил нас этой возможности. И главное, штаб 16-й армии предполагали использовать для выполнения какого-то задания, долг состоял в том, чтобы явиться и получить его.

Под вечер 6 октября штабной наш отряд перешел в лес северо-восточнее города и севернее автострады Вязьма — Можайск. На прежнем месте нас неоднократно засекали немецкие самолеты.

Всю ночь и весь следующий день работала разведка, высланная в разных направлениях. Установили: автостра-

да восточнее Вязьмы перехвачена бронетанковыми частями противника, они плотно оседлали это направление; в самой Вязьме немецкая мотопехота; по дороге на Сычевку непрерывно движутся вражеские войска.

Туманово еще не занято, и там оказался эскадрон войск НКВД. Он к нам с радостью присоединился.

Подтвердились данные, что западнее противником образован фронт, перехватывающий все дороги.

В тумановском лесу в заброшенной землянке собрались ближайшие мои сотрудники. Предложения сводились к тому, что ожидать больше нельзя. Рассчитывать, что подойдут силы с востока, не приходилось, а значит, и нечем было помочь окруженным войскам. Мы сами оказались зажатыми между внутренним кольцом окружения и внешним, которое немцы старались скорее укрепить.

Окончательное решение, принятое мною, — прорываться на северо-восток. Там, скорее всего, у противника недостаточная плотность. Там больше возможностей встретить выходившие из окружения наши части. Начинаем поход в ночь на 8 октября.

Было время, когда мы собирали попавших в беду солдат и офицеров, организовывали их, поднимали дух, говоря, что там, где командир действует по-настоящему, где крепкие коммунисты и комсомольцы, там люди с честью выполняют свой долг перед Родиной, преодолевая все трудности. Теперь это предстояло доказать и нам своими действиями.

Установлен порядок: весь личный состав объединен в подразделения, назначены командиры. Движение — тремя колоннами: правую ведет генерал Казаков, центральную — я, а второй эшелон, в котором следуют и все автомашины, — полковник Орел. Броневики и танки БТ-7 идут за центральной колонной, находясь у командующего под рукой на случай встречи с врагом. Организовано охранение на походе и разведка. Тут нас выручал кавалерийский эскадрон НКВД, действовавший на удаленных дистанциях. Все, кроме водителей машин, идут пешком.

У штабного автобуса Лобачев собрал людей. Офицеры, шоферы, бойцы... Последние указания: ни при каких обстоятельствах не разбиваться на мелкие группы, идем и сражаемся вместе, помня воинское правило — один за всех, все за одного; раненых ни в коем случае не оставлять, убитых, если обстоятельства не позволят вывезти, хоронить на месте.

В сумерках трудно было рассмотреть лица людей. Но мы чувствовали, что они правильно понимают командование. Война уже многому научила.

Ночь. Двинулись. Сыпал крупный дождь. Проселочные дороги раскисли.

Время от времени — остановки для подтягивания отстающих и выравнивания колонн. Больше всего задержек из-за машин, а набралось их около сотни. То и дело вытаскивали из грязи с помощью танков.

В пятнадцати километрах был намечен первый привал близ одной из деревень. При подходе к ней разведчики, а затем и головная застава натолкнулись на немецких мотоциклистов и пехоту на двух машинах. Завязали бой: поддержанные двумя танками, быстро разделались с противником. Немцы разбежались, оставив убитых, разбитую машину и несколько мотоциклов. В этой стычке главные силы нашего отряда не участвовали.

В пути неоднократно вспыхивала то слева, то справа перестрелка между нашими разъездами и мелкими группами немцев. Это настораживало людей, не внося никакого замешательства.

Поход проходил спокойно. Соблюдался строгий порядок.

В деревушке — не помню, право, названия — расположились на кратковременный отдых. Людям надо было поесть. (Между прочим, в Туманово, где к нам присоединились кавалеристы, на железнодорожной станции застряли продовольственные эшелоны; мы взяли все, что удалось, на свои грузовики, а остальное взорвали...)

Я, Лобачев, Малинин и еще кто-то из офицеров штаба и политотдела армии зашли в избу. Охваченные заметной тревогой, хозяева встретили гостеприимно. Вбежал мальчишка.

— Ну, юный разведчик, какие новости?..

Он, застеснявшись, сказал, что перед вечером через деревню прошло три фашистских танка и машин пять с солдатами. Хозяйка добавила: беженцы из Ново-Дугино и Тесово — это километров пятнадцать севернее — передавали, что там много вражеских танков и автомашин. Прут — спасу нет...

Ее прервал мужской голос из темного угла избы:

— Товарищ командир, что же вы делаете!..

Я повернулся и присмотрелся. На кровати лежал седобородый старик. Оказалось, отец хозяйки.

Пронзительно уставившись на меня, он говорил голосом, полным горечи и боли:

— Товарищ командир... сами вы уходите, а нас бросаете. Нас оставляете врагу, ведь мы для Красной Армии отдавали все, и последнюю рубашку не пожалели бы. Я старый солдат, воевал с немцами. Мы врага на русскую землю не пустили. Что же вы делаете?..

Эти слова помню и по сей день. Я ощутил их как пощечину, да и все присутствовавшие были удручены.

Конечно, мы попытались разъяснить, что неудачи временные, что вернемся обратно. Но, откровенно говоря, не осталось уверенности, что успокоили старого солдата, дважды раненного в первую мировую войну и теперь прикованного к постели. При расставании он сказал:

— Если бы не эта проклятая болезнь, ушел бы защищать Россию.

Снова в пути. Шагаю, а из головы никак не выходит эта изба, обреченная на бедствия семья, старый колхозник. Упрек его справедлив...

Миновав поле, центральная колонна опять втянулась в лес. Разведчики донесли: севернее нас продвигаются на восток части 18-й стрелковой ополченской дивизии. Мы ее подчинили себе, поставив задачу на совместные действия при встрече с противником.

С этого момента наша группа представляла уже довольно солидную силу, способную прорваться в любом направлении.

Соединение с нами обрадовало ополченцев. Но нужно сказать, что они в трудном положении не растерялись. Настроение и до встречи с нами было у них боевое. Это были москвичи, умевшие постоять за себя и за общее дело. Недаром во время битвы за Москву 18-я дивизия ополченцев, пройдя краткую, но умную школу под руководством опытного генерала Петра Николаевича Чернышева, героя обороны Смоленска, получила звание гвардейской...

Близился рассвет. Прошагали мы не менее тридцати километров по изнуряющему распутью. Очень устали. В это время мне и донесли, что примерно в трех километрах приземлился самолет У-2. Я послал туда полковника Баранчука, начальника ВВС армии. Вскоре он вернулся с радостной вестью — в Гжатске наши войска, накануне там были Ворошилов и Молотов.

Обрадовавшись, Баранчук не подумал, что нужно бы привести летчика, и даже не расспросил его более подробно.

Я приказал доставить летчика к нам, но самолет уже поднялся и полетел почему-то на запад.

Известие быстро распространилось в отряде. Отовсюду просьбы — разрешить продолжать дальнейший марш на машинах: до Гжатска оставалось не больше десяти километров.

Люди на самом деле устали, а шагать еще много. Наступил рассвет. Поэтому было принято решение двигаться на машинах к мосту у Гжатска. В целях осторожности передовой отряд был усилен двумя танками и броневиком. Кавалерия получила задание вести разведку севернее города, установить, где броды и переправы через Гжать. Ополченцы следовали на Гжатск во втором эшелоне, обеспечивая нас с запада и с юга.

Лобачев загорелся. Ему очень хотелось вперед.

— Может быть, еще застану Ворошилова! — объяснил он свое нетерпение.

Я ему разрешил отправиться с передовым отрядом, но только в бронемашине. И член Военного совета уехал.

Тронулась колонна штаба и управления, вытянувшись по одной дороге.

Понятным было общее желание быстрее переправиться через реку и встретиться со своими. Невольно ускорив движение, мы близ моста почти наступили на хвост головного отряда, который несколько растянулся. И в этот момент над перелеском, который мы проезжали, взвилось кольцеобразное облако, и тут же раздался взрыв.

Машины, находившиеся в голове колонны, в том числе и моя машина, рванулись вперед. Чем руководствовались мы тогда, совершая этот бросок, трудно объяснить, но мы это проделали и, выскочив на открытое пространство, сразу попали под обстрел крупнокалиберных пулеметов и танковых пушек.

Все стали рассыпаться в цепь.

На ходу сориентировавшись, я приказал частью сил колонны подкрепить передовой отряд, который уже вел огневой бой, находясь на западном берегу Гжати. Машины — убрать с дороги и замаскировать. Восемнадцатой дивизии — одним полком сковать противника у Гжатска, а главными силами попытаться прорваться значительно севернее.

Дело выглядело так. БТ-7 из головного охранения вырвался немного вперед, наскочил у моста на противотанковую мину и подорвался. По приближавшемуся отряду

враг открыл автоматный и пулеметный огонь. В броневик Лобачева угодил снаряд-болванка (позже его нашли внутри машины). Отряд спешился и вступил в бой. Мост оказался взорванным.

Тут подоспели мы, и вовремя, потому что, видя малочисленность наших, немцы пытались переправиться через реку.

Эта попытка была отбита.

Сведения летчика оказались ложными. Он нас направил прямо в лапы врага, случайно или нет — не знаю.

Итак, дорога, по которой мы надеялись прорваться к своим, была уже перехвачена вражескими частями. Без переправочных средств форсировать Гжать мы не могли. Вести затяжной бой — бессмысленно, так как противник стянул бы сюда достаточно сил и разделался с нами.

Перед Гжатском временно остались заслоны, а все наши силы незаметно для немцев совершили маневр на север, двигаясь перекатами. Отойдя на значительное расстояние, мы все еще слышали разрывы бомб на гжатском направлении. Над нами пролетали на большой высоте немецкие самолеты, но нас не атаковали.

И опять мы в пути. Двигаемся, опрокидывая немногочисленные вражеские отряды и обходя крупные группировки, собирая всех, кому удалось прорваться через внутреннее кольцо окружения. Видимо, это кольцо не столь уж плотное. Противник крепко держал лишь основные коммуникации.

Были найдены броды через Гжать, и в ночь на 9 октября мы благополучно переправились на противоположный берег. Не описываю всех событий, всех стычек с немцами, захвата и обеспечения переправ. Следуя на восток, мы вскоре выскользнули из сжимавшихся клещей внешнего фронта противника.

Только в лесах севернее Уваровки — в сорока километрах от Можайска — удалось наконец-то связаться со штабом фронта. Получили распоряжение прибыть в район Можайска.

В этот же день прилетели У-2 за мной и Лобачевым. Я дал указания Малинину о переходе на новое место, и мы направились к самолетам. Малинин на минуту задержал меня:

— Возьмите с собой приказ о передаче участка и войск Ершакову.

На вопрос, зачем это нужно, он ответил:

— Может пригодиться, мало ли что...

В небольшом одноэтажном домике нашли штаб фронта. Нас ожидали товарищи Ворошилов, Молотов, Конев и Булганин. Климент Ефремович сразу задал вопрос:

— Как это вы со штабом, но без войск шестнадцатой армии оказались под Вязьмой?

— Командующий фронтом сообщил, что части, которые я должен принять, находятся здесь.

— Странно...

Я показал маршалу злополучный приказ за подписью командования.

У Ворошилова произошел бурный разговор с Коневым и Булганиным. Затем по его вызову в комнату вошел генерал Г.К. Жуков.

— Это новый командующий Западным фронтом, — сказал, обратившись к нам, Ворошилов, — он и поставит вам новую задачу.

Выслушав наш короткий доклад, К.Е. Ворошилов выразил всем нам благодарность от имени правительства и Главного командования и пожелал успехов в отражении врага.

Вскоре меня вызвали к Г.К. Жукову. Он был спокоен и суров. Во всем его облике угадывалась сильная воля.

Он принял на себя бремя огромной ответственности. Ведь к тому времени, когда мы вышли под Можайск, в руках командующего Западным фронтом было очень мало войск. И с этими силами надо было задержать наступление противника на Москву.

Вначале Г.К. Жуков приказал нам принять Можайский боевой участок (11 октября). Не успели мы сделать это, как получили новое распоряжение — выйти со штабом и 18-й стрелковой дивизией ополченцев в район Волоколамска, подчинить там себе все, что сумеем, и организовать оборону в полосе от Московского моря на севере до Рузы на юге.

События развертывались стремительно.

14 октября мы прибыли в Волоколамск, а 16-го немецкие танки уже нанесли удар по левому флангу нашей армии.

ВОЛОКОЛАМСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Общая обстановка на Западном фронте к 14 октября оказалась очень тяжелой.

Враг двигался на Москву. Потребовались титанические усилия партии, правительства и Верховного Главнокомандования для ликвидации нависшей над столицей нашей Родины угрозы. Руководимый партией советский народ доказал еще раз, на что он способен в минуты опасности. Все было сделано, чтобы преградить дорогу вражеским войскам. Ставка срочно направляла на боевые рубежи отдельные части из района Москвы, спешно перебрасывались дивизии с других фронтов, из Средней Азии и с Дальнего Востока.

Мы понимали, что и от нас командование фронта ждет полной отдачи сил.

Все, что мы увидели в Волоколамске, напоминало мне обстановку, в которой уже пришлось воевать в июле на ярцевском рубеже. Но тогда я прибыл на угрожаемый участок только с горсткой незнакомых офицеров, даже без средств связи. А сейчас, в октябре, командующий армией имел хорошо сколоченный штаб, оснащенный всеми необходимыми средствами, способный быстро установить связь и наладить управление. Личный состав штаба прошел уже суровую школу войны в весьма сложных условиях. Люди сработались, знали и понимали друг друга, как говорится, с полуслова. Мы с Лобачевым, Казаковым, Орлом большую часть суток проводили в войсках, на переднем крае нашей растянутой линии обороны, знакомясь с местностью, изучая, насколько возможно в столь короткий срок, дивизии и людей. Я знал, что начальник штаба и его подчиненные ни минуты не теряют зря.

Коллектив политического отдела, возглавляемый Д.Ф. Романовым, не уступал штабному. Он состоял из крепких и закаленных большевиков, способных мобилизовать партийные и комсомольские организации на любое большое дело, воодушевить людей на подвиг.

Все это сыграло огромную роль в решении той сложной и ответственной задачи, которая была перед нами поставлена.

Развернув командный пункт в Волоколамске, мы немедленно разослали группы офицеров штаба и политотдела по всем направлениям для розыска войск, имевшихся в этом районе, и для перехвата прорывавшихся из окружения частей, групп и одиночек.

Первым в район севернее Волоколамска вышел 3-й кавалерийский корпус под командованием Л.М. Доватора. Он поступил в оперативное подчинение 16-й армии. Корпус состоял из двух кавалерийских дивизий — 50-й генерала И.А. Плиева и 53-й комбрига К.С. Мельника.

До прибытия к нам кавалеристы участвовали в боях на реке Межа и, получив приказ о выходе во фронтовой резерв для пополнения, двинулись на станцию Осуга (30 километров южнее Ржева). Но выяснилось, что пути дальнейшего движения перехвачены моторизованными и танковыми частями противника. Дивизии генерала Доватора оказались во вражеском тылу. Стали пробиваться из окружения. И вот к 13 октября вырвались в район Волоколамска.

3-й кавкорпус, правда сильно поредевший, был в то время внушительной силой. Его бойцы и командиры неоднократно участвовали в боях, как говорится, понюхали пороху. Командный и политический состав приобрел уже боевой опыт и знал, на что способны воины-кавалеристы, изучил сильные и слабые стороны противника.

Особенно ценной в тех условиях была высокая подвижность корпуса, позволявшая использовать его для маневра на угрожаемых направлениях, конечно, с соответствующими средствами усиления, без которых конники не смогли бы бороться с вражескими танками.

Хорошее впечатление произвел на меня командир корпуса Лев Михайлович Доватор, о котором я уже слышал от маршала Тимошенко. Он был молод, жизнерадостен, вдумчив. Видимо, хорошо знал свое дело. Уже одно то, что ему удалось вывести корпус из окружения боеспособным, говорило о талантливости и мужестве генерала.

Можно было не сомневаться, что задача, возлагаемая на корпус, будет выполнена умело. А она была очень сложной — организовать оборону на широком фронте севернее Волоколамска вплоть до Волжского водохранилища.

Левее кавалеристов расположился сводный курсантский полк, созданный на базе военного училища имени Верховного Совета РСФСР, под командованием полковника С.И. Младенцева и комиссара А.Е. Славкина. Этот полк из Солнечногорска был переброшен по тревоге под Волоколамск, где и приступил к организации обороны по восточному берегу реки Лама.

Алексей Андреевич Лобачев, узнав, что к нам пришли кремлевские курсанты, весь преобразился от нахлынувших чувств, и я не мог не послать его к ним. Наш член Военного совета гордился тем, что его боевая юность началась в стенах кремлевской военной школы. С какой радостью он рассказывал, что в двадцать первом году стоял часовым на посту № 27 — у квартиры Владимира Ильича Ленина!

Возвратившись, Лобачев рассказал, что настроение у курсантов бодрое, боевое.

— Хороший, надежный полк!

И на самом деле, в первых же боях полк Младенцева показал, что способен на многое.

На левом фланге, прикрывая Волоколамск с запада и юго-запада до реки Руза, стояла 316-я стрелковая дивизия, прибывшая из фронтового резерва. Командовал ею генерал И.В. Панфилов, а комиссаром был С.А. Егоров. Такую полнокровную стрелковую дивизию — и по численности, и по обеспечению — мы давно не видели. Командиры подобрались крепкие, а политработники были выдвинуты из партийного и советского актива Казахской ССР. При формировании дивизии большая помощь ей была оказана со стороны Центрального Комитета Коммунистической партии Казахстана.

Уже 14 октября я встретился с генералом Панфиловым на его командном пункте, и мы обсудили основные вопросы, касавшиеся действий его соединения. Беседа с Иваном Васильевичем оставила глубокое впечатление. Я увидел, что имею дело с командиром разумным, обладающим серьезными знаниями и богатым практическим опытом. Его предложения были хорошо обоснованы. Простое открытое лицо, некоторая даже застенчивость вначале. Вместе с тем чувствовались кипучая энергия и способность проявить железную волю и настойчивость в нужный момент. О своих

подчиненных генерал отзывался уважительно, видно было, что он хорошо знает каждого из них.

Бывает, человека сразу не поймешь — на что он способен, каковы его возможности. Генерал Панфилов был мне понятен и симпатичен, я как-то сразу уверился в нем — и не ошибся.

Изучение характера подчиненных командиров — необходимейшая сторона подготовки к бою. Почему? Потому, что в этих характерах — тоже резервы командующего. Это дело кропотливое, а у нас тогда времени было в обрез.

Понравилось мне и спокойное остроумие генерала. Оценивая участок от Болычево к реке Руза, где стоял один из его полков, он сказал:

— Да, здесь мы сели на колышки.

Меткая характеристика так называемой «укрепленной полосы» — вместо оборонительных сооружений там оказались только колышки, их обозначавшие: строители больше ничего не успели сделать.

Принимаем все меры, чтобы до начала вражеского наступления подготовить хотя бы укрепления полевого типа.

Исходя из оценки местности, мы считали, что, вероятнее всего, свой главный удар противник обрушит на левый фланг 316-й дивизии. Этому участку и командование армии и сам И.В. Панфилов уделяли наибольшее внимание, заботясь прежде всего о глубокой противотанковой обороне.

Командиры штаба армии и служб передавали войскам опыт, приобретенный в минувших боях, помогали словом и делом.

В каждом бою противник использовал главным образом свое подавляющее преимущество в танках. Этого нам опять следовало ожидать. Для противодействия танкам наметили бросить всю нашу артиллерию. Но ее у нас явно недоставало. Поэтому заранее предусматривался широкий маневр как траекториями, так и колесами. Спланировали перегруппировку артиллерии на угрожаемые участки, определили и изучили маршруты движения. Василий Иванович Казаков и его офицеры помогали командирам дивизий и артиллерийским начальникам организовать использование артиллерии всех видов, вплоть до зенитной и «катюш», для борьбы с танками, откуда бы те ни появились.

Каждой батарее и отдельному орудию, придаваемым пехоте или спешенной кавалерии для борьбы с танками, обязательно выделялись соответствующие стрелковые подразделения для прикрытия от немецких автоматчиков.

Подчинялись эти подразделения командиру батареи или орудия, которые они прикрывали. Это мероприятие 16-я армия ввела у себя, учитывая опыт боев, и оно себя оправдало.

Помимо того, были созданы подвижные отряды саперов с минами и подрывными зарядами. Посадили эти отряды на машины и на повозки. Задача — в процессе боя перехватывать танкоопасные направления, преграждать путь танкам в глубину нашей обороны.

На стыках и в промежутках между полками были отрыты и заминированы противотанковые рвы. В частности, 1075-й полк панфиловской дивизии свой левый фланг прикрывал 4-километровым рвом, поставив там 4 тысячи мин.

Оборонительные работы развернулись по всей полосе обороны 16-й армии, протяженность которой была почти сто километров.

Наряду с усовершенствованием обороны проводилась большая работа по укреплению политико-морального состояния бойцов. Она направлялась на то, чтобы все прониклись решимостью отстаивать занимаемый рубеж, не допуская мысли об отходе. И надо сказать, сделано в этом смысле было немало.

Сознание того, что на нас возложена задача защищать подступы к Москве, удесятеряло наши силы. Воины клялись сделать все, чтобы разбить врага.

Всем нашим бойцам было известно, как самоотверженно трудятся московские рабочие и работницы. Не зная отдыха, они превратили столицу в арсенал, снабжавший фронт оружием и боеприпасами. Москвичи — и это мы видели! — самозабвенно возводили противотанковые препятствия, ставили надолбы... Связь с рабочими коллективами столичных заводов не прекращалась даже в эти напряженные и до предела загруженные дни. Слово «Москва» заключало для каждого из нас — от большого начальника до рядового бойца — очень многое: все, за что боролись, в чем преуспели, создав рабоче-крестьянское государство.

Большую помощь 16-й армии на волоколамском направлении оказала партийная организация столицы. Ее заботами в октябре сорок первого года из москвичей-добровольцев были созданы десятки истребительных рот и батальонов; они вливались в армию, усиливали ее поредевшие в непрерывных боях части.

Помню, как сейчас: позвонил мне по ВЧ начальник московской милиции В.Н. Романченко:

— Не пригодится ли отряд милиции для действий на фронте?

— Будем очень рады ему.

Вскоре в Волоколамск прибыл прекрасно экипированный, внушительный отряд, сформированный из добровольцев — работников столичной милиции. Его мы использовали для действий в тылу врага, и он на протяжении длительного времени оказывал нам неоценимые услуги.

Нашим соседом была 30-я армия генерала В.А. Хоменко. Войска ее под давлением противника отходили севернее Московского моря. К началу боев связь с ней не была установлена. Слева, юго-восточнее Болычево, нашим соседом была 5-я армия, которой вначале командовал генерал Д.Д. Лелюшенко, а затем генерал Л.А. Говоров. С этой армией связь поддерживалась регулярно.

Малочисленность войск заставила нас выделить все соединения в первый эшелон, и каждое из них занимало оборону на широком фронте.

В резерве мы имели стрелковый полк 126-й дивизии. Он организованно вышел из окружения. Мы рассчитывали развернуть его в полнокровное соединение, пополняя с нашего сборного пункта. И еще была выведена в резерв для пополнения 18-я стрелковая ополченская дивизия. Разумеется, они держались наготове.

Армия получила на усиление два истребительно-противотанковых артиллерийских полка, два пушечных полка, два дивизиона московского артучилища, два полка и три дивизиона «катюш». По тому времени артиллерии у нас было много. Но учтите стокилометровый фронт обороны!..

Утром 16 октября противник нанес удар танковыми и моторизованными соединениями на левом фланге нашей армии — как раз там, где мы предполагали и где с особенной тщательностью готовились его встретить.

Только на этом участке враг сосредоточил четыре дивизии — две пехотные и две танковые. Главный удар пришелся по 316-й дивизии Панфилова, передний край которой проходил в 12—15 километрах от Волоколамского шоссе.

Завязались тяжелые оборонительные бои. Гитлеровцы вводили в бой сильные группы по 30—50 танков, сопровождаемые густыми цепями пехоты и поддерживаемые артиллерийским огнем и бомбардировкой с воздуха.

Встретив хорошо организованное сопротивление наших войск, противник отходил, но потом снова начинал атаки. Большие потери вынуждали врага вводить в бой новые и новые силы.

Сражение разгоралось на всем фронте обороны 16-й армии.

17 октября был атакован корпус Доватора севернее Волоколамска. В этот же день в районе Болычево на стыке с 5-й армией немцы бросили на полк 316-й дивизии до ста танков. Им удалось овладеть двумя населенными пунктами.

Пытаясь развить успех в глубину, немцы еще больше усилили натиск, но были встречены стянутой сюда с других участков артиллерией и, понеся большие потери в танках, отброшены назад.

Не продвинулись они и на рубежах, занимаемых спешенной конницей. Здесь тоже все атаки удалось отбить.

18 октября противник, стремясь во что бы то ни стало добиться успеха, ввел против 316-й стрелковой дивизии сотни полторы танков и полк мотопехоты в направлении Игнатково, Жилино, Осташово. Навстречу этой стальной лавине была выдвинута противотанковая артиллерия, пушечные батареи и «катюши».

Но вот еще около сотни вражеских танков появилось в районе Жилино, на южном берегу Рузы. Пришлось мне использовать ближайшие, а затем и все армейские артиллерийские резервы. Маневр артиллерией спас положение.

В результате двухдневного боя — 18 и 19 октября — гитлеровцы незначительно потеснили части дивизии Панфилова. Но враг понес такие потери в танках и живой силе, что вынужден был прекратить атаки.

Наши потери тоже были немалые. Артиллеристы, пехотинцы, саперы и связисты проявляли массовый героизм, отражая вражеский натиск. Случалось, артиллеристы продолжали вести огонь из поврежденных орудий. Пехотинцы встречали танки гранатами и бутылками с горючей смесью. Стрелковые подразделения, прикрывавшие орудия, гибли вместе с расчетами, но не покидали их. Связисты под сильнейшим огнем наводили связь и восстанавливали линии.

Противник вынужден был то и дело менять тактику применения танков. Пытался он пускать их мелкими группами вне дорог. Однако нашей артиллерией был предусмотрен маневр для отражения и таких попыток.

Передышка длилась недолго. Бои возобновились. Атаки следовали за атаками. Проявляя активность на всем фрон-

те, противник основное внимание по-прежнему сосредоточивал на волоколамском направлении, вводя здесь все новые части.

Обладая большим превосходством в силах, гитлеровцы постепенно, километр за километром, теснили наши войска. Создав мощный танковый кулак, немцы стремились пробиться к Волоколамскому шоссе. С воздуха их атаки все время поддерживала авиация.

К 25 октября противник овладел Болычево, Осташово, форсировал Рузу. Бросив в бой до 125 танков, он захватил станцию Волоколамск.

В десятидневных боях, с 16 по 25 октября, наша армия понесла чувствительные потери в артиллерии. Создалось весьма тяжелое положение.

Очень многое сделали в эти дни генерал Василий Иванович Казаков и его артиллеристы. Но все имеет предел. Настал момент, и Казаков доложил, что артиллерии у нас не хватает даже для борьбы с теми силами, которые враг уже бросил в сражение. А разведка и показания пленных свидетельствовали о появлении перед нами новых танковых частей. Нужно было во что бы то ни стало добиться усиления армии артиллерией.

Мне очень не хотелось, но я вынужден был обратиться по ВЧ к командующему фронтом Г.К. Жукову. Разговор предстоял не из приятных, я заранее это предвидел. Стоически выслушал все сказанное в мой адрес. Однако удалось добиться присылки в армию к утру 26 октября двух полков 37-миллиметровых зенитных пушек. Худо ли, хорошо ли, но это была помощь. У Жукова тоже в те дни каждая батарея была на счету.

Оба полка тут же были отданы Панфилову для противотанковой обороны полосы его дивизии.

Нажим врага на Волоколамск все усиливался. Против 316-й дивизии действовали помимо пехотных не менее двух танковых дивизий. Мне пришлось произвести некоторую перегруппировку для усиления левого фланга армии. Сюда форсированным маршем вышел корпус генерала Доватора (его у Волжского водохранилища заменила несколько пополненная 126-я стрелковая дивизия; туда же подтягивалась и 18-я стрелковая дивизия).

Как известно, на севере противник, продолжая наступление, 14 октября овладел Калинином, оттеснил правофланговые части 30-й армии, глубоко продвинулся на восток вдоль северного берега Московского моря. Таким об-

разом, немецкие войска заняли нависающее положение над нашим правым флангом. Как мне думается, Генеральный штаб при определении границ между Западным фронтом и Калининским (созданным 17 октября) допустил ошибку. Суть ее в том, что границу избрали не по такому крупному рубежу, каким являлось Волжское водохранилище, а отнесли ее южнее. И войска 30-й армии оказались разделенными на две части.

Фашистам удалось значительно потеснить и правый фланг другого нашего соседа — 5-й армии. Противник овладел Можайском и Рузой, продвинулся к востоку непосредственно на участке, примыкавшем к нашей полосе обороны, и обошел Волоколамск с юга.

В это же время после нескольких дней упорных боев отошел к востоку от рубежа реки Лама курсантский полк, оборонявшийся севернее Волоколамска. Значит, и с этой стороны врагу удалось занять нависающее положение. И наконец 27 октября, введя крупные силы танков и пехоты при поддержке артиллерии и авиации, противник овладел Волоколамском. Но попытка врага перехватить шоссе восточнее города, идущее на Истру, была отражена решительными и умелыми действиями вовремя прибывшей и изготовившейся к бою кавалерийской дивизии генерала Плиева с приданной ей артиллерией.

Именно в этих кровопролитных боях за Волоколамск и восточнее его навеки покрыла себя славой панфиловская дивизия. Ее в армии так и называли, и солдаты 316-й о себе говорили: «Мы — панфиловцы!» Счастлив генерал, заслуживший в массе бойцов так просто выраженную, но неизгладимую в сердцах любовь и веру.

Самоотверженно и умело сражался и курсантский полк С.И. Младенцева.

Именно эти стрелковые войска и действовавшие с ними артиллерийские части, невзирая на многократное превосходство врага, не позволили ему продвинуться дальше. Мы нанесли немецким соединениям огромный урон, особенно в танках.

Противник вынужден был сделать паузу для перегруппировки и подтягивания свежих сил.

Бои в районе Волоколамска и за Волоколамск вошли в историю. О них написано много книг, и повторяться не нужно. Скажу лишь одно: тогда все — от рядового до генерала — не жалели ни сил, ни жизни, чтобы преградить врагу путь к Москве.

Истощив силы в боях под Волоколамском и севернее его, гитлеровские войска остановились. В течение нескольких дней велись лишь бои местного значения.

По нашим наблюдениям, данным разведки и другим сведениям, немецко-фашистское командование, испытав прочность нашей обороны, решило подготовить новый удар. На волоколамско-истринское направление подходили свежие части, производилась какая-то перегруппировка к северу.

В эти дни с несколькими офицерами прибыл к нам вышедший из окружения генерал И.В. Болдин. От него мы узнали о судьбе войск Западного и Резервного фронтов, оказавшихся в окружении западнее Вязьмы (то есть 19, 20,24 и 32-й армий, в том числе и тех соединений, которые мы по приказу от 5 октября передали Ф.А. Ершакову). Из слов Болдина вытекало, что части, потеряв связь с вышестоящими штабами, самостоятельно, с огромным трудом пробивались через вражеские заслоны на восток, к своим.

Сам генерал Болдин с небольшой группой командиров и бойцов тоже лесами пробирался на восток. С ними был и раненый М.Ф. Лукин. В одну из ночей их внезапно атаковали немецкие автоматчики. После скоротечного боя прорываться пришлось уже в одиночку. Поэтому не сразу заметили отсутствие Михаила Федоровича Лукина. Впоследствии мы узнали, что в эту трагическую ночь он в бессознательном состоянии попал в плен.

И.В. Болдин убыл от нас в Москву и вскоре прославился как один из героев обороны столицы на левом крыле Западного фронта.

Используя наступившую передышку, вырванную у врага, войска нашей армии, ведя мелкие бои, продолжали укреплять оборонительные позиции.

А обстановка на фронте все усложнялась. Разведка доносила, что и на волоколамское направление и к правому флангу 16-й армии подтягиваются крупные вражеские силы. Нужно было со дня на день ожидать удара. Мы у себя в штабе тщательно обдумывали, как нам поспеть хотя бы несколько улучшить положение своих соединений. Так созрела мысль о Скирмановской операции, мысль довольно рискованная, но плодотворная.

В конце октября и начале ноября немцы захватили у нас на левом фланге несколько населенных пунктов, в том числе и Скирманово. Гитлеровцы нависли с юга над магистралью Волоколамск — Истра. Они не только прострели-

вали ее артиллерийским огнем, но и могли в любое время перехватить и выйти в тыл основной группировке нашей армии на этом направлении.

Обязательно нужно было изгнать противника из Скирманово и заблаговременно ликвидировать угрозу. Решение этой задачи выпало на долю 50-й кавалерийской дивизии генерала И.А. Плиева, 18-й стрелковой дивизии полковника П.Н. Чернышева и танковой бригады М.Е. Катукова, недавно прибывшей к нам. Привлекли также несколько артиллерийских частей и дивизионов гвардейских минометов.

Риск был в том, что мы решились на это дело в предвидении начала вражеского наступления. Как говорится, нужда заставила. Но в этом были и определенные преимущества: немецкое командование вряд ли могло предположить, что мы рискнем. Все товарищи — и Малинин, и Казаков, и Орел — с воодушевлением работали над планированием боевых действий и подготовкой частей. Несколько успокаивало то, что к правому флангу армии стали уже выдвигаться те кавдивизии, о которых недавно вел со мною речь командующий фронтом; их включили в состав 16-й армии.

Бои за Скирманово — с 11 по 14 ноября — прошли очень удачно. Артиллеристам, минометчикам и «катюшам» удалось нанести фашистам большой урон, а дружные атаки пехоты, поддержанные танками, довершили дело. Большую пользу принесла, во-первых, сильная группа автоматчиков-ополченцев, пробравшаяся ночью перед атакой в расположение противника, а во-вторых, выдвинувшиеся во фланг и почти в тыл гитлеровцам кавалеристы такого боевого генерала, как Плиев. Правда, герои конники сами попали в трудное положение, поскольку после завершения операции им пришлось с боем пробиваться назад. Но сражаться в тылу врага им было не впервой, и свое дело они выполнили с честью.

Разгром немецко-фашистских войск, занимавших Скирманово и другие селения, был полный. 10-я немецкая танковая дивизия, предназначавшаяся для перехвата Волоколамского шоссе, с большими потерями откатилась далеко назад.

На поле боя враг оставил до пятидесяти подбитых и сожженных танков, много орудий, вплоть до 150-миллиметровых пушек, минометы, сотни автомашин.

Эту картину я имел возможность наблюдать вместе с А.А. Лобачевым и Владимиром Ставским, приехавшим к нам от «Правды». Но Ставский, конечно, не только любовался воодушевляющим зрелищем разбитой немецкой техники. Он был вместе с людьми 16-й армии в самые неистовые дни, даже в таком пекле, как под Спас-Рюховским. Каково там было, знают защитники Волоколамска, а кто не знает, тому напомню: именно там встал, поднятый ночью по тревоге, 289-й противотанковый полк, и его командир майор Ефременко отдал приказ выложить у каждого орудия по сто снарядов... Рядом с майором был писатель-правдист. Мне об этом, между прочим, сказал по телефону находившийся на НП полка Василий Иванович Казаков. На вопрос, чем там Ставский занят, он ответил:

— В данный момент считает «юнкерсы», которые нас долбят... Насчитал двадцать семь.

Словом, как я уже упоминал, мы Владимира Ставского любили, и было за что...

Все мы чувствовали, что приближается новое суровое испытание в битве за родную Москву. И старались как можно лучше подготовиться к боям.

Чем пополнилась к этому моменту 16-я армия?

Прибывшие из Средней Азии 17,20,24 и 44-я кавалерийские дивизии (в каждой 3 тысячи человек) составили второй эшелон. Лошади оказались не перекованными к зиме, а в Подмосковье грунт уже замерз, на заболоченных местах появился лед, и это затрудняло передвижение конницы. Бойцы и командиры дивизий еще не имели навыков действий на пересеченной и лесисто-болотистой местности.

Обрадовала нас прибывшая из Сибири 78-я стрелковая дивизия. Ее привел под Москву замечательный боевой командир полковник А.П. Белобородов. Состояла она преимущественно из сибиряков, а среди наших прекрасных солдат сибиряки всегда отличались особой стойкостью, была полностью укомплектована и снабжена всем положенным по штатам военного времени. Трудно даже сказать, насколько своевременно сибиряки влились в ряды наших войск! Если под Волоколамском великую роль сыграла дивизия генерал-майора Ивана Васильевича Панфилова, то в ноябре не менее значительный вклад в решающие бои за Москву внесла дивизия полковника Афанасия Павлантьевича Белобородова.

Получили мы и две танковые бригады, но с небольшим количеством танков, и 58-ю танковую дивизию почти со-

всем без боевой техники. Несколько пополнилась артиллерия армии.

При всем этом противник имел подавляющее превосходство, особенно в танках и авиации.

Хочется отметить один момент, предшествовавший ноябрьским оборонительным боям. Неожиданно был получен приказ командующего Западным фронтом — нанести удар из района севернее Волоколамска по волоколамской группировке противника. Срок подготовки определялся одной ночью. Признаться, мне было непонятно, чем руководствовался командующий, отдавая такой приказ. Сил мы могли выделить немного, времени на подготовку не отводилось, враг сам готов был двинуться на нас. Моя просьба хотя бы продлить срок подготовки не была принята во внимание.

Как и следовало ожидать, частный контрудар, начатый 16 ноября по приказу фронта, принес мало пользы. На первых порах, пользуясь неожиданностью, нам удалось даже вклиниться километра на три в расположение немецких войск. Но в это время они начали наступление на всем фронте армии. Нашим выдвинувшимся вперед частям пришлось поспешно возвращаться. Особенно тяжело было конной группе Л.М. Доватора. Враг наседал на нее со всех сторон. Лишь благодаря своей подвижности и смекалке командира конники вырвались и избежали полного окружения.

Еще готовясь к этой операции, мы перенесли командный пункт армии в Теряеву Слободу. Немецкая авиация нас здесь основательно побомбила. Сильно пострадали оперативный и разведывательный отделы.

Штаб армии перешел в Ново-Петровское (на автостраде Волоколамск — Москва). Мы выбрали это место еще и потому, что располагали данными о сосредоточении крупных танковых сил именно против левого крыла 16-й армии. Отсюда было удобнее управлять войсками, которые, по-видимому, должны были встретить главный удар противника.

Перебираясь на новое место, мы с Лобачевым воспользовались случаем и заехали на несколько часов в Москву.

Увидели мы ее настороженной, ощетинившейся металлическими надолбами и рогатками, с баррикадами на окраинах и с амбразурами в стенах домов.

Город был сурово молчалив и грозен.

На подступах к городу десятки тысяч москвичей рыли окопы и противотанковые рвы. Тут больше всего было женщин, пожалуй всех возрастов.

Лица сосредоточенны. Чувствовалось, что люди понимают необходимость того, чем они заняты. Мы не заметили растерянности и уныния. Работа кипела. А погода была не из приятных — моросил холодный дождь, висел туман и все кругом окутала промозглая сырость.

Сознаюсь, что эти труженики, с таким спокойным упорством выполнявшие тяжелую земляную работу, тронули меня до глубины души. И к сердцу подступила еще более жгучая злоба и ненависть к врагу. Я взглянул на Лобачева и по его лицу понял, что им овладели те же чувства.

Мы сознавали, что то же самое испытывают все воины нашей армии и что битва, которая начнется не сегодня-завтра, будет решающей и послужит началом коренного поворота в ходе всей кампании. Право на такую уверенность давали нам октябрьские бои под Волоколамском. Как ни силен был враг со всей его мощной техникой, ему не удалось прорвать наш фронт. Невиданной была стойкость войск в этих боях.

...Наш штаб и управление уже расположились в Ново-Петровском. Военный совет разместился в соседней деревушке Устиново. Штаб имел связь со всеми соединениями и частями, с соседями справа и слева. Нужно отдать должное полковнику П.Я. Максименко, его неиссякаемой энергии, знанию дела и высоко развитому чувству ответственности за порученный участок работы. Именно благодаря этим качествам он в самых сложных условиях создавал нам возможность поддерживать непрерывную связь с войсками. На протяжении всего периода боев под Москвой связисты — солдаты, сержанты и офицеры — честно, с величайшей самоотверженностью выполняли свой воинский долг.

Еще один штрих тех дней, сильно запомнившийся. В Ново-Петровском нас навестил Емельян Ярославский с группой агитаторов Центрального Комитета партии. Этого человека народ знал и любил. Наши товарищи позаботились, чтобы из каждого полка прибыли люди его послушать, а там уж солдатская молва разнесет по позициям слово партии.

В помещении было полным-полно народу. Емельян Михайлович в своем пиджачке выделялся среди военных. Он сказал, что не станет делать доклад.

— Спрашивайте, товарищи, обо всем, что вас волнует, а я, как смогу, отвечу, — обратился к присутствующим Емельян Михайлович.

Вопросы посыпались со всех сторон. Невдалеке от Ярославского прямо на полу сидела тесная группа панфиловцев. Они были в белых маскировочных халатах и с автоматами в руках. Все с огромным вниманием слушали оратора.

К началу вражеского наступления у нас были собраны довольно точные данные о группировке немецко-фашистских войск. Против 16-й армии немцы сосредоточили 5-й армейский, 46-й и 40-й моторизованные корпуса 4-й танковой группы. Севернее Волоколамска занимали исходное положение 106-я и 35-я пехотные дивизии. На участке западнее и юго-восточнее Волоколамска против левого фланга нашей армии развернулись четыре танковые дивизии — 2, 11, 5 и 10-я — и моторизованная дивизия СС под названием «Рейх». Об этом неоднократно докладывалось в штаб фронта. Там, видимо, склонны были считать, что наши донесения преувеличивают силы противника. Мы, конечно, понимали товарищей. Им хотелось, чтобы сил у противника было меньше. Да ведь и мы не возражали бы против этого. Но пленные, взятые под Скирманово и на других участках, подтверждали наши сведения. Приходилось считаться с фактами и готовиться к худшему. Успокаивать себя и войска мы не имели права.

Для усиления нашего левого крыла был привлечен корпус Доватора. При нужде можно было бы сманеврировать на угрожаемый участок.

На левый фланг уступом назад мы подтянули 78-ю стрелковую дивизию.

ОТСТУПАТЬ НЕКУДА

Произведя перегруппировку, подтянув новые части и пополнив участвовавшие уже в боях соединения, 16 ноября немецко-фашистские войска группы армий «Центр», возглавляемые фон Боком, перешли в наступление, и сражение развернулось на широком фронте от Калинина до Тулы. На севере главный удар наносился в полосе 30-й, 16-й армий и правого крыла 5-й армии (Волжское водохранилище, железная дорога Москва—Можайск), на юге в полосе 50-й армии (Тула, Новомосковск в направлении на Каширу).

Сразу определилось направление главного удара в полосе нашей армии. Это был левый фланг — район Волоколамска, обороняемый 316-й дивизией и курсантским полком.

Атака началась при поддержке сильного артиллерийского и минометного огня и налетов бомбардировочной авиации. Самолеты, встав в круг, пикировали один за другим, с воем сбрасывали бомбы на позиции нашей пехоты и артиллерии.

Спустя некоторое время на нас ринулись танки, сопровождаемые густыми цепями автоматчиков. Они действовали группами по 15—30 машин. Всю эту картину мы с Лобачевым наблюдали с НП командира 316-й дивизии генерала Панфилова.

Танки лезли напролом. Одни останавливались, стреляя из орудий по нашим противотанковым батареям, другие, с подбитыми гусеницами, вертелись на месте... До десятка уже горело или начало дымить. Видно было, как из них выскакивали и тут же падали гитлеровцы.

Автоматчики, сопровождавшие танки, попав под наш огонь, залегли. Некоторым танкам все же удалось добраться до окопов. Там шел жаркий бой.

Части 316-й дивизии, поддерживавшая их артиллерия усиления, а также танки поддержки пехоты, которых у нас было очень мало, давали наступавшим гитлеровцам жестокий отпор. По снижавшимся самолетам дружно били счетверенные пулеметы и 37-миллиметровые зенитные пушки. И не безрезультатно! Время от времени то в одном месте, то в другом падал, дымя и пылая, немецкий самолет.

Именно в этот день у разъезда Дубосеково совершили свой всемирно известный подвиг двадцать восемь героев из панфиловской дивизии во главе с политруком Василием Клочковым. Его слова «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва» облетели всю страну и армию. Картина боя и поведение наших войск вызвали у меня твердую уверенность в том, что враг будет разбит, не достигнув Москвы. В этом бою я еще лучше узнал Ивана Васильевича Панфилова и его ближайших соратников. Командир дивизии управлял войсками уверенно, твердо, с умом. Если здесь будет уж совсем трудно, думалось мне, то помогать Панфилову нужно, лишь подкрепив его свежими силами, а использовать их он сможет без подсказки сверху. С таким убеждением мы покидали его наблюдательный пункт.

Лобачев отправился в курсантский полк, где тоже шел напряженный бой, а я поехал на свой основной КП — в Устиново, чтобы быть в курсе событий, развернувшихся во всей полосе обороны армии. Проезжая вдоль фронта, дважды попадал под обстрел немецких самолетов: они патрулировали над шоссе Волоколамск—Москва и гонялись за каждой машиной. Несколько раз останавливался в пути и прислушивался к гулу канонады — да, и на участке 18-й стрелковой дивизии тоже завязался бой...

К моему приезду штаб уже собрал и обобщил данные о событиях. Против 30-й армии противник вчера предпринял активные действия небольшими силами. Все его атаки были отбиты стоявшей на стыке с нами 107-й мотострелковой дивизией. С утра 16 ноября там началось более мощное наступление, но о результатах пока еще неизвестно. Правда, Малинин сказал, что только что поступило сообщение из нашей правофланговой 126-й дивизии: у ее соседа неблагополучно, немцы вклинились на стыке, командир 126-й вынужден был бросить туда свой резерв, а ведь он сам всеми средствами отражал атаки 14-й мотодивизии немцев.

На участке курсантского полка непрерывно продолжались ожесточенные атаки. Наша оборона нигде не была

прорвана. 18-я стрелковая дивизия, введенная в бой левее панфиловской, также мужественно отражала натиск врага. Однако на стыке между дивизиями создалось тяжелое положение: там гитлеровское командование ввело новые силы, предположительно 5-ю танковую дивизию. Впоследствии донесение подтвердилось. Обстановка вынудила меня обеспечить угрожаемое направление выдвижением кавалеристов И.А. Плиева и К.С. Мельника, что оказалось своевременным.

Положение на левом фланге 30-й армии нас сильно обеспокоило, тем более что к вечеру связь с ее штабом прервалась. Я обратился с просьбой к командующему фронтом передать в мое подчинение две кавалерийские дивизии и одну танковую, находившиеся в полосе нашей армии, в районе западнее Клина, но числившиеся в резерве фронта. Г.К. Жуков ответил, что они по указанию Ставки уже подчинены 30-й армии, которая с 17 ноября передается в состав Западного фронта. Должен сказать, что такое решение Верховного Главнокомандования было правильным, хотя и несколько запоздавшим.

17 ноября противник продолжал наступление, вводя все новые части. Холода сковали болота, и теперь немецкие танковые и моторизованные соединения — основная ударная сила врага — получили большую свободу действий. Мы это сразу почувствовали. Вражеское командование стало использовать танки вне дорог. Они обходили населенные пункты, двигались по перелескам и мелколесью. Если же противник не мог обойти наши позиции, то стягивал для прорыва массу танков, атаки сопровождались сильным артиллерийским и минометным огнем, а с воздуха удар наносили пикирующие бомбардировщики. Такой тактический прием осложнил борьбу наших войск. В ответ мы применили маневр кочующими батареями и отдельными орудиями и танками. Они перехватывали фашистские танки и расстреливали их в упор. Борьбе с «бродячими» танковыми группами очень помогали саперы. Передвигаясь на автомашинах, они ставили на пути врага мины и фугасы. Нами поощрялась любая полезная инициатива, и это давало хорошие результаты. Каждый шаг по нашей земле стоил гитлеровцам больших жертв. Они теряли технику, слабела их ударная сила.

Но враг был еще силен и продолжал непрерывно наносить удары. Против нашего левого крыла, куда он уже бросил четыре танковые дивизии и одну мотодивизию СС, к 18 ноября появились части его 252-й пехотной дивизии. Противнику удалось значительно потеснить правофланговые части 5-й армии, введя дополнительные силы, быстро продвинуться в образовавшийся между армиями разрыв.

Возникла угроза выхода врага нам глубоко во фланг. Противник устремился к шоссе Волоколамск—Москва.

В этот критический момент и вступила в дело прибереrавшаяся нами 78-я стрелковая дивизия А.П. Белобородова. Ей была поставлена задача контратаковать рвущиеся к шоссе немецко-фашистские войска.

Белобородов быстро развернул свои полки, и они двинулись в атаку. Сибиряки шли на врага во весь рост. Удар они нанесли во фланг. Противник был смят, опрокинут, отброшен.

Этот умелый и внезапный удар спас положение.

Сибиряки, охваченные боевым азартом, преследовали врага по пятам. Лишь выдвинув на это направление новые части, немцы приостановили дальнейшее продвижение 78-й дивизии.

На других участках обороны армии также шли тяжелые бои. Намного превосходя наши войска в числе, имея большую подвижность, постоянную поддержку авиации, противник сравнительно легко создавал в процессе боя ударные группировки. Подмерзшая земля благоприятствовала ему. Он наносил удары то там, то здесь, добиваясь местного успеха. Нам же в каждом таком случае, поскольку достаточных резервов в глубине не имелось, приходилось снимать с какого-либо участка обороны часть сил, чтобы не допустить прорыва на угрожаемом направлении.

Мы вынуждены были отходить. За три дня непрерывных боев части армии местами отошли на 5—8 километров. Но прорвать оборону немцам нигде не удалось.

18 ноября, когда панфиловцы с упорством героев отбивали вклинившегося в их оборону противника, погиб на своем наблюдательном пункте генерал Панфилов. Это была тяжелая утрата. Всего несколько часов не дожил Иван Васильевич до радостного момента — дивизия, которую он так славно водил в бои, получила звание гвардейской. Беспримерный героизм и мужество солдат и офицеров 316-й, выдающиеся достоинства ее командира были высоко оценены партией и правительством. Мы только что услы-

шали в передаче Московского радио Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении дивизии орденом Красного Знамени. Она была переименована в 8-ю гвардейскую. И вдруг — известие о гибели генерала...

В ходе трехдневных боев немецкое командование, видимо, убедилось, что на волоколамском направлении ему не прорвать оборону советских войск. Поэтому, продолжая здесь наносить удар за ударом и медленно, по два-три километра за сутки, тесня наши части, оно начало готовить прорыв южнее Волжского водохранилища. Такое решение противника, вероятно, обусловливалось еще и тем, что немцы, наступавшие вдоль северного берега водохранилища в полосе Калининского фронта, сумели захватить железнодорожный мост и выйти на автостраду Москва—Ленинград.

На клинском направлении быстро сосредоточивались вражеские войска. Угроза с севера все усиливалась. Нажим на наше левое крыло, где были пущены в дело все резервы, не прекращался. Все это заставило думать о мерах, которые бы улучшили положение наших войск и позволили затормозить продвижение противника.

К этому времени бои в центре и на левом крыле шли в 10—12 километрах западнее Истринского водохранилища.

Само водохранилище, река Истра и прилегающая местность представляли прекрасный рубеж, заняв который заблаговременно, можно было, по моему мнению, организовать прочную оборону, притом небольшими силами. Тогда некоторое количество войск мы вывели бы во второй эшелон, создав этим глубину обороны, а значительную часть перебросили бы на клинское направление.

Всесторонне все продумав и тщательно обсудив со своими помощниками, я доложил наш замысел командующему фронтом и просил его разрешить отвести войска на истринский рубеж, не дожидаясь, пока противник силою отбросит туда обороняющихся и на их плечах форсирует реку и водохранилище.

Ко всему сказанному выше в пользу такого решения надо добавить и то, что войска армии понесли большие потери и в людях и в технике. Я не говорю уже о смертельной усталости всех, кто оставался в строю. Сами руководители буквально валились с ног. Поспать иногда удавалось накоротке в машине при переездах с одного участка на другой.

Командующий фронтом не принял во внимание моей просьбы и приказал стоять насмерть, не отходя ни на шаг.

На войне возникают ситуации, когда решение стоять насмерть является единственно возможным. Оно безусловно оправданно, если этим достигается важная цель — спасение от гибели большинства или же создаются предпосылки для изменения трудного положения и обеспечивается общий успех, во имя которого погибнут те, кто должен с самоотверженностью солдата отдать свою жизнь. Но в данном случае позади 16-й армии не было каких-либо войск, и если бы обороняющиеся части погибли, путь на Москву был бы открыт, чего противник все время и добивался.

Я считал вопрос об отходе на истринский рубеж чрезвычайно важным. Мой долг командира и коммуниста не позволил безропотно согласиться с решением командующего фронтом, и я обратился к начальнику Генерального штаба маршалу Б.М. Шапошникову. В телеграмме ему мы обстоятельно мотивировали свое предложение. Спустя несколько часов получили ответ. В нем было сказано, что предложение наше правильное и что он, как начальник Генштаба, его санкционирует.

Зная Бориса Михайловича еще по службе в мирное время, я был уверен, что этот ответ безусловно согласован с Верховным Главнокомандующим. Во всяком случае, он ему известен.

Мы немедленно подготовили распоряжение войскам об отводе ночью главных сил на рубеж Истринского водохранилища. На прежних позициях оставлялись усиленные отряды, которые должны были отходить только под давлением противника.

Распоряжение было разослано в части с офицерами связи.

Настроение у нас поднялось. Теперь, думали мы, на истринском рубеже немцы сломают себе зубы. Их основная сила — танки упрутся в непреодолимую преграду, а моторизованные соединения не смогут использовать свою подвижность.

Радость, однако, была недолгой. Не успели еще все наши войска получить распоряжение об отходе, как последовала короткая, но грозная телеграмма от Жукова. Приведу ее дословно:

«Войсками фронта командую я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обо-

роняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать. Генерал армии Жуков».

Что поделаешь — приказ есть приказ, и мы, как солдаты, подчинились. В результате же произошли неприятности. Как мы и предвидели, противник, продолжая теснить наши части на левом крыле, отбросил их на восток, форсировал с ходу Истру и захватил на ее восточном берегу плацдармы. Южнее же Волжского водохранилища он прорвал оборону на участке 30-й армии и стал быстро продвигаться танковыми и моторизованными соединениями, расширяя прорыв. Его войска выходили во фланг и в тыл оборонявшейся у нас на правом фланге 126-й стрелковой дивизии, а она и до этого была сильно ослаблена и еле сдерживала наседавшего врага. Одновременно был нанесен удар из района Теряевой Слободы, и немецкие танки с пехотой двинулись к Солнечногорску, обходя Истринское водохранилище с севера.

На клинском и солнечногорском направлениях создалась весьма тяжелая обстановка. Немецко-фашистское командование добилось здесь большого превосходства над нашими силами, введя в бой шесть дивизий: три танковые (6, 7 и 2-я), две пехотные (106-я и 35-я) и одну моторизованную (14-я).

Для организации противодействия противнику мною был послан в Клин мой заместитель генерал-майор Ф.Д. Захаров. К этому времени действовавшая здесь — соседняя справа — 30-я армия генерала Д.Д. Лелюшенко была передана Западному фронту. Нужно было объединить в одних руках управление войсками, оказавшимися на стыке двух армий. Вот для этого и был направлен генерал Захаров. Но сил для задержания наступавших вражеских войск здесь оказалось мало. Это были малочисленная 126-я стрелковая дивизия, очень слабая 17-я кавдивизия, 25-я танковая бригада, имевшая двенадцать танков, причем только четыре из них — Т-34. Подвергшиеся удару немцев части 30-й армии — 107-я дивизия числом около трехсот человек и 58-я танковая дивизия, не имевшая танков, были отброшены и рассеяны. Танковые соединения врага стали быстро продвигаться к Клину, обходя с севера части нашей армии. Собрав все, что только можно было в этих условиях собрать, генерал Захаров все же сумел организовать оборону самого города.

Вскоре по приказу командующего фронтом выехал в Клин и я с А.А. Лобачевым. Прибыв на место, мы могли только констатировать, что удержать город нельзя. Нужно

было думать об организации сопротивления врагу с целью задержать его продвижение на Дмитров и Яхрому. А такая угроза назревала. Я приказал Малинину прислать в район Клина генерала Казакова с артиллерией для борьбы с танками. Но утром 23 ноября мне сообщили о занятии противником Солнечногорска. В этой обстановке нельзя было нам с членом Военного совета оставаться на фланге. Надо было перебраться к центру армии, чтобы более оперативно управлять войсками, не допустить прорыва фронта.

Мне удалось с местной почты вызвать к проводу начальника штаба фронта В.Д. Соколовского. Доложил ему тяжелую обстановку, но наш разговор был прерван разрывом снаряда, угодившего в помещение телеграфа и повредившего провода. Бой уже шел в самом городе, куда ворвались вражеские танки, обошедшие Клин с севера.

Дав генералу Захарову указания и предоставив ему полную самостоятельность в руководстве всеми войсками, находившимися в районе Клина и восточнее его, я подчеркнул, что основной его задачей будет всеми силами и средствами как можно упорнее задерживать продвижение неприятеля на Дмитров и Яхрому и этим выиграть время, необходимое для подхода на это направление свежих сил. Пришлось предупредить, что вряд ли к нему прибудут затребованные мною артиллерийские средства, кроме 16-орудийного противотанкового полка, который уже успел отличиться в этот день в бою за Клин, подбив 33 танка противника.

После этого разговора, распрощавшись с Ф.Д. Захаровым и командиром 17-й кавалерийской дивизии В.А. Гайдуковым, конники которого самоотверженно сражались в боях за Клин, мы с Лобачевым выехали из горящего города.

У нас оставалась одна дорога — на Новощапово. Да и здесь на протяжении нескольких километров наши машины не раз попадали под обстрел немецких танков, вышедших северо-восточнее Клина. При переезде через реку Сестра — она уже замерзла — мы лишились сопровождавшей нас машины со счетверенной пулеметной установкой: немцы разбили ее.

Поскольку Солнечногорск был уже занят противником, пришлось двинуться в объезд через Рогачево. Нас было несколько человек на двух легковых автомобилях. Сила небольшая... Ехали ночью, со всеми мерами предосторожности. Все мы имели при себе автоматы и гранаты. Я кроме пистолета был вооружен отличным автоматом, подаренным

тульскими рабочими, и двумя гранатами. Ехали, не выпуская из рук оружия.

Но вот и Ленинградское шоссе. Дурыкино. Воинских частей тут не оказалось. Но было много беженцев из Солнечногорска. Они говорили, что их город много часов назад захватили фашистские танкисты. Обстановка, прямо скажем, безрадостная.

Глубокой ночью удалось нам добраться до нашего штаба. В.И. Казаков только что вернулся из-под Солнечногорска и сказал, что действительно там немцы. По его рассказу, командующий фронтом поручил оборону этого города генералу В.А. Ревякину (коменданту Москвы), тот якобы с задачей как следует не справился — вначале Солнечногорск заняли небольшие силы вражеских автоматчиков, а к вечеру подошли танки.

Положение вещей было, в общем, таково. На правом фланге, в районе Клина, крупные силы танковых и моторизованных немецких войск продолжали обтекать 16-ю армию с севера. Несмотря на героическое сопротивление группы генерала Захарова, на исходе 23 ноября противник овладел Клином. Но его попытки быстро развить успех на восток встретили упорное и организованное сопротивление. Захаров, при всей малочисленности имевшихся в его руках сил, вынудил немцев вести тяжелые бои. На солнечногорском направлении враг, оттеснив курсантский полк, обошел Истринское водохранилище и, овладев Солнечногорском, начал продвижение на юг, в сторону Москвы. Наши соединения вынуждены были отойти и на рубеже Истры, о чем я упомянул выше. Однако прорвать оборону армии врагу нигде не удалось, как он к этому ни стремился. Героические пехотинцы, артиллеристы, танкисты, минометчики, кавалеристы, саперы повсюду самоотверженно сдерживали натиск. Они организованной обороной и контратаками наносили немцам большой урон.

Наиболее опасная обстановка сложилась в районе Ленинградского шоссе. Захватив Солнечногорск, враг двигался к Москве. Резервов у нас не было. Собирали войска, ослабляя оборону на других участках. К этому прибегли и в данном случае. В.И. Казаков задержал под Солнечногорском снятые с истринских позиций и предназначавшиеся было под Клин 289-й и 296-й противотанковые полки, а также 138-й пушечный полк. Они уже развернулись и заняли позиции. Туда же была направлена кавалерийская

группа Доватора, усиленная двумя танковыми батальонами и двумя батальонами панфиловцев.

Поближе к Солнечногорску, в деревне Пешки, мы решили организовать временный КП армии, а основной перевести в Льялово.

Вечером 24 ноября мы уже были в Пешках. Около одной избы стоял танк Т-34. В комнате нашли группу офицеров, среди которых я увидел генералов И.П. Камеру, А.В. Куркина. Стоял шум. Все обсуждали создавшееся положение, и трудно было разобраться, что тут происходит.

Оказалось, что товарищи посланы сюда штабом фронта для уточнения обстановки. Пожимая мне руку, генерал Камера сказал:

— Хватит рассуждать, прибыл тот, кто отвечает за участок обороны, не будем ему мешать.

Я был ему за это благодарен. Штабная группа уехала. С нами остался командир какой-то танковой части, фамилию которого не помню. Танкисты по заданию фронта прибыли прикрыть солнечногорское направление.

Стали разбираться. Из доклада офицера нашего штаба выяснилось, что севернее деревни Пешки имеются незначительные силы из группы генерала Ревякина да несколько танков, стоявших непосредственно у шоссе. Соединения и части 16-й армии еще не вышли в назначенные моим приказом районы, штаб поддерживал с ними связь по радио.

Не успел я отдать распоряжение командиру танкистов уточнить, кто же прикрывает шоссе, как начался артиллерийский обстрел деревни. Один из снарядов угодил в наш дом, пробил стену, но не разорвался внутри.

Я спросил командира-танкиста, где его танки и что они делают, и получил удививший меня ответ: на позиции севернее деревни он оставил у пехотинцев два танка, а остальные ушли заправляться в Дурыкино.

— Вы уверены, что и эти два танка не отправились на заправку?

Офицер смутился. Пришлось ему сказать, что на войне обычно горючее подвозят к танкам из тыла, а не наоборот. Он получил распоряжение подтянуть все танки в Пешки и вышел его исполнять.

Вбежал наш офицер связи. Он доложил, что немецкие танки вошли в деревню по шоссе, автоматчики двигаются по сторонам, обстреливая дома.

В такую переделку мы еще не попадали. Первая мысль: «Где же войска, перекрывавшие шоссе?..» Вторая: «Где наши машины, целы ли?..» (Мы их оставили на южной окраине.)

Вышли из избы. Стали осматриваться. В деревне то впереди нас, то в стороне рвались снаряды. Некоторые проносились со свистом и мягко шлепались о землю или ударяли в постройки, в заборы, но не разрывались. По-видимому, это были болванки, которыми стреляли немецкие танки.

Ночь озарялась вспышками разрывов мин и массой светящихся разноцветными огнями трассирующих пуль. Подумалось: «Какая эффектная картина!..» Но тут же сознание опасности поглотило все.

У дома все еще стоял танк. Командир предложил мне сесть в него. Я приказал ему немедленно отправиться в танке на розыски своей части, прикрыть шоссе и не пропустить врага дальше железной дороги, пересекавшей Ленинградское шоссе в 6—8 километрах южнее Пешек.

Сами же мы — а собралось нас человек двенадцать, — разомкнувшись настолько, чтобы видеть друг друга, стали пробираться к оврагу в конце деревушки. Невдалеке промчался на большой скорости Т-34. Под сильным обстрелом неприятеля он скрылся из глаз.

Осторожно приблизились к шоссе и вскоре нашли свои машины. Наши товарищи — водители не бросили нас в беде.

Убедившись, что, блуждая под носом у противника, мы пользы никакой не принесем, я решил сразу отправиться в штаб армии и оттуда управлять войсками, сосредоточившимися на солнечногорском направлении.

В Льялово Малинин доложил, что уже несколько раз Жуков и Соколовский запрашивали, перешли ли в наступление войска армии под Солнечногорском. Дело в том, что командование фронта изменило задачу, поставленную мною снятым с истринских позиций войскам: им надлежало не обороняться у Солнечногорска, а наступать и выбить противника из города. Задача эта стала известна, когда соединения уже двигались форсированным маршем и, конечно, на организацию наступления времени не оставалось.

К сожалению, бывало и так, что вышестоящие инстанции отдавали распоряжения и приказы без учета времени и состояния частей, которым надлежало исполнять приказ.

В динамике боев такие распоряжения не поспевали за событиями и, когда доходили до войск, уже не соответствовали новой обстановке. В результате выходило, что приказ порой выражал лишь горячее желание, не опиравшееся на реальные возможности войск. Нижестоявшим начальникам это доставляло много хлопот. И много тревожных забот.

Наступление на Солнечногорск началось поспешно. Три кавалерийские дивизии пытались охватить врага, засевшего в городе, с юго-запада и с юго-востока. Первое время дело пошло успешно. Генерал Плиев с присущей ему энергией и стремительностью разгромил силами своей дивизии в Сверчково, Селищево и Мартыново 240-й пехотный полк немцев. Остальные наши части также несколько продвинулись вперед, но затем были остановлены и отброшены в исходное положение. Противник успел подтянуть достаточно сил для отражения всех атак группы Доватора, и не вина этого генерала, что войска не смогли выполнить задачу. Кавалеристы, поддержанные небольшим количеством танков и истребительно-противотанковой артиллерии, действовали решительно. Они атаковали неприятеля в спешенных боевых порядках. Многие населенные пункты по нескольку раз переходили из рук в руки. Но силы были неравными, и к ночи пришлось прекратить безуспешные попытки опрокинуть врага.

Большие потери понесла конница от ударов немецко-фашистской авиации. К утру 25 ноября соединения и части этой группы перешли к обороне. Общий итог боя можно сформулировать так: хотя наши войска не смогли отбросить противника от Солнечногорска, зато и ему не удалось развить успех в сторону Москвы.

Войска 16-й армии напрягали все силы, чтобы не допустить дальнейшего продвижения врага ни на один шаг. Бои не затихали ни на минуту. Немцы стали наступать и ночью, чего раньше почти никогда не делали. Они с остервенением рвались вперед. Враг шел, образно говоря, перешагивая через свои трупы.

Все мы, от солдата до командарма, чувствовали, что наступили те решающие дни, когда во что бы то ни стало нужно устоять. Все горели этим единственным желанием, и каждый старался сделать все от него зависящее, и как можно лучше. Этих людей не нужно было понукать. Армия, прошедшая горнило таких боев, сознавала всю меру своей ответственности.

Не только мы, но и весь Западный фронт переживал крайне трудные дни. И мне была понятна некоторая нервозность и горячность наших непосредственных руководителей. Но необходимыми качествами всякого начальника являются его выдержка, спокойствие и уважение к подчиненным. На войне же — в особенности. Поверьте старому солдату: человеку в бою нет ничего дороже сознания, что ему доверяют, в его силы верят, на него надеются... К сожалению, командующий нашим Западным фронтом не всегда учитывал это.

С Г.К. Жуковым мы дружим многие годы. Судьба не раз сводила нас и снова надолго разлучала. Впервые мы познакомились еще в 1924 году в Высшей кавалерийской школе в Ленинграде. Прибыли мы туда командирами кавалерийских полков: я — из Забайкалья, он — из Белоруссии. Учились со всей страстью. Естественно, сложился дружеский коллектив командиров-коммунистов, полных энергии и молодости. Там были Баграмян, Синяков, Еременко и другие товарищи. Жуков, как никто, отдавался изучению военной науки. Заглянем в его комнату — все ползает по карте, разложенной на полу. Уже тогда дело, долг для него были превыше всего.

В самом начале тридцатых годов наши пути сошлись в Минске, где мне довелось командовать кавалерийской дивизией в корпусе С.К. Тимошенко, а Г.К. Жуков был в этой же дивизии командиром полка. Накануне войны мы встретились в ином качестве: генерал армии Жуков командовал округом, а я, в звании генерал-майора, — кавалерийским, а затем механизированным корпусом. Георгий Константинович рос быстро. У него всего было через край — и таланта, и энергии, и уверенности в своих силах.

И вот на Западном фронте во время тяжелых боев на подступах к Москве мы снова работаем вместе. Но теперь наши служебные отношения порой складываются не очень хорошо. Почему? В моем представлении Георгий Константинович Жуков остается человеком сильной воли и решительности, богато одаренным всеми качествами, необходимыми крупному военачальнику. Главное, видимо, состояло в том, что мы по-разному понимали роль и форму проявления волевого начала в руководстве. На войне же от этого многое зависит.

Мне запомнился разговор, происходивший в моем присутствии между Г.К. Жуковым и И.В. Сталиным. Это было чуть позже, уже зимой. Сталин поручил Жукову провести

небольшую операцию, кажется в районе станции Мга, чтобы чем-то облегчить положение ленинградцев. Жуков доказывал, что необходима крупная операция, только тогда цель будет достигнута. Сталин ответил:

— Все это хорошо, товарищ Жуков, но у нас нет средств, с этим надо считаться.

Жуков стоял на своем:

— Иначе ничего не выйдет. Одного желания мало.

Сталин не скрывал своего раздражения, но Жуков не сдавался. Наконец Сталин сказал:

— Пойдите, товарищ Жуков, подумайте, вы пока свободны.

Мне понравилась прямота Георгия Константиновича. Но когда мы вышли, я сказал, что, по-моему, не следовало бы так резко разговаривать с Верховным Главнокомандующим. Жуков ответил:

— У нас еще не такое бывает.

Он был прав тогда: одного желания мало для боевого успеха. Но во время боев под Москвой Георгий Константинович часто сам забывал об этом.

Высокая требовательность — необходимая и важнейшая черта военачальника. Но железная воля у него всегда должна сочетаться с чуткостью к подчиненным, умением опираться на их ум и инициативу. Наш командующий в те тяжелые дни не всегда следовал этому правилу. Бывал он и несправедлив, как говорят, под горячую руку.

Спустя несколько дней после одного из бурных разговоров с командующим фронтом я ночью вернулся с истринской позиции, где шел жаркий бой. Дежурный доложил, что командарма вызывает к ВЧ Сталин.

Противник в то время потеснил опять наши части. Незначительно потеснил, но все же... Словом, идя к аппарату, я представлял, под впечатлением разговора с Жуковым, какие же громы ожидают меня сейчас. Во всяком случае приготовился к худшему.

Взял трубку и доложил о себе. В ответ услышал спокойный, ровный голос Верховного Главнокомандующего. Он спросил, какая сейчас обстановка на истринском рубеже. Докладывая об этом, я сразу же пытался сказать о намеченных мерах противодействия. Но Сталин мягко остановил, сказав, что о моих мероприятиях говорить не надо. Тем подчеркивалось доверие к командарму. В заключение разговора Сталин спросил, тяжело ли нам. Получив утвердительный ответ, он с пониманием сказал:

— Прошу продержаться еще некоторое время, мы вам поможем...

Нужно ли добавлять, что такое внимание Верховного Главнокомандующего означало очень многое для тех, кому оно уделялось. А теплый, отеческий тон подбадривал, укреплял уверенность. Не говорю уже, что к утру прибыла в армию и обещанная помощь — полк «катюш», два противотанковых полка, четыре роты с противотанковыми ружьями и три батальона танков. Да еще Сталин прислал свыше двух тысяч москвичей на пополнение. А нам тогда даже самое небольшое пополнение было до крайности необходимо.

На клинском направлении дело усложнялось. Генерал Захаров объединил все части, находившиеся в том районе. В его группе войск были 17-я кавалерийская, 126-я и 133-я стрелковые дивизии, полк училища имени Верховного Совета и 25-я танковая бригада (вернее сказать, то, что осталось от этих соединений). У противника же, как мы установили в ходе боев, на дмитровско-яхромском направлении действовали части 6-й и 7-й танковых дивизий, 23-я и 106-я пехотные дивизии, а с 1 декабря здесь появились и части 1-й танковой дивизии.

Конечно, остановить массу немецко-фашистских войск, устремившихся к Дмитрову и Яхроме, группа Захарова не могла. Но задачу всемерно замедлить продвижение врага она выполнила блестяще. Отходя с тяжелыми боями от рубежа к рубежу, войска под командованием Ф.Д. Захарова вынуждали противника останавливаться, развертываться и пробивать себе дорогу. В десятидневных боях, оказываясь иногда в окружении, прорываясь и нанося удары по врагу с фронта и с тыла, воины группы, как и все защитники Москвы, воодушевлялись одним желанием — уничтожать любыми способами как можно больше гитлеровцев, ослаблять их силы до решающего момента. А этот момент приближался...

В боях на дмитровско-яхромском направлении особо отличились кремлевские курсанты и стрелковый полк 133-й дивизии, которым командовал полковник Н.Н. Мультан.

Немецкое командование заметно торопилось, вводя в действие последние резервы. Именно об этом свидетельствовало появление на правом фланге 16-й армии частей 1-й танковой дивизии из состава 3-й танковой группы противника. И хотя враг, пользуясь еще превосходством в силах, продолжал теснить наши войска, а мы вынуждены были

бросить в бой все, что имелось в армии, можно было почувствовать, что недалек кризис сражения.

Но пока нам еще приходилось переносить свой командный пункт все ближе к Москве. Не успели даже обосноваться в Льялово, как на северо-восточной окраине села развернулся бой с немецкими танками. В нем пришлось участвовать всем, кто находился в этом районе, в том числе и некоторым работникам штаба армии. Выручил нас дивизион 85-миллиметровых противотанковых пушек. Артиллеристы подожгли несколько танков, и атака захлебнулась.

Танки врага пылали на фоне темного неба. Под свист и разрывы снарядов нам пришлось из Льялово уйти в Крюково. В этих условиях с особым удовлетворением я наблюдал педантичную и уверенную работу нашего начальника штаба. Аппарат управления войсками был гибок и чуток, как никогда.

В связи с выходом фашистских войск к Льялово командующий фронтом удовлетворил нашу настойчивую просьбу и прислал на усиление армии одну танковую бригаду, очень малочисленную, но с опытным командиром Ф.Т. Ремизовым, затем — стрелковый полк, отдельный кавалерийский, пушечный и противотанковый полки. Сам этот перечень свидетельствует, что и командование фронта резервов уже не имело. Оно, как и мы внутри своей армии, брало часть сил с одного участка и бросало их на другой, где было тяжелее всего в данный момент.

Вытянувшаяся в нитку оборона 16-й армии находилась все время под угрозой, где-то она могла лопнуть. Приходилось изощряться, чтобы не допустить этого. Если где-то в обороне обнаруживалась опасная трещина, изыскивали средства, готовили, фигурально выражаясь, заплатку.

Такое положение было у нас в армии. Такое же и во фронте.

Получив подкрепление от Г.К. Жукова, мы по его приказу предприняли попытку контрудара по ворвавшейся в район Льялово вражеской группировке. Большого успеха не достигли, но продвижение противника на некоторое время задержали.

Вспоминая те дни, я мысленно представляю себе нашу 16-ю армию. Обессиленная многочисленными потерями, она цеплялась за каждую пядь родной земли, давая врагу жестокий отпор, ослабляя его силы. Отойдя на шаг, она вновь была готова отвечать ударом на удар, и это ей

удавалось. Остановить врага полностью она еще не могла, но и противник не мог прорвать сплошной фронт обороны армии.

Обе воюющие стороны находились в наивысшем напряжении сил. Сведения, которыми мы располагали, говорили, что все резервы, имевшиеся у фон Бока, использованы и втянуты в бой под Москвой. Войскам Западного фронта, в том числе и нашей армии, нужно было во что бы то ни стало продержаться.

Мы понимали: остается нам продержаться совсем недолго, и в этом святая наша обязанность.

Командующий Западным фронтом делал все возможное, чтобы хоть немного подкрепить ослабевшие войска, но при этом не втягивать в бой по частям прибывавшие стратегические резервы. Они решением Ставки стягивались к Москве, к районам наибольшей опасности. Их нужно было сохранить до решающего момента. Для этого требовались строгий расчет и огромная выдержка.

Ночью — было это в конце ноября — меня вызвал к ВЧ на моем КП в Крюково Верховный Главнокомандующий. Он спросил, известно ли мне, что в районе Красной Поляны появились части противника, и какие принимаются меры, чтобы их не допустить в этот пункт. Сталин особенно подчеркнул, что из Красной Поляны фашисты могут начать обстрел столицы крупнокалиберной артиллерией. Я доложил, что знаю о выдвижении передовых немецких частей севернее Красной Поляны и мы подтянули сюда силы с других участков. Верховный Главнокомандующий информировал меня, что Ставка распорядилась об усилении этого участка и войсками Московской зоны обороны.

Вскоре начальник штаба фронта В.Д. Соколовский сообщил о выделении из фронтового резерва танковой бригады, артполка и четырех дивизионов «катюш» для подготовки нашего контрудара. К участию в нем мы привлекли из состава армии еще два батальона пехоты с артиллерийским полком и два пушечных полка резерва Ставки. (Раньше эти силы намечалось перебросить под Солнечногорск.)

Сбор и организация войск для столь важного дела были возложены на генерала Казакова и полковника Орла. Они немедленно отправились в Черную Грязь, где находился вспомогательный пункт управления. Туда же вслед за ними выехал и я.

Затягивать организацию контрудара было нельзя. Все делалось на ходу. Войска, прибывавшие форсированным

маршем в район Черной Грязи, получали задачу и, не задерживаясь, занимали позиции.

С утра началось наступление. Наши части, поддержанные сильным артиллерийским огнем и мощными залпами «катюш», атаковали врага, не давая ему возможности закрепиться. Противник сопротивлялся ожесточенно, переходил в контратаки. С воздуха обрушивались удары его авиации. Однако к исходу дня немцы с их танками были выбиты из Красной Поляны и отброшены на 4—6 километров к северу. Совместно с частями 16-й армии в этом бою участвовали войска Московской зоны обороны.

Только успели мы разделаться с противником на этом участке, исключив возможность обстрела Москвы тяжелой артиллерией, как осложнилась обстановка на солнечногорском направлении. Здесь действовали наши 7-я и 8-я гвардейские дивизии, один полк 354-й дивизии, кавкорпус Доватора и 20-я кавалерийская дивизия. Противник оттеснил эти войска на рубеж Клушино, Матушкино, Крюково, Баранцево. Все, что возможно, мы ввели в бой и на этом участке. Однако оставлять КП армии в Крюково уже было нельзя. Снаряды и мины рвались на улицах. На северной окраине наши отбивались от немецких танков. Самолеты врага бомбили оборонявшихся.

В этом бою приняла участие и наша авиация. Впервые с начала войны мне пришлось увидеть такое сравнительно большое число наших самолетов. Действовали они весьма активно. Правда, численное превосходство в воздухе над полем боя оставалось на стороне врага. Да пожалуй, и по своему качеству немецкие самолеты пока еще были более совершенны. И все же появление в небе наших истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков воодушевляло войска.

Из Крюково мы со штабом перебрались на новый командный пункт, к этому времени уже подготовленный. Ожесточенные непрерывные бои продолжались на всем фронте и нашей, и соседних, справа и слева, 30-й и 5-й армий. Тяжело было всюду. Левофланговые части 30-й армии противник отбросил на восточный берег канала Москва—Волга, ему удалось даже небольшими силами форсировать канал южнее Дмитрова. Значительно были потеснены правофланговые части 5-й армии.

Главный же удар в эти решающие дни по-прежнему приходился в полосе нашей 16-й армии, против которой были сосредоточены основные силы немецко-фашистских войск, состоявшие преимущественно из танковых и мото-

ризованных дивизий. Здесь, на ближайшем к Москве фланговом направлении, враг стремился прорвать фронт, используя все для этой цели.

Последним усилием врагу удалось еще потеснить левый фланг нашей армии до рубежа Баранцево, Хованское, Петровское, Ленино. И на этом он выдохся.

Здесь боролись с немецкими войсками две дивизии — 18-я Московская стрелковая и 78-я. Оба соединения уже заслужили звание гвардейских. Бывшая ополченская дивизия стала под командованием П.Н. Чернышева 11-й гвардейской, а 78-я под командованием А.П. Белобородова — 9-й гвардейской.

Еще продолжались ожесточенные схватки, особенно за Крюково, которое неоднократно переходило из рук в руки, но продвинуться дальше противник уже не мог. Мы успешно отражали все удары, продолжая наносить врагу большой урон.

А в это время заканчивали сосредоточение войска резерва Ставки Верховного Главнокомандования — 20-я и 1-я Ударная армии в районе севернее Москвы, за стыком 30-й и 16-й армий. Подходили резервы и южнее столицы.

Правда, на особо угрожаемых участках фронта некоторые из этих соединений были привлечены для усиления обороны, в частности в районе Яхромы. Но основные резервы Ставка сохранила для решающего момента. Это и определило в конечном счете исход сражения за Москву.

Всем памятны действия русских войск под командованием таких полководцев, как Барклай-де-Толли и Кутузов, в 1812 году. А ведь как один, так и другой тоже могли дать приказ войскам «стоять насмерть» (что особенно привилось у нас и чем стали хвастаться некоторые полководцы!). Но этого они не сделали, и не потому, что сомневались в стойкости вверенных им войск. Нет, не потому. В людях они были уверены. Все дело в том, что они мудро учитывали неравенство сторон и понимали: умирать если и надо, то с толком. Главное же — подравнять силы и создать более выгодное положение. Поэтому, не ввязываясь в решительное сражение, отводили войска в глубь страны.

Сражение у Бородино, данное Кутузовым, явилось пробой: не пора ли нанести врагу решительный удар? Но, убедившись в том, что противник еще крепок и что имевшихся к этому времени собственных сил недостаточно для подобной схват-

ки, Кутузов принял решение на отход с оставлением даже Москвы.

В течение первых дней Великой Отечественной войны определилось, что приграничное сражение нами проиграно. Остановить противника представлялось возможным лишь где-то в глубине, сосредоточив для этого необходимые силы путем отвода соединений, сохранивших свою боеспособность или еще не участвовавших в сражении, а также подходивших из глубины по плану развертывания.

Войскам, ввязавшимся в бой с наседавшим противником, следовало поставить задачу: применяя подвижную оборону, отходить под давлением врага от рубежа к рубежу, замедляя этим его продвижение. Такое решение соответствовало бы сложившейся обстановке на фронте. И если бы оно было принято Генеральным штабом и командующими фронтами, то совершенно иначе протекала бы война и мы бы избежали тех огромных потерь, людских, материальных, которые понесли в начальный период фашистской агрессии.

Прибыв в Москву, я был направлен в распоряжение командующего Западным фронтом Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, командный пункт которого перебрался из-под Смоленска в Касню. Туда я и направился.

Как на юго-западном направлении, так и на западном ни Генеральный штаб, ни командование Западного особого военного округа (ЗОВО; до июля 1940 г. Белорусский ОВО) не приняли кардинальных решений, диктуемых обстановкой с первого же дня войны для улучшения создавшегося крайне невыгодного положения, в котором оказались наши войска. Но так как в ЗОВО войск оказалось к началу войны меньше, чем в КОВО, то и противнику удалось сразу продвинуться на бóльшую глубину, чем на Юго-Западном фронте.

На меня возлагалась задача прикрыть смоленское направление и не допустить продвижения противника в сторону Вязьмы.

На мой вопрос, какие войска и откуда будут выделены для выполнения этой задачи, я получил ответ, что пока войска будут те, которые мне следует задерживать и подчинять себе, начиная по дороге от Москвы до Ярцево.

Более конкретные указания мне следовало получить у командующего фронтом.

В мое распоряжение Генштабом была выделена группа офицеров на автомашинах, радиостанция и две автомашины с счетверенными пулеметами и личным составом.

К вечеру наша маленькая группа прибыла на КП фронта и я представился командующему С.К. Тимошенко, которого знал раньше. В 1930—1931 годах он был командиром 3-го кавалерийского корпуса, в котором я командовал 7-й Самарской имени английского пролетариата дивизией. Встреча наша получилась теплой и сердечной. В ней не чувствовалось разницы в занимаемом положении. Семен Константинович не проявил никакого напускного величия, а сохранял простоту в обращении и товарищескую доступность, как в те времена, когда являлся комкором. Должен сказать, что он у всех нас, конников, пользовался не только уважением, но и любовью.

Ознакомившись с обстановкой по данным, имевшимся на это время в штабе фронта, я убедился: здесь ни у кого нет уверенности в том, что эти данные соответствуют действительности. С некоторыми армиями, в частности с 19-й и 22-й, связь нарушилась, и положение их оставалось неизвестным. Имелись, к примеру, непроверенные сведения о высадке крупного воздушного десанта в районе Ярцево, но если бы они и подтвердились, то оставалось неясным, прикрыто ли кем-либо ярцевское направление. Поступили также разрозненные и нечеткие сообщения о появлении в районе Ельни каких-то крупных танковых частей противника.

Получив дополнительные указания от командующего фронтом, чтобы задерживать всех, кто будет под любым предлогом отходить на восток, и подчинять себе любые части и соединения, которые могут оказаться на ярцевском направлении, а также организовать оборону этого рубежа, я в ту же ночь выехал в Ярцево. По пути подбирали всех, кто мог быть использован для организации противодействия врагу.

Итак, с этого момента началось формирование в районе Ярцево объединения, получившего официальное название — группа войск генерала Рокоссовского. Пополнялось оно также за счет накапливавшихся на сборном пункте бойцов, отставших от своих частей, вышедших из окружения. К сожалению, последние, вернее большинство из них, приходили без оружия, и нам с большим трудом удавалось вооружать их. Причем делать это приходилось во время боев, не прекращавшихся ни днем ни ночью. Люди познавали друг друга, можно сказать, сразу же в горячем деле.

В те дни текучесть личного состава была огромной.

В непрерывных боях со все усиливающимся на ярцевском направлении противником было много случаев проявления

героизма как со стороны отдельных лиц (красноармейцев, офицеров), так и подразделений и частей.

К великому прискорбию, о чем я не имею права умалчивать, встречалось немало фактов проявления военнослужащими трусости, паникерства, дезертирства и членовредительства с целью уклониться от боя.

Вначале появились так называемые «леворучники», простреливавшие себе ладонь левой руки или отстреливавшие на ней палец, несколько пальцев. Когда на это обратили внимание, то стали появляться «праворучники», проделывавшие то же самое, но уже с правой рукой.

Случалось членовредительство по сговору: двое взаимно простреливали друг другу руки.

Тогда же вышел закон, предусматривавший применение высшей меры (расстрел) за дезертирство, уклонение от боя, «самострел», неподчинение начальнику в боевой обстановке. Интересы Родины были превыше всего, и во имя их требовалось применение самых суровых мер, а всякое послабление шкурникам становилось не только излишним, но и вредным.

Вскоре наша группа слилась с 16-й армией, приняв ее наименование. Командующим назначили меня, начальником штаба — полковника М.С. Малинина, начальником артиллерии — генерал-майора В.И. Казакова, членом Военного совета — генерал-майора А.А. Лобачева. Мой предшественник генерал М.Ф. Лукин принял 20-ю армию вместо отозванного в Москву генерала П.А. Курочкина.

Во второй половине сентября нами был тщательно разработан план действий войск 16-й армии, в котором наряду с мероприятиями, не допускавшими прорыва нашей обороны противником, предусматривались и другие — на случай отхода.

Но командующий в то время Западным фронтом И.С. Конев утвердил только первую часть плана, а вторую, предусматривавшую порядок вынужденного отхода, отклонил. Считаю, что это решение являлось не совсем обдуманным и противоречило сложившейся обстановке. Враг еще был сильнее, маневреннее нас и по-прежнему удерживал инициативу в своих руках. Поэтому крайне необходимым являлось предусмотреть организацию вынужденного отхода обороняющихся войск под давлением превосходящего противника.

Следует заметить, что ни Верховное Главнокомандование, ни многие командующие фронтами не учитывали это обстоятельство, что являлось крупной ошибкой. В войска

продолжали поступать громкие, трескучие директивы, не учитывающие реальность их выполнения. Они служили поводом неоправданных потерь, а также причиной того, что фронты то на одном, то на другом направлении откатывались назад.

Общая обстановка, сложившаяся к 14 октября на Западном фронте, оказалась очень тяжелой. Нанеся удар своими крупными танковыми и моторизованными группами на флангах, противник смог прорвать фронт на обоих направлениях как на севере, так и на юге, быстро продвинуться в глубину и, сомкнув кольцо, окружить войска нескольких армий, оставленных на прежних рубежах западнее Вязьмы. Если в Смоленском сражении в июле 1941 года немецкому командованию подобный маневр не удался, то теперь он осуществился полностью. Окруженные наши войска, не получив помощи извне и мужественно сражаясь, погибли во вражеском кольце. На московском направлении оказалась почти пустота. Потребовались титанические усилия партии, правительства и ВГК для ликвидации нависшей над столицей Родины угрозы.

Расположив свой командный пункт в Волоколамске, мы немедленно разослали группы офицеров штаба и политотдела во всех направлениях для розыска и установления связи с войсками, находившимися уже в этом районе или прибывающими с тыла, и для перехвата выходящих из окружения частей, групп и одиночек.

Бои еще на дальних подступах к столице, предшествовавшие сражению на волоколамском направлении, сроднили личный состав армии с жителями столицы. Огромная забота, проявленная москвичами о воинах армии, подняла дух бойцов, воодушевила их на борьбу и победу.

Между тем противник, завершив окружение войск нескольких армий Западного и Резервного фронтов западнее Вязьмы, продолжал наступление на восток своими подвижными танковыми и моторизованными соединениями и уже 16 октября с утра нанес удар на левом фланге нашей 16-й армии. Встретив хорошо организованное сопротивление, фашисты отходили и вновь начинали атаки. Неся большие потери в живой силе и технике, враг вынужден был вводить в бой все новые и новые силы.

Вскоре сражение разгорелось на всем фронте обороны армии.

В боях с 16 по 27 октября всеми, от рядового солдата до командарма, было сделано все возможное для того, чтобы не допустить прорыва врагом нашей обороны...

Истощив свои силы в прошедших под Волоколамском и севернее его боях, противник приостановил наступление.

Используя временную передышку, войска армии вели мелкие бои, продолжая укреплять оборонительные позиции. В этот час вызвал меня в Звенигород прибывший туда комфронтом и предложил возглавить конную армию, которую мне предлагалось сформировать из прибывающих из Средней Азии четырех кавдивизий и корпуса Л.М. Доватора. Этой армии, по мнению Г.К. Жукова, предстояло прорвать вражеский фронт южнее Волжского водохранилища и нанести удар во фланг и тыл противнику, сосредоточивающемуся в районе Волоколамска. С большим трудом мне удалось доказать нецелесообразность затеи, которая могла привести только к бесполезной гибели множества людей и потере коней. Собранные вместе, кавалерийские соединения были бы легко истреблены авиацией и танками. Не знаю, то ли я убедил Жукова, то ли осложнившаяся обстановка на фронте повлияла, но, обязав меня обдумать его предложение, он к этому вопросу больше не возвращался.

Произведя перегруппировку, подтянув новые части и пополнив участвовавшие уже в боях соединения, немецко-фашистские войска группы армий «Центр», возглавляемые фон Боком, 16 ноября перешли в наступление.

К этому времени в 16-ю армию прибыло пополнение, в том числе кавалерийские дивизии, прибывшие из Средней Азии. С ними довелось натерпеться. Лошади оказались нековаными по-зимнему, и это в то время, когда в Подмосковье грунт замерз и образовался лед на мокрых и заболоченных местах. Они то и дело скользили и падали, затрудняя общее передвижение. Кроме того, личный состав не имел навыков действий на пересеченной и лесисто-болотистой местности, что снижало боевые качества соединений.

Зато прибывшая к нам из Сибири 78-я стрелковая дивизия, полностью укомплектованная личным составом и всем положенным по штатам военного времени вооружением и имуществом, возглавляемая А.П. Белобородовым, состоящая преимущественно из сибиряков, крепко нас обрадовала. Вошли в состав армии также две танковые бригады с небольшим количеством танков и одна так называемая танковая дивизия почти без них. Пополнилась несколько и наша артиллерия.

Перед самым началом неприятельского наступления неожиданно поступил приказ комфронтом Г.К. Жукова нанести удар из района севернее Волоколамска по вражеской группировке. Чем руководствовался знавший обстановку командующий фронтом, давая такой приказ, мне и до сегодняшнего дня непонятно. Ведь мы имели крайне ограниченные силы, а срок подготовки определялся одной ночью. Мои доводы об отмене этого наступления или о продлении хотя бы срока подготовки к нему остались без внимания.

Поначалу нашим частям, использовавшим неожиданность, удалось продвинуться до трех километров в глубину расположения противника, но затем еле удалось освободиться от этого вклинения. Участвовавшая в наступлении конная группа Л.М. Доватора отражала удары, наносимые врагом со всех сторон. Пользуясь подвижностью и смекалкой, она все же сумела вырваться и избежать полного окружения. Почти одновременно с этим нашим так называемым наступлением двинулся на всем участке, занимаемом армией, противник.

Наступил решающий момент. Правда, вражеское наступление не явилось неожиданным и к нему мы подготовились. Конечно, в пределах тех возможностей, которыми к тому времени располагали, хотя и очень ограниченных.

К началу наступления противника у нас были собраны достаточно точные данные о его группировке. Об этом неоднократно докладывалось в штаб фронта. Но по замечанию, сделанному мне комфронтом при разговоре с ним по ВЧ, будто бы мы «паникуем» и во много раз преувеличиваем вражеские силы, можно было сделать вывод: нашим донесениям не доверяют.

Между тем взятые в бою в районе Скирманово и северо-западнее Волоколамска пленные подтверждали имеющиеся у нас сведения. Мы, конечно, понимали, что командующему фронтом хотелось бы, чтобы сил у противника было меньше. Но ведь и мы не возражали бы против этого, только приходилось считаться с фактами и готовиться встретить худшее. Успокаивать, а тем более расслаблять себя и войска мы не имели права.

В трехдневных боях, встречая стойкую оборону наших войск, враг убедился, что на волоколамском направлении ему не удастся прорвать оборону. Продолжая упорно наносить удар за ударом на этом направлении, медленно оттесняя наши части на 2—3 км в сутки, он приступил к

подготовке удара южнее Волжского водохранилища на клинском направлении.

К этому времени бои шли в центре и на левом крыле армии в 10—12 км от Истринского водохранилища. Это водохранилище, река Истра и сама местность, прилегающая к ним, представляли прекрасный рубеж, заняв который заблаговременно можно было организовать прочную оборону небольшими силами.

Тщательно все продумав и всесторонне обсудив возникший план со своими помощниками, я ознакомил с ним командующего фронтом. Попросил разрешить нам отвести войска на выгодный рубеж, не ожидая, пока противник силой опрокинет с трудом оборонявшиеся войска и на плечах форсирует и реку, и водохранилище.

Командующий не принял во внимание всей целесообразности моей просьбы и приказал не отходить ни на шаг...

Привожу дословно содержание короткой, но грозной шифровки Жукова: «Войсками фронта командую я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать».

Не могу умолчать о том, что как в начале войны, так и в Московской битве вышестоящие инстанции не так уж редко не считались ни со временем, ни с силами, которым они отдавали распоряжения и приказы. Часто такие приказы и распоряжения не соответствовали сложившейся на фронте к моменту получения их войсками обстановке, нередко в них излагалось желание, не подкрепленное возможностями войск.

Походило это на стремление обеспечить себя (кто отдавал такой приказ) от возможных неприятностей свыше. В случае чего обвинялись войска, не сумевшие якобы выполнить приказ, а «волевой» документ оставался для оправдательной справки у начальника или его штаба. Сколько горя приносили войскам эти «волевые» приказы, сколько неоправданных потерь было понесено!

Снятые с истринских позиций войска, получившие приказ армии занять оборону у Солнечногорска, с тем чтобы задержать продвижение противника в сторону Москвы, форсированным маршем перебрасывались в указанный район. Но уже в пути по приказу комфронтом им была изменена задача: вместо обороны они получили распоряжение наступать и выбить противника из Солнечногорска. Этот эпизод

является ярким примером несоответствия желания возможностям.

На организацию наступления времени не отводилось. Оно началось поспешно, поскольку фронт настойчиво требовал наступать немедленно. Поначалу наши войска имели частичный успех, несколько продвинувшись вперед, но затем были остановлены и отброшены в исходное положение. Противник успел подтянуть достаточно сил для отражения всех наших попыток выбить его из города. Правда, врагу тоже не удалось развить успех в сторону Москвы.

Войска 16-й армии переживали тяжелые дни. Они напрягались из последних сил, чтобы не допустить дальнейшего продвижения врага ни на один шаг. Все мы, от солдата до генерала, чувствовали, что наступили решающие дни и что нужно во что бы то ни стало устоять. Каждый горел этим желанием и старался сделать все как можно лучше. Напрасно некоторые занимающие высокие посты начальники думали, что только они могут хорошо справляться с делами, что только они желают успеха, а к остальным, чтобы подтянуть их к собственному желанию, нужно применять окрики и запугивание...

На фоне описываемых событий хочу вспомнить один эпизод.

Как-то в период тяжелых боев, когда на одном из участков на истринском направлении противнику удалось потеснить 18-ю дивизию, к нам на КП приехал комфронтом Г.К. Жуков и привез с собой командарма 5 Л. А. Говорова, нашего соседа слева. Увидев командующего, я приготовился к самому худшему. Доложив обстановку на участке армии, стал ждать, что будет дальше.

Обращаясь ко мне в присутствии Говорова и моих ближайших помощников, Жуков заявил: «Что, опять немцы вас гонят? Сил у вас хоть отбавляй, а вы их использовать не умеете. Командовать не умеете!.. Вот у Говорова противника больше, чем перед вами, а он держит его и не пропускает. Вот я его привез сюда для того, чтобы он научил вас, как нужно воевать».

Конечно, говоря о силах противника, Жуков был не прав, потому что все танковые дивизии немцев действовали против 16-й армии, против 5-й же — только пехотные. Выслушав это заявление, я с самым серьезным видом поблагодарил комфронтом за то, что предоставил мне и моим помощникам возможность поучиться, добавив, что учиться никому не вредно.

Мы все были бы рады, если бы его приезд только этим «уроком» и ограничился.

Оставив нас с Говоровым, Жуков вышел в другую комнату. Мы принялись обмениваться взглядами на действия противника и обсуждать мнения, как лучше ему противостоять.

Вдруг вбежал Жуков, хлопнув дверью. Вид его был грозным и сильно возбужденным. Повернувшись к Говорову, он закричал срывающимся голосом: «Ты что? Кого ты приехал учить? Рокоссовского?! Он отражает удары всех немецких танковых дивизий и бьет их. А против тебя пришла какая-то паршивая моторизованная и погнала на десятки километров. Вон отсюда на место! И если не восстановишь положение...» и т.д. и т.п.

Бедный Говоров не мог вымолвить ни слова. Побледнев, быстро ретировался.

Действительно, в этот день с утра противник, подтянув свежую моторизованную дивизию к тем, что уже были, перешел в наступление на участке 5-й армии и продвинулся до 15 км. Все это произошло за то время, пока комфронтом и командарм 5 добирались к нам. Здесь же, у нас, Жуков получил неприятное сообщение из штаба фронта.

После бурного разговора с Говоровым пыл комфронтом несколько поубавился. Уезжая, он слегка, в сравнении со своими обычными нотациями, пожурил нас и сказал, что едет наводить порядок у Говорова.

ВПЕРЕД!

Так и не сумев прорвать оборону наших войск под Москвой, немецкие ударные группировки полностью израсходовали все резервы. И вражеское командование вынуждено было подумать об обороне. Все мы это чувствовали. Активные действия противника в последние дни нашего оборонительного сражения были всего лишь попыткой выиграть время, чтобы закрепиться и во что бы то ни стало удержаться на достигнутых рубежах вблизи Москвы.

Этот план нужно было сорвать. И такое решение своевременно было принято Ставкой Верховного Главнокомандования. Контрнаступление под Москвой не оставляло врагу времени для того, чтобы организовать оборону.

Еще до перехода в контрнаступление Ставка сочла нужным несколько подкрепить оборонявшиеся войска, выделив часть сил в распоряжение командования Западного фронта. Из них в нашу армию были переданы три стрелковые бригады. Фактически каждая представляла собою не больше чем усиленный стрелковый полк. Но это все же подкрепляло армию, и мы были рады.

В контрнаступление войска наши перешли без всякой паузы. В районе Красная Поляна, Льялово, Крюково бои вообще не прекращались. У Крюково они были особенно ожесточенными. За Крюково немцы цеплялись, как только могли. Здесь наступали части 8-й гвардейской дивизии, усиленные танковым батальоном, 17-я стрелковая бригада и 44-я кавдивизия с двумя пушечными артиллерийскими полками и двумя дивизионами «катюш».

К 8 декабря в результате почти трехдневного боя, доходившего часто до рукопашных схваток, а также обхода города с юго-запада сопротивление противника было сломлено. Оставив Крюково и ряд других окрестных селений,

немцы бежали на запад, бросая оружие и технику. В бою за Крюково наши части захватили около 60 танков, 120 автомобилей, много оружия, боеприпасов и другого военного имущества.

В селе Каменка враг бросил два 300-миллиметровых орудия, предназначавшихся для обстрела Москвы.

Перешли в наступление и главные силы армии на истринском направлении. Нанеся удары по фашистам, не успевшим еще, к нашему счастью, организовать оборону, войска сломили упорное сопротивление врага и начали преследование. Глубокий снежный покров и сильные морозы затрудняли нам применение маневра в сторону от дорог с целью отрезать пути отхода противнику. Так что немецким генералам, пожалуй, следует благодарить суровую зиму, которая способствовала их отходу от Москвы с меньшими потерями, а не ссылаться на то, что русская зима стала причиной их поражения.

При отступлении немецкие войска делали все, чтобы затормозить наше наступление. Они густо минировали дороги, устраивали всевозможные минные ловушки. Штаб армии старался быть поближе к головным частям, и приходилось часто обгонять войска, продвигаясь там, где наши саперы еще не успели снять минные препятствия. Ощущение, скажу, не из приятных... А задерживаться, пока все дороги и обочины станут полностью безопасными для движения, не позволяла обстановка: нельзя было допустить, чтобы противник успел оторваться от преследующих войск и прочно встать в оборону.

На своем пути гитлеровцы сжигали все деревни. Если где-либо сохранялась изба-другая, то она обязательно была заминирована. Помню, как-то мы с Лобачевым, Малининым и еще несколькими товарищами расположились обогреться в уцелевшем домике. Надо было срочно принять решение и подготовить распоряжение войскам для действий на следующий день. Дом, конечно, уже был разминирован, что подтверждали лежавшие рядом обезвреженные мины. Только собрались мы приняться за дела, как вошли сначала корреспонденты, а затем еще несколько человек с киноаппаратами. Помещение заполнилось людьми. В таких условиях не до работы. Пришлось невесело пошутить насчет минной опасности, и довольно скоро изба опустела.

С вводом в промежуток между 16-й и 30-й армиями войск двух армий резерва, переданных Западному фронту Ставкой ВГК, полоса наступления у нас значительно су-

зилась. Это позволило создать второй эшелон, чтобы наращивать силу удара там, где противник оказывал особенно сильное сопротивление.

Наступление развивалось успешно.

Соседняя справа 20-я армия, правда, медленно, но шла вперед на солнечногорском направлении. Соседняя слева 5-я армия также начала продвигаться на запад, имея задачей сковать как можно больше сил врага и этим помешать ему подкреплять направление, где наступали главные силы фронта.

Штаб фронта информировал нас и об успешном наступлении 30-й и 1-й Ударной армий, а также о том, что Ставка приказала перейти в наступление левофланговым соединениям Калининского фронта.

У меня в этой обстановке наибольшее беспокойство вызывало следующее обстоятельство: на пути наступления нашей армии был естественный рубеж — река Истра. Чтобы не дать врагу закрепиться на нем, соединения армии получили указание стремительно продвигаться вперед и форсировать реку. Мы заблаговременно подготовили соответствующую группировку войск для обхода Истринского водохранилища с севера и юга на случай, если противник взорвет шлюзы.

Бои уже шли на подступах к истринскому рубежу. Чувствовалось, что сопротивление врага усиливается и преодолеть рубеж с ходу не удастся. Поэтому все наше внимание было обращено на усиление обходящих групп — правой под командованием Ф.Г. Ремизова и левой под командованием М.Е. Катукова.

Гитлеровцы подорвали дамбу водохранилища. Хлынувшая вода образовала мощный поток, который создал огромные трудности для наших войск. Вот тут и сыграли большую роль подвижные группы. Своими ударами с севера и с юга Ремизов и Катуков облегчили выполнение задачи стрелковым дивизиям, вынудив противника к отступлению. Исход сражения был решен в нашу пользу.

На моих глазах сибиряки А.П. Белобородова в сильный мороз под огнем врага форсировали бушующий ледяной поток. В ход были пущены все подручные средства — бревна, заборы, ворота, плоты из соломы, резиновые лодки, — словом, все, что могло держаться на воде. И вот на этих подручных средствах сибиряки преодолели такое серьезное препятствие и обратили противника в бегство. Штурм хорошо обеспечивали артиллеристы и минометчики, прикрывавшие нашу пехоту во время переправы.

Артиллерия и минометы как в обороне, так и в наступлении оказались на высоте. И я считаю своим долгом это подчеркнуть. Еще задолго до начала Великой Отечественной войны наша партия и ее Центральный Комитет, предвидя значение и роль артиллерии на полях сражений, приняли надлежащие меры для обеспечения Вооруженных Сил страны артиллерийским и минометным оружием совершенных образцов. В целой сети учебных заведений (артучилище, артиллерийская академия, курсы усовершенствования и переподготовки) ковались высококвалифицированные командирские кадры. К чести лиц высшего командного состава, возглавлявших артиллерию Красной Армии, нужно сказать, что наша артиллерия по своим качествам, по уровню подготовки офицеров и всего личного состава была намного выше артиллерии армий всех капиталистических стран. И она это доказывала на протяжении всей Великой Отечественной войны.

Начиная с первых же боев основным средством противодействия вражеским танкам, которые подавляли своей массой и подвижностью, являлась прежде всего артиллерия. Неувядаемой славой покрыла она себя в битве под Москвой. В частности, это полностью относится к тем артиллерийским частям, которые входили в состав 16-й армии или взаимодействовали с ее соединениями. Твердая вера в мощь своего оружия удерживала личный состав батарей у орудий, несмотря на явное численное превосходство врага и нависавшую угрозу быть раздавленными надвигавшимися на артиллерийские позиции танками. Артиллеристы, где этого требовала обстановка, вели огонь до последнего снаряда и до последнего орудия, успешно отражая яростные атаки врага.

Преодолев истринский рубеж, войска 16-й армии продолжали с боями продвигаться на запад, не давая противнику возможности остановиться и организовать оборону. Для того чтобы оторваться от преследовавших и наседавших на него наших частей и сохранить свою живую силу, враг, отступая, бросал все, что мешало бегству. Все чаще на дорогах стали попадаться участки, заваленные оставленной немцами техникой и различного рода имуществом. Чего здесь только не было: сотни танков и самоходных орудий, тягачи, орудия разных калибров, тысячи всевозможных машин, ящики с боеприпасами. И все это было заминировано, как и обочины по сторонам таких завалов.

Продвижение войск, естественно, замедлялось. Вспомним, что в то время не было специальной техники для прокладывания колонных путей по целине и особенно по глубокому снегу. С помощью довольно примитивных средств инженерные части и пехота еле успевали справляться с расчисткой готовых дорог, не говоря уже о сооружении новых. Стремясь ускорить темп наступления, мы широко использовали лыжные подразделения, но они, конечно, оказались слишком слабыми, чтобы задержать отходившего врага на такое время, которое позволило бы подойти нашим главным силам.

Чем дальше отдалялись наши соединения и части от Москвы, тем больше возрастало сопротивление противника. Из документов, попадавших в наши руки, и показаний пленных стало известно, что Гитлер издал приказ о переходе к стратегической обороне. Тем самым ставилась задача во что бы то ни стало остановить продвижение советских войск и, используя наиболее выгодные естественные рубежи и суровые зимние условия, нанести им как можно больший урон, готовясь к летней кампании 1942 года.

Особенно упорные бои развернулись на волоколамском рубеже — том самом, с которого в октябре 1941 года началось сражение непосредственно за Москву. Тогда немецко-фашистское командование сосредоточило здесь огромные силы и предвкушало уже победное вторжение своих полчищ в нашу столицу. Теперь же вместо намечавшихся победоносных торжеств гитлеровцам пришлось позорно бежать на запад, думая лишь о том, как бы остановить наше наступление.

Но трудно было и нам. В длительных оборонительных сражениях, а затем в контрнаступлении войска 16-й армии понесли большие потери. В дивизиях насчитывалось по 1200—1500 человек. В это число входили артиллеристы, минометчики, саперы, связисты и работники штабов. Пехотинцев, или, как тогда было принято говорить, активных штыков, оставалось очень мало. Не лучше было и в соседних с нами армиях. Весьма серьезные потери в боях нес командный и политический состав.

Еще до подхода к рубежу на реках Лама и Руза командование Западного фронта все чаще стало прибегать к созданию группировок то на одном, то на другом участке. Для этого какая-то часть сил из одной армии передавалась в другую. Мы стремились хоть как-то наращивать силы для продолжения наступления. Подобная импровизация

давала некоторый успех, но частного характера. С выходом же на волоколамский рубеж стало совершенно ясно, что врагу удалось оправиться от полученных ударов: его оборона становилась все более организованной и прочной.

В первых числах января контрнаступление наших войск под Москвой завершилось. Северная и южная ударные группировки противника были разбиты и отброшены на 100—300 километров. Непосредственная угроза столице была ликвидирована.

Мы понимали, что победа в этой грандиозной битве, развернувшейся на огромном пространстве, в которой участвовали войска трех фронтов, будет началом коренного поворота в ходе всей войны.

СУХИНИЧИ

В середине января по решению Ставки Верховного Главнокомандования на разных участках советско-германского фронта было предпринято новое наступление. Войска Западного фронта тоже продолжали наступательные действия. И мы в них участвовали, но теперь уже не на правом, а на левом крыле фронта. 10-я армия, которой командовал генерал Ф.И. Голиков, переживала тяжелые дни. Немцы не только остановили ее, но, подбросив силы на жиздринском направлении, овладели Сухиничами — крупным железнодорожным узлом. Пути подвоза войскам левого крыла фронта, выдвинувшегося далеко вперед, в район Кирова, были перерезаны.

Управление и штаб 16-й армии получили приказ перейти в район Сухиничей, принять в подчинение действующие там соединения и восстановить положение.

Передав свой участок и войска соседям, мы двинулись походным порядком к новому месту. М.С. Малинин повел нашу штабную колонну в Калугу, а мы с А.А. Лобачевым заехали на командный пункт фронта.

Здесь нас принял начальник штаба В.Д. Соколовский, а затем и сам командующий.

Г.К. Жуков ознакомил с обстановкой, сложившейся на левом крыле. Он предупредил, что рассчитывать нам на дополнительные силы, кроме тех, что примем на месте, не придется.

— Надеюсь, — сказал командующий, — что вы и этими силами сумеете разделаться с противником и вскоре донесете мне об освобождении Сухиничей.

Что ж, я принял эти слова Георгия Константиновича как похвалу в наш адрес...

От Ф.И. Голикова 16-й армии передавались 322, 323, 324 и 328-я стрелковые дивизии и одна танковая бригада

вместе с участком фронта протяженностью 60 километров. Из наших старых соединений, с которыми мы сроднились в боях под Москвой, получили только 11-ю гвардейскую (может быть, читатель помнит ту дивизию московских ополченцев, с которой мы встретились, выходя из-под Вязьмы четыре месяца назад, и встали на позициях под Волоколамском; теперь это были гвардейцы, закаленные в огне сражения за Москву).

Соседом слева у нас оказалась 61-я армия, переданная к тому времени Западному фронту; ею командовал генерал М.М. Попов. А в командование 10-й армией вступил генерал В.С. Попов.

Таким образом, мы оказались между двумя Поповыми. В старину сказали бы: счастливое предзнаменование!

Путь наш лежал через Москву. Наступил вечер, когда мы подъехали к ней. На окраинах уже разобрали баррикады, но противотанковые сооружения еще оставались. Москвичи честно выполнили свой долг перед Родиной, поднявшись на защиту родной столицы с оружием в руках. Они самоотверженно трудились и в самом городе, обеспечивая войска, сражавшиеся под Москвой, всем необходимым. Теперь все заводы, фабрики, мастерские работали уже на полную мощность.

Город был затемнен. По улицам мчались с притушенными фарами машины, преимущественно военные. Они направлялись в сторону фронта. Везде строгая маскировка, тишина и порядок. Война и недавняя близость врага, конечно, наложили на город свой отпечаток. Но сердце подсказывало, что там, в этих домах, за этими затемненными окнами, люди уже живут по-другому. Это чувство было несказанно радостным.

Каждый из нас гордился тем, что и он принимал участие в великой битве.

Не могли мы не воспользоваться случаем, чтобы не заночевать в Москве. Лобачев предложил, я поддержал. Кстати, городской милицией руководил мой сослуживец по Забайкалью В.Н. Романченко. К нему мы и заехали. Между прочим, от него узнали, что был момент в октябре, когда Москва пережила несколько довольно тревожных дней. Нашлись люди — их было немного, — которые поддались панике. Городской комитет партии и административные органы, опираясь на массы трудящихся столицы, приняли меры и быстро ликвидировали эти настроения.

В благоустроенной квартире моего товарища мы испытали блаженство. После ночевок в машинах, окопах, землянках вдруг такая роскошь: горячая ванна, постели с чистым бельем. Светло, тепло и тишина — ни выстрелов, ни разрывов снарядов и бомб.

На рассвете, плотно позавтракав, отправились в Калугу, куда в этот день должен был прибыть весь штаб. Отсюда до места назначения было недалеко, и я решил остановиться в этом городе и наметить план дальнейших действий.

Управление и штаб уже приступили к работе.

Сама Калуга особенно не пострадала. Но следы поспешного отхода немцев были повсюду. Улицы и переулки загромождала брошенная отступавшими военная техника. За время пребывания в городе гитлеровцы обобрали жителей, как говорится, подчистую. Из продовольствия не осталось ничего. Жители города бедствовали, и нам пришлось принять все возможные меры, чтобы спасти многих от голодной смерти.

Ночью всесторонне обсудили, как нам действовать дальше. Пришли к выводу, что выгодно будет ввести противника в заблуждение: пусть думает, что к Сухиничам движется вся 16-я армия! Она немцам уже была известна по минувшим боям.

Головному эшелону штаба — а он уже разместился в Мещовске — дали указание не стесняться в разговорах по радио. Почаще упоминать 16-ю армию, называть дивизии (которых с нами, понятно, не было), фамилию командарма. И тому подобное. Одним словом, шуметь в эфире побольше.

— Атакуем с развернутыми знаменами! — весело сказал Малинин.

— Да! И с барабанами...

24 января мы были уже в Мещовске.

Штаб занялся своими неотложными делами. Генерал Казаков отправился в передаваемые нам артиллерийские полки изучить на месте их возможности. Мы же с членом Военного совета выехали на КП 10-й армии, который находился в Меховой. Маленькая эта деревушка утонула в снегах. О проезде на машине не могло быть и речи. Добирались на дровнях. Пожалуй, не совсем удачное место для командного пункта армии. И днем КП едва отыщешь, не говоря уж о ночи. Между тем днем в армии вообще было запрещено всякое движение из-за того, что немецкие самолеты буквально висели над дорогами.

В штабе мы получили неутешительные сведения о численности переходящих в наше подчинение дивизий. Отправились в войска знакомиться с ними лично.

В пути дважды попадали под обстрел одиночных немецких самолетов. Они действительно вели себя нахально, снижаясь до бреющего полета. На их огонь и мы ответили огнем из автоматов. Дело обошлось благополучно для нас и, конечно, для них. Требовалось принять самые срочные меры пресечения безнаказанных действий вражеской авиации.

Уже третий раз за войну наш штаб принимал управление новыми соединениями в крайне ограниченные сроки. Ни у кого не было сомнений, что под руководством Михаила Сергеевича Малинина все будет сделано вовремя. Пока мы работали в войсках, офицеры штаба спокойно и четко налаживали связь, организовывали разведку противника и местности, собирали все данные в духе ближайшей задачи — овладеть Сухиничами.

Вскоре мы довольно точно установили намерения противника. Предприняв наступление против 10-й армии, он преследовал ограниченную цель: захватом Сухиничей и ряда других населенных пунктов отбросить подальше на север наши войска от основной магистрали Орел—Брянск. Таким образом немцы улучшили бы свое положение и закрепились на захваченном рубеже на зиму.

В процессе продвижения на запад войска 10-й армии растянулись в нитку. Плохо управляемые и не успевшие еще организовать оборону, они были легко оттеснены, тем более что немецкое командование выдвинуло в район Жиздры войска, переброшенные из Франции. Одна из этих пехотных дивизий под командованием генерала фон Гильса и заняла Сухиничи, прочно там обосновалась и никуда не собиралась уходить.

В штабе фронта нам сообщили, что части 10-й армии окружили противника в Сухиничах. Да и в Меховой мне заявили, что этот город блокирует 324-я дивизия генерала Н.И. Кирюхина. Но командир дивизии, человек энергичный и здравомыслящий, откровенно сказал при знакомстве:

— Мы их окружили, знаете ли, флажками. Опасаюсь, как бы самим не очутиться в западне...

Побывав в войсках, принятых в состав 16-й армии, я увидел, что нужда во всем была огромная. Дивизии в наступлении прошли больше 300 километров; бойцов было мало, и они сильно устали. Каждая часть нуждалась в пополнении, вооружении и боеприпасах.

Поставленная фронтом задача не соответствовала силам и средствам, имевшимся в нашем распоряжении. Но это было частым тогда явлением, мы привыкли к нему и начали готовиться к операции, изыскивая, где и что можно собрать с других участков. Разумеется, шли на риск, но иного выхода не было. К тому же противник, добившись своей цели, никакой активности не проявлял.

Командный пункт перенесли в деревню Жердево, находившуюся от города километрах в двадцати.

В ударную группировку были включены 11-я гвардейская дивизия генерала П.Н. Чернышева и 324-я стрелковая, возглавляемая, как уже упоминалось, Н.И. Кирюхиным. Усилили их артиллерией.

Начались перегруппировка и сосредоточение.

Атака была намечена на утро 29 января. Ночью войска заняли исходное положение. Артиллерия еще раньше стала на позиции и подготовила огни.

По плану главный удар наносили гвардейцы. У Чернышева дивизия была сильнее и по численности и по вооружению. Пожалуй, и опыта у нее было побольше, чем у 324-й дивизии, которой надлежало нанести вспомогательный удар.

К назначенному времени все было готово. Я, Казаков и Орел находились на НП генерала Чернышева и уже поглядывали на часы.

Прожужжал зуммер. Командир дивизии взял трубку и вдруг с удивлением воскликнул:

— Не может быть!..

— Что там случилось? — невольно вырвалось у меня.

Удивляться было чему: из полка, стоявшего ближе других к городу, передали, что к ним прибежали несколько жителей и сообщили, будто немцы в панике покидают Сухиничи. Командир полка — человек решительный — выслал в город усиленную разведку и уже двинул туда батальон с двумя танками.

А до начала артподготовки оставались минуты.

Я что-то не верил этим сообщениям. Обычно немцы упорно защищаются в населенных пунктах, а тут — такой город! На лицах товарищей я тоже прочел недоумение. Казаков даже, поморщившись, махнул рукой: очередные немецкие штучки...

Как бы там ни было, но я решил задержать открытие артиллерийского огня. Казаков передал приказ на батареи.

Долетели звуки редкой перестрелки. Явно из города. Но стрельба не усиливалась. Что же там происходит?

С каждой минутой напряжение на НП возрастало.

И наконец снова сигнал вызова к телефону. У всех нас руки невольно потянулись к аппарату. Но тут же опустились — не следует мешать дежурному телефонисту. Он доложил, что к аппарату просят комдива. Все насторожились. И вот Чернышев прерывающимся от возбуждения голосом, но твердо говорит:

— По докладу командира полка, противник бежал из Сухиничей. Разведка, батальон с танками и полковой артиллерией уже в городе, а весь полк на подходе к нему.

Невольно у всех, кто был на НП, вырвалось громкое «ура».

Немедленно обеим дивизиям были поставлены новые задачи — выделить усиленные отряды для преследования и разведки.

Позвонил Малинину:

— До полного выяснения обстановки в штаб фронта о случившемся не доносить. Подготовить все для перевода КП в город и сейчас же выслать ко мне оперативную группу со средствами связи.

Сами же мы, не утерпев, тут же поехали в освобожденный от врага город, радуясь, что дело обошлось бескровно. По-видимому, дезинформация ввела-таки немцев в заблуждение, и они решили заблаговременно ретироваться. Впоследствии это и подтвердилось.

Задачу, поставленную командующим фронтом, армия выполнила: Сухиничи были в наших руках.

Уже рассвело, когда мы въехали в город. Жители из домов не показывались: должно быть, они не были еще уверены, что город освобожден.

Везде следы поспешного бегства. Улицы и дворы захламлены, много брошенной немцами техники и разного имущества. Во дворе, где размещался сам фон Гильс, стояла прекрасная легковая автомашина. В полной исправности, и никаких «сюрпризов». Вообще в городе мы нигде не обнаружили мин. Вряд ли можно было поверить, что гитлеровцы пожалели город. Они просто бежали без оглядки, спасая свою шкуру. Им было не до минирования.

В этот же день окончательно определился рубеж, на который отошел противник. Он проходил в шести километрах южнее города. Попытка преодолеть его частями Кирюхина и Чернышева не принесла успеха. Мы натолк-

нулись на хорошо организованную оборону. Силами, собранными на сухиничском направлении, прорвать ее было невозможно. Я решил поэтому наступление здесь приостановить и позаботиться о закреплении достигнутого успеха.

Главное — удержать Сухиничи. Противник мог, опомнившись, попытаться вернуть столь важный объект.

Именно эти соображения и заставили нас вечером того же дня перевести весь штаб 16-й армии в Сухиничи. Если уж командарм со своим штабом здесь, то ни у кого не будет и мысли, что город может быть оставлен.

За каждым отделом штаба и управления были закреплены районы, которые они обязаны были подготовить к обороне и защищать в случае наступления и прорыва врага. Рубежи перед городом заняла 11-я гвардейская дивизия, командный пункт Чернышева располагался недалеко от нас.

Вечером 29 января командующему фронтом было доложено, что Сухиничи освобождены. Видимо, в штабе фронта не очень-то поверили нашему донесению. Что ж, обстоятельства и на самом деле вышли необычные. Жуков вызвал меня к проводу и потребовал подтвердить, отвечает ли донесение действительности. Он успокоился лишь тогда, когда я сообщил, что говорю из Сухиничей, из своего штаба, обосновавшегося в городе.

Командующий фронтом сказал, что на днях мы получим директиву на ближайшее время.

Пока суд да дело, мы приступили к упорядочению расположения войск в полосе армии. Расчет таков: иметь более сильные группировки на вероятных направлениях наступления противника.

Всерьез занялись противовоздушной обороной, и, нужно сказать, вышли неплохие результаты. Зенитчики, устраивая засады на участках и маршрутах, где особенно резвились немецкие летчики, стали сбивать фашистские самолеты довольно часто. Немцы, почувствовав, что летать безнаказанно им не дадут, стали появляться реже и на более значительных высотах.

В Сухиничах штаб и управление устроились прекрасно. Правда, город был виден немцам как на ладони и часто подвергался артиллерийскому обстрелу. Пришлось рыть щели, строить блиндажи, чтобы штаб нес меньше потерь.

Обстреливали немцы Сухиничи в разное время дня и ночи. Мы к этому как-то быстро привыкли и, откровенно говоря, почти перестали обращать внимание.

Гражданское население относилось к нам прекрасно. Но с каждым днем жителей в городе становилось все меньше: очень донимали непрекращавшийся обстрел и частые бомбежки с воздуха. Наш Василий Иванович Казаков делал все, чтобы отогнать неприятельскую артиллерию подальше от Сухиничей. Он даже в самом городе поставил 152-миллиметровые гаубицы, замаскировав их в сараях.

С соседними армиями установилась хорошая связь, взаимная информация, и мы приступили к отработке взаимодействия на стыках.

Вскоре поступила директива фронта, в которой 16-й армии предписывалось: «Удерживая прочно Сухиничи, наступательными действиями продолжать изматывать противника, лишая его возможности прочно закрепиться и накапливать силы».

Требование фронта было трудновыполнимым. Одно дело изматывать врага оборонительными действиями, добиваясь выравнивания сил, что мы и другие армии и делали до перехода в контрнаступление. Но можно ли «изматывать и ослаблять» наступательными действиями при явном соотношении сил не в нашу пользу, да еще суровой зимой?

Противник был отброшен от Москвы, потерпел поражение. Но он еще не потерял обороноспособности, сумел в конце концов закрепиться и продолжал перебрасывать свежие войска с запада, где военные силы гитлеровской Германии не были связаны действиями наших союзников. Все, на что были способны наши истощенные войска, — это выталкивать врага то на одном, то на другом участке, тратя на это силы и не достигая ощутимых результатов. Они с трудом пробивались вперед. Я неоднократно тогда бывал в разных частях и на разных участках, пытаясь разобраться в причинах недостаточной эффективности наших наступательных действий. То, что удалось лично увидеть и на себе испытать, убедило меня, что мы не в состоянии достичь решающего успеха. В полках и дивизиях не хватало солдат, не хватало пулеметов, минометов, артиллерии, боеприпасов; танков остались единицы.

Основой обороны, организованной немцами, были опорные пункты, располагавшиеся в селениях или в рощах, промежутки между ними минировались и простреливались. Наша пехота наступала тогда жиденькими цепями; они преодолевали глубокий снег под сильным огнем, при слабой артиллерийской поддержке из-за малочисленности стволов и недостатка снарядов. Еще не видя врага, задолго

до атаки героическая пехота выбивалась из сил, несла потери.

Не лучше ли, думалось мне, использовать выигранную передышку и перейти к обороне, чтобы накопить силы и средства для мощного наступления?

По данным нашего штаба, противник значительно превосходил нас. Парадокс: сильнейший обороняется, а более слабый наступает, причем по пояс в снегу...

Все это, с подсчетами и выводами, было изложено в обстоятельном докладе и представлено командующему фронтом.

Ответ был короткий: «Выполняйте приказ!»

Оставалось одно — думать, как решить задачу.

На широкие наступательные операции сил не хватало. Решено было каждый раз ограничиваться определенной конкретной целью. Наиболее заманчивым объектом борьбы были населенные пункты, занимаемые противником. Потеря каждого такого пункта являлась для врага чувствительной, так как это сразу отражалось на его системе обороны огнем, в которой пробивалась брешь.

Немецко-фашистские войска учитывали характер местности и зимние условия. Все деревни и хутора на переднем крае и в глубине были превращены в опорные пункты, обнесенные колючей проволокой. Подступы к ним были заминированы. Под домами — блиндажи с бойницами для кругового обстрела. Танки располагались для ведения огня прямой наводкой с места, являясь бронированными артиллерийско-пулеметными точками.

Вся эта система вражеской обороны и натолкнула на мысль наносить удары последовательно то по одному, то по другому опорному пункту, сосредоточивая — в пределах возможностей — нужные для этого силы и не слишком оголяя другие участки.

Первую такую операцию провели на правом фланге. В ней участвовали две неполные дивизии (они должны были оставить подразделения на случай обороны своих участков). Усилили их артиллерией армии и десятком Т-34; большего позволить не могли.

Пехота в ночь заняла исходное положение, подобравшись по снегу как можно ближе к опорному пункту. Для танков саперы проделали в снежной целине проходы, по которым машины должны были двинуться вперед с началом артподготовки и, подойдя к пехоте, поддержать атаку

огнем с места, а затем помочь очистить поле боя от противника.

Артиллерия заблаговременно пристреляла цели отдельными орудиями. Часть батарей привлекли для отражения возможных контратак как справа, так и слева. Ночью несколько батарей зенитных пушек заняли позиции, хорошо замаскировавшись.

Операция прошла удачно. К полудню населенный пункт был полностью очищен от гитлеровцев: много их полегло, а остатки отошли в лес, на шесть километров юго-западнее. Контратаки начались во второй половине дня из леса и соседнего опорного пункта при сильном артиллерийском огне и бомбардировке с воздуха. Наши войска эти контратаки отразили. Зенитчики подбили шесть немецких самолетов.

Мы убедились, что принятый метод правилен. Следуя ему, будем добиваться успеха при наименьших потерях.

В этом бою, между прочим, произошел интересный случай. Зенитчики сбили самолет, и я увидел, как из него с высоты около двух тысяч метров выбросился немецкий летчик. Парашют не раскрылся, и он камнем полетел вниз. К месту падения побежали бойцы. Каково же было наше удивление, когда мы увидели, что немца ведут к нам живым и почти невредимым! Он упал в глубокий овраг, засыпанный снегом, и это его спасло. Не поверил бы, если бы не был очевидцем...

ПАМЯТНЫЕ УРОКИ

остепенно войска армии вгрызались в оборону противника, расшатывая ее то на одном, то на другом участке. Прорвать фронт они еще не были способны, но систематически отодвигали его к югу, захватывая пункт за пунктом, прижимая немцев к реке Жиздра.

Уже после войны часто приходилось слышать вопрос, в котором сквозило удивление: как же так, у нас в ряде операций дивизий было больше, чем у врага, а мы не могли прорвать оборону? Да и в то время случались такие обидные упреки. Но ведь количеством дивизий тогда уже нельзя было определять соотношение сил.

Мы давно забыли, что дивизия — это 8 тысяч бойцов. Наши соединения насчитывали 3,5, а то и 2 тысячи человек; редко какая дивизия имела 4 тысячи, и та после одного-двух боев по численности приближалась к остальным.

Между тем у противника численность личного состава пехотной дивизии достигала 10—12 тысяч, а танковой и моторизованной — 12—15 тысяч. Из соединений, понесших большие потери, рядовой и младший командный состав передавался для укомплектования других дивизий, а командование и штабы выводились в тыл на формирование. Неравное соотношение сил было зимой 1942 года и на сухиничском направлении. Можно представить, какие трудности мы переживали и какая тяжелая ответственность лежала на командующих армиями. Но не все, к сожалению, считались с этим. Вспоминаю любопытную историю с одним из генералов, представлявших штаб фронта. Перед самым боем за Сухиничи он огульно раскритиковал нас. Потом выехал по заданию командующего в соседнюю 61-ю армию. И там ему тоже все не понравилось. Мероприятия, которые М.М. Попов проводил в войсках,

он забраковал и доложил об этом по телефону Г.К. Жукову. Георгий Константинович реагировал немедленно: приказал генералу вступить в командование 61-й армией и показать, на что сам горазд. Как ни пытался тот избежать назначения, ссылаясь, что после его указаний командарм справится со своими задачами, выправит дело, пришлось самому принять армию и ответственность за нее. Не прошло и недели, как немцы продвинулись в полосе его армии на 30 километров. В результате генерал убыл из состава Западного фронта, а Попов опять стал командующим 61-й армией. Год спустя мы с ним встретились незадолго до Курского сражения, он командовал Брянским фронтом. Вспомнили и сухиничское направление, и случай с генералом из штаба фронта, но не злорадствуя, а удивляясь его поведению...

Недалеко от Сухиничей было большое село Попково. Лежало оно на высоте, господствовавшей над местностью. Именно отсюда чаще всего немцы и обстреливали город.

Нужно было обязательно взять Попково. В селе, по нашим сведениям, располагалось до 2 тысяч немцев, имелись там танки и штурмовые орудия; все у врага было подготовлено к круговой обороне.

К этому времени — а уже шел февраль — нам удалось немного пополнить свои соединения освобожденными из фашистского плена людьми. Однажды Лобачев и Романов, начальник политотдела армии, сообщили мне, что в районе Козельска наши войска захватили несколько концлагерей.

— Ищем пополнение, а оно рядом, — сказал Алексей Андреевич.

Это была верная мысль. Послали в Козельск группу офицеров штаба, политработников и врачей. Отобрали пригодных по здоровью. Эти люди столько испытали за время оккупации, что готовы были идти на любую опасность, лишь бы отомстить ненавистному врагу.

Командующий фронтом прислал в 16-ю армию еще одну стрелковую дивизию (97-ю) и две танковые бригады. Это было поистине здорово и сильно подбодрило нас.

Обосновавшись на новом направлении, мы знакомились и с районом расположения войск, и с проживавшим здесь населением. Чувствовалось, у жителей крепла уверенность, что кошмар оккупации не повторится. Многие возвращались из эвакуации в родные места, и жизнь заметно налаживалась. Лобачев и политотдел установили связь с секретарем Смоленского обкома партии Д.М. Поповым. Мы с

ним познакомились еще под Ярцево. Теперь он являлся одним из руководителей партизанского движения.

Партизаны, нанося удары по врагу, оказывали нам одновременно большую помощь сведениями о состоянии фашистских войск и их тыла. Разведывательный отдел армии работал в тесном контакте с отрядами товарищей Орлова, Бати, Солдатенкова и Орешкина, действовавшими в Брянском, Дятьковском и Жиздринском районах. А мы в свою очередь помогали партизанам оружием, боеприпасами, взрывчаткой; политотдел давал им материалы для работы среди населения.

С помощью 16-й армии партизанский штаб переправлял через линию фронта подкрепление партизанам. В частности, в феврале в тыл врага ушел большой отряд лыжников, состоявший из коммунистов и комсомольцев. Через боевые порядки наших войск был переправлен крепкий отряд под командованием А.П. Шестакова. Он обосновался в районе железной дороги Брянск — Гомель, продолжительное время терроризировал немцев на этом участке и сообщал нам ценные сведения.

Не забывали 16-ю армию и трудящиеся Москвы, да, пожалуй, и всей страны. Делегации рабочих и колхозников приезжали и из столицы, и из Средней Азии, и даже из далекого, но памятного мне по службе в двадцатых годах Забайкалья. Незадолго до борьбы за Попково прибыли делегаты Ленинградского района столицы. Они, конечно, сразу отправились в свою родную 11-ю гвардейскую дивизию, присутствовали там на торжественном вручении гвардейского Знамени. Когда генерал Чернышев, преклонив колено, поцеловал алое полотнище, многие вспомнили, что полгода назад ополченцы Ленинградского района составили основу этого, теперь прославленного, соединения.

Запланированное наступление на крупный опорный пункт противника Попково началось в конце февраля. Главный удар наносила 146-я танковая бригада, имевшая несколько десятков танков Т-34 и КВ. Соседние дивизии получили задачу блокировать противника, укрепившегося в ближайших деревнях.

Наступление было хорошо подготовлено. Все передвижения войск совершались ночью в целях маскировки.

Бой начался с артиллерийской подготовки. По проходам, сделанным ночью в глубоком снегу, двинулись танки с десантом, и тут же следом — пехота, сопровождаемая артиллерийским огнем. Орудия, поставленные затемно на

прямую наводку, хорошо помогали уничтожать в ходе боя огневые точки и танки немцев.

Противник оказал упорное сопротивление, но во второй половине дня Попково было взято. Некоторое время еще шла борьба на горе у каменной церкви и на кладбище; наконец и здесь все было кончено.

Свыше семисот гитлеровцев осталось на поле боя, а также много вооружения и разной техники. А главное — противник потерял ключевой пункт своей обороны.

Наши части закрепились в Попково. На очереди были Маклаки — село, расположенное в 15 километрах юго-западнее. Если овладеть еще и этим опорным пунктом — так мы рассчитывали в своем штабе, — то почти вся оборона немцев на жиздринском направлении будет взломана. Остается только очистить деревню Брынь и разбросанные по широкой безлесной равнине мелкие деревушки, чтобы противнику пришлось отойти за Жиздру.

Положение войск 16-й армии на сухиничском направлении улучшилось. Да и нашему штабу стало полегче, поскольку немцы с их пушками теперь были отброшены от Сухиничей.

Все шло хорошо. Была твердая уверенность, что в Маклаках немцам сидеть уже недолго. 8 марта я побывал с группой товарищей в частях, которым предстояло штурмовать этот последний крупный опорный пункт. А затем на аэросанях вернулся на КП.

Кстати, об этих аэросанях стоит кое-что рассказать.

Куда ни глянь — все в снегах. Проезжих дорог мало, да и тут сугроб на сугробе. У нас же было правилом поддерживать личную связь с войсками армии, хотя они и растянулись на большом пространстве.

По нашей просьбе В.Д. Соколовский прислал аэросанную роту. Располагалась она при штабе тыла армии. Каждые аэросани были вооружены легким пулеметом.

Очень крепкая помощь, и не только для живой связи, как обнаружилось.

Во второй половине февраля немецкий лыжный отряд — до двухсот с лишним солдат — ночью проник к нам в тыл и пересек дорогу, питавшую правое крыло армии всем необходимым. Создалось на время критическое положение.

Главный наш связист полковник П.Я. Максименко был как раз тогда в аэросанной роте. По его инициативе ее и использовали для удара по врагу.

Рота моментально выдвинулась в район, занятый немецкими лыжниками, развернулась и с ходу атаковала, ведя огонь из четырнадцати своих пулеметов. Немцы были рассеяны, истреблены. Спаслись только те, кому удалось добежать до кустов на опушке леса.

Взятые в этой стычке пленные в один голос говорили, что эта атака их ошеломила: они приняли аэросани за танки и были поражены, почему же машины как будто летят по глубокому снегу. (У этого замечательного в зимних условиях средства было слабое место — пропеллер мешал двигаться по узким лесным дорогам и кустарникам.)

Об этом случае я рассказал в свое время Илье Эренбургу, он тоже побывал у нас в Сухиничах. И помнится, писатель долго возился с письмами и документами, взятыми у убитых немецких лыжников, отбирая что-то нужное для своих едких и гневных статей в «Красной звезде».

Итак, аэросани с быстротой и удобством доставили меня из-под Маклаков на КП. Предстояло поработать над приказом о действиях войск после захвата опорного пункта. А вечером мы все решили пойти на собрание, посвященное Международному женскому дню. В нашей штаб-квартире, как обычно, работали вместе со мной Малинин, Казаков и еще несколько офицеров штаба. Я уже взялся за ручку, чтобы подписать приказ, как за окном разорвался бризантный снаряд. Осколок угодил мне в спину. Сильный удар... Невольно сорвались слова:

— Ну, кажется, попало...

Эти слова я произнес с трудом, почувствовал, что перехватило дыхание.

Ранение оказалось тяжелым. По распоряжению командующего фронтом меня эвакуировали на самолете в Москву, в госпиталь, занимавший тогда здания Тимирязевской академии.

Это было уже третье ранение за время службы в рядах Красной Армии. И все вышло не так, как раньше...

7 ноября 1919 года мы совершили набег на тылы белогвардейцев. Отдельный Уральский кавалерийский дивизион, которым я тогда командовал, прорвался ночью через боевые порядки колчаковцев, добыл сведения, что в станице Караульная расположился штаб омской группы, зашел с тыла, атаковал станицу и, смяв белые части, разгромил этот штаб, захватил пленных, в их числе много офицеров.

Во время атаки при единоборстве с командующим омской группой генералом Воскресенским я получил от него пулю в плечо, а он от меня — смертельный удар шашкой.

В июне 1921 года Красная Армия добивала барона Унгерна на границе с Монголией. У станицы Желтуринская 35-й кавполк, которым я командовал, атаковал прорвавшуюся через нашу пехоту унгерновскую конницу. В этом бою я был ранен второй раз, в ногу с переломом кости.

Те раны получены в жаркой схватке. А вот третье ранение... Комнатная обстановка, перо в руке, случайно разорвавшийся близ дома снаряд. Не то время. Не та война. И должность не та...

Конечно, при соблюдении известной осторожности можно было этого случая избежать. Но факт остается фактом — меня приковало к постели. Досадно было, что на какой-то срок оказался вне строя и не мог участвовать в боях нашей армии, очищавшей от противника северный берег Жиздры.

Помощь врачей и крепкий организм взяли свое — начал поправляться.

В госпитале я почувствовал, каким вниманием и любовью окружает наш народ пострадавших в боях воинов родной армии. Не было дня, чтобы кто-то нас не посетил. Раненых буквально засыпали подарками и письмами. Нас навещали рабочие и работницы, колхозники, писатели, корреспонденты газет, артисты и художники. Осторожно заходили пионеры в красных галстуках, с сияющими глазами. Эта трогательная забота была лучшим лекарством, хотя администрация госпиталя и старалась сдерживать поток дорогих наших друзей.

Пока лечился, смог разыскать свою семью — жену Юлию Петровну и дочь Аду, которые в начале войны эвакуировались из прифронтовой полосы. Очутились они в Казахстане, а затем в Новосибирске. Навестивший меня секретарь Московского комитета партии Г.М. Попов посоветовал перевести семью в Москву и помог с квартирой.

Москва стала уже принимать иной вид. Затемнение соблюдалось, но не чувствовалось настороженной суровости. Работали театры и кино. На улицах оживленно. Налеты немецкой авиации прекратились, но еще можно было увидеть, поближе к вечеру, как бойцы, удерживая на стропах, вели по бульварам к окраинам заградительные аэростаты.

Товарищи из 16-й армии не забывали меня, так что я постоянно находился в курсе событий и чувствовал биение пульса армии. Настоящая боевая дружба, основанная на

взаимном уважении, оказалась в нашем коллективе прочной. И я по товарищам просто скучал. Не дождавшись окончательного выздоровления, решил, что долечусь там, на фронте, и в мае отправился к себе.

Штаб армии уже убыл из Сухиничей. Командный пункт Малинин оборудовал в лесу.

Армия отбросила немцев за Жиздру, и временно бои прекратились. Потери за два месяца частных наступательных операций оказались довольно значительными. В числе раненых был полковник П.А. Еремин, командир 328-й дивизии, которая за боевые отличия была представлена к гвардейскому званию. Убит был командир 324-й стрелковой дивизии Герой Советского Союза И.Я. Кравченко...

Приехав, я сразу окунулся в боевые дела — по директиве фронта нам предстояло вместе с М.М. Поповым провести еще одну наступательную операцию.

На усиление к нам прибыл танковый корпус. Мы у себя создали стрелковый корпус из трех дивизий, располагавшихся на правом фланге, что значительно облегчило управление войсками. Его командиром был назначен генерал Н.А. Орлов. (Корпусная система существовала в Красной Армии давно. Тяжелые оборонительные сражения сорок первого года вынудили временно ее ликвидировать. При малейшей возможности корпуса опять восстанавливались.)

Выехали с В.И. Казаковым в 61-ю армию для отработки взаимодействия. Командарм М.М. Попов встретил нас тепло, и в дружеской беседе мы всесторонне обговорили действия обеих армий, наносивших удар на смежных флангах.

Его армия, как и наша, крайне нуждалась в людях. К предстоящему бою подобрали все, что было можно. Из госпиталей вернули в строй всех излечившихся бойцов и командиров, подчистили армейские тылы, как и тылы соединений. Но это была капля в море.

Ни я, ни генерал М.М. Попов не могли создать достаточно сильный кулак для прорыва и развития успеха за счет ослабления обороны на других участках. Немцы сами к этому времени начали проявлять активность. О наступательных действиях по всему фронту армий не могло быть и речи. Удар ограничивался небольшим рубежом неприятельской обороны, что давало противнику возможность использовать для противодействия силы с других участков.

В конце мая операция началась. Войска армии скрытно, в ночное время, заняли исходное положение. Малочисленность пехоты вынудила строить боевой порядок дивизий в

один эшелон при небольшом резерве у комдивов. Зато во второй эшелон армии был выделен танковый корпус. Его мы предназначали для развития прорыва в глубину. Стрелковые дивизии получили примерно по 12—15 танков непосредственной поддержки.

Артиллерия своевременно пристреляла отдельными орудиями цели и заняла позиции, в том числе и для стрельбы прямой наводкой. На этот раз мы смогли сосредоточить от 30 до 40 орудий на километр фронта, где наносился главный удар.

М.С. Малинин, как бывший танкист, попросил поручить ему отработку ввода в бой танкового корпуса. Я согласился, зная его пунктуальность в любом деле. Действительно, он с командиром танкистов тщательно все расписал по часам и минутам, и меня обеспокоило лишь то, что исходное положение корпуса намечено далеко — в двадцати километрах. Не запоздают ли танкисты по какой-либо причине? Товарищи убедили, что все предусмотрено, а удаление корпуса даст полную внезапность, так как немцы не услышат шума моторов. Что ж, пришлось согласиться.

С наблюдательного пункта я имел возможность видеть все этапы боя от начала и до конца. Несколько лучше стало с боеприпасами, и мы начали наступление тридцатиминутной артподготовкой: это был предел наших возможностей.

Как только кончилась артподготовка, пехота с танками быстро двинулась на вражеские позиции. Батареи противника открыли не очень сильный огонь. Заговорили немецкие пулеметы, но их тут же подавляли танки сопровождения и орудия прямой наводки.

На наших глазах пехота ворвалась в траншеи первой позиции, быстро преодолела их, двинулась дальше. Часть танков очищала первую траншею, а остальные устремились вперед, ведя огонь преимущественно из пушек, хотя отступавшая пехота была более выгодной целью для пулеметов. (Вообще приходилось не только в этом бою наблюдать, что наши танкисты почти не применяли пулеметного огня, предпочитая вести пушечный, где надо и даже где не надо.)

На всем участке пехота с криком «ура!» атаковала вторую позицию. Танки были уже там и стреляли по врагу с места. Несколько из них пылало.

В траншеях шел бой. Но уже то в одном, то в другом месте стрелки и отдельные танки преодолели вторую позицию и преследовали врага.

Настала пора ввести танковый корпус. Но его не оказалось там, где он должен был находиться по плану. «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги...» — гласит пословица. На пути движения корпуса протекала небольшая речушка с заболоченными торфянистыми берегами. Там и застрял наш корпус. Разрабатывая план ввода, забыли разведать и проверить проходимость. Такое упущение, конечно, отразилось на исходе удачно начатого боя. Этот печальный случай послужил всем нам хорошим уроком на будущее.

Два часа потребовалось, чтобы вытянуть корпус к месту ввода в бой. Эти два часа немцы не потеряли зря. Они подтянули силы из глубины и с разных направлений. Против правофланговой дивизии нашей ударной группы появились части, находившиеся перед участком 10-й армии, против центра — части мотодивизии из района Брянска. Несмотря на все это, наша пехота, ломая сопротивление врага, шла вперед. Она продвинулась в глубину до десяти километров. И в этот момент стал развертываться в боевой порядок танковый корпус.

Тогда мы еще были уверены, что прорвем вражескую оборону и овладеем Жиздрой, открыв дорогу на Брянск. Об этом же, видимо, думало и командование противной стороны. Стремясь выиграть время для подброски войск, враг использовал авиацию.

Над полем боя образовали круг сорок пикирующих бомбардировщиков. В первую очередь они набросились на головную танковую бригаду, которая, красиво развернувшись, проходила высоту в двух-трех километрах сзади нашей наступавшей пехоты. И тут произошло что-то невероятное: вместо того чтобы рвануться вперед, бригада остановилась. Она стояла на голой высоте, а «юнкерсы» сыпали на нее бомбы. В воздухе показалась новая армада самолетов — до тридцати бомбардировщиков в сопровождении истребителей.

Наблюдая эту картину, я не мог оставаться на месте. Приказал командиру корпуса ускорить движение главных сил и выполнять поставленную задачу. С комиссаром корпуса Латышевым, с Орлом и несколькими офицерами штаба мы на машинах бросились к стоявшей под бомбежкой танковой бригаде. Полковник Орел подбежал к танку и

стал камнем стучать по башне, вызывая командира. То же делал Латышев, и мне пришлось этим заняться, остерегаясь, как бы не попасть под гусеницу, если водитель вздумает развернуться. Одним словом, наше положение было не из веселых. К счастью, все обошлось благополучно, бригаду мы все же заставили сдвинуться с места и помочь пехоте, которой уже было тяжело.

А время шло. К полю боя подходили новые и новые силы врага. На его стороне вступили в дело танки и штурмовые орудия. Часть бомбардировщиков наносила удары по пехоте. Положение резко ухудшилось.

Наша пехота залегла и еле сдерживала контратаки. Танковый корпус под бомбежкой топтался на месте, рассыпавшись по всему полю. Надо было принимать меры, чтобы удержаться на достигнутом наступавшими войсками рубеже. Я отдал приказ закрепиться и перейти временно к обороне. Часть танков встала в боевые порядки пехоты, а главные силы корпуса были оставлены в моем резерве.

Когда над полем боя появилась неприятельская авиация, мы попросили фронт поддержать нас хотя бы истребителями. Просьба была удовлетворена. Вскоре в небе показались группы наших самолетов. Но они не смогли облегчить участь пехоты: их было мало.

И все же гитлеровцам не удалось вернуть захваченное нами пространство. Несколько дней шли здесь оборонительные бои. У соседа слева тоже был незначительный успех, и он тоже перешел к обороне. В целом задачу мы не выполнили, но противника потрепали и напугали здорово. Не зря немцы бросили на столь небольшой участок такие крупные воздушные силы.

Разобрались в поведении танковой бригады. Большинство танкистов впервые попало в бой. Неистовая бомбежка их ошеломила. В дальнейшем бригада выправилась, дралась неплохо. Она помогла стрелковым частям удержать позиции и отразить атаки немецких танков.

На войне бывает всякое. Так получилось с этой бригадой, да и с корпусом в целом. Но что удивительнее всего — танковые экипажи отделались, в сущности, испугом. Были моменты, когда пламя, дым и пыль от разрывов авиабомб совершенно закрывали танки от наблюдения. Казалось, там останется лишь груда искореженного металла. На самом же деле за все время было повреждено лишь два танка. Но не всегда так бывает, и об этом знают танкисты.

В июне 1942 года войска 16-й армии еще раз пытались наступать, опять же на брянском направлении. По приказу фронта привлекалось несколько больше сил, но все равно бои носили местный характер.

Сам командующий фронтом прибыл для наблюдения за ходом боев, а с ним и командующий военно-воздушными силами.

Соседи наши — 10-я и 61-я армии — должны были только сковать активными действиями противника.

Артиллерийская плотность оказалась несколько меньшей, чем в мае, так как фронт наступления был шире. Танков имелось меньше. По мнению Г.К. Жукова, это возмещалось авиацией, значительные силы которой на этот раз участвовали в бою.

Проверив готовность войск армии, командующий остался доволен, он согласился с доложенным планом и разрешил наступать, как было намечено, с рассветом следующего дня.

Накануне было отработано взаимодействие авиации с пехотой, установлены сигналы обозначения переднего края.

Непродолжительная артподготовка. Бомбардировщики наши ударили по целям, расположенным в глубине, а штурмовики обрабатывали позиции вражеской пехоты.

Мой НП располагался на высоте, откуда прекрасно просматривалось все, что происходило впереди и по сторонам. Окопы маскировались мелким кустарником. Здесь с нами был и командующий фронтом.

Стрелковые части дружно поднялись и устремились вместе с танками вперед. Мы видели, как была захвачена первая траншея. Наши двинулись дальше, а затем произошла заминка. Противник контратаковал большим числом танков и густыми цепями пехоты.

Впервые в этом бою наша штурмовая авиация применяла реактивные снаряды, которые оказались довольно эффективным средством.

А бой затянулся, и, несмотря на все усилия войск и большую помощь нашей авиации, продвинуться вперед не удалось. К полудню противник ввел столько сил, что вынудил наши части отойти в исходное положение. Вражеская авиация добилась господства в воздухе.

На этом наступательные действия 16-й армии закончились. По приказу фронта она перешла к обороне.

Я до сих пор считаю, что зимние наступления как Западного, так и Калининского фронтов не дали тех результатов, которые ожидались. Операции оказались незавершенными. Выталкивая противника, мы подчас сами оказывались в невыгодном положении, растягивая линию фронта, которая местами образовывала невероятные вензеля. Враг нередко срезал их.

Всякая военная операция должна основываться на всестороннем и тщательном подсчете сил, средств и возможностей — как своих, так и противника.

В начале июля меня вызвал к ВЧ Г.К. Жуков. Он спросил, справится ли с должностью командарма Малинин. Недоумевая, я ответил утвердительно. Тогда Жуков сказал, что Ставка намерена назначить меня командующим Брянским фронтом.

— Предупреди Малинина и, как получишь распоряжение Ставки, срочно выезжай в Москву.

Все это меня озадачило. Войсками такого масштаба, как армия, я управлял уверенно и чувствовал себя на месте. Но командовать фронтом?.. Я намекнул было, нельзя ли остаться на армии, но встретил категорический отказ.

Что ж, нужно перебороть свою нерешительность.

Тяжело было расставаться с 16-й армией, с дружным, крепким коллективом. Мы вместе переносили и горе поражений и радость побед. Я знал войска и их командиров, а они знали меня. На войне это имеет большое значение.

Но как ни тяжело, а расставаться пришлось. Я уезжал с мыслью, что и на новом месте люди будут не хуже. От меня самого зависит завоевать их доверие и уважение.

Вечером распоряжение было уже получено. Михаил Сергеевич Малинин откровенно заявил, что его пугает ответственность, которая лежит на плечах командующего армией. Он просил оставить его начальником штаба. Жуков согласился, и на 16-ю армию был назначен генерал И.Х. Баграмян. В хорошие руки попадала наша армия, и это радовало меня.

В Ставке я был тепло принят Верховным Главнокомандующим. Он в общих чертах познакомил меня с положением на воронежском направлении, а после этого сказал, что если у меня имеются на примете дельные работники, то он поможет мне их заполучить для укомплектования штаба и управления Брянского фронта. В то время часть

войск и аппарата управления Брянского фронта передавалась новому — Воронежскому фронту, который должен был встать между Брянским и Юго-Западным. Я назвал М.С. Малинина, В.И. Казакова, Г.Н. Орла и П.Я. Максименко.

Сталин тут же отдал командующему Западным фронтом распоряжение откомандировать этих товарищей. Он пожелал мне успеха на новой должности, велел не задерживаться долго в Генеральном штабе, а быстрее отправляться на место, потому что обстановка под Воронежем сложилась весьма серьезная.

На воронежском направлении и южнее развертывались большие события, и мне в них предстояло участвовать. Я сознавал, что нужно напрячь силы и скорее освоиться с делами нового — крупного масштаба, оправдать доверие партии и правительства. Подробно об этом не расскажешь, но мне крепко запомнился один эпизод. Незадолго до Воронежской операции снова пришлось быть в Москве на докладе у Верховного Главнокомандующего. Кончив дела, я хотел подняться, но Сталин сказал:

— Подождите, посидите.

Он позвонил Поскребышеву и попросил пригласить к нему генерала, только что отстраненного от командования фронтом. И далее произошел такой диалог:

— Вы жалуетесь, что мы несправедливо вас наказали?

— Да. Дело в том, что мне мешал командовать представитель центра.

— Чем же он вам мешал?

— Он вмешивался в мои распоряжения, устраивал совещания, когда нужно было действовать, а не совещаться, давал противоречивые указания... Вообще подменял командующего.

— Так. Значит, он вам мешал. Но командовали фронтом вы?

— Да, я...

— Это вам партия и правительство доверили фронт... ВЧ у вас было?

— Было.

— Почему же не доложили хотя бы раз, что вам мешают командовать?

— Не осмелился жаловаться на вашего представителя.

— Вот за то, что не осмелились снять трубку и позвонить, а в результате провалили операцию, мы вас и наказали...

Я вышел из кабинета Верховного Главнокомандующего с мыслью, что мне, человеку, недавно принявшему фронт, был дан предметный урок.

Поверьте, я постарался его усвоить.

Оборонительное сражение подходило к концу. К этому времени противник на московском направлении израсходовал все свои резервы, но прорвать нашу оборону не смог. Наступил и для него момент перехода к обороне.

Нужно было сорвать этот план, не позволить врагу закрепиться на захваченных рубежах, и Ставка Верховного Главнокомандования своевременно приняла соответствующее решение.

В контрнаступление войска армии перешли без всякой паузы. Чем дальше они отдалялись от Москвы, тем сильнее сопротивлялся противник. Еще до подхода к волоколамскому рубежу командование фронта стало прибегать к созданию группировок то на одном, то на другом участке, для чего какая-то часть сил из одной армии передавалась в другую. Подобная импровизация обеспечивала некоторый успех местного значения. С выходом же наших войск на волоколамский рубеж стало совершенно ясно, что противнику удалось оправиться от полученного удара и что его оборона становится организованней. Продолжать наступление имевшимися к тому времени у нас силами с расчетом на решительный прорыв обороны противника и дальнейшее развитие успеха уже было нельзя. Наступил момент, когда и нашему верховному командованию надлежало подумать об извлечении пользы из одержанных результатов и начать серьезную подготовку к летней кампании 1942 года.

К великому сожалению, этого не произошло, и войска, выполняя приказ, продолжали наступать. Причем командованию фронта была поставлена задача: изматывать противника, не давая ему никакой передышки. Вот это было для меня непонятным. Одно дело изматывать врага оборонительными действиями, добиваясь выравнивания сил, что и делали мы до перехода в контрнаступление. Но чтобы изматывать и ослаблять его наступательными действиями при явном соотношении сил не в нашу пользу да еще в суровых зимних условиях, я этого никак понять не мог.

Неоднократные наши доклады командованию фронта о тяжелом состоянии армии в результате понесенных потерь, о несоответствии ее сил и задач, которые ставил фронт

перед нами, не принимались во внимание. Приходилось с натугой наступать, выталкивая противника то на одном, то на другом участке. О прорыве вражеской обороны не могло быть и речи. Наши возможности истощились до крайности, а противник продолжал пополнять свои войска свежими силами, перебрасывая их с запада.

Продолжавшееся наступление 16-й армии с волоколамского рубежа оказалось особенно тяжелым. Противник прилагал все усилия к тому, чтобы задержать наше продвижение. Для этого у него оказались соединения и части, сохранившие высокую боеспособность. Силами войск одной армии уже нельзя было рассчитывать на успех наступления, поэтому чаще всего для продолжения наступления на волоколамском направлении командование фронта привлекало несколько армий. При этом одна из них, наносившая главный удар, усиливалась за счет соседних.

16-й чаще всего приходилось взаимодействовать с 20-й и 1-й Ударной, а также с соседней (слева) 5-й. Чтобы глубже разобраться в причинах столь низких результатов наступательных действий, я неоднократно бывал в расположении различных частей и на разных участках наступления армии. И то, что мне удалось лично увидеть и на себе испытать, окончательно убедило меня в том, что при таком состоянии, в каком в это время находились наши войска, добиться решающего успеха над противником мы не в состоянии.

Наша слабость определялась уже не только малочисленностью в людском составе частей и соединений, но и слабым вооружением. Не хватало в большом количестве автоматического оружия (пулеметов), мало имелось минометов, образовался огромный некомплект артиллерийских орудий разных калибров, танки исчислялись единицами, недоставало транспортных средств... Самым больным местом оказалось очень слабое обеспечение артиллерийскими и минометными боеприпасами.

Основой обороны, организуемой врагом, являлись опорные пункты, располагавшиеся в населенных пунктах или в рощах. Промежутки между ними минировались и простреливались пулеметным, минометным и артиллерийским огнем.

Нашей пехоте, наступавшей жиденькими цепями, приходилось продвигаться по глубокому снегу под сильным огнем. Весьма слабую поддержку оказывала ей артиллерия, располагавшая малым количеством стволов и испытывавшая нехватку снарядов. Еще не видя противника, то есть задолго до атаки, наша героическая, но измученная пехота выбивалась из сил и несла большие потери.

Штаб фронта не скупился на директивы, наставления и инструкции, побуждавшие к активности и разъяснявшие, как нужно действовать и быстрее преодолевать в различных условиях сопротивление врага. Эти истины прекрасно были известны командирам и бойцам. Все мы, от рядового до генерала, сами стремились к изгнанию захватчика и победе над ним. Кроме того, находившиеся непосредственно в боевых порядках частей более глубоко и детально знали, в чем нуждаются войска и каковы причины медленного их продвижения. Не инструкции были нужны в то время, а пополнение соединений и частей личным составом, оружием, минометами, орудиями, транспортом, танками, специальной инженерной техникой, минами и снарядами.

Все мы прекрасно сознавали, какие трудности переживала наша страна, и все чувствовали, что трудящиеся Советского Союза под руководством нашей партии напрягают все силы для обеспечения своих вооруженных сил всем необходимым для одержания победы над врагом. Но слишком большие потери понесли вооруженные силы с первого дня войны. Чтобы восполнить эти потери, нужно время. Мы понимали, что война, по сути, только начинается, что наша победа в этой грандиозной битве под Москвой, где участвовали войска почти трех фронтов, является переломом в ходе всей войны, что этой победой завоевана передышка, которая нужна как воздух.

Сам враг признал свое поражение и в основном на всем советско-германском фронте перешел к стратегической обороне, правильно оценив, что война в Советском Союзе приняла затяжной характер.

Невольно возникал у меня, у многих других вопрос: почему же наше Верховное Главнокомандование, Генеральный штаб да и командование фронта продолжают бесцельные наступательные операции? Ведь было совершенно ясно, что противник, хотя и отброшен от Москвы на сто с лишним километров, еще не потерял своей боеспособности, что у него еще достаточно возможностей для организации прочной обороны и, чтобы решиться на «разгромный» штурм, необходимо накопить силы, оснащенные в достаточном количестве вооружением и техникой. Всего этого у нас в январе 1942 года не было. Почему же в таком случае мы не используем отвоеванное у врага время для подготовки вооруженных сил к предстоящим на лето операциям, а продолжаем изматывать не столько врага, сколько себя в бесперспективном наступлении? Это была грубейшая ошибка Ставки ВГК и Генерального штаба. В значительной степени она относится и к командующим

Западным и Калининским фронтами, не сумевшими убедить Ставку в несостоятельности наступательной затеи, которая оказалась выгодной только врагу, перешедшему к обороне и готовившему по директиве Гитлера свои войска к решительным действиям в летнюю кампанию 1942 года. Об этом нельзя умалчивать.

В связи с неблагополучной обстановкой, сложившейся на участке 10-й армии, которой командовал генерал Ф.И. Голиков, и нависшей из-за этого угрозой над левым флангом Западного фронта управлению и штабу 16-й армии 21 января 1942 года комфронтом приказал: перейти в район Сухиничей, принять в свое подчинение соединения и части 10-й армии, организовать противодействие противнику и восстановить положение.

Подытожив все данные, собранные штабом о противнике, местности, а также о своих силах и средствах, приняли решение в первую очередь приступить к проведению операции по овладению Сухиничами.

Нужно же было, чтоб в самый разгар подготовки операции приехал к нам заместитель командующего фронтом генерал-полковник Ф.И. Кузнецов. Расположившись в одном из домов со своей машинисткой (больше с ним никого не было), он вызвал меня к себе. Выслушав мой доклад, в повышенном тоне заявил, что все мероприятия никуда не годятся. Дескать, вместо того чтобы усиливать равномерно всю занимаемую нами полосу, мы, стягивая к Сухиничам силы, ослабляем другие участки, давая возможность этим воспользоваться противнику. С ним я не мог никак согласиться и счел своим долгом доложить о том командующему фронтом по телеграфу. Тот мое решение одобрил, а Кузнецову приказал выехать в 61-ю армию.

Задачу комфронтом мы выполнили и город Сухиничи освободили. После этого Г.К. Жуков сообщил мне, что на днях нам будет прислана директива фронта о задачах армии на ближайшее время...

Что же нам, командармам, оставалось делать в тех условиях? В первую очередь мы приступили к тщательному подсчету сил и определению возможностей. С прискорбием убедились, что имеющимися силами хорошо бы удержаться на занимаемом рубеже, если противник сам начнет наступать. Так, по добытым у нас данным, довольно правдивым, находившийся против нашей армии противник значительно превосходил нас. К тому же суровая многоснежная зима при обороне благоприятствовала ему, а не нам. Получается какой-то парадокс: более сильный оборонялся, а менее — наступал.

Обстоятельный доклад об этом, подкрепленный подсчетами и выводами, был представлен командующему фронтом. Ответ он дал короткий и в резком тоне. Его реакция исключала надежду на то, что там, наверху (фронт, Ставка), поймут, может быть, что наступила пора подумать и о накапливании сил для летней кампании, а не доводить войска, как говорится, до ручки.

Сложность заключалась еще и в том, что мне была непонятна основная цель действий войск Западного фронта. Генералиссимус Суворов придерживался хорошего правила, согласно которому «каждый солдат должен знать свой маневр». И мне, командующему армией, хотелось тоже знать общую задачу фронта и место армии в этой операции. Такое желание — аксиома в военном деле. Не мог же я удовлетвориться преподнесенной мне комфронтом формулировкой задачи — «изматывать противника», осознавая и видя, что мы изматываем прежде всего себя. Это обстоятельство тревожило не только меня одного.

После ответа командующего фронтом на мой доклад нам оставалось лишь одно — думать о том, как лучше выполнить задачу.

Поскольку на широкомасштабные активные действия сил не хватало, решили не прибегать к наступлению вообще, а начать его с конкретной целью и на определенные объекты. Наиболее заманчивыми объектами были населенные пункты, занимаемые противником. Потеря каждого из них являлась чувствительным ударом, ибо это сразу отражалось на всей системе обороны в районе потерянного врагом пункта. Такие соображения натолкнули нас на мысль наносить удары последовательно, сосредоточивая (конечно, в пределах возможностей и не оголяя слишком нашу оборону) то тут, то там необходимые силы. Подобные наступательные действия мы провели на нашем правом фланге. В них участвовали две неполные дивизии, так как остальная их часть была оставлена на занимаемом ими участке.

К полудню один населенный пункт мы полностью очистили от врага, который, понеся большие потери, отошел в лес. Отошедший (слева) и из населенного пункта (справа) во второй половине дня противник предпринял несколько контратак, поддержанных артиллерией и авиацией. Однако все они оказались безрезультатными, и населенный пункт остался за нами. Причем наши зенитчики сбили 6 немецких самолетов. Не обошлось без потерь и у нас. Особенно значительными они оказались при захвате населенного пункта, где почти каждый дом прихо-

дилось брать с боем. Потеряли мы также 7 танков: 4 — сожженными, 3 — подбитыми.

Обидно было, когда нас упрекали за неуспехи в ряде проводимых операций, ссылаясь на то, что у противника меньшее количество дивизий, чем у нас. Но дело-то в том, что численность личного состава немецких пехотной, танковой и моторизованной дивизий по сравнению с нашими была выше в несколько раз. Из дивизий противника, понесших большие потери, весь рядовой и младший командный состав передавался для укомплектования других дивизий, а командование и штабы выводились в тыл для новых формирований, чего у нас не делалось. Поэтому неудивительно, когда сейчас со стороны многих лиц приходится часто слышать удивление: как же это получалось, что у нас в ряде операций по количеству дивизий было больше, чем у противника, а мы отступали или не могли прорвать его оборону? Вот такое положение было и у нас на сухиничском направлении. Хорошо еще, что мы не отступали, а постепенно вгрызались в оборону противника, расшатывая ее то на одном, то на другом участке.

Тесная связь установилась у нас с соседом слева — 61-й армией. До меня дошли любопытные сведения относительно «дебюта» Ф.И. Кузнецова, о чем я уже рассказывал, после того, как он побывал у нас и был направлен Г.К. Жуковым в 61-ю армию. Ему так же, как и в 16-й, не понравились мероприятия, проводимые командармом М.М. Поповым. О своих претензиях он доложил по телеграфу комфронтом. Тот незамедлительно отреагировал на его доклад, приказав ему вступить в командование 61-й армией. Ф.И. Кузнецов, пытаясь избежать столь неожиданного назначения, доказывал, что М.М. Попов в состоянии выправить положение после полученных указаний, но его доводы не помогли ему избавиться от более ответственной самостоятельной должности. И пришлось ему вступить в командование 61-й армией. Но не повезло, оказывается, Кузнецову и здесь, так же как не везло в Прибалтике и Крыму. Не прошло и недели, как противник перешел в наступление и продвинулся на одном из участков 61-й армии до 30 км. М.М. Попов опять вступил в командование армией, а Ф.И. Кузнецов вообще выбыл из состава Западного фронта.

В мае 1942 года, подлечившись в госпитале после тяжелого ранения, третьего за время службы в Красной Армии, я возвратился к себе в 16-ю, штаб которой к моему прибытию перебрался на новое место, оборудовав КП в лесу. В мое отсутствие армия отбросила противника за реку

Жиздра, и бои на участке нашей армии временно прекратились.

Приехав, я сразу окунулся в боевую обстановку. Она выдалась довольно горячей: по директиве фронта нашей армии совместно с 61-й на смежных флангах предстояло провести наступательную операцию.

Подготовившись к операции, мы с генералом В.И. Казаковым выехали к соседям для отработки взаимодействия. Еле разыскали командарма, забравшегося в глухую деревушку, куда мы попали пешком (проезжей дороги не было). М.М. Попов встретил нас тепло. Он оказался весьма приятным собеседником и здравомыслящим военным руководителем, произвел на меня очень хорошее впечатление. Обговорили деловые вопросы, вспомнили «набег» Ф.И. Кузнецова, а также фиаско, которое тот потерпел. Нет, не злорадствуя, а просто удивляясь его поведению. Распрощавшись и пообещав поддерживать тесную связь, мы добрались до дрезины и вернулись к себе. В соединениях 61-й армии так же, как и у нас, не хватало личного состава. Здесь тоже, готовясь к предстоящим боям, подобрали, как говорится, все, что было можно, — выписали из госпиталей и поставили в строй излечившихся раненых, «подчистили» армейские тылы, в частях и соединениях выискивали собственные резервы. Но это — капля в море... Вместе с тем надоедливая мысль, что, расходуя так нецелесообразно наши силы и средства, мы можем оказаться к летней кампании не способными для действий крупного масштаба, неотступно преследовала меня...

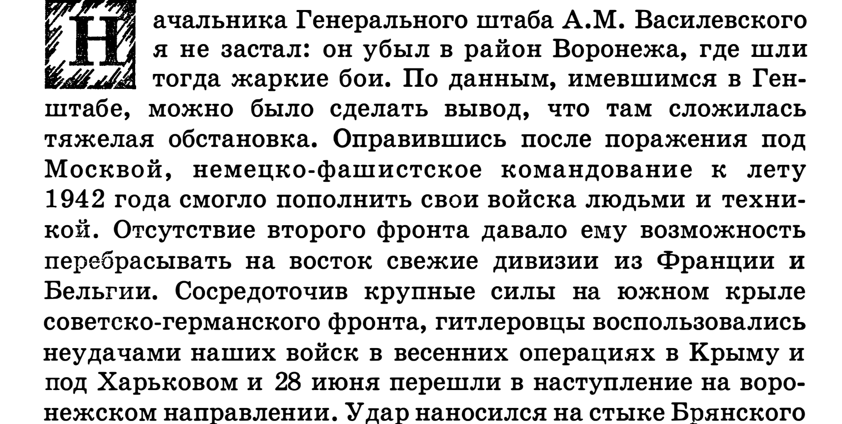
А ведь в свое время, проходя военную подготовку, весь высший командный состав изучал, что всякая военная операция должна основываться на всестороннем и тщательном подсчете сил, средств и возможностей, как своих, так и противника. Это же аксиома. Почему тогда такое правило не соблюдалось теми, от кого зависели замыслы оперативно-стратегических операций: Ставкой ВГК и Генеральным штабом, а отчасти и командованием фронтов? Об этом нужно говорить, потому что это необходимо для воспитания будущих полководцев и начальников крупных штабов.

На войска 16-й и 61-й армий директивой фронта возлагалась задача разгромить болховско-брянскую группировку противника. Задача, явно не соответствующая силам и средствам, имевшимся в нашем распоряжении. Занимая широкий фронт обороны, мы не могли оголять его. Вместе с тем только созданием мощной группировки можно было

рассчитывать на прорыв вражеской обороны и развитие успеха в глубину и на флангах прорыва.

Откровенно говоря, такие операции, можно сказать, местного значения, проводившиеся оторванно от общих на отдельных армейских участках, никогда себя не оправдывали и влекли за собой значительные потери.

Плохо было еще и то, что командование фронта почему-то не всегда считало обязанностью посвящать командующего армией в свои замыслы, то есть не ставило в известность о том, какая роль отводится армии в данной операции во фронтовом масштабе. В данном случае это было так. После согласования с командармом 61 дня и часа наступления участвовавшие в нем войска нашей армии к установленному времени, ночью, скрытно заняли исходное положение.

БРЯНСКИЙ ФРОНТ

Начальника Генерального штаба А.М. Василевского я не застал: он убыл в район Воронежа, где шли тогда жаркие бои. По данным, имевшимся в Генштабе, можно было сделать вывод, что там сложилась тяжелая обстановка. Оправившись после поражения под Москвой, немецко-фашистское командование к лету 1942 года смогло пополнить свои войска людьми и техникой. Отсутствие второго фронта давало ему возможность перебрасывать на восток свежие дивизии из Франции и Бельгии. Сосредоточив крупные силы на южном крыле советско-германского фронта, гитлеровцы воспользовались неудачами наших войск в весенних операциях в Крыму и под Харьковом и 28 июня перешли в наступление на воронежском направлении. Удар наносился на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов. Противник прорвал здесь оборону наших войск и стал быстро продвигаться на юго-восток. Инициатива снова перешла в его руки.

Трудности усугублялись тем, что зимние бои отняли у нас много сил и средств и мы из-за этого не смогли накопить к летней кампании крупные стратегические резервы.

Штаб Брянского фронта размещался в деревне Нижний Ольшанец, в 15 километрах восточнее Ельца. Возглавлял его генерал М.И. Казаков. Знакомиться пришлось уже в ходе боев. Михаил Ильич произвел на меня очень хорошее впечатление. Как начальник штаба фронта, он был на месте. Очень быстро ввел меня в курс событий, дал ясную и правильную оценку состояния и возможностей войск.

В Брянский фронт входили армии: 3-я П.П. Корзуна, 48-я Г.А. Халюзина, 13-я Н.П. Пухова, 38-я Н.Е. Чибисова (находилась в стадии формирования), 5-я танковая А.И. Лизюкова, 1-й и 16-й танковые корпуса и кавкорпус.

Мне пришлось, как говорится, с ходу включаться в дело. Шли упорные бои. Противнику к этому времени уже удалось выйти к Дону. Сосредоточив основное внимание на юго-востоке, он частью сил наносил удар вдоль западного берега реки на север, стремясь расширить прорыв. Этому намерению противодействовали войска левого крыла нашего Брянского фронта — 13-я и 15-я танковая армии. Сейчас они оборонялись. Незадолго перед этим Ставка пыталась нанести контрудар по вражеским войскам, прорвавшимся в стыке двух наших фронтов. 5-я танковая армия должна была перехватить коммуникации группировки противника, двигавшейся к Дону, атаковать ее с тыла и тем самым не дать ей захватить Воронеж.

Казалось бы, что организацию и осуществление этой смелой и многообещающей операции лучше всего было возложить на командующего Брянским фронтом, который смог бы привлечь для решения задачи не только 5-ю танковую армию, но и другие свои соединения. Однако получилось иначе. Контрудар решили нанести с другого направления.

Плохо организованная и нерешительно проведенная операция успеха не имела. Кончилось тем, что противник перешел в наступление и на этом направлении. Сейчас здесь шли напряженные бои. Правда, врагу пришлось привлечь сюда значительные силы, несколько ослабив этим свою основную группировку. Но это мало облегчало наше положение. События тех дней с исчерпывающей полнотой и объективностью описаны генералом армии М.И. Казаковым в его книге «Над картой былых сражений». Поэтому я не буду вдаваться в подробности.

На участке, где вели бои части 5-й танковой армии, обстановка все ухудшалась: противник продолжал продвигаться. Необходимо было в срочном порядке подтянуть сюда новые силы. Решили выдвинуть из фронтового резерва 7-й танковый корпус под командованием генерала П.А. Ротмистрова.

Находясь на наблюдательном пункте в районе, где развертывались события, можно было видеть весь ход сражения. Равнинная, открытая местность способствовала этому. Отчетливо наблюдался бой наших отходивших частей и наседавшего на них противника. Впереди небольшими группами на широком фронте действовали вражеские танки, ведя пушечный огонь, преимущественно с остановок. Немецкая пехота двигалась за ними, залегая время от

времени и ведя непрерывный автоматный огонь. Вдали, на горизонте, сквозь густые облака пыли наблюдалось движение новых колонн танков и автомашин.

По наступавшим танкам противника довольно метко била наша противотанковая артиллерия. Где поорудийно, где побатарейно, она меняла позиции и тут же открывала огонь, замедляя продвижение врага и прикрывая нашу отходившую пехоту, которая тоже отбивалась пулеметным и минометным огнем. Отход пока носил организованный характер. Но по всему было видно, что, введя в бой свои главные силы, подходившие из глубины, противник легко сомнет наши части.

Однако к этому времени подоспели части 7-го танкового корпуса. На наших глазах корпус развернулся и решительно двинулся навстречу главным танковым силам врага. Ударили по ним и все наши батареи, в том числе и артиллерия танкового корпуса. Особенно эффективными были залпы «катюш».

Поле сражения заволокло тучами пыли. Сквозь них тускло просвечивали вспышки выстрелов и снарядных разрывов. Во многих местах взвились столбы черного дыма от загоревшихся вражеских машин.

Наша пехота воспрянула и вместе с танками бросилась на врага. Этой дружной и стремительной атаки противник не выдержал. С большими потерями он откатился назад.

Вражеская авиация, за исключением отдельных самолетов, почти не принимала участия в бою. Не было и нашей авиации.

Все наши попытки развить достигнутый успех на этом участке не дали результатов. Но наступление противника было отражено.

В этих боях погиб командующий 5-й танковой армией генерал Лизюков. Он двигался в боевых порядках одного из своих соединений. Чтобы воодушевить танкистов, генерал бросился на своем танке КВ вперед, ворвался в расположение противника и там сложил голову.

Мне было искренне жаль его. Мы познакомились с ним еще на ярцевском рубеже. Боевой, храбрый танкист. Он был хорошим командиром танковой бригады, мог бы быть неплохим командиром корпуса. Но опыта командования столь крупными силами, как танковая армия, он пока не имел. Объединение же было новое, наспех сформированное, к тому же у нас еще не было и опыта применения такой массы танков. Армия впервые участвовала в бою, да еще

в столь сложной обстановке. Конечно, все это не могло не отразиться на ее действиях...

Вскоре после этого боя управление и штаб 5-й танковой вывели в резерв Ставки, а корпуса непосредственно подчинили фронту. В то время, пожалуй, это было правильное решение. Ни обстановка, ни возможности наши еще не позволяли тогда создавать такие крупные танковые объединения.

Отразив все попытки противника продвинуться вдоль Дона к северу, войска Брянского фронта перешли к обороне и на этом участке. У соседа слева в районе Воронежа, частично захваченного противником, еще некоторое время шли бои местного значения, но и они стали затухать. Основные события развертывались южнее и юго-западнее. Противник, отбросив за Дон соединения вновь образованного Воронежского фронта, которым теперь командовал Н.Ф. Ватутин, продолжал развивать наступление по западному берегу реки к югу.

По приказу Ставки мы приступили к созданию прочной обороны на своем участке. Пользуясь передышкой в боевых действиях, я с группой работников штаба и политуправления фронта объехал войска. На нашем правом фланге бои затихли еще в июне. Части 3-й армии за это время прочно закрепились на своем рубеже и продолжали совершенствовать оборону. Армией командовал генерал П.П. Корзун, бывший кавалерист, ставший неплохим общевойсковым начальником. Командиры здесь подобрались опытные, способные умело и твердо руководить вверенными им войсками. Остался я доволен и 48-й армией, которой командовал генерал Г.А. Халюзин. Правда, в обеих армиях ощущался большой некомплект в личном составе и недостаток вооружения, особенно автоматического. Но в то время это была общая беда.

Командиры ревниво следили, чтобы раненые и больные после выздоровления возвращались в свои части. А наши героические медики со своей стороны прилагали все усилия к тому, чтобы лучше лечить и быстрее ставить на ноги пострадавших бойцов и командиров. И нужно признать: они преуспевали в этом.

На участке нашего соседа справа — Западного фронта тоже наступило затишье. К нему перешла от нас 61-я армия, которой продолжал командовать генерал М.М. Попов. На стыке с ней мы и приступили к отработке взаимодействия обоих фронтов.

На нашем левом фланге войска 13-й армии генерала Пухова и 38-й генерала Чибисова усиленными темпами создавали прочную глубоко эшелонированную оборону. Боевые действия здесь сводились к действиям разведки и коротким артиллерийским и минометным перестрелкам.

Командарм Н.П. Пухов — энергичный и предприимчивый генерал, обладающий хорошей военной подготовкой и богатым практическим опытом. Эти его качества ярко проявились в недавних боях, проходивших в очень сложных условиях. Армейский руководящий аппарат был хорошо сколочен и в боях тоже действовал уверенно и инициативно.

Генерал Н.Е. Чибисов в командование войсками 38-й армии вступил недавно, до этого он был заместителем командующего Брянским фронтом. По своим данным он безусловно был на месте, армией командовал безупречно. Немного смущала меня его неторопливость, пожалуй, даже флегматичность. Хотелось бы, чтобы командарм быстрее на все реагировал. Но это уж характер человека, его не так-то просто переделать.

Невольно вспоминаю случай во время горячих боев под Воронежем. Находясь в расположении 38-й армии, я узнал, что противник внезапной атакой потеснил наши части на одном из участков. Это меня крайне обеспокоило и вынудило отправиться на армейский КП. Командарма я застал за столом, на котором весело пел самовар. Чибисов был в весьма благодушном настроении. На мой вопрос, известно ли ему о положении у него на фланге, командарм спокойно ответил: он еще не выяснял обстановку, но уверен, что там ничего особенного не приключилось. И пригласил меня попить чайку.

Это поистине олимпийское спокойствие в столь тревожной обстановке возмутило меня до глубины души и вынудило повести разговор в резкой форме. Подействовало. Командарм энергично принялся за дело. На угрожаемый участок немедленно были выдвинуты войска. Противник был отброшен. Правда, и мне пришлось помочь Чибисову, выделить средства усиления из фронтового резерва.

В августе к нам на пополнение прибыла стрелковая бригада, сформированная из людей, осужденных за различные уголовные преступления. Вчерашние заключенные добровольно вызвались идти на фронт, чтобы ратными делами искупить свою вину. Правительство поверило чистосердечности их порыва. Так и появилась эта бригада у нас на фронте. Бойцы ее быстро освоились с боевой обста-

новкой; мы убедились, что им можно доверять серьезные задания. Чаще всего бригаду использовали для разведки боем. Дралась она напористо и заставляла противника раскрывать всю его огневую систему. В бригаде появились отличные снайперы. Как заправские охотники, они часами подкарауливали гитлеровцев и редко выпускали их живыми.

«Беспокойная» бригада воевала неплохо. За доблесть в боях с большинства ее бойцов судимость была снята, а у многих появились на груди ордена и медали.

Жизнь убедила меня, что можно верить даже тем, кто в свое время по каким-то причинам допустил нарушение закона. Дайте такому человеку возможность искупить свою вину — и увидите, что хорошее возьмет в нем верх. Любовь к Родине, к своему народу, стремление во что бы то ни стало вернуть их доверие сделают его отважным бойцом.

О событиях, происходивших в это время на участке Юго-Западного фронта, нам было мало что известно. Из общей сводки мы знали, что там идут бои, но подробной информации не получали.

Во второй половине августа меня внезапно вызвали в Ставку. У Сталина я застал и Н.Ф. Ватутина. Рассматривался вопрос об освобождении Воронежа. Ватутин предлагал наступать всеми силами Воронежского фронта непосредственно на город. Мы должны были помочь ему, сковывая противника на западном берегу Дона активными действиями левофланговой 38-й армии. Я знал, что Ватутин уже не раз пытался взять Воронеж лобовой атакой. Но ничего не получалось. Противник прочно укрепился, а нашим войскам, наступавшим с востока, прежде чем штурмовать город, надо было форсировать реки Дон и Воронеж. Я предложил иной вариант решения задачи: основной удар нанести не с восточного, а с западного берега Дона, используя удачное положение 38-й армии, которая нависает над противником севернее Воронежа. Для этого надо только подтянуть сюда побольше сил, причем по возможности скрытно. При таком варианте удар по воронежской группировке наносился бы во фланг и выводил наши войска в тыл противнику, занимавшему город. Кроме того, этот удар неизбежно вынудил бы противника ослабить свои силы, наступавшие против Юго-Западного фронта. В той обстановке такой вариант, по моему глубокому убеждению, был наиболее правильным.

Но Ватутин упорно отстаивал свой план, а мои доводы, по-видимому, оказались недостаточно убедительными. Не

подействовало и обещание, что, если будет принят мой вариант, Брянский фронт выделит в распоряжение соседа все войска, которые сможем собрать без ущерба для своей обороны. Сталин утвердил предложение Ватутина, обещав при этом усилить Воронежский фронт дополнительными соединениями из резерва Ставки, а также гвардейскими минометными полками, вооруженными реактивными установками М-31.

На этом визит у Сталина закончился. Выйдя в соседнюю комнату, мы с Ватутиным оговорили все вопросы, связанные с действиями 38-й армии, которая на время операции переподчинялась Воронежскому фронту, и разъехались каждый к себе.

Обстановка на участке Брянского фронта продолжала оставаться спокойной. Противник вел себя смирно, особых изменений в составе его войск не наблюдалось. 38-я армия подготовилась к наступлению и ждала только сигнала из штаба Воронежского фронта.

Наш штаб пополнялся командным составом. Несколько товарищей прибыли из 16-й армии. В частности, вместо М.И. Казакова, убывшего на Воронежский фронт, начальником штаба стал М.С. Малинин, на должность начальника артиллерии фронта прибыл В.И. Казаков, начальником связи стал П.Я. Максименко — старые сослуживцы, с которыми мы давно сработались. Начальником тыла оказался энергичный, хорошо знающий дело генерал Н.А. Антипенко. Моим заместителем по формированиям был генерал П.И. Батов, старый боевой командир, прекрасный строевик, с хорошими организаторскими способностями. С первого же дня знакомства с ним я заметил, что он тяготится своей должностью. Человеку с такой кипучей натурой трудно было усидеть в штабе.

Политическую работу в войсках возглавлял член Военного совета фронта С.И. Шабалин, человек одаренный, умеющий правильно нацелить деятельность политаппарата и партийных организаций.

Короче говоря, на Брянском фронте сложился коллектив сотрудников, способный обеспечить боевые действия войск в любых условиях.

Сроки готовившейся Воронежским фронтом наступательной операции несколько раз переносились, и наконец в первой половине сентября она началась. Предыдущие попытки наступать на этом направлении и затянувшаяся подготовка к новой операции не могли не насторожить

противника. Он хорошо укрепился, подтянул сюда силы. Атаки наших войск не приносили результатов. И все же бесперспективные атаки продолжались, пока не вмешалась Ставка. По ее приказу наступление было прекращено. Войска Воронежского фронта перешли к обороне по восточному берегу Дона.

К этому времени обстановка на сталинградском направлении резко осложнилась. Противник форсировал Дон, вышел в междуречье Волги и Дона и завязал бои в самом Сталинграде.

Примерно во второй половине августа мне довелось дважды разговаривать по ВЧ со Сталиным. Разговоры сводились к тому, что под Сталинградом тяжело и нашему фронту следовало бы выделить часть войск для усиления этого направления. Я отвечал, что наиболее существенной помощью была бы отправка туда танковых корпусов. Сталин охотно соглашался с этим. В срочном порядке мы отправили к Волге танковые корпуса — сначала М.Е. Катукова, а затем П.А. Ротмистрова. Обычно в конце каждого разговора Сталин просил продумать, что бы мы еще могли сделать в помощь защитникам Сталинграда.

В сентябре я опять был вызван к ВЧ и уже заранее подготовил ответ, что могу отправить последний оставшийся во фронте 16-й танковый корпус (весьма слабый), но, к моему удивлению, Сталин ничего не потребовал, а стал интересоваться делами на нашем фронте и после краткого моего доклада о полном затишье задал вопрос: не скучно ли мне здесь в связи с такой обстановкой? Получив утвердительный ответ, он велел мне прибыть в Москву.

В совершенном неведении о причинах вызова, захватив на всякий случай материал о состоянии войск, я на следующий же день на машине отправился в столицу.

В Ставке меня принял генерал армии Г.К. Жуков. Он в общих чертах ознакомил с обстановкой, сложившейся в районе Сталинграда, а затем с задачей, которая на меня возлагалась. Предполагалось сосредоточить сильную группировку наших войск (не менее трех общевойсковых армий и несколько танковых корпусов) на фланге противника, прорвавшегося в междуречье Волги и Дона, с тем чтобы нанести контрудар примерно из района города Серафимович в южном и юго-восточном направлениях. Смелая и многообещающая идея! Мне поручалось возглавить эту группировку. В мое распоряжение прибыли генералы Козлов и Голубев, которые назначались командующими фор-

мировавшимися армиями. Третья армия уже находилась в районе, где должно было начаться сосредоточение.

Получив задачу, я уже в Москве предпринял первые шаги. Уточнив, какие войска усиления нам будут приданы, согласовал вопрос о командных кадрах. Начальником штаба был назначен Малинин. Вместо Козлова я попросил поставить на армию генерала Батова. Но не успели мы как следует приступить к делу, меня срочно вызвал Верховный Главнокомандующий. Он сказал, что в связи с тяжелым положением — врагу местами удалось прорваться к Волге — наша операция отменяется, а предназначавшиеся для нее войска направляются под Сталинград. Мне следует вылететь туда же и принять командование Сталинградским фронтом.

— Остальные указания получите на месте от моего заместителя Жукова, который тоже вылетает под Сталинград.

Вышел я от Верховного с невеселыми мыслями. Опять не удалось осуществить правильно задуманный контрудар. Единственным утешением была мысль, что меня посылают туда, где сейчас идут напряженные бои, а не возвращают на спокойный участок.

При появлении над полем боя вражеских самолетов мы попросили у фронта соответствующую поддержку истребительной авиацией. Просьбу удовлетворили, и вскоре в воздухе появились одна за другой несколько малочисленных групп истребителей. Но радость оказалась преждевременной. Вражеские истребители, обеспечивавшие свои бомбардировщики, наносившие удары, не позволяли нашим даже приблизиться к месту боя. Действуя группами по три — шесть машин, тонкие, длинные и верткие «мессершмитты», подобно стае борзых собак, набрасывались на наших и отгоняли их. В этот день не было даже случая, чтобы советские самолеты вступали в бой. Они еще значительно уступали немецким по качеству и количеству.

И все же, несмотря на сильные атаки и мощную поддержку с воздуха, противнику в этот день так и не удалось отбросить нас назад. В целом же задача, поставленная фронтом, ни нашей армией, ни соседней выполнена не была. Да она и не могла быть выполнена. Разве что врага мы все-таки здорово потрепали и напугали. До этого боя я еще не видел, чтобы немцы бросали столько авиации на такой

небольшой участок, где действовала 16-я армия. Правда, наши части при этом не избежали потерь.

В июне опять же на брянском направлении предприняли еще одно наступление. Сам командующий фронтом прибыл к нам для личного наблюдения за его ходом вместе с командующим фронтовой авиацией.

В этом бою наша штурмовая авиация применила реактивные снаряды для удара по противнику. Это средство оказалось довольно эффективным, но, к сожалению, случалось, что удары наносились иногда и по своим. И мы их испытали на себе. Во время одного из таких казусов моя интуиция предохранила от беды. Наблюдая за боем, мы все находились вне окопов. И вот, увидя, что к нам с тыла подлетает девятка наших штурмовиков, я предложил спрыгнуть всем в окоп. И только мы успели это сделать, как увидели летящие на наши головы реактивные снаряды, выпущенные штурмовиками. Весь этот груз усыпал окоп спереди и сзади. Раздалась оглушительная серия взрывов, посыпались комья земли и грязи. Просвистели осколки, которые даже после разрывов падали сверху. К счастью для нас, этим все и обошлось. Но больше других «пострадал» командующий ВВС, которому сильно досталось от Жукова.

Продвинуться вперед нашим войскам не удалось. Наступательные действия 16-й армии закончились. По приказу фронта она перешла к обороне.

Наконец-то!.. Только все же слишком поздно. Немецко-фашистские войска к этому времени, пополнив части людьми, вооружением и техникой и подтянув свежие соединения с запада, сами перешли в наступление, взяв инициативу в свои руки. Красная Армия, истощенная непрерывными наступательными действиями зимой и весной 1942 года, не в состоянии была помешать им.

В начале июля 1942 года меня вызвал к телефону ВЧ командующий фронтом и сообщил, что Ставка намерена назначить меня командующим Брянским фронтом.

К вечеру того же дня поступило распоряжение Ставки ВГК о назначении. Я срочно убыл в Москву. Там я узнал, что обстановка на Брянском фронте сложилась весьма серьезная.

Сосредоточив крупные силы на южном крыле советско-германского фронта и воспользовавшись тяжелым поражением войск Юго-Западного фронта под Харьковом, немецко-фашистские войска 28 июня перешли в наступление на воронежском направлении. Нанеся удар на стыке Брянского

и Юго-Западного фронтов, они прорвали нашу оборону и стали быстро продвигаться в направлении Воронежа и к Дону.

Рядом частных операций противнику удалось срезать вклинения, образовавшиеся в его обороне в ходе зимних и весенних наступательных действий советских войск. Тем самым он обеспечил себе исходное положение для начавшейся летней наступательной операции. В результате крупных просчетов, допущенных Генеральным штабом и Ставкой ВГК, инициатива опять перешла полностью в руки противника.

Уходил я из Генерального штаба с тяжелым чувством обиды и болью в сердце. Покоя не давало сознание того, что совершенно иначе развернулись бы события летом 1942 года, если бы Красная Армия воспользовалась завоеванной в Московской битве передышкой. Своевременно перейдя к стратегической обороне, она пополнила бы понесенные за 1941 год потери и создала бы к летней кампании крупные стратегические резервы.

Ко времени моего прибытия Ставка решила нанести контрудар силами 5-й танковой армии по прорвавшимся на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов войскам противника, которые устремились к Воронежу. Но вместо того чтобы поставить эту задачу командующему Брянским фронтом, который для ее выполнения имел к тому времени возможность привлечь не только 5-ю танковую армию, но и другие силы, Ставка взяла на себя всю организацию, командировав к нам начальника Генерального штаба А.М. Василевского. На него возлагалось непосредственное руководство операцией. Здесь же находился и начальник оперативного управления Генерального штаба Н.Ф. Ватутин. Вот почему мне не удалось встретиться ни с тем, ни с другим, когда я, будучи в Москве, посетил Генеральный штаб. Тогда меня крайне удивило это обстоятельство. В такой ответственный момент, когда на фронте назревают крупные события, начальнику Генерального штаба особенно нужно находиться в центре, где принимаются и планируются основные решения и мероприятия. И именно в этот момент он покидает свое место и выезжает для руководства операцией, подменяя, по сути дела, командующего фронтом.

Плохо организованная и нерешительно проведенная операция по нанесению такого (заманчивого) контрудара успеха не имела. Противник сам перешел в наступление, и на этом направлении сейчас велись напряженные бои.

А.М. Василевского я и здесь не застал. Он вместе с бывшим командующим Брянским фронтом генералом Ф.И. Голиковым убыл в Воронеж.

Уместно заметить, что порой в поспешных мероприятиях, проводимых решениями Ставки, пытавшейся немедленно реагировать на происходившие на фронте события, отсутствовала дальновидность, необходимая для столь ответственного органа. Война, по сути дела, только начиналась, и это тоже необходимо было учитывать нашему Верховному Главнокомандованию и Генеральному штабу при планировании операций.

Приведу примечательный пример. Уже после окончания войны во время неоднократных встреч со Сталиным доводилось от него слышать: «А помните, когда Генеральный штаб представлял собой комиссар штаба Боков?..» При этом он обычно смеялся. Да, к сожалению, так бывало. Вместо того чтобы управлять вооруженными силами, находясь в центре, куда стекаются все данные о событиях на театрах войны и где сосредоточены все нервы управления, представители Верховного Главнокомандующего отправлялись в войска. Там они, попадая под влияние «местных условий», отрывались от общей обстановки, способствовали принятию Ставкой ошибочных решений и своими попытками подменять командующих только мешали им.

ПОД СТАЛИНГРАДОМ

Перелет на Ли-2 прошел благополучно. Летели все время низко, прижимаясь к земле. Этому война научила. Нужно заметить, что врагу редко удавалось сбивать самолеты на таком вот бреющем полете.

Сразу же после посадки мы с Жуковым отправились на ожидавших нас машинах на наблюдательный пункт командующего Сталинградским фронтом. Он находился восточнее Ерзовки. Здесь шел напряженный бой. Войска левого крыла фронта вели наступление на противника, прорвавшегося к Волге у северной окраины Сталинграда на участке Рынок, Акатовка.

Бой шел уже третий день, но выбить противника не удавалось. Вражеские позиции господствовали над местностью. Наши части находились на виду у гитлеровцев, а те не скупились на снаряды и мины. По всему фронту, насколько хватал глаз, густо вспыхивали разрывы. Среди залегшей пехоты дымились наши подбитые танки. Стоило танку подняться на гребень ската, он немедленно вспыхивал от прямых попаданий снарядов: по-видимому, немецкая артиллерия хорошо пристрелялась.

На этом участке действовали соединения немецкого 14-го танкового корпуса — 60-я и 3-я моторизованные дивизии, обращенные фронтом на север, а также 16-я танковая и 389-я пехотная дивизии — фронтом на юг. Они отстаивали пробитый ими коридор, который одним концом упирался в Волгу. Ширина этого коридора не превышала десяти километров. Но так как он проходил по возвышенности, мы, будучи в низине, не могли его рассмотреть на всю глубину.

В воздухе висела вражеская авиация. Она беспрерывно бомбила наши войска и еще сильнее — город. После каж-

дого налета над Сталинградом вздымались облака дыма. Враг задался целью разрушить город до основания.

С нашей стороны в наступлении участвовали части 1-й гвардейской и 66-й армий, пытавшиеся соединиться с 62-й армией, сражавшейся в самом городе.

На наблюдательном пункте я познакомился с заместителем командующего фронтом В.Н. Гордовым, которого до этого не знал. Он явно нервничал, распекал по телефону командармов, причем не очень-то выбирая слова (я уже слышал, что солдаты такое руководство метко прозвали «матерным управлением»). Жуков не вытерпел.

— Криком и бранью тут не поможешь, — сказал он Гордову, — нужно умение организовать бой.

Объективно оценивая сложившуюся на этом участке обстановку, должен признать, что дело было не в неудачном командовании, а в недостатке сил и средств для успешного решения задачи. Сказывалась и спешка. От командующего фронтом настойчиво требовали перелома в боевых действиях, не учитывая, что на стороне противника в это время было значительное превосходство в силах. Желание снова не соответствовало возможностям войск.

К вечеру стало ясно, что наступление и на этот раз не даст результатов. Войска несли потери, но прорвать оборону противника нигде не могли.

Предложив Гордову продумать, как действовать дальше, Жуков пригласил меня съездить на командный пункт фронта, откуда он должен был связаться с А.М. Василевским, находившимся на Юго-Восточном фронте.

К своему удивлению, я узнал, что управление и штаб Юго-Восточного фронта перебрались на восточный берег Волги. В той обстановке это выглядело очень странно: войска фронта ведут тяжелые бои с наседающим противником, а командование и штаб отделены от них широкой рекой.

Я считал и считаю, что командующий должен быть там, где сражаются его войска: и управлять легче, и люди будут драться увереннее. В данном случае целесообразно было бы на восточном берегу Волги иметь вспомогательный пункт управления для связи с 62-й армией, оборонявшейся в самом городе.

На берегу великой русской реки развертывалась невиданная в истории битва. Враг далеко продвинулся на нашу территорию. Но планы его рушились один за другим. Сопротивление советского народа и его армии возрастало с каждым днем. Население временно оккупированных рай-

онов с ненавистью относилось к захватчикам. Повсеместно в тылу немецких войск ширилось партизанское движение. Тяжелые неудачи на фронте не поколебали веру советских людей в превосходство социалистической системы над капиталистической. Народ и его Вооруженные Силы любили свою Советскую власть, самоотверженно сражались за свободу и независимость своей Родины и не жалели сил, чтобы довести войну до полной победы над врагом.

После поражения под Москвой немецко-фашистские главари поняли, что война приняла затяжной характер.

Хотя они по-прежнему стремились разгромить Красную Армию и тем самым закончить войну против СССР, но вести наступление одновременно на всех стратегических направлениях, как это было летом 1941 года, уже не могли. В качестве главной задачи на лето 1942 года перед немецко-фашистскими войсками ставилось уничтожение наших войск на южном участке фронта и овладение районом Кавказа и Нижней Волги. Коварный план! Осуществление его поставило бы нашу страну в крайне тяжелое положение.

Я уже говорил, что к началу операции немецко-фашистскому командованию удалось улучшить исходное положение своих войск и сосредоточить на южном крыле советско-германского фронта крупные силы. В конце июня вражеские войска перешли в наступление, прорвали нашу оборону и устремились на юго-восток. Наши войска вынуждены были отходить под ударами превосходящих сил врага, обладавших большей подвижностью, к тому же на стороне противника было и господство в воздухе.

Командный пункт Сталинградского фронта располагался недалеко от берега Волги. Наспех вырытые землянки не могли защитить ни от снарядов, ни от дождя: сквозь тонкое земляное перекрытие текли мутные струйки. Место крайне неудачное: открытая лощина свободно просматривалась с воздуха. В дневное время КП демаскировался движением людей, машин и повозок.

Поздно вечером сюда приехал Гордов. Доложил Жукову, что приказал войскам перейти к обороне. Неудачу наступления он объяснил недостатком артиллерии, минометов и боеприпасов, а самое главное — плохой организацией операции. Спешка не давала возможности наладить взаимодействие, войска вводились в бой без достаточной подготовки и по частям.

— Кто виноват в этом? — спросил Жуков.

Гордов ответил: он докладывал, что времени на подготовку операции недостаточно, но не смог добиться переноса срока наступления.

Судя по всему, Георгий Константинович и сам пришел к выводу, что наскоками действовать нельзя: это не даст положительного результата. Противник был достаточно силен и мог не только отразить наше наступление, но и сам еще продолжал атаковать то в одном, то в другом месте. Он шел на любые жертвы, чтобы полностью овладеть Сталинградом, и бои там почти не прекращались.

Было совершенно ясно, что рассчитывать на успех можно лишь в том случае, если наступательная операция будет тщательно подготовлена и обеспечена необходимыми для этого средствами, конечно, в возможных в то время пределах. Гордов и высказал именно эти предложения.

Жуков приказал мне принять командование Сталинградским фронтом (который вскоре был переименован в Донской, а Юго-Восточный — в Сталинградский). Я заявил Георгию Константиновичу, что признаю обоснованность выводов Гордова, и попросил предоставить мне возможность самому командовать войсками в духе общей задачи, поставленной Ставкой, сообразуясь со сложившейся обстановкой.

— Короче говоря, — улыбнулся Жуков, — хотите сказать, что мне здесь делать нечего? Хорошо, я сегодня же улетаю.

Действительно, в тот же день он отбыл в Москву.

Вступив в командование, я начал знакомиться с войсками. В то время в состав Донского фронта входили: 63-я армия под командованием генерала В.И. Кузнецова, которая занимала участок по левому (северному) берегу Дона протяжением свыше 200 километров и удерживала небольшой плацдарм в районе Верхнего Мамона на южном берегу; 21-я армия под командованием генерала А.И. Данилова, располагавшаяся тоже по северному берегу на рубеже протяжением до 150 километров с плацдармом на южном берегу в районе Еланская, Усть-Хоперская, Серафимович; 4-я танковая под командованием генерала В.Д. Крюченкина, занимавшая участок на северном берегу и в междуречье Волга — Дон протяжением 30 километров; 24-я армия под командованием генерала И.В. Галанина, оборонявшаяся в междуречье на участке в 50 километров; 66-я армия под командованием генерала Р.Я. Малиновского, тоже занимавшая рубеж в междуречье протяжением

20 километров и упиравшаяся своим левым флангом в Волгу.

Таким образом, две армии занимали оборону на широком фронте, растянувшись вдоль реки, а три армии продолжали вести активные действия в междуречье, нависая с севера над основной группировкой немецко-фашистских войск, прорвавшихся к Волге.

В состав Сталинградского фронта (бывший Юго-Восточный), которым командовал генерал А.И. Еременко, вошли 62-я армия генерала В.И. Чуйкова (оборонялась в самом городе, будучи отрезанной на севере и на юге вышедшими к Волге войсками противника), 64-я армия генерала М.С. Шумилова, 57-я армия генерала Ф.И. Толбухина и 51-я армия генерала Н.И. Труфанова, оборонявшаяся на широком фронте к югу от озера Барманцак.

Все соединения Донского фронта после длительных боев были малочисленными. Пополнений мы почти не получали: по решению Ставки они направлялись на формирование новых соединений в тылу.

К концу сентября противник втянул в сражение все свои силы, а намеченной цели не добился. Группа войск «А» вела тяжелые бои у подножий Кавказского хребта, где и застряла, натолкнувшись на решительный отпор наших войск. К тому же ей пришлось выделить соединения 4-й танковой армии для усиления группы армий «Б», которая увязла в междуречье Волга — Дон, втянувшись здесь в тяжелые бои, навязанные ей советским командованием. Таким образом, гитлеровцам не удалось ни овладеть Кавказом, ни выйти к Волге на всем протяжении от Сталинграда до Астрахани. Гитлеровское командование, как и в 1941 году, просчиталось, недооценив сил и возможностей Советского Союза. Наступил момент, когда немецко-фашистскому командованию при здравой оценке ситуации следовало бы подумать о том, как выйти из критического положения. Оно не сделало этого. А наши Ставка и Генштаб, как и в решающий момент битвы под Москвой, правильно оценили назревшую возможность нанести сокрушительный удар по зарвавшемуся врагу.

Как я уже говорил, войсками Донского фронта удерживались два плацдарма на южном берегу Дона. Они имели для нас большое значение. Враг не раз пытался сбросить наши части оттуда, и этот участок фронта был довольно активным. Жаркие бои проходили и на участках 24-й и

66-й армий, располагавшихся в междуречье. При малейшей попытке противника усилить нажим на защитников Сталинграда наши части переходили в наступление, с тем чтобы облегчить положение 62-й и 64-й армий, оборонявшихся в самом городе. Этим мы отвлекали на себя значительную часть сил противника и вынуждали его держать в междуречье свою основную группировку. Опасаясь удара в тыл войскам, действовавшим против Сталинградского фронта, гитлеровское командование сосредоточило в междуречье наиболее надежные немецкие соединения, в то время как южнее, на рубеже озер, стояли румынские части (6-го армейского корпуса).

Нам с начальником штаба Малининым пришлось немедленно включаться в работу. Обстановка не позволяла сразу же вносить какие-то решительные изменения, но, как только бои приняли затяжной характер, мы стали кое-что переделывать по-своему. Прежде всего нужно было упорядочить управление войсками. Оставлять КП фронта всего в восьми километрах от переднего края, причем на фланге, при протяженности фронта свыше 400 километров, было нецелесообразно. Мы перевели командный пункт в Малую Ивановку, ближе к центру. Затем я приступил к ознакомлению с войсками, начиная с правого фланга, с 63-й армии. Резко бросалась в глаза малочисленность частей. Если еще подразделения специальных войск (артиллерийские, инженерные, минометные, связи) были укомплектованы примерно наполовину, то стрелковые полки — всего на 40, а то и на 30 процентов. Так называемых штыков не хватало катастрофически.

Несмотря на тяжелые испытания, настроение в войсках было бодрое, боевое. Командиры, политработники, партийные и комсомольские организации умело воспитывали бойцов на многочисленных примерах героизма, который в боях за Сталинград стал массовым. Душой партийно-политической работы были член Военного совета фронта генерал А.С. Желтов и начальник политуправления генерал С.Ф. Галаджев. Замечательным, всесторонне подготовленным политическим работником и хорошим товарищем оказался Галаджев. Этот человек обладал кипучей энергией и завидной жизнерадостностью, что являлось очень ценным качеством, особенно в тяжелые моменты, а нужно сказать, таких моментов в то время было больше, чем радостных. С А.С. Желтовым нам довелось работать вместе очень короткое время. Он был вскоре переведен на вновь образованный Юго-Западный фронт, но о нем у меня со-

хранилось самое хорошее впечатление. Работать с ним было очень легко. Это настоящий коммунист, большевик.

В 4-й танковой армии мне пришлось вновь убедиться, какие большие потери в технике несли танковые соединения из-за того, что вводились в бой по частям, неорганизованно и без должного артиллерийского обеспечения. Сейчас в этой армии (сыгравшей, правда, известную роль в срыве замыслов противника по окружению наших 62-й и 64-й армий в большой излучине Дона) оставалось всего четыре танка. Кто-то из сопровождавших меня офицеров шутя задал вопрос: не потому ли она и называется 4-й танковой армией? Солдаты внесли поправку: свою армию они с горькой иронией называли четырехтанковой. Командующего армией генерала В.Д. Крюченкина отзывали в Москву. Его я знал еще по службе в мирное время — он был командиром 14-й кавалерийской дивизии в 5-м кавкорпусе, которым я командовал. Это был хороший, смелый рубака, особенно прославившийся в боях с басмачами.

Вместо него был назначен генерал П.И. Батов, обладавший богатым командным опытом и высокой инициативой. Павла Ивановича я знал по совместной службе на Брянском фронте. Я верил, что он вытянет эту армию, которая в скором времени была преобразована в 65-ю общевойсковую. Войска армии занимали очень важный участок, удерживая обширный плацдарм на западном берегу Дона. Этот плацдарм нужно было во что бы то ни стало удержать. С него наши части атаковали противника каждый раз, как только он начинал штурмовать город, и этим помогали 62-й и 64-й армиям Сталинградского фронта.

Войска 24-й армии, в командование которой вступил генерал И.В. Галанин, располагались в междуречье, примыкая своим правым флангом к Дону. Этот участок фронта был весьма активный. Армия вела наступательные действия, отвлекая на себя, как и 65-я, наиболее крепкие немецкие соединения.

На месте я убедился, что теми силами и средствами, которыми располагал Галанин, ему трудно было рассчитывать на достижение какого-либо ощутимого успеха. Здесь противник был сильный, маневроспособный и занимал весьма выгодный рубеж, который был в свое время оборудован еще нашими частями. Соединения армии после длительных и ожесточенных боев сильно поредели. Но, несмотря на усталость войск, понесенные потери и отсутствие заметного успеха, настроение бойцов и командиров

было бодрое. Сознание того, что они своими активными действиями оказывают помощь товарищам, ведущим бой непосредственно в Сталинграде, воодушевляло всех.

Мне еще оставалось ознакомиться с войсками 66-й армии, которая располагалась, как и 24-я армия, в междуречье, упираясь своим левым флангом в Волгу и нависая над Сталинградом с севера. Выгодность этого положения обязывала армию почти непрерывно вести активные действия, стремиться ликвидировать образованный противником коридор, который отрезал войска 62-й армии Сталинградского фронта от наших частей. Теми силами и средствами, которыми располагала 66-я армия, эта задача не могла быть выполнена. Противник, прорвавшийся здесь к Волге, занимал укрепления так называемого Сталинградского обвода, построенного в свое время еще нашими войсками. У врага было достаточно сил, чтобы удержать эти позиции. Но своими активными действиями 66-я армия облегчала участь защитников города, отвлекая на себя внимание и усилия противника.

Прибыв на командный пункт 66-й армии, я не застал там командарма. Встретивший меня начальник штаба армии генерал Ф.К. Корженевич доложил, что командарм убыл в войска. Корженевича я знал еще по совместной службе в 1930 году в 3-м конном корпусе, где мне довелось командовать 7-й Самарской кавдивизией, а он был начальником оперативного отдела штаба корпуса. Это был высокообразованный штабной командир. Меня несколько удивило, что командующий армией отправился в войска, не дождавшись меня, хотя и знал, что я к нему выехал. Корженевич хотел вызвать командарма на КП, но я сказал, что сам найду его, а заодно и познакомлюсь с частями.

Я побывал на командных пунктах дивизий, полков. Добрался до КП батальона, но и здесь не удалось встретиться с командармом. Сказали, что он находится в одной из рот. Я решил отправиться туда.

Нужно сказать, что в этот день здесь шла довольно оживленная артиллерийско-минометная перестрелка, и было похоже на то, что противник подготавливает вылазку в ответ на атаку, проведенную накануне войсками армии. Где в рост по ходу сообщения, а где и согнувшись в три погибели по полузасыпанным окопам добрел я до самой передовой. Здесь и увидел среднего роста коренастого генерала. После церемонии официального представления друг другу и краткой беседы я намекнул командарму, что

вряд ли есть смысл ему лазать по ротной позиции, и порекомендовал выбрать более подходящее место, откуда будет удобнее управлять войсками. Родион Яковлевич Малиновский замечание выслушал со вниманием. Угрюмое лицо его потеплело.

— Я сам это понимаю, — улыбнулся он. — Да уж очень трудно приходится, начальство нажимает. Вот я и отправился подальше от начальства.

Расстались мы друзьями, достигнув полного взаимопонимания. Конечно, на армию возлагалась непосильная задача, командарм понимал это, но обещал сделать все от него зависящее, чтобы усилить удары по противнику.

С отдельных участков нашей обороны хорошо просматривались вражеские позиции. После ожесточенных боев там осталось много подбитых танков — и немецких, и наших. Бойцы такой рубеж прозвали танковым полем. Это был крепкий орешек. Под сожженными машинами гитлеровцы вырыли окопы. Мертвые танки превратились в труднопреодолимые огневые точки. Штурм их стоил нам очень дорого.

Пока я объезжал войска, в управление фронта прибыли новые командиры. Приехали назначенный начальником артиллерии фронта генерал Казаков, начальник бронетанковых войск генерал Орел, начальник связи фронта генерал Максименко. С этими товарищами мы вместе пережили самые тяжелые дни под Москвой, служили на Брянском фронте. Назначение их на Донской фронт было своевременным, так как здесь, чувствовалось по всему, надвигались серьезные события.

Войска фронта прочно закрепились и вели активную оборону, нанося удары то на одном, то на другом участке, создавая для противника напряженное положение, не позволявшее ему перегруппировывать силы. Эти действия вытекали из основной директивы Ставки, требовавшей прочно удерживать рубеж по реке Дон и все плацдармы на ее южном берегу, а контрударами в междуречье помочь Сталинградскому фронту удержать Сталинград. В самом городе не прекращались бои. 62-я армия, защищавшая город, отражала одну атаку за другой, борясь буквально за каждый дом. Противник, стремясь во что бы то ни стало овладеть развалинами города, вводил сюда все новые войска, не считаясь с потерями.

Командование Сталинградского фронта пыталось всемерно усилить 62-ю армию. Ставка присылала под Сталинград стрелковые, танковые и артиллерийские части. Боль-

шинство их немедленно перебрасывалось через Волгу в город. Кое-что перепадало и Донскому фронту. Но это пополнение не могло возместить потери, которые мы несли в контратаках.

Противник в городе уже в трех местах прорвался к Волге. Учитывая тяжелое положение 62-й армии, Ставка приказала провести в октябре наступательную операцию. К этому привлекались войска двух фронтов. Наш Донской активными действиями с плацдармов на Дону должен был сковать врага, с тем чтобы он не смог перебрасывать подкрепления в район Сталинграда. В это время наша 24-я армия своим левым флангом во взаимодействии с 66-й армией должна была разгромить вражеские части севернее города и соединиться с войсками 62-й армии Сталинградского фронта. Для этой операции нам разрешалось использовать семь стрелковых дивизий, прибывавших из резерва Ставки. Никаких дополнительных средств усиления (артиллерия, танки, самолеты) фронт не получал. В этих условиях трудно было рассчитывать на успех. Группировка противника опиралась здесь на хорошо укрепленные позиции.

Поскольку главная роль в предстоящем наступлении отводилась 66-й армии, я переговорил с Малиновским. Тот стал меня упрашивать не направлять в бой семь новых дивизий:

— Только напрасно потеряем их.

На наше счастье, к намеченному Ставкой сроку из семи дивизий мы получили только две. Они и были переданы 66-й армии. Остальные запоздали, и мы оставили их в резерве фронта. Впоследствии они сыграли большую роль.

Как и следовало ожидать, наступление было безуспешным. Войска Донского фронта не смогли прорвать оборону противника. Наступление Сталинградского фронта тоже не достигло поставленной цели. И все же противник был вынужден удерживать свою группировку в междуречье, а это оказывало большое влияние на дальнейший ход событий под Сталинградом.

Неприятельским войскам пришлось топтаться на месте. Они не могли продвинуться ни на Волге, ни на Кавказе. Безмерно растянувшиеся коммуникации доставляли врагу все больше хлопот...

Воспользовавшись сложившейся обстановкой, советское командование приступило к подготовке мощного контрнаступления. Оно должно было начаться — мы об этом до-

гадывались — одновременно с северного и южного флангов. Для осуществления плана нужно было задержать на некоторое время главную группировку немецких войск в междуречье Волга — Дон. Это достигалось активными действиями войск Донского и Сталинградского фронтов в районе Сталинграда. А тем временем производилась соответствующая перегруппировка и сосредоточение наших войск, предназначавшихся для контрудара.

Чувствовалось, что противник исчерпал свои наступательные возможности. Фланги его основной группировки в междуречье и в районе Сталинграда были слабо прикрыты, а достаточными резервами для того, чтобы обеспечить прочность обороны захваченного района, он не располагал. Его коммуникации были уязвимы на огромном пространстве.

Для нас наступал долгожданный момент. О предстоящем контрнаступлении мне и Еременко было известно уже в октябре: нам очень коротко рассказал о нем Г.К. Жуков. Он не сообщил пока даже приблизительного срока начала операции. И все же его информация дала нам возможность приступить к определенной подготовке, сохраняя, конечно, абсолютную секретность цели этих мероприятий. Многое делалось, чтобы ввести противника в заблуждение. Мы попытались убедить его, что собираемся наступать в междуречье, и вели здесь наиболее активные действия. А на остальных участках фронта имитировались усиленные работы по возведению укреплений... Всякое передвижение войск в те районы, откуда им предстояло действовать, производилось только ночью, с соблюдением всех мер маскировки.

Нашей авиации, 16-й воздушной армии, возглавляемой опытным и энергичным генералом С.И. Руденко, поручили одновременно с решением задач над полем боя непрерывно следить за поведением противника. Нужно было не прозевать перегруппировку его войск в пределах фронта и на стыках с соседями.

Как назло, именно в это время, когда так много требовалось от летчиков, среди них появились случаи заболевания туляремией, распространяемой мышами. А развелось их множество, и пришлось принимать специальные меры для защиты не только людей от заболевания, но и самолетов от порчи: грызуны поедали резиновую изоляцию везде, куда только им удавалось проникнуть.

План наступательной операции предусматривал участие войск трех фронтов. Сталинградский фронт должен был наносить удар из района Сарпинских озер, Донской —

активными действиями сковывать в междуречье Волга — Дон максимум неприятельских сил, а на правом крыле наносить удар, тесно взаимодействуя с соседним справа, вновь создаваемым Юго-Западным фронтом, которому предстояло обрушить на врага основной удар с плацдармов на южном берегу Дона.

Таким образом, планировались два мощных удара по флангам сталинградской группировки противника с целью ее окружения и уничтожения.

Нужно отдать должное Генеральному штабу и Ставке: момент был выбран очень удачно. Мы имели возможность создать перевес в силах и средствах на направлениях ударов. Нужно было лишь помешать противнику организовать оборону, не дать ему оттянуть из междуречья войска для создания резервов.

Все мы понимали, что в этой обстановке медлить нельзя. Понимали это Ставка и Генеральный штаб, поэтому подготовка к операции велась ускоренным темпом. В ноябре активность противника на фронте заметно снизилась. В городе он перешел к действиям мелкими группами. Становилось заметным, что враг и в междуречье пытается перейти к обороне.

Значительные изменения произошли на нашем правом крыле. Мы передали вновь созданному Юго-Западному фронту две наши армии — 63-ю и 21-ю. Утешало, что мы стали получать некоторое пополнение, к сожалению, весьма мизерное. А люди были очень нужны. Как всегда в таких случаях, проверили наши тылы, медсанбаты и госпитали. Штаб и политуправление фронта занимались этим в масштабах фронта, командование армий — в пределах своих объединений. С большим трудом нам удалось набрать немного людей и влить их в те части, которым предстояло решать наиболее ответственные задачи в первые дни боев.

О предстоящем наступлении была осведомлена лишь небольшая группа штабных работников. На сей счет представитель Ставки Г.К. Жуков сделал строжайшее предупреждение.

Все мероприятия проводились под видом усиления обороны.

4 ноября меня с группой офицеров штаба вызвали на совещание в район 21-й армии, которая теперь входила в Юго-Западный фронт. Совещание проводил Г.К. Жуков. Присутствовали здесь командующие армиями и командиры дивизий, которые должны были наступать на направлении

главного удара. Особое внимание уделялось взаимодействию соседних частей на стыках фронтов.

После мы узнали, что подобное совещание состоялось и на Сталинградском фронте.

Вопросы перед командирами ставились интересные, смелые, на совещании царила подлинно творческая атмосфера. Превосходную эрудицию, широкую осведомленность в обстановке показал Г.К. Жуков.

Одновременно с разработкой плана осуществлялось материальное обеспечение контрнаступления. В войска трех фронтов шли эшелоны с танками, артиллерией, боеприпасами. Всего было пока еще не особенно густо, но страна напрягала все усилия, чтобы максимально помочь своей армии. Все мы, воины, прекрасно это сознавали и стремились в предстоящем сражении оправдать чаяния народа. Командиры и политработники направляли свои усилия на дальнейшее совершенствование боевой выучки личного состава, на повышение наступательного порыва войск.

Вместе с командармами Батовым, Галаниным, Жадовым (он сменил Малиновского, который был отозван в Ставку), Руденко и начальниками родов войск детально разрабатываем план действий.

К этому времени Ставка уточнила задачи.

Юго-Западный фронт наносит главный удар с плацдарма юго-западнее города Серафимович по противостоящим войскам 3-й румынской армии. Развивая наступление в общем направлении на Калач, на третий день операции он соединяется с войсками Сталинградского фронта (которые наносят встречный удар), частью сил продвигается в юго-западном направлении до рубежа рек Кривая, Чир и создает активно действующий внешний фронт окружения.

Сталинградский фронт, наступая из района Сарпинских озер, должен разгромить противостоящие ему румынские и немецкие соединения 4-й танковой армии и, продвигаясь с боями на северо-запад в направлении на Советский, соединиться с войсками Юго-Западного фронта, а затем во взаимодействии с войсками Донского фронта уничтожить окруженного противника. Для обеспечения своей ударной группировки Сталинградский фронт частью сил наступает в направлении Абганерово, Котельниково, образуя здесь внешний фронт окружения.

Донской фронт наступает с плацдарма у Клетской и из района Качалинской. Разгромив противостоящие немецкие войска, продвигается в общем направлении на Вертячий

и во взаимодействии с войсками Юго-Западного фронта окружает и уничтожает противника в малой излучине Дона. После этого совместно с войсками Сталинградского фронта приступает к уничтожению основной вражеской группировки, окруженной в районе Сталинграда. К этому времени к нам из Юго-Западного фронта возвращается 21-я армия.

Вначале намечалось, что Юго-Западный и Донской фронты переходят в наступление 9 ноября, а Сталинградский — 10 ноября. Но в связи с запаздыванием сосредоточения сил и средств этот срок был перенесен на 19 ноября для Юго-Западного и Донского и на 20 ноября для Сталинградского фронтов.

Хотя обстановка заставляла спешить с нанесением удара, Ставка поступила мудро, прислушавшись к просьбам командующих фронтами. Войска получили возможность хорошо подготовиться и организованно начать наступление. Это в значительной степени предопределило его успех.

К началу операции Донской фронт получил из резерва Ставки три стрелковые дивизии, укомплектованные процентов на шестьдесят, да 16-я воздушная армия получила второй бомбардировочный корпус. Слабое усиление стрелковыми соединениями нас не удивляло. Мы понимали, что свежие войска нужны прежде всего там, где решается судьба всей операции. А так как главная роль в окружении противника отводилась Юго-Западному фронту, то он получал не только пехоту, но и большое количество подвижных войск.

Значительно был усилен Сталинградский фронт: ему ведь тоже предстояло прорвать оборону и быстрым продвижением навстречу войскам Юго-Западного фронта сомкнуть кольцо вокруг вражеской группировки.

На основании директивы Ставки и сообразуясь с конкретной обстановкой, было принято решение на проведение наступательной операции и поставлена задача войскам Донского фронта. В ходе длительных боев на рубеже Дона и в междуречье штабы хорошо изучили противника и местность. Это обстоятельство значительно облегчало постановку задач армиям и предоставляло им больше времени на организацию боя.

Во фронтовой операции особая роль отводилась 65-й армии. Ей предстояло участвовать совместно с 21-й армией (соседней справа) в главном ударе. Задача у них общая: прорвать фронт, уничтожить противостоящие вражеские

части, а затем, зайдя во фланг и тыл обороны противника на рубеже реки Дон, наступать в юго-восточном направлении на Вертячий. Но разница заключалась в том, что перед 21-й армией стояли румыны, а перед 65-й — немецкие части. Учитывая это обстоятельство, мы старались по возможности усилить войска Батова, даже за счет ослабления других армий.

Весьма сложная задача возлагалась на 24-ю армию. Она должна была наступать в междуречье, примыкая своим правым флангом к Дону, прорвать оборону противника и, продвигаясь на Вертячий, воспрепятствовать отходу на восточный берег реки вражеских войск, действовавших против 65-й и 21-й армий. Должен сознаться, что эта задача при тех средствах, которые мы могли сюда выделить, была явно невыполнимой.

Однако мы рассчитывали, что своими наступательными действиями 24-я скует значительные силы противника, лишив его возможности подкреплять свои войска на главном направлении.

По-видимому, и Ставка учитывала это, обязав фронт так использовать армию Галанина.

Поскольку 66-я армия никаких дополнительных средств усиления не получила, ей было приказано лишь сковывать противостоящие вражеские части. Она к таким действиям уже привыкла. Задача нелегкая и, прямо скажем, неблагодарная. Но на войне часто приходится прибегать и к такому характеру действий. Командиры, на долю которых выпадает эта участь, затрачивают энергию подчас больше, чем те, что наступают на решающем направлении. И притом без всякой перспективы отличиться! Плохо, когда такие обстоятельства не учитываются командованием. Мне скажут, что подобного рода рассуждения относятся к области психологии. Но военачальник обязан быть хорошим психологом, уметь понимать переживания солдата. Справедливая оценка действий каждого командира и его подчиненных с учетом всех трудностей, выпавших на их долю, воодушевляет людей, укрепляет их веру в свои силы.

ТИСКИ СОМКНУЛИСЬ

Несмотря на крайне сжатые сроки, отведенные на подготовку, войска Донского фронта успели совершить перегруппировку и занять исходное положение для наступления. Работники штабов, начальники родов войск и служб как фронтового, так и армейского звена трудились успешно и плодотворно.

К началу артиллерийской подготовки мы с только что назначенным членом Военного совета К.Ф. Телегиным (А.С. Желтов был переведен на Юго-Западный фронт), генералами Казаковым, Орлом и Руденко прибыли на свой вспомогательный пункт управления на участке 65-й армии.

Накануне был получен утешительный метеорологический прогноз. Но еще задолго до рассвета стало ясно, что синоптики ошиблись. Вокруг стоял густой туман, и ничто не предвещало улучшения погоды.

А время начала артподготовки быстро приближалось. Обсудив с товарищами, какие следует внести поправки при создавшейся обстановке, отдаю соответствующие распоряжения. Ровно в назначенный срок орудия и гвардейские минометы открыли огонь по противнику.

Тотчас донесся гул канонады и справа: начал наступление наш сосед — Юго-Западный фронт.

Так 19 ноября 1942 года началось историческое сражение, в результате которого были окружены отборные немецко-фашистские войска.

И если до этого момента у противника была еще возможность спасти свои части от разгрома своевременным отводом их на запад, то теперь они обрекались на гибель. Ничто уже не могло их спасти. В действие вступил план, умело и тщательно разработанный советским командованием.

Сильно нервничал С.И. Руденко. Предусмотренные планом массированные удары авиации срывались из-за нелетной погоды. Я разрешил ему поднимать в воздух пары и одиночные самолеты. Эти внезапные налеты оказывали большую поддержку нашей пехоте. От летчиков требовались высокое мастерство и мужество, чтобы водить машины в тумане, но они успешно справились с задачей, еще более упрочив свой авторитет среди бойцов и командиров фронта.

Вражеские самолеты в этот день почти не появлялись. А наша авиация по мере улучшения погоды все усиливала свои действия. Сплошной туман скрывал от нас поле сражения. Не помогали никакие оптические приборы, а в них недостатка на нашем наблюдательном пункте не ощущалось. Молочная пелена лишь озарялась вспышками разрывов... Рокочущий гул не стихал ни на миг.

Но вот грохот разрывов переместился в глубину. Значит, наступил момент переноса огня. До нашего слуха долетело дружное «ура». Залязгали гусеницы танков. Началась атака. Невольно мы переглянулись. У всех находившихся на НП возникла одна мысль: удастся ли прорвать вражеские укрепления?

Напрягли слух. Артиллерийский и минометный огонь противника не усиливался. Велся он неорганизованно. Но вот по всему фронту затрещали вражеские пулеметы. Видно, еще не все огневые средства были подавлены в ходе нашей артподготовки. Из тумана донеслись разрозненные орудийные выстрелы. Догадываемся: на подавление огневых точек противника выдвигаются орудия прямой наводки. В войсках 65-й армии этот способ широко применялся. Настойчиво внедрял его командующий артиллерией фронта генерал В.И. Казаков. Не менее страстным поборником стрельбы прямой наводкой был и командующий артиллерией 65-й армии С.И. Бескин.

Вскоре огонь противника заметно ослабел, шум боя стал все больше удаляться в глубину.

Постепенно прояснялось. Туман рассеивался, и уже кое-где поле боя стало просматриваться. В бинокль слежу за штурмом меловых обрывистых высот в районе Клетской. Видно, как наши бойцы, цепляясь за выступы, взбираются вверх. Многие срываются, скатываются вниз, а потом опять упорно, помогая друг другу, карабкаются по круче и атакуют врага. Гитлеровцы отбиваются отчаянно, но не выдерживают. Наша пехота сбрасывает их с высот. Главная полоса вражеской обороны начала давать трещины. Ломая ее, 65-я армия

продвигается в глубину — с большим трудом на левом фланге и успешнее на правом, на стыке с 21-й армией.

Во второй половине дня противник контратаками пытался затормозить продвижение наших войск. Командующий 21-й армией генерал И.М. Чистяков вводом в бой танкового корпуса преодолел сопротивление врага и начал развивать успех.

Хорошую инициативу проявил командарм 65 П.И. Батов. Он быстро создал импровизированную подвижную группу. Собрав все танки, которые у него имелись, он посадил на них десант из пехоты и направил в обход вражеских опорных пунктов. Ударами во фланг и тыл противника подвижная группа обеспечила быстрое продвижение остальных частей.

В результате этих мероприятий и ввода в бой командующим Юго-Западным фронтом танковых корпусов и других подвижных соединений фронт противника на основном направлении главного удара был прорван, и сюда устремились войска, стараясь быстрее достигнуть района встречи с частями Сталинградского фронта, наносившими встречный удар из района южнее Сталинграда.

Все попытки противника помешать продвижению наших войск оказались запоздалыми. Его танковые и моторизованные соединения, перебрасываемые из района Сталинграда к месту образовавшегося прорыва, вводились в бой по частям и, попадая под удары наших превосходящих сил, терпели поражение.

Предусмотренное планом наступление 24-й армии с целью отрезать отход на восточный берег Дона соединений противника, атакованных 65-й и 21-й армиями, не увенчалось успехом. Гитлеровцы прочно удерживали хорошо оборудованный рубеж, отбивая все атаки частей Галанина. Сейчас мы жалели, что те силы и средства, которыми была подкреплена 24-я армия, не были переданы войскам, теперь успешно продвигавшимся вперед.

В какой-то степени, конечно, 24-я армия содействовала общей операции, сковывая и отвлекая на себя значительные силы врага. И нельзя всю вину за неудачу относить на счет командарма Галанина. Им, безусловно, были допущены некоторые ошибки. Но не в них дело. Просто у армии недоставало сил, чтобы преодолеть столь крепкую оборону противника.

23 ноября соединения Юго-Западного и Сталинградского фронтов, разгромив вражеские войска на заходящих флан-

гах своих ударных группировок, встретились в районе Советский, Калач, замкнув кольцо. Главные силы Юго-Западного фронта (без 21-й армии, которая вскоре была возвращена Донскому фронту) продолжали наступать в юго-восточном и юго-западном направлениях, создавая внешний фронт окружения. Сталинградский фронт, оставив три армии для блокировки и уничтожения окруженного противника, остальными силами тоже продолжал двигаться на юго-запад, отбрасывая внешний фронт как можно дальше от котла. Ликвидация окруженных в районе Сталинграда частей 6-й и 4-й танковой немецких армий была возложена Ставкой на войска Донского и Сталинградского фронтов. Они приступили к выполнению этой задачи с ходу, не прекращая наступления.

С запада и севера кольцо сжимали наши 21, 65, 24 и 66-я армии, а с юга и востока — 57, 64 и 62-я армии Сталинградского фронта. Ставка торопила, требуя быстрейшей ликвидации окруженного врага. Это требование было вполне понятно, ибо с ликвидацией котла освободилось бы большое количество наших войск, так необходимых в сложившейся стратегической обстановке. Эти войска можно было бы направить в тыл вражеской группе армий «А» и запереть ее на Северном Кавказе, то есть повторить то, что уже было сделано под Сталинградом. Сознавая важность задачи, мы предпринимали все меры, чтобы быстрее ее выполнить. Члены Военного совета, все старшие командиры и политработники находились непосредственно в боевых порядках. При этом многие даже принимали личное участие в атаках. Такой браваде нельзя было потворствовать, так как она могла привести не только к неоправданным жертвам, но и к ослаблению руководства частями и соединениями. Все должно иметь меру.

Несколько дней, прошедших в напряженных боях, показали, что одним ударом не ликвидировать окруженного противника. Одного желания здесь мало. Потребуется тщательная подготовка новой операции с детальной отработкой взаимодействия между фронтами. Еще лучшим решением была бы передача руководства операцией в одни руки.

Время шло, а результаты наступления против окруженной группировки были явно неутешительными. 21-я армия, форсировав Дон и оттеснив вражеские войска к востоку от реки, вела все более тяжелые бои. Остановилась и 65-я армия, натолкнувшись на мощный оборонительный рубеж.

Войска 24-й армии долго не могли прорвать вражескую оборону, но своим наступлением вынудили противника оттянуть сюда непосредственно из-под Сталинграда несколько дивизий. Это способствовало успеху 66-й армии, которая значительно продвинулась на юг, наступая на Сталинград вдоль берега Волги.

После того как части 65-й армии форсировали Дон, продвинулись и войска 24-й. Теперь обе армии, соединившись флангами, развернулись фронтом на восток, но преодолеть хорошо организованную оборону противника не смогли.

То же самое произошло с 66-й армией. Она, продвинувшись вначале успешно вперед, была остановлена противником на рубеже бывшего нашего среднего укрепленного обвода.

Как я уже вспоминал, по решению Ставки 24-я армия должна была наступать с целью окружения задонской группировки противника. Если бы этот маневр удался, получился бы так называемый слоеный пирог — окружение в окружении. Кроме основного котла мы должны были бы охватить кольцом задонскую группировку противника, что потребовало бы привлечения почти всех наших войск, причем 24-й и 21-й армиям пришлось бы действовать одновременно против задонской группировки фронтом на восток и против сталинградской фронтом на запад, находясь в узком коридоре. План этот так и повис в воздухе.

В результате наступления наших войск площадь, которую занимала окруженная вражеская группировка, уменьшилась почти вдвое. К концу ноября она составляла менее полутора тысяч квадратных километров. На одних участках враг был оттеснен, на других он сам отошел на более выгодные рубежи. Гитлеровцы широко использовали систему наших укреплений, построенных еще летом, до боев за Сталинград. Сокращение фронта обороны позволило противнику значительно уплотнить боевые порядки своих частей, а обилие различных укреплений на том рубеже, куда отошли его войска, — быстро организовать прочную оборону. Враг пользовался еще и тем преимуществом, что имел возможность быстро маневрировать своими резервами внутри круга, перебрасывая их на любое угрожаемое направление. Вполне понятно, что преодолеть сопротивление такого противника с ходу наши войска, сильно поредевшие за время непрерывного и длительного наступления, не смогли.

В боях с 28 по 30 ноября некоторый успех был достигнут войсками 21-й и 65-й армий: они овладели Песковаткой и Вертячим. На остальных участках ни мы, ни наш сосед результатов не добились. Побывав на различных участках, я убедился, что без специальной, серьезной подготовки к наступлению на успех надеяться нельзя. При очередном разговоре по ВЧ я счел своим долгом доложить об этом Сталину. Затронул вопрос и о том, что целесообразнее было бы операцию по ликвидации окруженной группировки противника поручить одному фронту — Сталинградскому или Донскому — с подчинением ему всех войск, действующих под Сталинградом.

Сталин не дал определенного ответа. В это время внимание Ставки было обращено на внешний фронт окружения, куда и направлялись силы из ее резерва и из состава войск, сражавшихся с окруженным противником. Так, от нас были взяты три стрелковые дивизии и четыре истребительно-противотанковых полка, а из Сталинградского фронта — почти все танковые и моторизованные соединения и части. Все это намного ослабляло и без того малочисленные соединения, ведущие непрерывные бои под Сталинградом. Но в создавшейся к тому времени обстановке эти меры были правильными.

К началу декабря внешний фронт окружения проходил в удалении от 40 до 100 километров от котла. Это облегчало ликвидацию противника внутри кольца. Но сил для ускорения этой операции явно не хватало.

По настойчивому требованию Ставки, переданному через прибывшего к нам начальника Генерального штаба А.М. Василевского, в начале декабря мы снова провели наступление. Израсходовали много снарядов из наших оскудевших к тому времени запасов. Люди рвались в бой, дрались геройски. Но противник был еще очень силен, занимал выгодные и хорошо оборудованные оборонительные рубежи. Выбить его оттуда было нелегко.

Весь командный состав — от командующего фронтом до командира взвода — находился в войсках, в ходе боев изучая систему обороны противника и характер его действий. Всемерно поддерживалась и поощрялась любая полезная инициатива, способствующая боевому успеху.

Было замечено: нашу длительную артиллерийскую подготовку противник использует, чтобы подтянуть резервы к месту предполагаемого удара, а затем огнем и контратаками отразить наше наступление. Поступил целый ряд

предложений, как перехитрить противника. Так возник метод последовательного захвата отдельных вражеских объектов. На это дело выделялись хорошо подготовленные части, усиленные артиллерией и танками. В целях сохранения внезапности атака проводилась накоротке, без артиллерийской подготовки как днем, так и ночью. Штурм начинался одновременно с открытием артиллерийского огня по атакуемому объекту. Как только пехота, сопровождаемая танками, врывалась на первую линию вражеских окопов, артиллерия переносила огонь в глубину и на фланги. А в это время стрелковые подразделения блокировали огневые точки, уничтожали их и развивали успех в глубину. Применялись и другие способы...

Разгромить врага мы и тогда не смогли. Но своими активными действиями наши войска и войска Сталинградского фронта нанесли ему большой урон в живой силе и технике, вынудили расходовать боеприпасы, которых у окруженных гитлеровцев оставалось все меньше. Противник был оттеснен от Дона в сторону Волги на 20—30 километров, кольцо вокруг него сжалось еще сильнее.

И все же протяженность линии фронта по кольцу достигала 170 километров. На всем этом пространстве надо было держать плотный и прочный заслон, который не могли бы пробить пехота и танки противника. А местность представляла собой всхолмленную степь, изрезанную множеством балок с крутыми обрывистыми берегами. Противник мог использовать эти овраги в качестве надежных укрытий, где располагались штабы, склады, сосредоточивались тактические резервы.

В юго-восточной части большой низины, где протекает река Россошка, имелось много ровных площадок, удобных для посадки самолетов (снабжение осажденных осуществлялось по воздуху). По обоим берегам Россошки густо расположены населенные пункты, которые противник превратил в узлы сопротивления. Прибавьте сюда снег — он толстым слоем покрыл все оборонительные сооружения врага, и обнаружить их нам было нелегко.

Наступать по такой местности тяжело. Многочисленные холмы, балки с крутыми берегами, вытянувшиеся главным образом с запада на восток, усложняли маневр наших войск.

Зима выдалась суровой. Сильные ветры с метелями, морозы до 32 градусов необычайно затрудняли наступление.

Неоднократные мои доклады Ставке о невозможности выполнить задачу без предоставления войскам фронта не-

обходимого времени для проведения соответствующей перегруппировки и без усиления фронта дополнительными силами и средствами в конце концов возымели свое действие, и Ставка решила направить на усиление Донского фронта 2-ю гвардейскую армию, полностью укомплектованную и вдобавок имевшую в своем составе оснащенный танками и другими средствами механизированный корпус. Это была большая сила, а для нас целое событие. Все воспрянули духом. Можно было с уверенностью сказать, что теперь вражеская группировка будет ликвидирована в короткий промежуток времени. А это повлекло бы за собой высвобождение семи армий, задействованных под Сталинградом, и освобождение крупного железнодорожного Сталинградского узла, что в огромной степени повлияло бы на увеличение размаха операции войск Юго-Западного и Воронежского фронтов на ростовском направлении.

Не дожидаясь подхода 2-й гвардейской армии, мы приступили к подготовке наступления. Представитель Ставки А.М. Василевский, находившийся у нас с задачей координации действий двух фронтов, принимал деятельное участие в разработке плана операции.

К делу был привлечен весь руководящий состав фронта и армий, генералы и офицеры, обладавшие опытом и знаниями. Член Военного совета фронта К.Ф. Телегин, начштаба М.С. Малинин, начальник оперативного управления И.И. Бойков, начальник разведуправления И.В. Виноградов, начальник политуправления С.Ф. Галаджев, мой заместитель К.П. Трубников, командующий артиллерией В.И. Казаков, командующий бронетанковыми и механизированными войсками Г.Н. Орел, начальник инженерных войск А.И. Прошляков, начальник связи П.Я. Максименко — все участвовали в этой большой работе.

В плане операции была заложена основная идея: ударами по центру окруженной группировки с двух сторон расчленить ее, а затем ликвидировать по частям. Войска Донского фронта наносят главный удар с запада на восток. Навстречу им движутся войска Сталинградского фронта, которые наносят удар с юго-востока на запад.

Забегая вперед, скажу, что эта идея выдерживалась на протяжении всей операции — от начала и до конца. Правда, изменялись в зависимости от обстановки и наличия сил способы решения задачи, но план расчленения окруженной группировки вначале на две части с нанесением главного удара по ее центру с запада на восток был вы-

полнен полностью. Я это особо подчеркиваю в связи с тем, что в некоторых материалах, опубликованных уже после войны, допускалось неправильное толкование вопроса.

В соответствии с планом 2-я гвардейская армия генерала Р.Я. Малиновского должна была наносить удар в центре на сокращенном участке фронта, справа от нее — 21-я армия генерала И.М. Чистякова с главной группировкой своих сил на левом фланге, а слева — 65-я армия генерала П.И. Батова с главной группировкой на правом фланге, примыкающем к войскам 2-й гвардейской армии. Таким образом, для удара на решающем направлении привлекались войска трех армий, усиленные наибольшим количеством артиллерии, танков, самоходных орудий. 16-я воздушная армия генерала С.И. Руденко должна была тоже всеми силами действовать на этом направлении.

Остальные армии Донского фронта — 24-я генерала Галанина и 66-я генерала Жадова — обязаны были активными действиями на своих участках не давать противнику оттягивать части для усиления войск, атакованных нами на главном направлении.

В порядке взаимодействия Сталинградский фронт наносил встречный удар войсками 57-й и 64-й армий. 62-я армия генерала Чуйкова, находясь в Сталинграде, активными действиями сковывала находившиеся перед ней силы врага.

Этот план, разработанный нами при деятельном участии генерал-полковника А.М. Василевского, 9 декабря был представлен в Ставку и утвержден.

Пока войска 2-й гвардейской армии подтягивались к месту назначения, командарм Малиновский с офицерами своего штаба приехал к нам в Заворыкино. Такой порядок давно установился в Красной Армии: войска еще на подходе, а командование уже выезжает к месту, где предстоит действовать, для уточнения обстановки и получения задачи. Это ускоряет подготовку операции.

Но Родион Яковлевич так и не успел войти в курс дела. На фронте произошли события, которые вынудили нас отложить наступление.

Чтобы выручить окруженные под Сталинградом войска, немецко-фашистское командование решило нанести контрудар извне на котельниковском направлении. Стало известно, что создавалась вражеская группировка и в районе Тормосина.

Утром 12 декабря на котельниковском направлении начались бои. Противник незначительно потеснил части

51-й армии генерала Н.И. Труфанова, действовавшей на внешнем фронте окружения. Командующий Сталинградским фронтом генерал А.И. Еременко, опасаясь, как бы враг не прорвался к своим окруженным войскам, обратился в Ставку с просьбой передать ему прибывавшую под Сталинград 2-ю гвардейскую армию для использования ее против группы Манштейна.

Переговоры на эту тему А.М. Василевский вел по ВЧ в моем присутствии. Передавая мне трубку, он предупредил, что решается вопрос о передаче прямо с похода 2-й гвардейской армии в Сталинградский фронт. В трубке послышался голос Сталина. Он спросил меня, как я отношусь к такому предложению. Я ответил отрицательно. Тогда Сталин продолжил переговоры с Василевским. Представитель Ставки настойчиво доказывал необходимость передачи армии Малиновского Сталинградскому фронту, так как Еременко сомневается в возможности имеющимися силами отразить наступление противника. После этого тут же по ВЧ Сталин сообщил мне, что он согласен с доводами Василевского, что мое решение разделаться сначала с окруженной группировкой, используя для этого 2-ю гвардейскую армию, смелое и заслуживает внимания, но в сложившейся обстановке оно слишком рискованное, поэтому я должен армию Малиновского, не задерживая, спешно направить под Котельниково в распоряжение Еременко.

Выслушав мое утверждение, что без армии Малиновского войска Донского фронта не смогут ликвидировать окруженного противника, Сталин согласился временно приостановить эту операцию, пообещав подкрепить войска фронта дополнительными силами и средствами. И добавил, что для оказания нам помощи в усилении артиллерией и боеприпасами пришлет командующего артиллерией Красной Армии генерала Н.Н. Воронова.

Таким образом, мы оказались в прежнем положении, только с еще более поредевшими соединениями.

Вскоре после этого разговора пришла директива Ставки о передаче всех войск, задействованных под Сталинградом, в состав Донского фронта. Это мероприятие было своевременным, и мы тут же приступили к установлению связи с 57, 64 и 62-й армиями. Вернее, эти связи у нас уже были. Вопрос об объединении сил обоих фронтов исподволь разрабатывался нашим штабом, и пусть немного, но кое-что мы успели сделать. Задолго до этого Василевский сказал мне, что командующий Сталинградским фронтом крайне недоволен, что штаб Рокоссовского засылает своих офицеров к нему в войска, пытается установить с ними какие-то

контакты. Но наше предвидение оправдалось. Теперь нам стало куда легче связаться с отошедшими к нам армиями.

Я счел необходимым лично побывать на местах, познакомиться со своими новыми товарищами, с их войсками и занимаемыми ими участками. Начал с 57-й армии, куда мы прибыли вместе с членом Военного совета генералом К.Ф. Телегиным.

Армия располагалась по юго-западному фасу кольца окружения, занимая 25-километровый рубеж по берегу реки Червленая. Командарм Ф.И. Толбухин произвел на нас хорошее впечатление. Чувствовалось, что он знает свое дело и способен в любой обстановке уверенно руководить войсками. Его командный пункт располагался в населенном пункте в довольно приличных условиях. Настроение в частях армии было бодрое, боевое, хотя после тяжелых боев ощущался большой недостаток в людях.

Толбухин шутя высказал сожаление, что он, руководя в свое время строительством оборонительных рубежей под Сталинградом, перестарался. Не знал, что ему же придется их преодолевать. А нужно сказать, строил он на совесть. Противник тоже многое сделал, чтобы укрепить эти позиции. И теперь Толбухину предстояло решить трудную задачу. А сил маловато...

Побывали мы и в 64-й армии, которая занимала 30-километровую полосу на южном фасе окружения, фронтом на север. Ее правый фланг упирался в Волгу южнее Сталинграда, а левый — в реку Червленая. Командующий армией генерал М.С. Шумилов оказался бывалым воином, хорошо знавшим военное дело и имевшим богатый командный опыт. Внешне Шумилов производил впечатление человека флегматичного. На самом же деле оказалось, что в нужные моменты он бывает весьма энергичным и решительным, а вверенные ему войска показали, что умеют крепко бить врага и в обороне и в наступлении. Сейчас они закреплялись на достигнутом рубеже, беспокоя противника активными действиями на отдельных участках. Располагались войска в окопах и землянках в открытой степи, широко используя овраги и балки. Военный совет армии разместился в хорошо оборудованном блиндаже, имевшем несколько комнат, где полы были застланы дорожками, на стенах висели ковры. А после сытного обеда, которым угостили-нас, мы поняли, что имеем дело с крепкими хозяевами, умеющими создать хорошие бытовые условия. В войсках повсюду чувствовалась забота о солдате. Длительные напряженные бои и здесь сказывались: ощу-

щался некомплект в людях и технике. Но боевой дух был высоким, бойцы и командиры верили в свои силы.

Направляемся в 62-ю армию. Добираться туда пришлось сложным путем. Сначала нужно было переправиться на восточный берег Волги, а затем обратно, на западный, но уже в Сталинград. Волга в это время еще не совсем стала, виднелись большие участки, свободные ото льда.

Перейдя реку у Дубовки, мы на ожидавших нас машинах добрались до пункта, где намечалась переправа. Отсюда был кратчайший путь через Волгу к расположению 62-й армии. Проводник провел с нашей группой короткий инструктаж. Следуя его указаниям, мы запаслись досками и веревками для преодоления пробитых минами и снарядами участков льда и отправились на тот берег. Со мной были Телегин, несколько офицеров, проводник и два сапера. Конечно, такую группу противник сразу заметил и на протяжении всего пути сопровождал нас артиллерийским и минометным огнем. Сообразуясь с обстановкой, мы, где ускоряя, а где замедляя движение и обходя преграды, благополучно добрались до берега. Нас уже поджидали командарм В.И. Чуйков, член Военного совета К.А. Гуров и начальник штаба армии Н.И. Крылов.

Побеседовав накоротке и познакомившись друг с другом, отправились на командный пункт в блиндаж Военного совета. Здесь все резко отличалось от обстановки, виденной нами в 64-й армии. Мы сразу почувствовали, что находимся на боевой позиции.

Командный пункт армии размещался у самой реки, его землянки были врыты в обрывистый песчаный берег. Стены и потолок блиндажа, в который мы зашли, были облицованы досками и фанерой, и все же песок просачивался отовсюду. Конечно, не было здесь ни ковров, ни дорожек. Обстановка в полном смысле спартанская. Не до ковров и мягкой мебели, когда КП находится от переднего края всего в нескольких сотнях метров. От разрывов бомб, снарядов и мин содрогалась земля, и песок, сыплясь сквозь щели, попадал нам за воротник.

Армия занимала узкую полосу берега и прилегающую к реке часть города, от которого осталась груда развалин с возвышавшимися местами остовами еще не совсем обрушившихся зданий. В этих развалинах и закрепились воины 62-й армии. Превратив их в неприступную крепость, они героически отражали яростные атаки врага. И несмотря на то, что противнику удалось в трех местах выйти к Волге, разобщив соединения армии, овладеть городом он не смог

и к моменту нашего прибытия сам перешел к обороне. Бои, правда, еще не прекратились, но они велись с обеих сторон только за отдельные объекты с целью улучшения позиций и разведки.

Вообще бои в городе носили особый характер и требовали от бойцов и командиров большого мужества, смелости, предприимчивости и инициативы. И прежде всего чувства товарищества, вплоть до самопожертвования. Суворовский завет «Сам погибай, а товарища выручай» стал здесь законом для каждого. Лучшие качества советского солдата проявили воины этой славной армии. Только благодаря этому им удалось удержать узкую кромку земли на берегу Волги до решительного момента, который уже наступал. Настроение в войсках, несмотря на все трудности, было превосходное. Все ждали начала разгрома врага и готовились к этому.

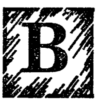
С Василием Ивановичем Чуйковым я встретился впервые и сразу проникся к нему глубоким уважением. Мне всегда нравились люди честные, смелые, решительные, прямые. Таким представлялся мне Чуйков. Был он грубоват, но на войне, тем более в условиях, в каких ему пришлось находиться, пожалуй, трудно быть другим. Только такой, как он, мог выстоять и удержать в руках эту кромку земли. Мужество и самоотверженность командарма были примером для подчиненных, и это во многом способствовало той стойкости, которую проявил весь личный состав армии, сражавшейся в городе за город.

На меня этот человек произвел сильное впечатление, и с первого же дня знакомства мы с ним сдружились.

Возвращались почти тем же путем, которым следовали в Сталинград. Оказавшись снова на правом берегу Волги, мы по дороге на свой КП заехали в 66-ю армию к А.С. Жадову. Непрерывные наступательные действия сильно отразились на войсках. Некомплект в частях и соединениях достигал 60—70 процентов, особенно это ощущалось в пехоте. А предстояли новые тяжелые бои, и требовались срочные меры, чтобы хоть немного пополнить соединения.

Мы осмотрели рубеж, который еще недавно занимал противник, отошедший к городу. Воочию убедились, сколь сильными были эти позиции. На огромном пространстве вдоль оборонительного рубежа стояли подбитые и сожженные танки — печальный результат поспешных, с ходу, контратак, в которые бросались по частям наши войска в период выхода немцев к Волге. Нет, так наступать мы не будем! Надо подготовиться как следует.

КОНЕЦ ВРАЖЕСКОЙ ГРУППИРОВКИ

В связи с передачей 2-й гвардейской армии в Сталинградский фронт нам пришлось внести значительные поправки в план операции. Идея оставалась прежняя: расчленение вражеской группировки на две части, но уже путем нанесения не двух, а одного главного удара с запада на восток.

Окончательно план был отработан при деятельном участии Н.Н. Воронова, который прибыл к нам в Заворыкино 19 декабря.

27 декабря план был представлен в Ставку.

Донской фронт должен был уничтожить двадцать две вражеские дивизии, общая численность которых к концу декабря составляла 250 тысяч человек. В главной полосе по линии фронта окружения оборонялись пятнадцать пехотных, три моторизованные и одна танковая дивизии противника. В резерве он имел две танковые и одну кавалерийскую дивизии. Кроме того, в его распоряжении было 149 отдельных частей различных родов войск, которые использовались как для пополнения пехотных дивизий, оборонявшихся в главной полосе, так и для усиления резервных соединений.

Резервы располагались так, что образовывали внутри окружения как бы второе кольцо, что способствовало увеличению глубины обороны и создавало возможность маневра для контратак в любом направлении. В декабре немецко-фашистские войска провели большую работу по укреплению своих позиций. В главной полосе обороны и на промежуточных рубежах они создали сеть опорных пунктов и узлов сопротивления. В западной части района противник воспользовался сооружениями бывшего нашего среднего оборонительного обвода, проходившего по левому берегу Россошки и далее на юго-восток по правому берегу

Червленой. На этом рубеже противник имел возможность усовершенствовать оборону, создав сплошную линию укреплений.

В восточной части кольца, где также проходил бывший наш внутренний оборонительный обвод, противник тоже оборудовал опорные пункты и узлы сопротивления, причем сеть их распространялась в глубину до десяти километров, вплоть до самого Сталинграда.

Гитлеровцы широко применяли минирование подходов к опорным пунктам и на танкоопасных направлениях. Для обороны были приспособлены железнодорожные насыпи, выбывшие из строя танки, вагоны и паровозы.

Таким образом, окруженный противник не только имел значительные силы, но и опирался на хорошо подготовленные в инженерном отношении позиции, значительно развитые в глубину.

Из всего этого можно было сделать вывод: в создавшейся обстановке враг предпримет все меры к тому, чтобы окруженная группировка как можно дольше держалась под Сталинградом, отвлекая на себя побольше наших сил и тем самым способствуя закрытию огромной бреши в его фронте, образовавшейся в результате успешного наступления советских войск на сталинградском и ростовском направлениях.

Дело прошлое, но мне думается, что было бы все же целесообразнее 2-ю гвардейскую армию использовать так, как вначале намеревалась поступить Ставка, то есть быстро разделаться с окруженной группировкой. Этот смелый вариант открывал огромные перспективы для будущих действий наших войск на южном крыле советско-германского фронта. Как говорится, игра стоила свеч.

Конечно, меня снова могут упрекнуть, что сейчас, когда все стало ясным, легко рассуждать о чем угодно, но я и тогда был сторонником использования 2-й гвардейской армии в первую очередь для разгрома окруженной группировки, предлагая в случае приближения вражеских сил к котлу повернуть против них всю 21-ю армию. Ставка предпочла принять другой вариант, надежно гарантирующий от всяких неожиданностей.

У гитлеровцев внутри котла было несколько хорошо оборудованных аэродромов, позволявших принимать одновременно большое количество самолетов. Требовалось разрушить этот воздушный мост, по которому окруженные снабжались продовольствием и боеприпасами. Для органи-

зации блокады прибыли к нам на Донской фронт авиационные генералы Новиков и Голованов. Они успешно справились с задачей.

Ставка нас предупредила, чтобы мы не рассчитывали на усиление фронта стрелковыми и танковыми соединениями. Это обстоятельство заставляло всех, кто отвечал за успех операции, а в первую очередь командующего фронтом, тщательно продумать вопрос об использовании сил, которыми мы располагали.

В результате огромной работы, проведенной штабом фронта, командующими родами войск, начальниками служб, и большой помощи, оказанной нам представителями Ставки Н.Н. Вороновым, А.А. Новиковым и А.Е. Головановым, была завершена подготовка к сражению.

К началу наступления фронт получил из резервов Ставки 20 тысяч человек пополнения, что для семи армий являлось каплей в море.

Мы набрали еще около 10 тысяч человек за счет сокращения обслуживающего состава тылов, разгрузки госпиталей и медсанбатов, привлекая в строй всех, кто способен был носить оружие. По настоянию Н.Н. Воронова Ставка придала нам артиллерийскую дивизию прорыва, два артиллерийских пушечных полка большой мощности, один артиллерийский дивизион большой мощности, пять истребительно-противотанковых артиллерийских полков, один зенитный артиллерийский полк, две гвардейские минометные дивизии и три гвардейских танковых полка. На большее нам рассчитывать не приходилось. Задача, поставленная перед нами, должна была быть решена теми средствами, которыми мы сейчас располагали. Требовалось только умело их использовать в конкретно сложившейся обстановке.

Для нанесения главного удара привлекались три армии: в центре на узком фронте ставилась 65-я, максимально усиленная артиллерией и минометами всех видов, ракетными установками, танками и инженерными частями; справа примыкала к ней 21-я, слева — 24-я, обе тоже усиленные артиллерией и другими средствами, но в меньшей степени.

Вся авиация 16-й воздушной армии предназначалась для действий на главном направлении.

Остальные армии — 57, 64, 62 и 66-я должны были наступать с ограниченными целями на отдельных участках, стремясь приковать к себе как можно больше войск

противника, лишая его возможности маневрировать силами. Этим армиям предстояло ограничиться только своими штатными средствами.

Москва торопила начать наступление. Присутствие у нас представителей Ставки помогло добиться некоторой отсрочки, необходимой для подготовки войск. Задержка в основном объяснялась запаздыванием прибытия артиллерии, минометов и других средств усиления, а также боеприпасов. Заботы о проталкивании всего этого к фронту, прежде всего артиллерии и боеприпасов, взял на себя Н.Н. Воронов, который поддерживал постоянную связь с начальником тыла Красной Армии генералом А.В. Хрулевым.

Весь руководящий состав фронта в это время работал в войсках, готовя их к наступлению. Плодотворно трудились политический аппарат, партийные и комсомольские организации. Результатом их усилий стал еще более высокий наступательный порыв войск. Бойцы и командиры с воодушевлением ждали сигнала к бою.

Как-то, находясь в 65-й армии, в дружеской беседе за чашкой чая я напомнил Павлу Ивановичу Батову наш разговор по телефону. А было это во время тяжелых декабрьских боев, когда от нас настоятельно требовали быстрейшего разгрома только что окруженного противника, сил же и средств для этого у нас не хватало. Вызвав Батова к телефону, я спросил, как развивается наступление.

— Войска продвигаются, — был ответ.

— Как продвигаются?

— Ползут.

— Далеко ли доползли?

— До второй горизонтали Казачьего кургана.

Несмотря на досаду, которую я испытывал от таких ответов, меня разбирал смех. Понимая состояние командарма и сложившуюся обстановку, я сказал ему: раз уж его войска вынуждены ползти и им удалось добраться только до какой-то воображаемой горизонтали, приказываю прекратить наступление, отвести войска в исходное положение и перейти к обороне, ведя силовую разведку, с тем чтобы держать противника в напряжении.

Конечно, за такое самовольство мне могло крепко влететь. И я уже привык в подобных случаях обращаться непосредственно к Сталину. Обычно он все же утверждал решение командующего фронтом, если тот приводил веские доводы и умел проявить настойчивость, доказывая свою правоту. Так было и в данном случае. Сталин, выслушав

меня внимательно, вначале слегка вспылил, а затем согласился с моим предложением. Это помогло нам сберечь силы, технику и боеприпасы для решающей битвы.

Напомнив П.И. Батову пережитое, я выразил уверенность, что сейчас, когда армия усиливается таким количеством артиллерии и других средств, его войска «ползти» не будут и продвижение их будет определяться не горизонталями, а местными предметами. Конечно, Павел Иванович со мной согласился. Войскам этой армии предстояло решить трудную задачу — она первой наносила главный удар.

Большая роль в операции отводилась артиллерии, поэтому основное внимание было уделено тщательной отработке всех вопросов ее применения и взаимодействия с пехотой и танками. Этими вопросами в основном занимались командующий артиллерией фронта генерал В.И. Казаков и его аппарат. А знания и накопленный опыт у них были достаточными, поэтому у меня не было сомнений, что артиллерия будет использована правильно и сделает все возможное.

31 декабря, пользуясь некоторым затишьем (относительным, конечно), мы решили отпраздновать встречу Нового года. В нашей штаб-квартире собрались члены Военного совета фронта и товарищи из Москвы — Василевский, Новиков, Голованов, писатели Ванда Василевская, Александр Корнейчук. По просьбе Новикова летчики попутным рейсом привезли елку, которую здесь украсили чем могли. Делалось все экспромтом, но получилось замечательно.

Новый год мы встретили в дружной товарищеской обстановке. Было высказано много добрых пожеланий, все наши тосты и разговоры пронизывала крепкая вера в грядущую победу над врагом.

Вспомнили мы и своих близких. Моя семья в это время уже находилась в Москве. Жена принимала деятельное участие в работе Антифашистского комитета советских женщин, а дочь поступила в школу разведчиков-связных, организованную Центральным штабом партизанского движения.

В дружеском разговоре был затронут вопрос о том, что история помнит много случаев, когда врагу, попавшему в тяжелое положение, предъявлялся ультиматум о сдаче.

В тот вечер никто всерьез не воспринял эту идею. Но на следующий день у меня возникла мысль посоветоваться с Генштабом: не попробовать ли и нам применить древний рыцарский обычай? Насколько мне помнится, я перегово-

рил об этом по ВЧ с генералом Антоновым, замещавшим в Москве начальника Генерального штаба. Он пообещал посоветоваться с руководством и сообщить о результатах, заметив, что не мешало бы набросать на всякий случай текст ультиматума.

О своем разговоре с Антоновым я сообщил Воронову, Новикову, Голованову, Малинину, Галаджеву и другим товарищам. У всех это вызвало большой интерес. Николай Николаевич Воронов тоже немедленно связался с Москвой. Необходимых материалов под рукой не было. Стали вспоминать события далекой истории — осады замков, крепостей и городов.

Общими усилиями текст ультиматума был составлен. Вскоре позвонили из Ставки, сообщили, что предложение очень понравилось Сталину, и затребовали срочно передать наш проект.

Подготовленный нами текст с незначительными поправками был утвержден. Нам предложили за день-два до начала наступления вручить ультиматум командующему 6-й немецкой армией генерал-полковнику Паулюсу или его заместителю.

Этот документ широко известен. В нем говорилось, что 6-я германская армия, соединения 4-й танковой армии и приданные им части усиления находятся в полном окружении наших войск еще с 23 ноября 1942 года. Все попытки немецкого командования спасти окруженных оказались безрезультатными. Спешившие к ним на помощь германские войска были разбиты Красной Армией, и остатки их стали отступать на Ростов. Немецкая транспортная авиация, доставлявшая осажденным голодную норму продовольствия, боеприпасов и горючего, несет огромные потери. Ее помощь окруженным войскам становится нереальной. А положение их тяжелое. Они испытывают голод, болезни и холод. Суровая русская зима только начинается: сильные морозы, холодные ветры и метели еще впереди, а немецкие солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в тяжелых антисанитарных условиях.

«Вы, как командующий, и все офицеры окруженных войск, — говорилось далее в ультиматуме, — отлично понимаете, что у Вас нет никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения. Ваше положение безнадежное, и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла.

В условиях сложившейся для Вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития предлагаем Вам принять следующие условия капитуляции.

1. Всем германским окруженным войскам во главе с Вами и Вашим штабом прекратить сопротивление.

2. Вам организованно передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику и военное имущество в исправном состоянии.

Мы гарантируем всем прекратившим сопротивление офицерам, унтер-офицерам и солдатам жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или в любую страну, куда изъявят желание военнопленные.

Всему личному составу сдавшихся войск сохраняем военную форму, знаки различия и ордена, личные вещи, ценности, а высшему офицерскому составу и холодное оружие.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам немедленно будет установлено нормальное питание.

Всем раненым, больным и обмороженным будет оказана медицинская помощь».

Особо оговаривался порядок ответа на наши требования.

Ультиматум заканчивался предупреждением, что, если условия не будут приняты, части Красной Армии будут вынуждены вести дело до уничтожения окруженных германских войск, и вина за это падет на немецкое командование.

Документ подписали представитель Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии генерал-полковник артиллерии Воронов и я, как командующий войсками Донского фронта.

Срок начала наступления после переговоров со Ставкой был все же перенесен, как мы просили, с 6 на 10 января. Да и к этому времени войска с большим напряжением еле-еле успевали подготовиться. Выручало нас то, что, пока части перегруппировывались, командиры, не дожидаясь их подхода, выезжали на место сосредоточения и отрабатывали там предстоящие задачи. Вообще-то до полной готовности к штурму требовалось еще несколько дней, но Ставка была неумолимой. Да и мы сами понимали, что каждый час дорог. К этому времени общее положение на южном крыле советско-германского фронта стало исключительно выгодным для Красной Армии. Южный фронт и Северная группа войск Закавказского фронта перешли в наступление против северокавказской группировки врага.

Юго-Западный фронт продолжал наступление в восточной части Донбасса. Должен был включиться в общее наступление и Воронежский фронт против группировки противника, оборонявшейся на Верхнем Дону.

Для развития успеха этой крупной стратегической операции Ставке требовались резервы, и чем быстрее они подошли бы, тем значительнее были бы результаты. Учитывая это, мы стремились быстрее разгромить окруженного врага.

До начала наступления были использованы средства печатной и устной пропаганды, обращенные к войскам противника в котле. Эта работа проводилась по плану, разработанному штабом и политическим управлением фронта. Большую помощь оказывала нам находившаяся у нас группа немецких товарищей — антифашистов во главе с выдающимся деятелем германского рабочего движения Вальтером Ульбрихтом. В нее входили и немецкие писатели Эрих Вайнерт и Вилли Бредель. Они призывали солдат и офицеров окруженной группировки прекратить бессмысленное сопротивление и сложить, пока не поздно, оружие.

Поскольку Ставка определила нам срок вручения ультиматума противнику за два дня до начала наступления, мы решили это сделать утром 8 января. Провести ответственную процедуру было поручено разведуправлению фронта, которое возглавлял хороший работник и замечательный товарищ — генерал И.В. Виноградов. К участию в ней рекомендовалось привлечь добровольцев. Желающих оказалось очень много. Виноградов выбрал парламентером майора А.М. Смыслова, переводчиком — капитана Н.Д. Дятленко; им, как предусматривалось ритуалом, был придан горнист. Сопровождать наших посланцев, находясь на удалении и не обнаруживая себя противнику, взялся сам Виноградов.

Накануне вечером по радио командующему 6-й армией Паулюсу и его штабу было передано предупреждение о высылке парламентеров в назначенное место и время. Указывалось, что они идут без оружия и несут большой белый флаг. При подходе к назначенному месту трубач сыграет соответствующий сигнал, извещая о прибытии парламентеров.

На участке, где намечалась встреча парламентеров с противоположной стороной, нами было запрещено ведение огня на все время процедуры. Такое же условие было поставлено и противнику, который к назначенному времени должен был выслать своих уполномоченных офицеров.

Конечно, с нашей стороны было установлено наблюдение на этом участке фронта и подготовлены огневые средства и войска на всякий случай.

Ночь на 8 января мы провели в несколько напряженном состоянии (сужу по себе). При встречах с товарищами за ужином и в нашей штаб-квартире вопрос о том, что день грядущий нам готовит, дебатировался всеми. Представители Ставки не оставались в стороне и оживленно вместе с нами строили всевозможные предположения. А как всем нам хотелось, чтобы противник понял логику событий! Скольким людям это сохранило бы жизнь!

Немецко-фашистскому командованию предоставлялась возможность предотвратить катастрофу, нависшую над окруженными войсками. Здравый смысл должен был подсказать ему единственное разумное решение — принять условия капитуляции.

Ровно в назначенное время наши парламентеры вышли из блиндажа и с развернутым белым флагом направились к немецким позициям под громкие звуки трубы.

Как мы с Н.Н. Вороновым предполагали, так и получилось: с вражеской стороны никто не вышел навстречу нашим парламентерам. Более того, по ним был открыт огонь, сначала одиночный ружейный, а затем пулеметный и даже минометный.

Парламентеры вынуждены были вернуться. Бедному Виноградову пришлось проползти некоторое расстояние по-пластунски: почему-то по нему огонь велся особенно усердно.

Наша попытка проявить гуманность к попавшему в критическое положение противнику не увенчалась успехом. Грубо нарушая международные правила, гитлеровцы открыли огонь по парламентерам. Нам оставалось сейчас одно — применить силу.

О результатах было донесено в Ставку, и я в этот день выехал в 65-ю армию для уточнения на месте некоторых вопросов, относившихся к подготовке наступления. Войска заканчивали занятие исходного положения, и отработка задач в звене полк—батальон проводилась на местности.

Собрались мы в блиндаже Батова, и начальник штаба армии генерал Глебов в присутствии начальников родов войск доложил о готовности частей. Здесь же я счел нужным усилить 65-ю армию еще двумя стрелковыми дивизиями из 24-й армии и одной из 21-й, о чем тут же было дано распоряжение.

В этот же день я побывал и у командарма 21 Чистякова. В моем присутствии начальник штаба армии В.А. Пеньковский докладывал командарму о готовности войск к выполнению задачи. Меня больше всего интересовал вопрос о взаимодействии армий Батова и Чистякова при ликвидации так называемого мариновского выступа — района, где вражеские части глубоко врезались в линию фронта наших войск. Нужно было в самом начале операции срезать этот выступ, что в дальнейшем значительно облегчило бы действия обеих армий.

Когда я находился в 21-й армии, по ВЧ позвонил Малинин и сказал, что Воронов разговаривал со Ставкой, там советуют подумать, не стоит ли попытаться послать парламентеров со стороны южного фаса окружения, примерно с участка армии Толбухина. Я ответил, что если Ставка находит такое мероприятие полезным, то я, конечно, не возражаю, хотя у меня нет сомнений, что и эта попытка обречена на неудачу. Поручил Малинину взять на себя организацию дела. И день и ночь мы продолжали передавать по радио условия капитуляции. Самолеты разбрасывали над территорией противника наши листовки с призывом к немецким солдатам и офицерам прекратить сопротивление. На роль парламентеров вызвались те же товарищи, что и накануне.

На этот раз события развивались несколько иначе. Утром 9 января нашим парламентерам удалось благополучно добраться до позиций противника, где в условленном месте они были встречены немецкими офицерами. Отказавшись вручить им пакет, парламентеры потребовали, чтобы их проводили на командный пункт. Туда они прибыли с завязанными глазами. На КП платки с глаз были сняты, и парламентеры предстали перед группой немецких старших офицеров. В присутствии наших посланцев один из офицеров доложил по телефону своему начальнику о прибытии советских парламентеров и о том, что они требуют передать пакет лично Паулюсу. Спустя некоторое время нашим парламентерам было объявлено, что командование немецких войск отказывается принять ультиматум, содержание которого ему известно из передач по радио. Парламентеры возвратились обратно. На этом закончилась попытка призвать немецко-фашистское командование к благоразумию. После нашего доклада Ставке об отклонении противником ультиматума нам пожелали успеха в решении вопроса оружием.

Начало наступления мне хотелось посмотреть с участка 65-й армии, наносившей главный удар. С Н.Н. Вороновым и В.И. Казаковым мы прибыли на наблюдательный пункт П.И. Батова, когда было еще совсем темно. К этому времени войска заняли исходное положение. Вокруг тишина, не заметно было никакой суеты. Все замерло в ожидании сигнала.

А в глубине расположения противника уже виделись яркие вспышки — авиация дальнего действия Голованова бомбила аэродромы и крупные объекты. Огненные столбы взвились и ближе — авиация Руденко принялась обрабатывать вражеские артиллерийские позиции.

По нашим самолетам то на одном, то на другом участке начинали бить зенитки. Наземного огня немецкая артиллерия не вела. Невольно создавалось впечатление, что враг притаился в ожидании.

Но вот наступило время сверки часов, а никаких изменений не последовало. В назначенное планом время — в 8 часов 5 минут взвились в воздух сигнальные ракеты, и наша артиллерия, минометы и гвардейские реактивные установки открыли огонь. Артиллерийская подготовка наступления продолжалась 55 минут. А затем артиллерия перешла на сопровождение огневым валом нашей пехоты, атаковавшей вместе с танками позиции противника. Атаке содействовала и авиация. В наступление одновременно перешли войска на всем фронте окружения.

Хотя в результате мощного удара нашей артиллерии и авиации немецкая оборона на некоторых направлениях была подавлена на всю глубину первой позиции, уцелевшие вражеские подразделения упорно сопротивлялись. Местами противник вводил в бой свои полковые и дивизионные резервы, бросая их в контратаки при поддержке танков. Мы видели, с каким трудом пехота 65-й армии преодолевала укрепления врага. И все же, сопровождаемая отдельными танками и орудиями прямой наводки, находившимися в ее боевых порядках, она продвигалась вперед. Бой принимал затяжной характер, нашим войскам приходилось буквально прогрызать вражескую оборону. Огонь противника все усиливался. Нам, наблюдавшим за боем, несколько раз пришлось менять место, спасаясь от вражеских минометов, а дважды мы попали даже под пулеметный огонь. Но, несмотря на упорное сопротивление гитлеровцев, к исходу дня соединения 65-й армии на всем 12-километровом участке фронта сумели вклиниться во вражескую оборону на глубину до пяти километров. Несколько

меньшим был успех на левом фланге 21-й армии и на правом 24-й. На участках остальных армий продвижение было незначительным, но они своими действиями сковывали крупные силы противника, облегчая задачу соединениям, наносившим главный удар.

Хотя на первый день наступления войска не полностью выполнили задачи, успех, достигнутый на главном направлении частями 65, 21 и 24-й армий, имел большое значение. Ряд важных опорных пунктов был обойден, оборона в главной полосе противника нарушена. Надо было преодолеть ее окончательно, не давая врагу передышки. Поэтому потребовал продолжать наступление. Коррективы с учетом опыта первого дня боев вносились на ходу.

Наступление продолжалось и днем и ночью. Кратковременные передышки допускались только на отдельных участках с целью перегруппировки сил внутри армий.

Сопротивление врага не прекращалось, но наши части со все возрастающим упорством шли вперед.

К вечеру 12 января войска 65-й и 21-й армий, взаимодействуя на смежных флангах, завершили ликвидацию мариновского выступа. Оборонявшие этот выступ 44-я и 376-я пехотные и 3-я моторизованная дивизии противника были разгромлены. С выходом наших войск к реке Россошка наши возможности значительно возросли. Но необходимо было провести некоторую перегруппировку сил. В новой обстановке центр направления главного удара перемещался в полосу наступления 21-й армии. В связи с этим ей передавалась большая часть средств усиления, которые в начале операции находились в распоряжении Батова. 21-я армия должна была нанести удар своим левым флангом в направлении балка Дубовая, ст. Воропаново. Взаимодействующая с ней 65-я армия своим правым флангом наносила удар в общем направлении на Питомник. 24-я армия, продолжая наступление своим правым флангом, должна была прикрывать с севера войска 65-й армии. Остальные армии выполняли прежние задачи.

Перемещая усилия в полосу 21-й армии, мы преследовали цель как можно быстрее взломать оборону противника и развить успех в глубину на направлении главного удара. Эта перегруппировка производилась без прекращения боевых действий на участке ударной группировки.

15 января наши войска преодолели сильно укрепленный средний оборонительный обвод. К этому времени они продвинулись от десяти до двадцати двух километров в центре.

Теперь перед нами был внутренний оборонительный обвод. Должен заметить, что противник создал здесь очень мощные укрепления. Я видел их. Близко друг от друга стояли сильные опорные пункты с большим количеством дзотов, бронеколпаков и врытых в землю танков. Вся местность на подступах к ним была опутана колючей проволокой и густо заминирована.

Мороз достигал 22 градусов, усилились метели. Нашим войскам предстояло наступать по открытой местности, в то время как противник находился в траншеях, землянках и блиндажах.

Требовалось поистине безгранично любить свою Родину, Советскую власть и люто ненавидеть врага, чтобы преодолеть эти грозные позиции. Выполняя свой долг, советский солдат сделал это. Траншею за траншеей, дзот за дзотом брали бойцы. Каждый шаг вперед стоил крови.

Положение вражеских войск все ухудшалось. С продвижением наших частей противник терял аэродромы и посадочные площадки. Теперь его самолеты летали только ночью, сбрасывая продовольствие, боеприпасы и горючее на парашютах. Система нашей воздушной блокады действовала надежно, и только единичным самолетам удавалось долететь до места назначения. Большинство же их погибало, так и не выполнив задачи.

Гитлеровцев выручало то, что у них оказалось много лошадей (в кавалерийской дивизии, обозах). Теперь конина стала основной пищей окруженных.

В кольце оказалось гитлеровцев значительно больше, чем мы предполагали. Сейчас трудно определить, кто повинен в этом просчете, так как операция по ликвидации окруженного противника вначале проводилась войсками двух фронтов — Донского и Сталинградского. Фигурировала цифра: 80—85 тысяч человек. Возможно, она относилась к той части войск, которая действовала против Донского фронта. Сейчас мы вдруг узнали, что после стольких боев наш противник насчитывает около 200 тысяч человек! Эти данные подтверждались всеми видами разведки и показаниями пленных. (Кстати, должен сказать, что представитель Ставки Н.Н. Воронов тоже очень интересовался, сколько же в этом котле войск, и даже лично опрашивал пленных.)

Конечно, с каждым днем это количество уменьшалось, потому что противник нес в боях большие потери. Но,

несмотря на безвыходное положение, он сопротивлялся отчаянно.

Непрерывные многодневные бои в суровых условиях утомили и наши войска. К тому же мы несли потери не только от вражеского огня, но и от холода.

Бойцы все время находились под открытым небом, без возможности хотя бы время от времени отогреться. Потери личного состава увеличивались, а все источники, откуда мы раньше черпали пополнение, иссякли. Между тем сопротивление противника не уменьшалось, так как по мере сокращения занимаемой им территории уплотнялись его боевые порядки.

Малочисленность пехоты вынуждала нас всю тяжесть прогрызания вражеской обороны возлагать на артиллерию. Пехоту мы в основном стали использовать лишь для закрепления захваченного рубежа.

Бывая часто на позициях, я видел, что собой представлял тогда боевой порядок наступавших войск. Жиденькие цепочки бойцов двигались по заснеженному полю. За ними поэшелонно двигались орудия прямой наводки. На линии орудий людей оказывалось больше — это были артиллеристы, обслуживавшие пушки. На огромном пространстве виднелось до десятка танков, за которыми, то припадая к земле, то вскакивая, перемещались мелкие группы пехотинцев. Артиллерия, действовавшая с закрытых позиций, сопровождала своим огнем весь этот боевой порядок, нанося удары по отдельным участкам. Время от времени обрушивались на противника залпы «катюш». Штурмовая авиация даже в самых сложных условиях также старалась поддерживать действия нашей малочисленной пехоты, нанося удары по очагам сопротивления группами самолетов, а в туман — и одиночными самолетами.

В этих боях наши летчики завоевали глубокое уважение наземных войск.

В процессе затяжных боев приходилось на ходу производить перегруппировки, сосредоточивая значительные силы артиллерии, танков и пехоты то на одном, то на другом участке. Огонь артиллерии применялся различными способами. В одних случаях наносился неожиданно, в других случаях вводил противника в заблуждение (ложные переносы огня и т.п.).

Упорно, шаг за шагом, наши войска преодолевали позиции врага на направлении главного удара. Другие армии

своими активными действиями на узких участках сковывали силы противника.

Наконец наступил момент, когда расстояние между войсками 21-й и 65-й армий, наносившими главный удар в центре с запада, и войсками 62-й армии, медленно продвигавшимися им навстречу от берега Волги, с востока, сократилось до 3,5 километра. Сопротивление вражеских войск еще больше усилилось. Было заметно, что противник пытается всеми средствами воспрепятствовать расчленению его группировки. Но все попытки оказались тщетными. Сознание близости момента встречи с героическими защитниками города удесятеряло энергию солдат Донского фронта.

В предвидении этой встречи были согласованы опознавательные знаки и сигналы. Войска 62, 65 и 66-й армий получили указания о дальнейших мероприятиях по ликвидации окруженных в северной части котла, а 21, 57 и 64-й армий — в южной. 24-я армия выводилась в резерв Ставки.

Утром 26 января атаковавшие без артиллерийской подготовки 51-я и 52-я гвардейские стрелковые дивизии и 121-я танковая бригада 21-й армии в районе поселка Красный Октябрь и на скатах Мамаева кургана соединились с 13-й гвардейской и 284-й стрелковыми дивизиями 62-й армии, наступавшими из города. Правофланговому соединению 65-й армии — 233-й стрелковой дивизии генерал-майора И.Ф. Баринова после тяжелого боя в районе поселка Красный Октябрь тоже удалось установить связь с командирами 13-й и 39-й гвардейских дивизий 62-й армии.

Таким образом, настойчиво проводимый нами план расчленения окруженной группировки противника на две части завершился полным успехом. Сейчас предстояла уже более легкая задача — ликвидация расчлененных вражеских сил, к чему мы и приступили.

По данным штаба нашего фронта было примерно установлено, что к моменту рассечения окруженной группировки противника, то есть к 26 января, силы его определялись в 110—120 тысяч человек. По тем же подсчетам, потери, понесенные гитлеровцами в боях с 10 по 25 января, то есть за шестнадцать дней, составили свыше 100 тысяч человек.

Здравый смысл подсказывал, что сейчас, когда всякая надежда на спасение потеряна, силы расчленены и дальнейшее сопротивление повлечет за собой лишь бессмыс-

ленные потери, гитлеровцам следовало бы сложить оружие. Но этого не произошло.

Командующий 6-й армией, уже фельдмаршал, Паулюс решил продолжать сопротивление, передав командование южной группой войск, где сам находился, генерал-майору Роске, а северной группой — генералу пехоты Штреккеру.

Итак, войскам Донского фронта, уже без 24-й армии и ряда дивизий, выводимых в резерв Ставки (что было вполне правильно), предстояло силой завершить ликвидацию сопротивлявшегося врага. В южной группе войсками наших 21, 57 и 64-й армий были зажаты в плотное кольцо крепко потрепанные шесть пехотных, две моторизованные и одна кавалерийская дивизии противника. В северной группе войсками 65, 66 и 62-й армий были стиснуты три танковые, одна моторизованная и восемь пехотных дивизий противника, конечно, тоже сильно потрепанные.

Перегруппировав соответственно сложившейся обстановке силы, наши войска ударили по южной группе с юго-запада и северо-запада, нанесли врагу тяжелое поражение и 31 января заставили его сложить оружие.

Вместе с этой группой вражеских войск был пленен со своим штабом и фельдмаршал Паулюс, который в тот же день вечером был доставлен к нам в штаб фронта.

В помещении, куда должны были привести Паулюса, находились мы с Вороновым и переводчик. Комната освещалась электрическим светом, мы сидели за небольшим столом и, нужно сказать, с интересом ожидали этой встречи. Наконец открылась дверь, вошедший дежурный офицер доложил нам о прибытии военнопленного фельдмаршала и тут же, посторонившись, пропустил его в комнату.

Мы увидели высокого, худощавого и довольно стройного генерала, остановившегося навытяжку перед нами. Мы пригласили его присесть к столу. На столе у нас были сигары и папиросы. Я предложил их фельдмаршалу, закурил и сам (Николай Николаевич не курил). Предложили Паулюсу выпить стакан горячего чая. Он охотно согласился.

Наша беседа не носила характера допроса. Это был разговор на текущие темы, главным образом о положении военнопленных солдат и офицеров. В самом начале фельдмаршал высказал надежду, что мы не заставим его отвечать на вопросы, которые вели бы к нарушению им присяги. Мы обещали таких вопросов не касаться. К концу беседы предложили Паулюсу дать распоряжение подчиненным ему войскам, находившимся в северной группе, о

прекращении бесцельного сопротивления. Он уклонился от этого, сославшись на то, что он, как военнопленный, не имеет права давать такое распоряжение. На этом закончилась наша первая встреча. Фельдмаршала увели в отведенное для него помещение, где были созданы приличные условия.

Северная группа не сложила оружия. Готовим по ней новый удар. Сразу после разговора с Паулюсом я отправился на командный пункт командарма Батова, взяв с собой Казакова и Орла. К рассвету мы были вместе с Батовым на его наблюдательном пункте, который располагался на железнодорожной насыпи. Отсюда прекрасно просматривалась впереди лежащая местность.

Из докладов командующих армиями Чуйкова и Жадова явствовало, что их войска к действиям готовы и что противник не намерен сложить оружие. Что ж, придется заставить его силой. А пока над полем боя воцарилась полная тишина. Не слышно было даже одиночных выстрелов.

Наступал рассвет, и с нашего наблюдательного пункта стали уже просматриваться ближайшие, расположенные позади нас артиллерийские позиции. Особенно рельефно выделялись длинные ряды реактивных минометов — «катюш». Мне, старому коннику, они напомнили построенные для атаки развернутым фронтом кавалерийские эскадроны. Об этом я сказал Батову и другим товарищам. Они согласились: действительно похоже.

Для нанесения удара были привлечены многие артиллерийские части, в том числе принимавшие до этого участие в разгроме южной группировки, и авиация 16-й воздушной армии. Все делалось так, чтобы в предстоящем бою наши войска понесли как можно меньше потерь.

Утром 1 февраля огненная буря обрушилась на позиции врага. Нам с наблюдательного пункта было видно, как весь передний край его обороны потонул в разрывах снарядов и мин. По артиллерийским позициям в глубине обороны бомбовые удары наносила авиация. Канонада грохотала долго. Наконец она стихла. И тотчас во многих местах над еще дымившейся черной землей затрепетали белые флаги. Появлялись они стихийно, помимо воли немецкого командования, и потому получалось, что на одном участке немцы сдавались, бросая оружие, а на другом еще продолжали драться. В отдельных местах бой шел еще сутки. Только утром 2 февраля остатки окруженной северной группы

стали сдаваться в массовом порядке, и опять это происходило помимо воли фашистского командования.

Окруженная группировка противника прекратила свое существование. Великая битва на Волге закончилась.

Как я уже говорил, в кольце под Сталинградом оказалось двадцать две дивизии и множество различных частей усиления и обслуживания 6-й и частично 4-й танковой немецких армий. Фашистское командование обрекло на гибель сотни тысяч своих солдат. Несколько месяцев оно заставляло их сражаться без всякой надежды на спасение. По существу, эти люди по воле гитлеровской клики были обречены на полное уничтожение. Только гуманность советского народа спасла жизнь многим немецким солдатам. Вчерашние враги теперь стояли перед нами безоружные, подавленные. В глазах одних — отрешенность и страх, у других — уже проблески надежды.

В плен было взято свыше 91 тысячи солдат и офицеров. За время ликвидации котла войска Донского фронта захватили 5762 орудия, свыше 3 тысяч минометов, свыше 12 тысяч пулеметов, 156 987 винтовок, свыше 10 тысяч автоматов, 744 самолета, 1666 танков, 261 бронемашину, 80 438 автомашин, свыше 10 тысяч мотоциклов, 240 тракторов, 571 тягач, 3 бронепоезда, 58 паровозов, 1403 вагона, 696 радиостанций, 933 телефонных аппарата, 337 разных складов, 13 787 повозок и массу другого военного имущества.

Среди пленных оказалось 24 генерала во главе с фельдмаршалом.

Победа была достигнута в очень трудных условиях. На это были способны только советский народ и его Красная Армия, руководимые ленинской Коммунистической партией.

С концом битвы перед командованием и штабом Донского фронта встала задача быстрее отправить в места нового назначения освободившиеся войска семи армий с их управлениями и тылами. Одновременно нужно было сделать все возможное для быстрейшего восстановления крупного железнодорожного сталинградского узла, железнодорожных линий и всего, что связано с созданием нормальных условий для работы транспорта. А находилось все это к концу битвы в ужасном состоянии. Здесь проходили самые жаркие бои, и малейшая возвышенность на местности — насыпь, вал, строение превращались в опорные пункты и укрепления. В частности, были страшно изуродованы все железнодорожные насыпи.

Много хлопот доставляли нам военнопленные. Морозы, тяжелые условия местности, лишенной лесных массивов, отсутствие жилья — большинство населенных пунктов в ходе боев было уничтожено, а в сохранившихся мы разместили госпитали, — все это очень усложняло дело.

В первую очередь нужно было организовать рассредоточение огромной массы пленных, создать управляемые колонны, вытянуть их из развалин города, принять меры для предотвращения эпидемий, накормить, напоить и обогреть десятки тысяч людей. Неимоверными усилиями работников фронтового и армейских тылов, политработников, медиков эта задача была выполнена. Их напряженный, прямо скажем, самоотверженный труд в тех условиях спас жизнь многим военнопленным.

По дорогам двинулись бесконечные колонны немецких солдат. Их возглавляли немецкие офицеры, на которых была возложена ответственность за соблюдение воинского порядка в пути и на остановках. Начальник каждой колонны имел на руках карточку с обозначенным маршрутом и указанием пунктов остановок и ночлегов.

К местам привалов подвозилось топливо, горячая пища и кипяток. По докладам штабных командиров, политработников и по донесениям, поступавшим от лиц, ответственных за эвакуацию военнопленных, все шло нормально.

Должен заметить, что сами пленные оказались довольно предусмотрительными: у каждого из них имелись ложка, кружка и котелок.

Отношение к военнопленным со стороны бойцов и командиров Красной Армии было поистине гуманным, я бы сказал больше — благородным. И это невзирая на то, что нам всем было известно, как бесчеловечно относились фашисты к нашим людям, оказавшимся у них в плену.

Немецкие военнопленные генералы были размещены в домах, в приличных для того времени условиях, имели при себе все личные вещи и ни в чем не нуждались.

Беседы, проведенные мной с некоторыми из них, не заслуживают внимания, поэтому останавливаться на этом считаю излишним. Здесь стоит упомянуть лишь о том, что корректное отношение нашего персонала кое-кем из пленных генералов было неправильно истолковано. Эти господа стали грубить, отказываться от выполнения законных требований нашей администрации, заносчиво требовать особых привилегий. Пришлось вежливо напомнить, что они прежде всего пленные, и поставить их на место.

4 февраля по распоряжению Ставки меня и Воронова вызвали в Москву. Поэтому мы не смогли присутствовать на митинге, организованном в Сталинграде по случаю разгрома врага...

Перелет до Москвы совершали днем. Приземлились на Центральном аэродроме. Во время подруливания самолета к месту высадки меня удивил и даже несколько насторожил вид встречавших нас генералов и офицеров: на их плечах золотом сияли погоны.

— Смотрите, куда мы попали? — сказал я Николаю Николаевичу.

Он тоже ничего не мог понять. Но вот мы разглядели знакомые лица. Все разъяснилось: у нас в Красной Армии были введены погоны, о чем мы до этого не знали.

В тот же день мы направились в Кремль и были приняты Сталиным. Завидя нас, он быстрыми шагами приблизился и, не дав нам по-уставному доложить о прибытии, стал пожимать нам руки, поздравляя с успешным окончанием операции по ликвидации вражеской группировки. Чувствовалось, что он доволен ходом событий. Беседовали мы долго. Сталин высказал некоторые соображения о будущем развитии боевых действий.

Напутствуемые пожеланиями новых успехов, мы оставили его кабинет. Не могу умолчать о том, что Сталин в нужные моменты умел обворожить собеседника, окружить его теплотой и вниманием и заставить надолго запомнить каждую встречу с ним.

Тепло распрощались с Николаем Николаевичем, о совместной работе с которым у меня сохранились самые хорошие воспоминания.

Мне предстояло срочно вернуться под Сталинград и приступить к выполнению новой задачи. Штаб и управление Донского фронта переименовывались в Центральный фронт. Нам предстояло в спешном порядке передислоцироваться в район Ельца, куда из-под Сталинграда перебрасывались 21, 65 и 16-я воздушная армии, а также ряд соединений и частей из резерва Ставки.

...В сентябре, прибыв в Ставку, я был ознакомлен с обстановкой, сложившейся в районе Сталинграда, и с задачей, которая на меня возлагалась. В общих чертах ознакомил меня с ней заместитель Верховного Главнокомандующего генерал армии Г.К. Жуков. Сводилась она к следующему. В

междуречье Волги и Дона прорвалась сильная группировка немецко-фашистских войск. И вот глубоко на ее фланге, на восточном берегу Дона, намечалось с целью нанесения контрудара сосредоточить группировку наших войск в составе не менее трех общевойсковых армий и нескольких танковых корпусов. Мне поручалось ее возглавить.

Сама идея выглядела весьма заманчиво и многообещающе. Вызывало беспокойство лишь опасение, будет ли предоставлено Ставкой время, необходимое для сосредоточения войск и на подготовку их к организованному вводу в бой.

Спустя несколько дней меня срочно потребовал к себе Верховный Главнокомандующий. Прибыв к нему, я узнал о тяжелом положении под Сталинградом, где врагу удалось на северной окраине города прорваться к Волге. В связи с этим намечаемые ранее мероприятия отменялись, а силы, выделенные для их проведения, направлялись непосредственно к Сталинграду. Мне следовало вылететь туда же и сменить командующего Сталинградским фронтом генерала В.Н. Гордова, который с этой ролью не справлялся. Остальные указания я должен был получить на месте от заместителя Верховного Г.К. Жукова.

Прощаясь со мной, Сталин добавил, что туда же, в Сталинград, вылетает специальная комиссия, которую возглавляет Боков, с задачей очищения войск и штабов от непригодного командного и политического состава. Он еще подчеркнул, чтобы я имел в виду, что Юго-Западный фронт вообще смотрит больше за Волгу. Что подразумевал Сталин под этим, я не стал спрашивать и вышел от него с невеселыми мыслями. Сознание того, что у Ставки опять не хватило выдержки для проведения так правильно задуманного контрудара, угнетало меня. Правда, меня посылали туда, где шли напряженные бои, а не возвращали на спокойный участок общего фронта, в чем я находил утешение.

Из Москвы вылетел вместе с Г.К. Жуковым. Вторично мне пришлось столкнуться с фактом, когда в период решающих событий Верховный Главнокомандующий остался практически один, а его заместитель и начальник Генерального штаба находились у командующих фронтами в войсках.

Перелет на самолете Ли-2 от Москвы до полевого аэродрома в расположении Сталинградского фронта прошел благополучно. Сразу же после посадки на ожидавших нас машинах мы с Г.К. Жуковым отправились на наблюдательный пункт командующего Сталинградским фронтом генерала В.Н. Гордова. НП находился на левом фланге фронта, вос-

точнее Ерзовки. На этом участке шел напряженный бой. Третий день не удавалось выбить противника с удерживаемых позиций.

Гордов явно нервничал, распекая по телефону всех абонентов, вплоть до командующих армиями, причем в непростительно грубой форме. Не случайно командный состав фронта, о чем мне впоследствии довелось слышать, окрестил его управление «матерным». Присутствовавший при этом Жуков не вытерпел и стал внушать Гордову, что «криком и бранью тут не поможешь; нужно умнее организовать бой, а не топтаться на месте». Услышав его поучение, я не смог сдержать улыбки. Мне невольно вспомнились случаи из битвы под Москвой, когда тот же Жуков, будучи командующим Западным фронтом, распекал нас, командующих армиями, не мягче, чем Гордов.

Возвращаясь на КП, Жуков спросил меня, чему это я улыбался. Не воспоминаниям ли подмосковной битвы? Получив утвердительный ответ, заявил, что это ведь было под Москвой, а кроме того, он в то время являлся «всего-навсего» командующим фронтом.

Объективно оценивая сложившуюся обстановку на этом участке, должен признать, что не в командовании заключалась неудача. Отсутствие необходимых сил и средств для успешного решения поставленной задачи исключало возможность ее выполнения. Усугубляла незавидное положение и непростительная поспешность Ставки в своих настойчивых требованиях, предъявляемых командующему фронтом, без учета сложившейся обстановки, сил и средств противника. Желание Ставки не соответствовало возможностям войск. К сожалению, это явление глубоко укоренилось начиная с первых дней войны во всех звеньях руководящего командного состава. Все инстанции считали необходимым повторять то, что шло от Ставки, хотя обстановка, складывающаяся на фронте в низших инстанциях к моменту получения директивы свыше, вскоре менялась и не соответствовала полученному распоряжению.

Взять обстановку на конец июня 1942 года.

Сосредоточив крупные силы на южном крыле советско-германского фронта, немецко-фашистские войска перешли в наступление, прорвали оборону войск Брянского и Юго-Западного фронтов и устремились на юго-восток. Ослабленные в зимних и весенних наступательных действиях, наши войска не смогли задержать врага и вынуждены были отходить под ударами его превосходящих сил. К тому же

противник обладал большей подвижностью и господством в воздухе, чего не учитывала Ставка при организации противодействия ему. Повторилась ошибка начального периода войны, когда издавались не соответствующие обстановке директивы, что было только на руку врагу. Поспешно выдвигаемые ему навстречу наши войска, не успев сосредоточиться, с ходу, неорганизованно вступали в бой с противником, обладавшим в этих условиях огромным численным и качественным превосходством. Особенно оно сказывалось в подвижных танковых и моторизованных соединениях и в авиации. Открытая равнинная местность способствовала действиям вражеских войск.

Делалось все не так, как обучали нас военному делу в училищах, академиях, на военных играх и маневрах, вразрез с тем, что было приобретено опытом двух предыдущих войн.

В данном случае не требовалось соломоново решение. Противник известен, сражение нами проиграно (это тоже было известно) — требовалось только реально подсчитать: когда и где смогут быть сосредоточены силы, способные остановить врага и нанести ему контрудар. В данной конкретной обстановке ближе, чем на реке Дон, сделать это мы не успевали.

Само по себе напрашивалось естественное решение: потерпевшим поражение войскам отходить, тормозя продвижение противника применением подвижной обороны. А затем организованно встретить его свежими силами, выдвигаемыми из резерва Ставки, на рубеже реки Дон. Втянув главные вражеские силы в бой, следовало нанести им контрудар во фланг примерно из того района, который уже Ставкой намечался, где нашими частями удерживался плацдарм на правом берегу реки (район Серафимович). Генеральный штаб во что бы то ни стало должен был убедить Ставку принять подобный план действий наших войск в создавшейся обстановке после проигрыша сражения на харьковско-воронежском направлении. Представителям Ставки и начальнику Генерального штаба в этот ответственный момент следовало находиться именно в Ставке, у руля управления всеми Вооруженными Силами, где вырабатывались и принимались основные решения на действия войск, а не отрываться от своих прямых обязанностей выездами в войска. Для этой цели имелись так называемые направленцы, обязанностью которых было следить за событиями на участке того фронта, куда они выезжали, и информировать Генеральный штаб о происходящих событиях. А ведь еще имелись

и другие каналы, по которым сообщения поступали от штабов фронтов непосредственно в Ставку. Но она, по-видимому, не довольствовалась ни этими данными, ни сведениями направленцев.

Как можно было предполагать, предпринятое наступление в целях ликвидации прорвавшегося к Волге противника не увенчалось успехом. Принимавшие в нем участие войска понесли большие потери и вынуждены были перейти к обороне. Причина неудачи усматривалась в недостаточном количестве артиллерии и минометов, низкой обеспеченности боеприпасами, а самое основное — в плохой организации наступления.

Нажим сверху, не дававший возможности в указываемые сроки организовать боевые действия войск, приводил к спешке, неувязкам и неорганизованному вводу частей и соединений в бой. Погрешны в том были Ставка, Генеральный штаб ну и неизбежно вынужденные «попадать им в тон» командующие фронтами и армиями.

Сменив Гордова, я вступил в командование Сталинградским фронтом, который спустя несколько дней переименовали в Донской, в то время как Юго-Восточный — в Сталинградский. Ознакомившись с обстановкой, пришел к выводу, что наскоками действовать нельзя. Этот метод приводит только к большим потерям, не давая положительного результата. Противник был достаточно силен и обладал способностью не только отразить наше наступление, но и наступать то в одном, то в другом месте сам.

Стало совершенно ясно, что рассчитывать на успех можно лишь тогда, когда наступательная операция будет тщательно подготовлена и обеспечена необходимыми для этого средствами, конечно, в возможных в то время пределах.

Как и следовало ожидать, Гордов в докладе Жукову и Маленкову высказывал именно эти предложения. Мне оставалось только признать обоснованность выводов Гордова. Доложив о вступлении в командование войсками фронта, я попросил предоставить мне возможность командовать войсками непосредственно, в духе общей задачи, поставленной Ставкой, сообразуясь со сложившейся в тот момент обстановкой. Не могу умолчать о том, что крепко поддержал меня в этом Маленков, заявив Жукову, что моя просьба вполне обоснована, а потому действительно им сейчас здесь делать нечего.

В тот же день они улетели в Москву.

Вскоре после моего прибытия пришлось почувствовать результаты деятельности комиссии Бокова. Ее «стараниями» были откомандированы с фронта командующий 4 ТА Крюченкин, 63 А — Данилов. Последний зарекомендовал себя хорошим командующим армией, и очень жаль, что я не успел его отстоять.

Намечались к откомандированию и другие. Чем руководствовалась комиссия Ставки, мне так и не удалось установить. Но все же пришлось вмешаться и с разрешения Верховного Главнокомандующего ее работу приостановить. В той обстановке посылка Ставкой такой комиссии была не только нецелесообразной, но и вредной. Кроме того, этот факт убеждает, насколько сильны были тенденции Ставки вмешиваться в прямые функции командующих фронтами. Во всяком случае, решать такие вопросы надлежало бы тому, кто непосредственно руководит вверенными ему войсками и несет за их действия ответственность, то есть командующему фронтом.

Исходя из этого, для меня вообще непонятной представлялась роль Г.К. Жукова и А.М. Василевского, а тем более Г.М. Маленкова под Сталинградом в той конкретной обстановке в конце сентября.

Жуков с Маленковым сделали доброе дело: не задерживаясь долго, улетели туда, где именно им и следовало тогда находиться.

А вот пребывание начальника Генерального штаба под Сталинградом и его роль в мероприятиях, связанных с происходившими там событиями, вызывают недоумение.

По предложению А.М. Василевского был создан Юго-Восточный фронт, в состав которого вошли войска левого крыла Сталинградского фронта. Происходило это в самый разгар боев. Если такая мера была вызвана предвидением невозможности воспрепятствовать выходу противника к Волге, то она понятна. Командующим Юго-Восточным фронтом назначается генерал А.И. Еременко, а в качестве управления и штаба этого фронта используется штаб 1-й гвардейской армии. Но буквально через несколько дней (только началось оформление) Василевский, находясь у Еременко, подчиняет ему командующего Сталинградским фронтом Гордова. Нужно к этому добавить, что штаб Сталинградского фронта создавался на основе управленческого аппарата КОВО. Так что он представлял собой, можно сказать, старый сколоченный штаб. И, несмотря на это, его подчиняют другому — слабенькому, только формирующемуся. Вероятно, такое во-

левое решение родилось лишь потому, что начальник Генерального штаба лично находился в войсках, в данном случае — у Еременко.

Вообще случай подчинения одного фронта другому беспрецедентен. А при условии предвидения возможного выхода врага к Волге вообще непонятен. Вот к чему приводит нахождение начальника Генерального штаба не там, где ему следовало быть.

При здравой оценке создавшегося положения и в предвидении надвигавшейся зимы у врага оставался только один выход — немедленный отход на большое расстояние. Но, недооценивая возможности Советского Союза, противник решил удержать захваченное им пространство, и это было в сложившейся обстановке своевременно использовано нашим Верховным Главнокомандованием.

О предстоящем контрнаступлении мы узнали уже в октябре от прибывшего снова заместителя ВГК Г.К. Жукова. В общих чертах он ознакомил нас, командующих Донским и Сталинградским фронтами, с намечаемым планом.

Все мероприятия проводились под видом усиления обороны.

В период 3—4 ноября в районе 21-й армии Г.К. Жуков провел совещание с командующими армиями и командирами дивизий, предназначенных для наступления на направлении главного удара. Здесь же отрабатывались вопросы взаимодействия Донского фронта с Юго-Западным на стыках. Подобное мероприятие было проведено и с командным составом Сталинградского фронта.

Меня несколько удивило то обстоятельство, что совещание носило характер отработки с командирами соединений вопросов, которые входили в компетенцию командующего фронтом, а не представителя Ставки.

Другое дело — увязка взаимодействий между фронтами. Здесь могут возникнуть вопросы, которые легче решить представителю Ставки тут же, на месте.

Для увязки некоторых вопросов взаимодействия мне еще раз пришлось побывать на командном пункте командующего Юго-Западным фронтом генерала Ватутина, где находился и начальник Генерального штаба Василевский. Мне показалось странным поведение обоих. Создавалось впечатление, что в роли командующего фронтом находится Василевский, который решал ряд серьезных вопросов, связанных с предстоящими действиями войск этого фронта, часто не советуясь с командующим. Ватутин же фактически выполнял роль даже не начальника штаба: ходил на телеграф, вел

переговоры по телеграфу и телефону, собирал сводки, докладывал о них Василевскому. Все те вопросы, которые я намеревался обсудить с Ватутиным, пришлось обговаривать с Василевским.

И вот началось историческое сражение, повлекшее за собой окружение массы отборных немецко-фашистских войск. И если задолго до этого момента у противника имелась еще возможность спасти свои зарвавшиеся армии от разгрома путем своевременного и глубокого их отвода на запад, то теперь тупость и самоуверенность немецко-фашистского генералитета обрекла эти войска на гибель.

Теперь уже ничто не могло их спасти. В действие вступил умело и тщательно разработанный план Верховного Главнокомандования Советского Союза. Наступил и на нашей улице праздник — после Московской битвы вторично.

Одновременно с нами начали наступление и соседи — войска Юго-Западного фронта.

Все попытки противника помешать окружению оказались запоздалыми. Соединения гитлеровцев, танковые и моторизованные, перебрасываемые из района Сталинграда к месту образовавшегося прорыва, вводились в бой по частям и, попадая под удары наших превосходящих сил, терпели поражение. С ними получалась та же картина, что и с частями Красной Армии в боях в большой излучине Дона.

Не приняв вовремя кардинального решения на отход, немецко-фашистское командование, как в свое время и наше, пыталось наложить мелкие «заплатки» на все расширяющуюся огромную брешь на сталинградском направлении.

В свою очередь предусмотренное планом Ставки ВГК наступление 24-й армии, имевшее целью отрезать отход на восточный берег Дона соединений противника, атакованных 65-й и 21-й армиями, как и следовало предполагать, не увенчалось успехом. Враг прочно удерживал занимаемый рубеж, опираясь на сильную оборону, оборудованную еще нашими инженерными частями и усовершенствованную уже им самим в течение двух месяцев. Вот почему 24-я армия собственными силами выполнить поставленную задачу не могла. Гораздо целесообразнее было бы использовать выделенные ей подкрепления для усиления 65-й армии. Правда, в какой-то степени 24-я армия все же содействовала общему успеху, сковывая своим наступлением значительные силы врага и не позволяя перебрасывать их на угрожаемое направление.

Не обошлось, конечно, и без некоторых существенных ошибок, допущенных командармом 24-й генералом Галаниным, в организации наступления и в управлении войсками во время боя. И эти ошибки повлекли за собой большие потери, которые понесла армия.

Вместе с тем в трудах многих авторов о Сталинградской битве, в том числе и многотомнике «Великая Отечественная война Советского Союза, 1941—1945», невыполнение задачи войсками 24-й армии не совсем справедливо объясняется неспособностью командующего. Должен сказать, что это не соответствует действительности. О причинах я упоминал выше, поэтому повторяться не стану. У Галанина были свои крупные недостатки, но на сей же раз от него мало что зависело.

Настроение в войсках, несмотря на все трудности, было боевое. Все ждали разгрома врага и готовились к этому.

В те дни я впервые встретился с В.И. Чуйковым (командарм 62-й) и с первой же встречи проникся к нему глубоким уважением. Еще в юношеские годы мне нравились люди смелые, решительные, обладающие прямолинейным характером. И — честные. Именно таким показался мне Чуйков.

По пути на свой КП мы заехали в 66-ю армию к А.С. Жадову.

Настоящая его фамилия была Жидов, а сменил он ее при следующих обстоятельствах. Однажды Сталин, выслушав по ВЧ мой доклад о причинах медленного продвижения войск 66-й армии, спросил меня, что представляет собой командующий. В ответ на мою положительную оценку тут же поручил лично переговорить с Жидовым о замене его фамилии на Задов. Я поначалу не понял Сталина, а поэтому крайне удивился такому предложению. Сказал, что командарм не принадлежит к тем, кто пятится задом. Правда, его войска не смогли сейчас продвинуться, но о причинах я только что докладывал. При этом еще раз подчеркнул, что Жидов армией командует уверенно. Сталин на мое возражение заметил, что я его, по-видимому, не понял. Никаких претензий к Жидову как к командующему он не имеет, но в армии некоторую роль играет и то обстоятельство, как звучит фамилия военачальника. Потому-то мне следует уговорить Жидова сменить фамилию на любую по его усмотрению. После переговоров командующий 66-й согласился стать Жадовым. Свою роль «крестного отца» я выполнил. Когда доложил Сталину, тот остался доволен.

Осмотрели мы и рубеж, который еще недавно занимал противник, отошедший к городу. Нам воочию пришлось убедиться, сколь сильными были эти позиции. На огромном пространстве вдоль оборонительного рубежа стояли подбитые и сожженные танки как напоминание о поспешных и бесполезных контратаках наших войск в период выхода немцев к Волге.

Из многочисленных наблюдений и размышлений можно было сделать вывод, что в создавшейся обстановке противник предпримет все меры к тому, чтобы как можно дольше удержать под Сталинградом всю задействованную здесь группировку наших войск. Таким образом, он попытается создать предпосылки к закрытию огромной бреши в его фронте, образовавшейся в результате успешного наступления советских войск на сталинградском и ростовском направлениях.

Раздумывая над этим выводом, мне казалось, что было бы все же более целесообразным 2-ю гвардейскую армию использовать так, как вначале намеревалась сделать Ставка, то есть быстро разделаться с окруженной группировкой. Смелый вариант открывал огромные перспективы для будущих действий на южном крыле советско-германского фронта. Игра, как говорится, стоила свеч, да и риск получался не таким уж большим. Некоторые группировки противника, спешившие якобы на помощь окруженным, оказались преувеличенными теми, кто о них сообщал, и особой помощи оказать не могли. Они состояли из остатков разбитых частей и тыловых команд, собранных в группы под разными названиями, и больше думали о том, как бы самим выбраться из беды, чем о помощи окруженным. Конечно, меня могут упрекнуть в том, что сейчас, когда стало все ясным, можно рассуждать и доказывать все что угодно, но я и тогда являлся сторонником использования 2-й гвардейской армии в первую очередь для разгрома окруженного врага. Предлагал также в случае приближения вражеских сил к окруженным извне повернуть против них всю 21-ю армию. Ставка предпочла принять вариант, предложенный ее представителем — Василевским. Посчитали, что он более надежный. Но ведь и этот вариант не исключал элементов риска. Намечаемая Ставкой красивая операция на ростовском направлении могла и не удаться. Впрочем, так оно и получилось. Операция вышла суженной, поскольку все внимание и значительные силы были отвлечены на так называемую группу Манштейна. Это помогло немцам избежать еще более

крупной катастрофы на ростовском направлении, чем под Сталинградом. Я уверен в том, что если бы Василевский находился в то время не у нас в Заворыкино, а у себя в Москве, в Генеральном штабе, то вопрос об использовании 2-й гвардейской армии решился бы так, как предлагала Ставка, то есть армия ушла бы для усиления удара Юго-Западного и Воронежского фронтов на ростовском направлении или для ускорения ликвидации окруженного под Сталинградом противника...

Битва на Волге закончилась полным разгромом окруженной под Сталинградом группировки немецко-фашистских войск, которая состояла из 22 дивизий и множества различных частей усиления и обслуживания 6-й немецкой армии.

Среди пленных офицеров оказалось 24 генерала во главе с фельдмаршалом.

Знаменательным было то, что эта победа была достигнута в условиях, когда Советская страна и ее Вооруженные Силы еще не оправились полностью от понесенных потерь в первый год войны.

4 февраля по распоряжению Ставки я вылетел в Москву. Там узнал, что штаб и управление Донского фронта переименованы в Центральный фронт.

КУРСКИЙ ВЫСТУП

Перед прощанием Сталин предупредил, что на меня возлагается новая задача, от успешного решения которой зависит многое. В Ставке Верховного Главнокомандования нас ознакомили с общим планом развития наступления на курском направлении. Ради этого и создавался новый фронт, который был назван Центральным. В его состав включались 21-я, 65-я общевойсковые и 16-я воздушная армии Донского фронта, 2-я танковая, 70-я армии и ряд частей и соединений из резерва Ставки.

Войскам нового фронта предстояло развернуться между Брянским и Воронежским фронтами, которые в это время продолжали наступление на курском и харьковском направлениях, и, взаимодействуя с Брянским фронтом, нанести глубокоохватывающий удар в общем направлении на Гомель, Смоленск, во фланг и тыл орловской группировке противника.

Начало этой красивой по замыслу операции намечалось на 15 февраля. Но для того чтобы ее начать, надо было прежде всего сосредоточить войска, основная масса которых со своими тылами находилась в районе Сталинграда.

Мои доводы о нереальности этого срока не убедили Ставку. Конечно, хотелось бы начать операцию как можно скорее, пока противник не успел подтянуть силы с других участков и из глубины. Но в сложившейся обстановке перегруппировка войск была чрезвычайно затруднена. Правда, мне обещали всевозможную помощь.

Оставалось одно — быстрее вернуться под Сталинград и приступить к переброске войск, техники и тылов в район сосредоточения.

С первого же момента мы столкнулись с огромными трудностями. В нашем распоряжении была единственная одноколейная железная дорога, которую удалось восстано-

вить к этому времени. Она, конечно, не могла справиться с переброской огромного количества войск. Планы перевозок трещали по всем швам. График движения нарушался. Заявки на эшелоны не удовлетворялись, а если и подавались составы, то оказывалось, что вагоны не приспособлены для перевозки личного состава и лошадей.

Наш доклад обо всех этих ненормальностях только ухудшил положение. Принять меры для ускорения переброски войск было поручено НКВД. Сотрудники этого Наркомата, рьяно приступившие к выполнению задания, перестарались и произвели на местах такой нажим на железнодорожную администрацию, что та вообще растерялась. И если до этого еще существовал какой-то график, то теперь от него и следа не осталось. В район сосредоточения стали прибывать смешанные соединения. Материальная часть артиллерии выгружалась по назначению, а лошади и машины оставались еще на месте. Были и такие случаи, когда техника выгружалась на одной станции, а войска — на другой. Эшелоны по нескольку дней застревали на станциях и разъездах. Из-за несвоевременной подачи вагонов 169 тыловых учреждений и частей так и оставались под Сталинградом. Снова пришлось обратиться в Ставку. Попросил предоставить железнодорожной администрации возможность самостоятельно руководить работой транспорта. Наша просьба была удовлетворена, последовало соответствующее указание. Но нам еще долго вместе с железнодорожниками пришлось разбираться, где и какие части выгружены.

А время шло. Больше задерживаться было нельзя. Оставив под Сталинградом своего заместителя — генерала Трубникова с группой офицеров, я со штабом и управлением фронта направился в район Ельца. Здесь мы развернули свой командный пункт.

Пока наводилась связь с уже прибывшими войсками, я с группой офицеров отправился в штаб Брянского фронта, к нашему соседу справа, с которым нам предстояло взаимодействовать. Командовал фронтом мой старый знакомый по службе в Забайкалье и по кампании на КВЖД в 1929 году — генерал М.А. Рейтер. Ехали долго, с трудом пробиваясь через снежные заносы. Тяжелая дорога лишний раз напоминала, какие испытания ожидают наши войска еще до того, как они сойдутся с противником.

Соседи встретили нас очень тепло и с большой радостью. Им предстояло с 12 февраля перейти в наступление, и на

действия нашего фронта они возлагали большие надежды. Ознакомившись с обстановкой на участке Рейтера и обсудив все вопросы взаимодействия войск на стыке фронтов, я вынужден был немедленно поставить задачи тем нашим войскам, которые уже выходили в район сосредоточения, чтобы при продвижении соседа вперед не оголился его левый фланг.

Вернувшись на КП, мы своим коллективом приступили к изучению материалов, поступавших от всех видов разведки, и к ознакомлению с районом предстоящих действий войск. Положение оказалось значительно хуже, чем мы предполагали.

Район сосредоточения, только что освобожденный от противника, не был подготовлен и оборудован для приема большой массы войск, боевой техники и материальных средств. Работы по созданию баз, путей подвоза и организации тылов пришлось вести параллельно с подготовкой к наступлению.

Из железных дорог имелась только одна ветка Касторное—Курск с короткой рокадой Ливны—Мармыжи. Движение поездов по этой ветке в то время могло осуществляться только до станции Щигры. Непрерывная пурга усугубляла бездорожье. Снежные заносы были так велики, что для движения автотранспорта пришлось использовать в качестве грунтового пути железнодорожную насыпь на участке Золотухино—Будановка.

Многочисленные колонны войск, грузовиков и боевых машин с большим трудом продвигались от станции выгрузки на запад по единственной автогужевой дороге Елец—Ливны—Золотухино. В связи с недостатком автомашин и лошадей солдаты вынуждены были нередко нести на себе станковые пулеметы, противотанковые ружья, а часто и минометы. Артиллерия отстала от войск. С перевозкой боеприпасов было бы совсем плохо, если бы не помощь местных жителей: крестьяне на своих подводах подвозили снаряды от села к селу. Вообще жители только что освобожденных сел ничего не жалели, чтобы помочь нам. Сами оставшись без крова, без запасов продовольствия, они старались приютить, обогреть солдат, делились с ними последним куском хлеба.

Большой отрыв тыловых частей и баз от района сосредоточения затруднял обеспечение действующих войск всем необходимым. После длительного и тяжелого марша по занесенным снегом дорогам солдаты сильно уставали, а

прибыв на место, не имели возможности нормально отдохнуть.

Все это в конечном итоге привело к тому, что войска вновь организованного Центрального фронта не смогли сосредоточиться в установленный срок. Начало наступления было перенесено на 25 февраля. К этому времени мы располагали частью войск 65-й армии и присланными из резерва Ставки 2-й танковой армией (которой предстояло еще собрать застрявшие в пути танки), 2-м кавалерийским корпусом, а также двумя лыжнострелковыми бригадами. Они и были развернуты на рубеже Чернь, Михайловка, Конышевка, Макаровка общим протяжением 150 километров. 21-я армия все еще была на пути из Сталинграда к Ельцу, а передаваемая из резерва Ставки 70-я армия находилась на подходе к району сосредоточения.

Но делать нечего, пришлось начать наступление. 65-я армия, подчинив себе часть дивизий Брянского фронта, действовавших в нашей полосе, двинулась в направлении Михайловка, Лютеж; правее ее на Дмитровск должна была идти 70-я армия; левее — на Севск — 2-я танковая генерал-лейтенанта А.Г. Родина, а на левом фланге фронта на направлении Хутор Михайловский, Новгород-Северский наступала конностредковая группа (2-й гвардейский кавалерийский корпус, усиленный двумя лыжнострелковыми бригадами и танковым полком) под командованием генерала В.В. Крюкова.

Наступление вначале развивалось успешно. 65-я армия, поддержанная справа частью сил 70-й армии, отбрасывая противника, достигла Комаричей и Лютежа, 2-я танковая армия овладела Середина-Будой, а конностредковая группа, не встречая особенно сильного сопротивления, вырвалась еще дальше. Предчувствуя подвох со стороны врага, я приказал Крюкову остановиться и прочно закрепиться на рубеже Севска. Но неугомонного рубаку не так-то просто было унять в его порыве. Он уже достиг Десны у Новгород-Северского, мало заботясь о разведке на флангах.

Да, наши части далеко выдвинулись. А у соседей дела сложились иначе. Брянский фронт, перешедший в наступление еще 12 февраля, потеснив противника местами до 30 километров, к концу февраля вынужден был остановиться на рубеже Новосиль, Малоархангельск, Рождественское. Не добилась успеха и левофланговая 16-я армия Западного фронта, наносившая удар во взаимодействии с нами.

Предпринимая столь грандиозную операцию, как глубокое окружение всей орловской группировки противника, Ставка, по-видимому, кое-что недоучла. К этому времени противник начал оправляться от нанесенных ему советскими войсками ударов на брянском и харьковском направлениях и сам стал готовиться к контрнаступлению. В район Орла и южнее прибывали все новые и новые соединения, перебрасываемые противником из его вяземско-ржевской группировки. Партизаны и воздушная разведка предупреждали о сосредоточении вражеских сил в районе Брянска и выдвижении их в сторону Севска. Войска противника стягивались и к северу от Рыльска и Шостки.

Все войска, которые у нас имелись, были втянуты в бои на образовавшемся к этому времени широком фронте. Противник явно опережал нас в сосредоточении и развертывании сил. Наша 21-я армия только начала выгружаться в районе Ельца. Тылы застряли под Сталинградом. В войсках ощущался острый недостаток всего — продовольствия, фуража, горючего, боеприпасов.

Не могу умолчать о нашем упущении в начале этой операции. Поспешность переброски войск в новый район помешала нам предварительно ознакомиться с местностью и одновременно с общевойсковыми соединениями передислоцировать дорожные части с их техникой, а также транспортные подразделения. Забыли об этом и высшие органы, планировавшие операцию вновь созданного фронта. Все стремились к одному — как можно быстрее собрать войска. В результате прибывавшие соединения оказывались в тяжелом положении — без дорог, без транспорта. Необходимые поправки пришлось вносить уже в процессе сосредоточения войск и в ходе боевых действий.

Я доложил Сталину, что в таких условиях войска фронта не смогут справиться с задачей. После этого задача фронту была изменена. Теперь мы должны были нанести удар на север в сторону Орла силами 21, 70 и 2-й танковой армий, чтобы во взаимодействии с войсками Брянского и левого крыла Западного фронта разгромить орловскую группировку противника. Но в той обстановке и эта операция не сулила успеха. Противник значительно превосходил нас в силах.

Мы переживали за нашу коннострелковую группу, на обоих флангах которой враг подозрительно накапливал войска. Повторяю Крюкову свой приказ: приостановить продвижение на запад, закрепиться на рубеже реки Сев и

удерживать Севск до подхода частей 65-й армии. Предупреждаю, чтобы вел усиленную разведку в северном и южном направлениях. Но Крюков уже ничего не успел сделать. Вырвавшуюся к Десне конностредковую группу противник атаковал с фланга и тыла. С большим трудом она пробилась из окружения, в чем ей помогли подоспевшие на помощь части 2-й танковой и 65-й армий.

Чтобы остановить здесь противника, нам пришлось развернуть 65-ю армию на широком участке по восточному берегу реки Сев.

Радовало одно: успешное продвижение наших войск оказало серьезную поддержку левому соседу — Воронежскому фронту, отвлекая значительные силы противника с его участка. 60-я армия соседа смогла продвинуться вперед. То, что враг стянул против нас значительные силы, во многом облегчило положение Воронежского фронта, когда гитлеровцы перешли там в наступление.

Получив новую задачу, мы приступили к перегруппировке войск, сосредоточивая основные силы на орловском направлении — направлении главного удара. Сюда была нацелена и только что прибывшая из резерва Ставки 70-я армия. Она была сформирована из пограничников, отличных солдат, прекрасно подготовленных для ведения боя в любой обстановке. Мы возлагали на эту армию большие надежды и направили ее на самый ответственный участок — на правый фланг, в стык с войсками Брянского фронта. Но действия пограничников были неудачны. Объяснялось это неопытностью старших командиров, впервые оказавшихся в столь сложной боевой обстановке. Соединения вводились в бой с ходу, неорганизованно, по частям, без необходимого обеспечения артиллерией и боеприпасами к ней.

Возлагая ответственность за неудачные действия армии на ее командование и штаб, не могу снять вины с себя и со своего штаба: поспешно вводя армию в бой, мы поставили ей задачу, не проверив подготовку войск, не ознакомившись с их командным составом. Это послужило для меня уроком на будущее.

Как только выдалась возможность, я поехал к пограничникам. Добраться до них стоило большого труда. Пришлось использовать три способа передвижения: по дороге на машине, затем по просеке на санях, а километров пятнадцать мы с членом Военного совета фронта Телегиным прошли на лыжах.

Личное знакомство открыло глаза на многое. Мы убедились, что необходимо заменить командарма и усилить штаб армии более опытными офицерами. Приложили все усилия к тому, чтобы это было сделано поскорее: предстояли новые бои.

Между тем обстановка накалялась. Войска Брянского фронта, встретив сильное сопротивление противника, остановились на рубеже Новосиль, Архангельское, Рождественское и дальше продвинуться на смогли. По сообщению командующего фронтом Рейтера, враг настолько усилил свою орловскую группировку, что можно было ожидать контрудара каждую минуту. А штаб Воронежского фронта уже бил тревогу: противник перешел в наступление, ведет бои за Харьков, продвигается к Белгороду.

На нашем участке гитлеровцы сопротивлялись со всевозраставшим упорством, бои принимали затяжной характер. У нас сохранялась еще надежда, что с вводом в бой 21-й армии нам удастся хотя бы немного потеснить противника. На большее рассчитывать было трудно... «Нет, все-таки наступать нам сейчас не время, только напрасно ослабляем свои силы...» — подумал я. В момент тяжелых раздумий о перспективах наступления я получил приказание Ставки: срочно направить 21-ю армию в район Обояни в распоряжение командующего Воронежским фронтом. Оказывается, крупные неприятельские силы прорвались на харьковском и белгородском направлениях с угрозой продвижения на Курск.

Пришлось доложить в Ставку, что наше положение не улучшается, подход войск и тылов фронта затягивается, снабжение войск материальными средствами наладить не удается, а враг значительно усилил свою группировку против войск фронта. С уходом 21-й армии соотношение сил будет и вовсе не в нашу пользу.

Мой доклад возымел действие. Во второй половине марта Ставка приняла решение о нецелесообразности продолжать наступление на Орел. Это решение было правильным. Все мы воспрянули духом.

Центральный фронт получил задачу перейти к обороне, организовав ее на рубеже Городище, Малоархангельск, Тросна, Лютеж, Коренево. Мы дополнительно получили 48-ю армию П.Л. Романенко, 13-ю армию Н.П. Пухова, перешедшую к нам из Брянского фронта вместе с участком,

который она занимала, и 60-ю армию И.Д. Черняховского из Воронежского фронта, тоже с занимаемым ею участком. К этому времени оба наших соседа отбили вражеские удары и теперь, как и мы, находились в обороне.

Замысел немецко-фашистского командования ударами с севера — со стороны Орла и с юга — со стороны Белгорода окружить и уничтожить советские войска в районе Курска провалился. Но врагу ценой больших усилий удалось удержать в своих руках два важных выступа — один восточнее и юго-восточнее Орла, а второй восточнее и северо-восточнее Харькова. Между этими выступами, которые упорно оборонял противник, образовалась огромная Курская дуга, выдвинувшаяся до 200 километров на запад. Оборона этой дуги и была возложена на войска Центрального и Воронежского фронтов.

Командование, штаб и политическое управление фронта переключились на решение новых задач. Надо было создать оборону, непреодолимую для врага. Значит, она должна быть глубоко эшелонированной и прежде всего противотанковой. Наученные горьким опытом минувших боев, мы знали, что, предпринимая наступление, враг будет широко применять танки, а поэтому в первую очередь нужно готовиться к борьбе с ними.

Противнику не раз удавалось сравнительно легко прорывать нашу оборону. В частности, именно потому мы потеряли Харьков и Белгород. На мой взгляд, объяснялось это тем, что у нас не уделялось должного внимания своевременному созданию необходимых резервов, при наступлении расходовались все силы до предела, фронт вытягивался в нитку, отрываясь от своих баз. Сказывалась и слабость нашей оперативной и стратегической разведки. В результате противник имел возможность, отходя, создавать крупные группировки сил и наносить неожиданно контрудары, парировать которые нам было нечем. Отсутствие в глубине нашей обороны оперативных резервов позволяло врагу, прорвав фронт на узких участках, почти безнаказанно идти на окружение наших войск.

Для ознакомления с положением и нуждами фронта к нам из Москвы в апреле прибыли начальник Тыла Красной Армии А.В. Хрулев, заместитель начальника Генерального штаба А.И. Антонов и первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии — начальник Центрального штаба партизан-

ского движения П.К. Пономаренко, назначенный к нам членом Военного совета.

Московские товарищи находились у нас довольно продолжительное время, вникая в вопросы, относящиеся к состоянию войск, тылов — фронтовых и армейских (многие из них еще не были перевезены в районы расположения войск), интересовались проблемами оперативно-стратегического характера. Я поделился своими мыслями об организации обороны Курского выступа. Мне предложили изложить свои соображения в служебной записке на имя Верховного Главнокомандующего, что я и сделал. В записке давалась краткая оценка обстановки, сложившейся на южном крыле советско-германского фронта в результате зимней кампании 1942/43 года, и высказывались некоторые предположения, касающиеся военных действий летом. Наиболее вероятным участком фронта, где противник попытается развернуть летом свое решающее наступление, будет Курская дуга. Здесь он постарается повторить то, что ему не удалось зимой, но уже большими силами. Этому способствует конфигурация фронта. То, что противник продолжает перебрасывать войска в районы Орла и Белгорода, выдает его намерение воспользоваться своим нависающим положением над нашими частями, расположенными на Курской дуге. В записке говорилось о настоятельной необходимости создания сильных резервов Верховного Главнокомандования, расположенных восточнее Курской дуги, — они помогут отразить любой удар вражеских сил на этом направлении.

Так как в предстоящем сражении будет участвовать несколько фронтов, я коснулся в записке и некоторых вопросов руководства боевыми действиями.

Не беру на себя смелость утверждать, что эта служебная записка возымела свое действие. Возможно, сама общая обстановка на фронтах требовала особого внимания к Курской дуге. Но весной 1943 года в тылу Центрального и Воронежского фронтов был организован новый, Резервный фронт (вскоре преобразованный в Степной военный округ, а затем — в Степной фронт). Все-таки, видимо, и наше предложение о создании надежных резервов за Курским выступом было учтено.

Предпринимая столь грандиозную операцию, как глубокое окружение всей орловской группировки противника, Ставка ВГК допустила грубый просчет, переоценив свои возможности и недооценив возможности врага. А тот, уже успев

оправиться от нанесенных ему советскими войсками ударов на брянском и харьковском направлениях, сам готовился к нанесению здесь контрудара.

В этих условиях не могло быть и речи о выполнении войсками Центрального фронта первоначально поставленной ему задачи. После моего доклада по ВЧ Сталину задача была изменена. Но и она к этому времени и в той обстановке не сулила успеха. Противник явно превосходил наши силы.

В связи с усиливавшейся опасностью на левом фланге нашего фронта было отдано распоряжение конно-стрелковой группе генерала В.В. Крюкова приостановить продвижение на запад. Ей надлежало закрепиться в районе Севска и удерживать город до подхода частей 65-й армии, вместе с тем продолжать вести разведку в северном и южном направлениях, где было обнаружено скопление крупных сил противника. Крюков нарушил приказ. Вышедшая к Десне конно-стрелковая группа была атакована крупными вражескими силами во фланг и тыл и окружена. Она хотя и вырвалась из окружения, в чем ей помогли подоспевшие на помощь части 65-й армии и 2 ТА, но понесла тяжелые потери.

Самоволие и беспечность генерала Крюкова дорого нам обошлись: помимо значительных потерь в людях и лошадях в составе группы мы оставили Севск, крупный населенный и важный опорный пункт на реке Сев.

По данным, полученным от штаба Воронежского фронта, перешедший в наступление противник добился значительных успехов. Он сумел обойти Харьков и продвигался в направлении Белгорода.

Войска нашего фронта, достигнув с тяжелыми боями рубежа Брянцево, Тросна, Лютеж и река Сев, вели упорные бои, которые приняли затяжной характер. У нас сохранилась еще надежда на то, что с помощью 21-й армии нам удастся немного потеснить противника. По всему было видно, что на большее рассчитывать мы не могли. Невольно пришлось задуматься над вопросом: неужели в Ставке не понимают, что при создавшейся обстановке и без расчета на крупный успех мы только распыляем свои силы, и так уже порядком ослабленные? И тут поступает неожиданное распоряжение Ставки: срочно направить 21-ю армию в район Обояни в распоряжение командующего Воронежским фронтом в связи с прорывом крупных неприятельских сил на харьковском и белгородском направлениях и угрозой развития наступления немецких войск на Курск. С чем же нам наступать? Ведь противнику и без того удалось достичь

превосходства, а с уходом 21-й армии соотношение сил в его пользу еще больше возросло.

Я вынужден был доложить в Ставку о невозможности выполнить поставленную фронту задачу.

Во второй половине марта Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение о нецелесообразности продолжения наступления на Орел. Это решение было правильным. Все мы воспрянули духом, надеясь, что ошибки, допущенные Ставкой зимой и весной 1942 года, не повторятся.

Изучая обстановку, противника и предугадывая характер предстоящих сражений, я невольно задумывался над причинами многих поражений советских войск за прошедший период, в частности в операции, связанной с потерей Харькова и Белгорода. На мой взгляд, происходило это потому, что нашим Верховным Главнокомандованием при проведении наступательной или оборонительной операции не уделялось должного внимания своевременному созданию необходимых резервов, при наступлении расходовались все силы до предела, фронт вытягивался в нитку, отрываясь от своих баз. Не учитывались возможности противника и состояние своих войск. Желание превалировало над возможностями.

Совершенно неудовлетворительной оказалась наша глубокая оперативная да и стратегическая разведка.

Противник при отходе имел возможность создавать крупные группировки своих сил и наносить нам неожиданно контрудары, парировать которые было нечем.

Отсутствие в глубине нашей обороны оперативных резервов позволяло противнику после прорыва фронта на узких участках безнаказанно идти на глубокое окружение советских войск, а окружив, беспрепятственно уничтожать их.

Возникали еще и такие острые вопросы: «распределенческое» управление войсками, место начальника Генерального штаба, роль представителей Ставки...

В апреле для ознакомления с положением и нуждами фронта у нас побывали член ГКО Г.М. Маленков, начальник Тыла Красной Армии А.В. Хрулев, заместитель начальника Генерального штаба А.И. Антонов. Вместе с ними прибыл первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, начальник Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко, назначенный к нам членом Военного совета.

Товарищи из Москвы находились у нас продолжительное время. Обсуждая с ними ряд вопросов, относящихся к состоянию войск, фронтовых и армейских тылов (многие из них

еще не добрались до мест расположения своих соединений), поделился и тем, что особо волновало меня.

Перед отъездом они предложили изложить все мои соображения в служебной записке на имя Верховного Главнокомандующего, что я и сделал. Маленков обещал передать ее Сталину.

В записке кратко оценивалась обстановка, сложившаяся на южном крыле советско-германского фронта в результате зимней кампании 1942/43 года, и высказывались некоторые предположения на лето 43-го. В ней отмечалось, что наиболее вероятным участком фронта, где противник летом 1943 года попытается развернуть свое решительное наступление, будет Курская дуга. Там он постарается совершить то, что ему не удалось зимой, но уже большими силами. Продолжающаяся переброска войск в район Орла и севернее подтверждает возможность таких намерений противника, а конфигурация фронта способствует их осуществлению. Я подчеркивал настоятельную необходимость создания мощных резервов Верховного Главнокомандования, расположенных в глубине (восточнее Курской дуги), для отражения удара крупных вражеских сил на курском направлении.

Обращалось внимание и на несколько непонятное положение в управлении войсками, когда начальник Генерального штаба вместо того, чтобы управлять из центра, где сосредоточены все возможности для этого, убывает на длительное время на один из участков фронта, тем самым выключаясь из управления. Заместитель Верховного Главнокомандующего тоже выбывает на какой-то участок, и часто получалось так, что в самые напряженные моменты на фронте в Москве оставался один Верховный Главнокомандующий. В данном случае получалось «распределенческое» управление фронтами, а не централизованное.

Я считал, что управление фронтами должно осуществляться из центра — Ставкой Верховного Главнокомандования и Генеральным штабом. Они же координируют действия фронтов, для чего и существует Генеральный штаб. Уже первые месяцы войны показали нежизненность созданных импровизированных оперативных командных органов «направлений», объединявших управление несколькими фронтами. Эти «направления» вполне справедливо были ликвидированы. Зачем же Ставка опять начала применять то же, но под другим названием — представитель Ставки по координированию действий двух фронтов? Такой представитель, находясь при командующем одним из фронтов, чаще

всего, вмешиваясь в действия комфронтом, подменял его. Вместе с тем за положение дел он не нес никакой ответственности, полностью возлагавшейся на командующего фронтом, часто получал разноречивые распоряжения по одному и тому же вопросу: из Ставки — одно, а от ее представителя — другое. Последний же, находясь в качестве координатора при одном из фронтов, проявлял, естественно, большую заинтересованность в том, чтобы как можно больше сил и средств стянуть туда, где находился сам. Это чаще всего делалось в ущерб другим фронтам, на долю которых выпадало проведение не менее сложных операций.

Помимо этого, уже одно присутствие представителя Ставки, тем более заместителя Верховного Главнокомандующего, при командующем фронтом ограничивало инициативу, связывало комфронтом, как говорится, по рукам и ногам. Вместе с тем появлялся повод думать о некотором недоверии к командующему фронтом со стороны Ставки ВГК.

Упоминалось мной и о том, что при штабе фронта имелись от Генерального штаба так называемые направленцы. Это были лица, чаще всего генералы, в обязанность которых входила всесторонняя и своевременная информация Генерального штаба о действиях войск фронта. Не достаточно ли их присутствия, чтобы информировать центр о действиях фронтов и контролировать их?

Вот эти вопросы были затронуты в моей служебной записке на имя Верховного Главнокомандующего. Не беру на себя смелость утверждать, что мои предложения оказали свое влияние на последующие решения Ставки. Однако сложившаяся общая обстановка на фронтах требовала особого внимания к Курской дуге и принятия соответствующих мер. Именно этими соображениями я и руководствовался.

Используя все возможности, мы к началу сражения смогли довести численность стрелковых дивизий только до 4,5—5 тыс. и лишь отдельных — до 6—7 тыс. человек. В то же время (по вполне достоверным данным) в находившихся против нас вражеских дивизиях насчитывалось: в пехотных — 10—12 тыс., танковых — 15—16, моторизованных — 14 тыс. человек. Несмотря на большие потери, которые понесли немецкие войска в зимний период, фашистскому командованию удалось восполнить их.

А на фронте тучи все сгущались. В конце июня стали поступать данные о крупных передвижениях немецких бронетанковых, артиллерийских и пехотных соединений и их выдвижении к переднему краю.

КРАХ «ЦИТАДЕЛИ»

С апреля в районе Курской дуги войска обеих сторон стали усиленно готовиться к летней кампании.

Наш КП располагался в Ельце. Этот крупный железнодорожный узел привлекал внимание противника и подвергался частым бомбардировкам. Уже поэтому место было неподходящее. В новой обстановке появилась необходимость перенести КП ближе к войскам. Поэтому мы перебрались в населенный пункт Свобода, севернее Курска. К этому времени заботами нашего штаба новый КП был полностью подготовлен и связан со всеми армиями и соединениями, а также с соседними фронтами справа и слева.

Характер действий противника и данные всех видов разведки все больше убеждали нас, что если немецко-фашистская армия вообще в состоянии в ближайшее время предпринять наступление с решительными целями, то это будет в районе Курской дуги. Конфигурация этого района способствовала применению излюбленного приема немецкого командования — нанесению ударов под основание выступа по сходящимся направлениям (в данном случае на Курск). В случае удачи противник вышел бы в тыл Центрального и Воронежского фронтов и окружил около семи наших армий, оборонявшихся на Курской дуге. Непрекращающаяся переброска войск противника, особенно танков и артиллерии, из глубины в район орловского выступа подтверждала наши предположения.

Как стало впоследствии известно из трофейных документов, немецкое командование, планируя операции на 1943 год, приняло решение в первую очередь разгромить советские войска, оборонявшиеся на Курской дуге. О том, какое значение оно придавало этой операции, получившей условное название «Цитадель», видно из приказа Гитлера

от 15 апреля 1943 года: «Я решил, как только позволят условия погоды, осуществить первое в этом году наступление «Цитадель». Это наступление имеет решающее значение. Оно должно дать нам инициативу на весну и лето».

Но далеко не все немецкие генералы верили в успех наступления под Курском. На совещании у Гитлера 4 мая 1943 года командующий 9-й немецкой армией генерал-полковник Модель заявил: «Противник рассчитывает на наше наступление, поэтому, чтобы добиться успеха, нужно следовать другой тактике, а еще лучше, если вообще отказаться от наступления». Подобные же колебания проявили и командующие группами армий «Юг» и «Центр» фельдмаршалы Манштейн и Клюге.

Тем не менее в целях восстановления пошатнувшегося авторитета Германии и предотвращения распада фашистского блока гитлеровское командование, пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, после длительной подготовки и неоднократных откладываний сроков решило начать наступление под Курском.

Советскому командованию удалось своевременно разгадать замыслы противника, предположительные направления основных его ударов и даже сроки перехода в наступление. Учитывая сложившуюся на фронте обстановку и намерения врага, Ставка приняла решение в оборонительной операции под Курском ослабить его ударные группировки, а потом перейти в наступление на всем южном участке фронта — от Смоленска до Таганрога. Не могу умолчать о том, что при обсуждении в Ставке предстоящей операции (на этом совещании присутствовали и мы — командующие фронтами) были сторонники не ожидать наступления противника, а, наоборот, упредить удар. Ставка поступила правильно, не согласившись с этим предложением.

В соответствии с принятым Ставкой решением Центральному и Воронежскому фронтам были отданы указания о создании прочной обороны.

Наибольшую опасность мы у себя на Центральном фронте видели в основании орловского выступа, нависавшем над нашим правым крылом. Поэтому было решено создать здесь наиболее плотную группировку сил. На этом же направлении предусматривалось расположить и основную часть фронтовых резервов.

Такое решение вытекало из следующих соображений. Наиболее выгодным для наступления противника являлось

орловско-курское направление, и главный удар (на юг или юго-восток) нужно было ожидать именно здесь. Наступление немецко-фашистской ударной группировки на любом другом направлении не создавало особой угрозы, так как войска и средства усиления фронта, располагавшиеся против основания орловского выступа, могли быть в любое время направлены для усиления опасного участка. В худшем случае это наступление могло привести только к вытеснению наших войск, оборонявшихся на Курской дуге, а не к их окружению и разгрому.

Принятое командованием Центрального фронта решение было одобрено Верховным Главнокомандующим, и войска приступили к организации обороны.

Против орловской группировки противника, нависавшей над нашим правым флангом, оборонялись соединения 48, 13 и 70-й армий на фронте от Городища до Брянцева протяжением 132 километра. Левее, на 174-километровом фронте от Брянцева до Коренева, занимали оборону войска 65-й и 60-й армий.

Как и всегда, я решил создать необходимые в любой обстановке резервы, поэтому 2-я танковая армия была выведена во второй эшелон, а во фронтовой резерв — 9-й и 19-й танковые корпуса и 17-й гвардейский стрелковый корпус, нацеленный на то, чтобы занять позиции в полосе 13-й армии, если в том будет необходимость.

О том, как мы старались создать высокую плотность войск на угрожаемом направлении, можно судить хотя бы по таким цифрам. Здесь в полосе протяжением 95 километров мы сосредоточили 58 процентов всех наших стрелковых дивизий, 70 процентов артиллерии и 87 процентов танков и самоходно-артиллерийских установок. На этом же направлении были расположены войска второго эшелона и фронтового резерва (танковая армия и два отдельных танковых корпуса). На остальные 211 километров фронта приходилось меньше половины нашей пехоты, треть артиллерии и меньше одной пятой части танков. Это был, конечно, риск. Но мы сознательно шли на такую концентрацию сил, уверенные, что враг применит излюбленный свой метод — удар главными силами под основание выступа. Наша разведка и партизаны подтверждали, что мощная группировка вражеских войск создается именно на том направлении, где мы ожидали.

К разработке общего плана оборонительной операции фронта были привлечены командующие армиями: 48-й —

генерал-лейтенант П.Л. Романенко, 13-й — генерал-лейтенант Н.П. Пухов, 70-й — генерал-лейтенант И.В. Галанин, сменивший к этому времени прежнего командарма, 65-й — генерал-лейтенант П.И. Батов, 60-й — генерал-лейтенант И.Д. Черняховский, 2-й танковой — генерал-лейтенант А.Г. Родин и 16-й воздушной — генерал-лейтенант С.И. Руденко. После утверждения плана началась работа конкретно на местности. В ней приняли деятельное участие командование фронта, политическое управление, командующие армиями и родами войск, начальники служб и начальник тыла.

Учитывая, что противник будет наносить удар безусловно крупными силами, командование фронта уже в конце марта в своих приказах и директивах дало войскам конкретные указания об оборудовании оборонительных рубежей. Начальник инженерных войск фронта генерал-майор А.М. Прошляков наметил детальный график и приложил много усилий, чтобы работы выполнялись в установленные сроки и с хорошим качеством. На этого энергичного и инициативного генерала можно было полностью положиться. Скромный, даже несколько застенчивый, он умел проявить и волю и непреклонную решимость. Глубокие знания и богатый практический опыт позволяли ему справляться с самыми сложными задачами. Заботливый и требовательный командир, чудесный товарищ, он пользовался всеобщей любовью. Работать с ним было приятно.

Планомерная подготовка обороны Курского выступа началась с апреля и продолжалась до самого вражеского наступления. Строительство укреплений главной полосы велось войсковыми частями. В сооружении второй и третьей полосы обороны, а также тыловых армейских и фронтовой полос наряду с войсками активно участвовало местное население.

Организуя эти работы, мы использовали опыт, накопившийся к этому времени. Все приказы и директивы командования фронта требовали создания прочной, глубоко эшелонированной, многополосной полевой обороны с максимальным развитием инженерных сооружений на всю ее оперативную глубину.

Вначале предполагалось построить пять оборонительных полос общей глубиной 120—130 километров. Но затем глубина оборонительных полос на отдельных, наиболее важных, направлениях была увеличена до 150—190 километров.

За три месяца войска фронта оборудовали шесть основных оборонительных полос. Кроме того, были построены промежуточные рубежи и отсечные позиции, протянувшиеся на сотни километров. Ходы сообщения между траншеями строились с таким расчетом, чтобы при необходимости они могли служить отсечными позициями. Батальонные узлы сопротивления, как правило, были подготовлены к круговой обороне.

Особое внимание уделялось прикрытию стыков, обеспечению маневра артиллерии траекторией и колесами, а также маневра войск по фронту и из глубины.

Всего войсками фронта за апрель—июнь было отрыто до 5 тысяч километров траншей и ходов сообщения, установлено до 400 тысяч мин и фугасов. Только на участке 13-й и 70-й армий было выставлено 112 километров проволочных заграждений, из которых 10,7 километра — электризованных, и свыше 170 тысяч мин.

Располагая данными о том, что немецкое командование, готовясь к летнему наступлению, особые надежды возлагает на массированные удары своих танковых войск, оборону Курского выступа мы строили прежде всего как противотанковую, в расчете на отражение ударов крупных танковых группировок противника. Приходилось учитывать и то, что противник собирается широко применять свои новые мощные танки «тигр» и самоходные орудия «фердинанд». Мы подготовили сильные противотанковые рубежи с мощными опорными пунктами на наиболее опасных направлениях и максимально насытили их артиллерией.

К отражению вражеских танков решено было привлечь всю артиллерию фронта, в том числе и зенитную, сосредоточив ее основные силы в полосах обороны 13-й, частично 48-й и 70-й армий на направлении ожидаемого главного удара противника.

Для лучшей организации взаимодействия и удобства управления опорные пункты объединялись в противотанковые районы. К июлю на правом крыле фронта глубина противотанковой обороны достигла 30—35 километров. Только в полосе 13-й армии на главной полосе обороны насчитывалось 13 противотанковых районов, состоявших из 44 опорных пунктов; на второй полосе имелось 9 таких районов с 34 опорными пунктами, а на третьей полосе — 15 районов с 60 противотанковыми опорными пунктами.

Большое внимание было уделено созданию различного вида противотанковых заграждений. Перед передним краем и в глубине обороны на танкоопасных направлениях была подготовлена сплошная зона таких препятствий. Сюда входили минные поля, противотанковые рвы, надолбы, плотины для затопления местности, лесные завалы.

Хотя использование гвардейских минометов — «катюш» для борьбы с танками инструкцией не предусматривалось, было решено и их привлечь к выполнению этой задачи. Чтобы найти наиболее эффективные способы применения реактивной артиллерии для отражения массированных танковых атак, с минометчиками провели опытные стрельбы по макетам танков. Они показали высокий процент попаданий.

К борьбе с танками противника в случае их вклинения в нашу оборону мы готовили в дивизиях и армиях подвижные отряды заграждения, которые в ходе боя должны были выставлять на пути вражеских танков мины, фугасы и переносные препятствия. Эти отряды состояли в дивизиях из одной-двух саперных рот, а в армиях — из инженерного батальона, усиленного автоматчиками. Им заранее указывались вероятные районы их действий.

Кроме отрядов заграждения в дивизиях, армиях и во фронте были созданы артиллерийские противотанковые резервы. В моем резерве находились три противотанковые артиллерийские бригады и два противотанковых артполка.

При создании обороны особое внимание уделялось организации системы огня. Огневые средства эшелонировались на всю армейскую глубину. Предусматривался маневр огнем и массирование его на угрожаемых направлениях. Для обеспечения простоты и надежности управления огнем создавалась разветвленная сеть наблюдательных пунктов с устойчивой связью.

При построении боевых порядков в ротных районах обороны мы в первую очередь руководствовались требованием создать непроницаемую огневую завесу. Исходя из условий местности, подразделения располагались в одном случае углом вперед, в другом углом назад, что позволяло держать под обстрелом всю местность внутри батальонного района и вести фланкирующий и косоприцельный огонь. Почти во всех батальонах был подготовлен заградительный и сосредоточенный огонь станковых пулеметов как перед передним краем, так и в глубине батальонных районов и полковых участков. Минометные роты заранее пристреля-

ли участки и рубежи. Расчеты противотанковых ружей располагались повзводно или отделениями на танкоопасных направлениях.

По такому же принципу строилась система огня пехотного оружия во второй и тыловой армейской оборонительных полосах. На участках, занятых войсками, эти рубежи по насыщенности огневыми средствами почти не уступали главной полосе. В тыловой полосе 13-й армии плотность огневых средств была даже выше, чем на главной полосе обороны.

На вероятных направлениях действий противника мы сосредоточили мощные артиллерийские группировки. Общая плотность артиллерии у нас составляла 35 стволов, в том числе более 10 противотанковых орудий, на километр фронта, но в полосе обороны 13-й армии эта плотность была намного выше.

Наряду с оборонительными работами войска усиленно занимались боевой подготовкой. Не менее трети всех занятий проводилось в ночных условиях. Неутомимая учеба шла в штабах.

Противник собирался применить тяжелые танки «тигр», имевшие толстую броню и вооруженные 88-миллиметровой пушкой. Наши бойцы и командиры изучали тактико-технические данные этих машин, осваивали методы борьбы с ними. В каждой армии были оборудованы полигоны, где проводились боевые стрельбы по танкам-мишеням. Расчеты 45-миллиметровых пушек учились бить по гусеницам танков с близких дистанций. В результате систематических занятий удалось значительно повысить мастерство артиллеристов.

Боевая готовность артиллеристов проверялась прямо на позициях. Прибыв на наблюдательный пункт артиллерийского командира, проверяющий в соответствии с планом обороны сообщал, что в таком-то районе появился противник. Цели указывались на позициях гитлеровцев. Не проходило и минуты, как открывался меткий огонь. Я неоднократно устраивал такую проверку и убедился, что артиллеристы поняли свою роль в предстоящем сражении и серьезно к нему готовятся.

В подготовке артиллерии и организации системы огня большая заслуга принадлежала неутомимому командующему артиллерией фронта генералу В.И. Казакову.

Политическое управление фронта под руководством генерал-майора С.Ф. Галаджева развернуло огромную рабо-

ту, добиваясь сплочения подразделений, усиления активности партийных и комсомольских организаций, повышения боевой выучки, стойкости и чувства взаимной выручки, бережного отношения к оружию и боевой технике. Вся эта работа нацеливалась на дальнейшее укрепление морально-боевого духа бойцов и командиров.

Мы постоянно следили за качеством инженерного оборудования полос и позиций, организацией противотанковой обороны на важнейших направлениях. Я сам много раз выезжал в войска, осматривал укрепления, беседовал с людьми. Радовало, что бойцы и командиры были уверены в своих силах, в устойчивости построенной ими обороны. За их плечами был уже немалый опыт боев на этом рубеже в феврале—марте, когда они успешно отразили все атаки врага. Проверяя оборону в районе Понырей, я спросил солдат одного из подразделений, как они оценивают свои оборонительные позиции. Бойцы единодушно заверили, что через их позиции противник не пройдет. И надо сказать, они сдержали свое обещание: все попытки гитлеровцев прорваться через Поныри потерпели крах.

Знакомясь с войсками 60-й армии, переданной нам из Воронежского фронта, я внимательно приглядывался к генералу И.Д. Черняховскому. Это был замечательный командующий. Молодой, культурный, жизнерадостный. Изумительный человек! Было видно, что в армии его очень любят. Это сразу бросается в глаза. Если к командарму подходят докладывать не с дрожью в голосе, а с улыбкой, то понимаешь, что он достиг многого. Командиры всех рангов остро чувствуют отношение старшего начальника, и, наверное, мечта каждого из нас — поставить себя так, чтобы люди с радостью выполняли все твои распоряжения. Вот этого Черняховский достиг (пожалуй, так же, как и командарм 65 П.И. Батов).

Хочу еще раз коснуться понятия «сработанность». Мне казалось, что с Черняховским каждому легко работать. Но вот член Военного совета армии А.И. Запорожец никак не мог найти с ним общий язык. Человек это был видный — старый большевик, герой гражданской войны. В свое время он хорошо воевал. Но переменились времена, армия стала другой, а товарищ жил и работал по старинке. И начались у него стычки с молодым, растущим командармом. Как мы с К.Ф. Телегиным ни старались сгладить их отношения, ничего не вышло. Было видно, что это разные люди и дружной работы не получится. Пришлось доложить Вер-

ховному Главнокомандующему. Сталин выслушал, подумал немного и согласился:

— Да, их надо развести.

Через два дня Запорожец был отозван в Москву.

Напряженная обстановка, ожидание ожесточенных боев вызвали законное беспокойство у некоторых товарищей. Из хороших побуждений — уберечь от лишнего риска людей, и без того много испытавших и только недавно вырванных из фашистской неволи, — они предлагали заранее эвакуировать население с территории Курской дуги. Мы с этим никак не могли согласиться. Эвакуация населения неизбежно отразилась бы на настроении войск. Солдаты строили укрепления, готовились любой ценой отстоять завоеванное. Делалось все для того, чтобы ни у кого и мысли не возникло о возможности отхода. Командный пункт, управление, штаб и тылы фронта располагались в центре Курской дуги. Мы принимали меры, чтобы все запасы, необходимые для ведения длительного боя, тоже были сосредоточены здесь. И если бы даже противнику удалось отрезать нас, мы смогли бы удержать Курский выступ. Население верило в наши силы и не думало об эвакуации. Ставка тоже поддержала нас. К чести курских товарищей, они сразу поняли, что мы правы. Мысль об эвакуации больше не возникала.

Много позже меня спрашивали: почему мы были так уверены, что отобьем врага?

Эта уверенность имела прочную основу. Выросли, обрели опыт наши командиры. Солдаты научились драться и побеждать. Страна все в больших масштабах обеспечивала нас новейшей техникой и оружием. Произошли важные перемены в организационной структуре войск. Появились крупные артиллерийские соединения — дивизии и корпуса — резервы Верховного Главнокомандования, что позволяло сосредоточивать большие массы артиллерии на нужных направлениях (этому способствовал и перевод орудий на механическую тягу). Сильнее стала наша авиация, оснащенная самыми современными по тем временам самолетами. Нет, теперь никакая вражеская сила не могла сломить нас!

Очень многое сделали для нас партизаны Брянщины и Белоруссии. С некоторыми их командирами мы были знакомы лично. Не забылись наши встречи летом 1942 года на КП Брянского фронта в районе Ефремова. После Московской конференции руководители партизанских отрядов и соединений собрались у нас, чтобы вместе с командова-

нием фронта обсудить вопросы совместной работы. Здесь они познакомились с новыми образцами оружия, изготовленного специально для партизан. Среди этих товарищей были В.И. Козлов, С.А. Ковпак, А.Н. Сабуров и другие. Всех мы удачно перебросили через линию фронта в их партизанские районы. В те дни еще более окрепла наша дружба. Она помогала нам организовать взаимодействие между войсками и народными мстителями. С партизанскими штабами мы поддерживали постоянную связь. Оттуда к нам поступали сведения о передвижениях войск противника. Наблюдения нашей воздушной разведки перепроверялись и дополнялись партизанами. По их целеуказаниям авиация бомбила важные вражеские объекты. Со своей стороны мы по мере сил помогали народным мстителям: снабжали оружием, боеприпасами, медикаментами, вывозили раненых на Большую землю.

В штабе фронта в результате неослабного наблюдения за противником были собраны исчерпывающие сведения о том, что он сосредоточивает свои силы в районе орловского выступа. А из штаба Воронежского фронта сообщали, что немецкие войска подтягиваются и в Харьковско-Белгородский район. На основании этих данных можно было сделать вывод, что наши предположения верны: противник готовит наступательную операцию именно против Курского выступа и собирается нанести удары с двух направлений — орловского и белгородского.

В мае и июне сильно активизировалась немецкая авиация. Она совершала налеты на железнодорожные узлы, станции, мосты, стремилась помешать нам подвозить к фронту войска, технику, боеприпасы и горючее. По удаленным от фронта объектам эти удары наносились в ночное время группами по 20—25 самолетов. Днем ударам подвергались прифронтовые и фронтовые объекты. Здесь действовали небольшие группы бомбардировщиков под прикрытием истребителей, а иногда и одиночные самолеты.

Для борьбы с авиацией противника была привлечена вся 16-я воздушная армия генерала Руденко, успевшая перебазироваться под Курск, части авиации ПВО страны, фронтовая и армейская зенитная артиллерия. Завязалась настоящая борьба за господство в воздухе.

Противник упорно старался нарушить наши перевозки. Это еще более осложняло и без того трудные задачи тыла фронта. Начальник тыла генерал-майор Н.А. Антипенко — умелый организатор, человек исключительной энер-

гии — и его отлично слаженный аппарат сумели справиться со всеми трудностями. Чтобы ускорить перевозки, использовались все средства. Прокладывались новые пути. На полуразрушенных железнодорожных ветках, где нельзя было использовать паровозы, вагоны двигались на конной тяге. Днем и ночью по дорогам шли автомашины, тянулись повозки. Исключительный героизм проявляли железнодорожники Курского узла, под разрывами бомб устранявшие разрушения, причиненные вражеской авиацией. Большую помощь в ликвидации последствий бомбежек, в прокладке обводных путей и в работах оборонного характера оказывали жители Курска.

Курские рабочие своими силами создали мастерские по ремонту танков, автомашин, артиллерийского оружия. Тысячи местных жителей влились в наши войска. И все-таки людей не хватало. Снова сокращаем обслуживающий персонал тыловых частей. Люди приходят и из госпиталей и медсанбатов — раненые, едва окрепнув, спешат в свои подразделения.

К лету нам удалось довести численность стрелковых дивизий до 4,5—5 тысяч человек. И лишь отдельные дивизии — их было не более четырех — насчитывали до 6—7 тысяч.

Вторая половина июня ознаменовалась особенно сильными воздушными боями. Бывали дни, когда в воздухе с обеих сторон участвовало одновременно свыше сотни самолетов, и все это происходило на сравнительно небольшом участке неба. С нашего командного пункта мы имели возможность наблюдать волнующую картину воздушных схваток.

Заметили мы, что вражеские самолеты-разведчики стали часто появляться и над селом, где располагался наш КП. Жили мы в крестьянских домах. Поэтому на всякий случай возле каждой избы были вырыты щели для укрытия от осколков и пуль. То, что не позаботились о блиндажах, было, конечно, нашим большим упущением. Дом, в котором я остановился, стоял против ворот, ведущих в монастырский парк. Неподалеку возвышались два больших тополя. Одним словом, дом был очень приметен. Но обратили мы внимание на это лишь тогда, когда зачастили немецкие самолеты. Решили сменить место КП, да все некогда было.

Обычно поздно вечером я просматривал шифровки, а затем шел ужинать в столовую Военного совета, помещав-

шуюся в соседнем доме. Но однажды я почему-то не стал ожидать у себя шифровальщика, а, позвонив ему, попросил, чтобы он принес шифровки в столовую. Вскоре туда же пришли Казаков, Малинин, Телегин и еще некоторые работники штаба. Ровно в 23 часа шифровальщик принес депеши. В это же время пролетел немецкий самолет, сбросил осветительные бомбы, а затем послышался шум еще одного самолета и свист сброшенных им бомб. Я успел лишь подать команду «Ложись». Все легли на пол, и тут же прогремел оглушительный взрыв... Комната наполнилась пылью от осыпавшейся штукатурки. Со звоном разлетелись стекла. Вслед за этим взрывом последовал второй, но уже дальше. Из нас никто не пострадал. Однако от дома, где я жил, ничего не осталось — он был снесен второй бомбой. Спас меня просто случай, а возможно, интуиция. На войне всякое бывает.

Все же не обошлось без жертв. Осколком бомбы был убит часовой, находившийся невдалеке от моего дома, и ранены второй часовой и младший адъютант, успевшие спрыгнуть в щель.

Пришел генерал Г.Н. Орел. Растерянно разводя руками, сказал: «Ну и дела!» Оказывается, увидев повешенные фашистским летчиком «люстры», он спрятался в щель, а потом не выдержал и снова вернулся к себе в дом. Именно в это время раздался взрыв бомбы. Она угодила точнехонько в щель, в которой только что сидел генерал. Да, на войне многое зависит от случая.

— И как вы догадались уйти из щели? — спросил кто-то.

Григорий Николаевич засмеялся:

— Знаете, уж очень там тесно и холодно было, как будто в могилу попал и тебя сейчас зароют. Плюнул я и вылез: если уж погибать, так лучше дома, в тепле...

Смех смехом, а рисковать больше мы не имели права. Усложнившаяся обстановка не давала возможности перенести КП. Решили здесь зарыться в землю. Заботами начштаба фронта Малинина и начальника инженерной службы Прошлякова в парке бывшего монастыря были быстро оборудованы хорошие блиндажи, куда мы и перешли.

А тучи все сгущались. В конце июня стали поступать данные о крупных передвижениях немецких бронетанковых, артиллерийских и пехотных соединений. Они подтягивались к переднему краю. Артиллерийская и воздушная разведки засекали все новые артиллерийские позиции,

скопления вражеских танков в балках и рощах вблизи переднего края.

2 июля Ставка предупредила: противник вот-вот перейдет в наступление. Это было уже третье предупреждение. Первое мы получили 2 мая, второе — 20 мая.

В ночь на 5 июля в полосе 13-й и 48-й армий были захвачены немецкие саперы, разминировавшие минные поля. Они показали: наступление назначено на три часа утра, немецкие войска уже заняли исходное положение.

До этого срока оставалось чуть более часа. Верить или не верить показаниям пленных? Если они говорят правду, надо уже начинать запланированную нами артиллерийскую контрподготовку, на которую выделялось до половины боевого комплекта снарядов и мин.

Времени на запрос Ставки не было, обстановка складывалась так, что промедление могло привести к тяжелым последствиям. Присутствовавший при этом представитель Ставки Г.К. Жуков, который прибыл к нам накануне вечером, доверил решение этого вопроса мне. Благодаря этому я смог немедленно дать распоряжение командующему артиллерией фронта об открытии огня.

В 2 часа 20 минут 5 июля гром орудий разорвал предрассветную тишину, царившую над степью, над позициями обеих сторон, на обширном участке фронта южнее Орла.

Наша артиллерия открыла огонь в полосе 13-й и частично 48-й армий, где ожидался главный удар, как оказалось, всего за десять минут до начала артподготовки, намеченной противником.

На изготовившиеся к наступлению вражеские войска, на их батареи обрушился огонь свыше 500 орудий, 460 минометов и 100 реактивных установок М-13. В результате противник понес большие потери, особенно в артиллерии, нарушилась его система управления войсками.

Немецко-фашистские части были застигнуты врасплох. Противник решил, что советская сторона сама перешла в наступление. Это, естественно, спутало его планы, внесло растерянность в ряды немецких солдат. Врагу потребовалось около двух часов, чтобы привести в порядок свои войска. Только в 4 часа 30 минут он смог начать артиллерийскую подготовку. Началась она ослабленными силами и неорганизованно.

В 5 часов 30 минут орловская группировка немецко-фашистских войск перешла в наступление на 40-километро-

вом фронте всей полосы обороны 13-й армии и на примыкавших к ней флангах 48-й и 70-й армий.

В первый день наступления противник ввел в бой массу танков, в том числе «тигров», и тяжелых самоходных артиллерийских установок «фердинанд».

Наступление поддерживалось сильным артиллерийским огнем и ударами авиации с воздуха. До 300 бомбардировщиков, действуя группами по 50—100 самолетов, бомбили всю тактическую глубину нашей обороны, и главным образом огневые позиции артиллерии. Ожесточенные бои развернулись на ольховатском направлении, на участке 81-й и 15-й стрелковых дивизий 13-й армии. Здесь противник наносил главный удар силами трех пехотных и двух танковых дивизий. Атака поддерживалась большим числом самолетов.

В боевых порядках танковых групп следовала пехота на бронетранспортерах и в пешем строю.

Немецкое командование, видимо, рассчитывало повторить атаку, подобную той, которую оно предприняло летом 1942 года из района Курска в направлении на Воронеж. Однако враг жестоко просчитался: время было не то.

Наша артиллерия, минометы, «катюши» и пулеметы встретили наступавших сильным огнем. Орудия прямой наводки и противотанковые ружья в упор расстреливали вражеские танки. Активно действовала и наша авиация.

Завязались тяжелые, упорные бои. Попадая на наши минные поля, вражеские танки подрывались один за другим. Идущие за ними машины по их следам продолжали преодолевать заминированные участки. «Тигры» и «фердинанды» своим огнем прикрывали действия средних танков и пехоты.

Атакованные этой стальной лавиной, наши войска самоотверженно сражались, используя все средства поражения врага. Против танков применялись и 45-миллиметровые пушки. Броню «тигров» они пробить не могли. Стреляли с близкого расстояния по гусеницам. Саперы и пехотинцы под ураганным огнем подбирались к остановившимся вражеским машинам, подкладывали под них мины, забрасывали гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Стрелковые подразделения в это время своим огнем отсекали следовавшую за танками пехоту и контратаками истребляли ее. Четыре ожесточенные атаки были успешно отбиты воинами 13-й армии, и только в результате пятой атаки, когда противник ввел свежие силы, ему удалось

ворваться в расположение 81-й и 15-й стрелковых дивизий. Наступило время поддержать эти соединения авиацией. Командующему 16-й воздушной армией был отдан приказ нанести удар по прорвавшемуся противнику. Руденко поднял в воздух более 200 истребителей и 150 бомбардировщиков. Их удары замедлили темп наступления гитлеровцев на этом участке, что позволило перебросить сюда 17-й стрелковый корпус, две истребительно-противотанковые и одну минометную бригады. Этими силами удалось задержать продвижение врага.

Несмотря на то что противник нанес удар огромной силы, ему в первый день боев удалось вклиниться в нашу оборону только на 6—8 километров.

По имевшимся у нас данным, можно было судить, что немецкое командование еще не ввело в сражение всех сил своей главной группировки, и на следующий день нужно было ожидать новых мощных ударов. В ночь на 6 июля я доложил Ставке обстановку. Верховный Главнокомандующий тут же сообщил мне, что для усиления фронта из его резерва нам передается 27-я армия под командованием генерал-лейтенанта С.Т. Трофименко. Это сообщение сильно нас обрадовало. Для встречи армии были высланы офицеры штаба. Но радость оказалась преждевременной. Утром мы получили второе распоряжение: 27-ю армию, не задерживая, направить в распоряжение Воронежского фронта в связи с угрожающим положением в районе Обояни. Ставка предупредила, чтобы мы рассчитывали только на свои силы. При этом на нас возлагалась дополнительная задача — оборона Курска, в случае если противник прорвется с юга, с участка Воронежского фронта.

— Имейте в виду, — сказал Сталин, — положение вашего левого соседа тяжелое, противник оттуда может нанести удар в тыл ваших войск.

Пришлось срочно изыскивать средства, чтобы подкрепить это направление.

Выход был один — стянуть войска на угрожаемый участок за счет ослабления армий, находившихся на вершине Курского выступа. Командующему 60-й армией И.Д. Черняховскому было приказано дивизию, находившуюся в его армейском резерве, срочно направить в резерв фронта. Фронтовым транспортом в течение суток она была перевезена со всем своим вооружением к месту назначения. Из резерва фронта в район Курска выдвигался 9-й танковый корпус.

Для усиления стыка между 13-й и 70-й армиями были переброшены два танковых полка из 65-й армии. Не могу не упомянуть о реакции командарма П.И. Батова на мое распоряжение: он стал доказывать, что без этих полков он не сумеет остановить противника, если тот перейдет в наступление. Пришлось поставить контрвопрос: что опаснее для 65-й армии — удар противника с фронта или выход на ее тылы? Дополнительных разъяснений не потребовалось. Танковые полки были быстро направлены в указанный район.

В первый день сражения на нашем фронте отчетливо определилось направление главного удара противника. Основные усилия он направлял не вдоль железной дороги, как это предусматривалось вторым вариантом (предположение) нашего плана обороны, а несколько западнее, на Ольховатку.

Вследствие этого пришлось отказаться от маневра фронтовыми резервами, так как для его проведения не хватало времени. Решено было как можно скорее нанести короткий, но сильный контрудар по вклинившемуся в нашу оборону противнику, использовав для этого 17-й гвардейский стрелковый и 16-й танковый корпуса.

На рассвете 6 июля наша артиллерия и авиация обрушили огонь на вражеские войска, а предназначенные для контрудара общевойсковые соединения перешли в наступление. Части 17-го корпуса продвинулись на два километра. Здесь к ним присоединились подразделения 15-й и 81-й дивизий, вот уже вторые сутки сражавшиеся в окружении. На разных участках здесь держались два батальона, семь рот, одиннадцать взводов и много отдельных небольших групп солдат во главе со своими офицерами. Занимая выгодные позиции, они не дрогнули, когда их обошли вражеские танки. Нанося противнику удары в спину, эти герои замедляли его продвижение. Гитлеровцы бросали против них крупные силы. Но советские солдаты стойко отбивали атаки вражеских танков и пехоты. Смельчаки сильно помогли нашим контратакующим частям, которые вовремя подоспели им на выручку. Теперь эти бойцы и командиры влились в наступающие подразделения и устремились вперед.

Однако наше продвижение вскоре приостановилось. Противник успел ввести свежие силы. 250 немецких танков и большое количество пехоты атаковали позиции корпуса. Упорно обороняясь, наши части отошли в исходное

положение. Попытка противника на плечах наших отходящих войск ворваться в расположение второй полосы обороны была отражена.

Хотя предпринятый нами контрудар частями 17-го стрелкового корпуса не оправдал ожиданий, он помешал противнику продвинуться на ольховатском направлении. Это предопределило провал наступления орловской группировки немцев. Мы выиграли время для того, чтобы сосредоточить необходимые силы и средства на наиболее угрожаемом направлении.

Не добившись успеха 6 июля в центре и на левом фланге нашей 13-й армии, противник с утра 7 июля перенес основные усилия на Поныри. Здесь у нас был мощный узел обороны, опираясь на который наши войска могли наносить фланговые удары по противнику, наступавшему на Ольховатку. Оценив значение этого узла, немецкое командование решило во что бы то ни стало разделаться с ним, чтобы облегчить себе продвижение на юг. Но мы своевременно разгадали замысел врага и подтянули сюда войска с других участков.

Чтобы усилить противотанковую оборону Понырей и поддержать артиллерией сражавшиеся здесь части 307-й стрелковой дивизии генерал-майора М.А. Еншина, были выделены 5-я артиллерийская дивизия прорыва, 13-я истребительно-противотанковая и 11-я минометная бригады, а также 22-я гвардейская бригада тяжелой реактивной артиллерии. Здесь же были сосредоточены и части 1-й гвардейской инженерной бригады. Ночью они заняли позиции в полосе 307-й стрелковой дивизии.

С рассветом 7 июля противник начал атаки на Поныри. Разрывы тысяч бомб, снарядов и мин, грохот орудий, гул танковых моторов и лязг гусениц сотрясали землю.

Самоотверженно сражались наши артиллеристы, отражая атаки танков. Командиры твердо держали в своих руках управление, уверенно руководили подразделениями и частями. Величайшую стойкость, превосходную выучку показали артиллеристы. Здесь отличились тысячи бойцов, командиров и политработников. Трудно найти слова, чтобы воздать должное их мужеству и героизму. Это об их стойкость разбилась бронированная лавина врага. Это они, артиллеристы, превратили хваленые «тигры» и «фердинанды» в бесформенные груды исковерканного металла. С помощью артиллеристов мужественно сражавшиеся полки 307-й стрелковой дивизии отбили пять атак противника.

Плечом к плечу с артиллеристами и пехотинцами отражали атаки врага саперы. Они славно потрудились на оборонных работах и выше всякой похвалы действовали теперь, отражая наступление противника. Выставленные ими на основных танкоопасных направлениях управляемые минные поля и фугасы сейчас взрывались под вражескими танками. На многих участках путь танкам преградили подвижные саперные отряды.

Активно взаимодействовала с наземными войсками наша авиация. Разведкой было установлено, что в лощине у Понырей противник сосредоточил для новой атаки сотни полторы танков и большое количество мотопехоты. Мы обрушили по ним огонь сотен орудий, а Руденко направил туда 120 штурмовиков и бомбардировщиков. Этот налет нанес врагу огромный урон, и его атака была сорвана.

Во второй половине дня над полем боя появилась фашистская авиация, которая начала интенсивно бомбить наши войска. Под ее прикрытием противник снова пошел в атаку. Ценой больших потерь ему удалось в некоторых местах немного продвинуться вперед, а два его батальона при поддержке 50 танков даже ворвались на северную окраину Понырей. Но это был лишь кратковременный успех. Контратакой наших войск оба вражеских батальона были разгромлены и положение восстановлено.

Несмотря на тяжелые потери, враг продолжал штурм. Вечер не принес передышки. Немецко-фашистское командование бросило на Поныри еще два полка пехоты и 60 «тигров». Им удалось потеснить 307-ю дивизию. Однако, приведя в течение ночи свои части в порядок, дивизия с утра перешла в контратаку и вернула прежние позиции. Противник, понеся большие потери, был отброшен, а Поныри остались в наших руках.

В течение 7 и 8 июля не стихали бои и на ольховатском направлении. Вражеская пехота при поддержке танков непрерывно атаковала нашу оборону. Но части 17-го гвардейского стрелкового корпуса и 2-й танковой армии, фронтовая артиллерия и авиация отразили натиск. Стойкость, массовый героизм наших солдат и офицеров остановили врага.

К исходу третьего дня сражения почти все фронтовые резервы были втянуты в бой, а противник продолжал вводить все новые и новые силы на направлении своего

главного удара. Можно было ожидать, что он попытается бросить в бой все, что у него имеется, пойдет даже на ослабление своих частей на второстепенных участках фронта. Чем удержать его? И я решился на большой риск: послал на главное направление свой последний резерв — 9-й танковый корпус генерала С.И. Богданова, который располагался в районе Курска, прикрывая город с юга. Это было полностью укомплектованное соединение, наша надежда и гордость.

Я сознавал, чем нам грозит этот маневр при неудаче. Ведь у соседа фронт дал трещины. Оттуда, с юга, всегда можно было ожидать вражеского удара. Но мы послали Ватутину свою 27-ю армию. Учитывал я и то, что позади войск Воронежского фронта находится Резервный фронт и в критическую минуту Ставка поможет Ватутину.

В ночь на 8 июля 9-й танковый корпус был подтянут на главное направление.

8 июля в 8 часов 20 минут до 300 вражеских танков при поддержке артиллерийско-минометного огня и ударов авиации атаковали наши позиции северо-западнее Ольховатки на стыке 13-й и 70-й армий. Враг ворвался в боевые порядки пехоты. Здесь успела с ходу занять позиции 3-я истребительная артиллерийская бригада полковника В.Н. Рукосуева. Артиллеристы встретили гитлеровцев огнем прямой наводкой.

Для характеристики напряженности этого боя приведу лишь один пример. На батарею капитана Г.И. Игишева двигалось почти три десятка танков. Артиллеристы приняли неравный бой. Четыре орудия, подпустив врага на дистанцию 600—700 метров, открыли огонь. Артиллеристы уничтожили семнадцать танков. Но и от нашей батареи осталось всего одно орудие, а возле него — три человека. Они продолжали вести огонь и подбили еще два тяжелых танка. Противник вынужден был отойти. Совместными героическими действиями всех родов войск вражеская атака была отбита. В этом бою во второй половине дня принимали участие и танки 9-го танкового корпуса.

Успешно были отражены атаки и на других участках фронта.

Действуя активно на всем участке нашего правого крыла, противник попытался нанести удар в стык 48-й и 13-й армий, но и здесь у него ничего не вышло.

Вражеский натиск стал заметно ослабевать. К 11 июля фашистские войска, понеся огромные потери и не добившись успеха, прекратили наступление. За шесть дней непрерывных атак противнику удалось вклиниться в нашу оборону всего от 6 до 12 километров.

Таким образом, войска Центрального фронта выполнили задачу. Упорным сопротивлением они истощили силы врага и сорвали его наступление. Северной группе немецко-фашистских войск, наступавшей с орловского выступа силами восьми пехотных, шести танковых и одной моторизованной дивизий при поддержке 3500 орудий и свыше 1000 самолетов, не удалось прорваться навстречу своей южной группе, пробивавшейся на южном фасе Курской дуги.

Наш левый сосед — Воронежский фронт тоже остановил врага, которому здесь удалось вклиниться на 35 километров. Ватутину хорошо помогли резервы, созданные Ставкой. Войска Воронежского фронта постоянно усиливались частями из Степного военного округа, преобразованного 9 июля в Степной фронт. А затем этот фронт перешел в наступление и отбросил врага на прежние позиции.

Нам не понадобилось воспользоваться резервами Ставки, справились без них, потому что правильно расставили силы, сосредоточили их на том участке, который для войск фронта представлял наибольшую угрозу. И враг не смог одолеть такую концентрацию сил и средств. Воронежский же фронт решал задачу обороны иначе: он рассредоточил свои силы почти равномерно по всей полосе обороны. Именно поэтому, на мой взгляд, враг смог здесь продвинуться на сравнительно большую глубину, и, чтобы остановить его, пришлось втянуть в оборонительное сражение значительные силы из резерва Ставки. Говоря об оборонительных боях войск Центрального фронта на Курской дуге, мне хочется оттенить некоторые характерные моменты. Прежде всего — роль представителя Ставки. Г.К. Жуков долго был на Центральном фронте в подготовительный период, вместе с ним мы решали принципиальные вопросы организации и ведения оборонительных действий и контрнаступления. Не без его помощи были удовлетворены тогда многие наши запросы, адресовавшиеся в Москву. А в самый канун битвы он опять прибыл к нам, детально ознакомился с обстановкой и утром 5 июля, в разгар развернувшегося уже сра-

жения, доложил Сталину: командующий фронтом управляет войсками твердо, с задачей справится самостоятельно. И полностью передал инициативу в мои руки.

В ходе боев наш штаб держал самую тесную связь с Генеральным штабом, достаточно полно информируя его о положении на фронте.

Сражение на Курской дуге заставило меня снова задуматься и о месте командующего. Многие большие начальники придерживались взгляда, что плох тот командующий армией или фронтом, который во время боя руководит войсками, находясь большее время на своем командном пункте, в штабе. С таким утверждением нельзя согласиться. По-моему, должно существовать одно правило: место командующего там, откуда ему удобнее и лучше всего управлять войсками.

С самого начала и до конца оборонительного сражения я неотлучно находился на своем КП. И только благодаря этому мне удавалось все время чувствовать развитие событий на фронте, ощущать пульс боя и своевременно реагировать на изменения обстановки.

Я считаю, что всякие выезды в войска в такой сложной, быстро меняющейся обстановке могут на какое-то время отвлечь командующего фронтом от общей картины боя, в результате он не сумеет правильно маневрировать силами, а это грозит поражением. Конечно, вовсе не значит, что командующий должен всегда отсиживаться в штабе. Присутствие командующего в войсках имеет огромное значение. Но все зависит от времени и обстановки.

Нашему Центральному фронту 15 июля предстояло двинуться вперед своим правым флангом.

В этой операции, разработанной Ставкой, одновременно с Брянским фронтом, которым уже командовал не М.А. Рейтер, а генерал-полковник М.М. Попов, приняли участие и армии левого крыла Западного фронта — они наносили удар в южном направлении. Навстречу им на северо-запад, на Кромы, должны были наступать войска правого крыла Центрального фронта. Брянский фронт наносил два удара с задачей рассечения орловской группировки противника и охвата Орла с севера и юга.

Таким образом, замысел операции сводился к раздроблению вражеской группировки и уничтожению ее по час-

тям. Но при этом не было учтено, что такие действия чрезмерно рассредоточивают наши силы. Мне кажется, что было бы проще и вернее нанести два основных мощных удара с севера и юга на Брянск под основание орловского выступа. Но для этого надо было дать время, чтобы войска Западного и Центрального фронтов произвели соответствующую перегруппировку. В действительности же снова была проявлена излишняя поспешность, которая, по-моему, не вызывалась сложившейся обстановкой. В результате войска на решающих направлениях выступили без достаточной подготовки. Стремительного броска не получилось. Операция приняла затяжной характер. Вместо окружения и разгрома противника мы, по существу, лишь выталкивали его из орловского выступа. А ведь, возможно, все сложилось бы иначе, если бы мы начали операцию несколько позже, сконцентрировав силы на направлении двух мощных, сходящихся у Брянска ударов.

Мне кажется, что недостаточно было учтено и то обстоятельство, что на орловском плацдарме немецкие войска находились свыше года и успели создать здесь прочную, глубоко эшелонированную оборону. В последнее время орловская группировка противника значительно пополнилась соединениями, переброшенными с других участков фронта и с запада. Правда, эти войска понесли тяжелые потери во время наступления, но даже в таком состоянии они значительно усиливали оборону плацдарма. Чтобы поднять дух своих солдат, гитлеровское командование объединило войска 2-й танковой и 9-й армий, занимавших орловский выступ, под началом генерал-полковника Моделя, который пользовался особым доверием Гитлера и слыл непревзойденным мастером обороны, особенно после длительных боев на ржевско-вяземском плацдарме. К нам в руки попал приказ этого генерала в связи с вступлением в командование. Приказ начинался так: «Солдаты, я с вами!»

Перейдя в наступление своим правым флангом — все теми же 48, 13 и 70-й армиями, значительно ослабленными в тяжелых оборонительных боях, — войска Центрального фронта стали медленно продвигаться вперед, преодолевая упорное сопротивление гитлеровцев, умело использовавших свои хорошо оборудованные рубежи. Нам в буквальном смысле слова приходилось прогрызать одну позицию

за другой. Противник применял подвижную оборону: пока одни его части оборонялись, другие занимали новый рубеж в 5—8 километрах. Враг то и дело бросал в контратаки танковые войска, а их у него оставалось еще достаточно. Широко применял он маневр силами и средствами по внутренним линиям своей обороны.

С трудом продвигались вперед и войска Брянского и Западного фронтов. Прорвать оборону противника на всю глубину им не удавалось. Не под силу оказалось это и переданным из резерва Ставки 3-й гвардейской и 4-й танковым армиям.

Одна из этих армий — 3-я гвардейская танковая вскоре прибыла к нам для использования в направлении на Кромы. Командовал ею генерал П.С. Рыбалко, которого я знал с 1926 года: мне тогда довелось служить инструктором в Монгольской народной армии, а Рыбалко возглавлял в Улан-Баторе отдельный кавалерийский эскадрон при советском посольстве. Позже Павел Семенович был политработником, а потом, закончив соответствующие курсы, перешел на командную должность. Командиром он был хорошим, боевым и решительным. Но ни он, ни его подчиненные еще не успели оправиться после трудных боев на Брянском фронте. Именно поэтому, несмотря на все усилия, танкистам не удалось преодолеть сопротивление противника. Чтобы избежать неоправданных потерь, я обратился в Ставку с просьбой вывести танковую армию Рыбалко в резерв. Впоследствии гвардейцы-танкисты прославились выдающимися боевыми успехами, действуя в составе Воронежского фронта.

Наступление развивалось медленно. Тем не менее мы и войска соседнего Брянского фронта упорно, шаг за шагом продвигались вперед.

По сведениям партизан, подтверждавшимся показаниями пленных, противник продолжал перебрасывать на орловский плацдарм все новые соединения с других участков. Особенно он усиливал свои фланги, способствуя этим планомерному отходу войск, оборонявшихся в вершине выступа.

Общими усилиями трех фронтов — Западного и Центрального, наносивших удары с севера и юга, и Брянского, наступавшего с востока, — орловская группировка вражеских войск была разгромлена. 5 августа дивизии Брянского

фронта освободили Орел. А к 18 августа войска Центрального фронта во взаимодействии с Брянским фронтом изгнали гитлеровцев со всего орловского выступа и подошли к мощному вражескому рубежу «Хаген».

3 августа перешли в наступление войска Воронежского и Степного фронтов. 5 августа был освобожден Белгород. В ознаменование освобождения Орла и Белгорода вечером 5 августа в Москве был произведен первый в истории Великой Отечественной войны артиллерийский салют. Родина славила войска Центрального, Воронежского, Брянского, Западного и Степного фронтов, доблестно выполнивших свои боевые задачи.

Наступило время, когда руководимые Коммунистической партией советский народ и его Вооруженные Силы добились коренного перелома в ходе войны. Инициатива бесповоротно перешла в руки нашего командования.

Героическим трудом народа Красная Армия все в большей мере оснащалась вооружением и техникой. Совершенствовалась организационная структура войск. Выросли новые кадры опытных, закаленных в боях командиров и политработников. Весь народ горел желанием скорее победить ненавистного врага. После Курской битвы советские люди увидели: этот час приближается.

Подводя некоторые итоги оборонительного сражения на Курской дуге войск Центрального фронта, мне хочется отметить характерные моменты, о которых я и раньше упоминал, поскольку считаю их принципиальными и они меня всегда беспокоили. Первый из них — роль представителей Ставки. У нас был Г.К. Жуков. Прибыл он к нам вечером накануне битвы, ознакомился с обстановкой. Когда зашел вопрос об открытии артиллерийской контрподготовки, он поступил правильно, поручив решение этого вопроса командующему фронтом.

Утром 5 июля, в разгар развернувшегося уже сражения, он доложил Сталину о том, что командующий фронтом управляет войсками твердо и уверенно, и попросил разрешения убыть в другое место. Получив разрешение, тут же от нас уехал.

Был здесь представитель Ставки или не было бы его — от этого ничего не изменилось, а, возможно, даже ухудшилось. К примеру, я уверен, что если бы он находился в Москве,

то направляемую к нам 27-ю армию генерала С.Т. Трофименко не стали бы передавать Воронежскому фронту, значительно осложнив тем самым наше положение.

К этому времени у меня сложилось твердое убеждение, что ему, как заместителю Верховного Главнокомандующего, полезнее было бы находиться в Ставке ВГК.

Второй важный момент — отношения Генерального штаба со штабами фронтов. Считаю, что с нашей стороны поступала достаточно полная информация. Но вот некоторые работники Генерального штаба допускали излишнее дерганье, отрывали от горячего дела офицеров штаба фронта, в том числе и его начальника, требуя несущественные сведения или выясняя обстоятельства того или иного события в не установленное планом время.

В самой напряженной обстановке Малинин (начальник штаба фронта) трижды вызывался из Генштаба к проводу для сообщения о занятии противником малозначащей высоты на участке одного из полков 70-й армии. Я бы постеснялся по этому вопросу вызывать к проводу начальника штаба дивизии, не говоря уже об армии.

Нередко из Москвы, минуя штаб фронта, запрашивались сведения от штабов армий, что влекло за собой перегрузку последних, поскольку им приходилось отчитываться и перед непосредственным командованием. Узнав о подобных фактах, я вынужден был вмешаться и в решительной форме потребовать прекратить вредную практику.

Представителям крупных штабов нужно понимать и учитывать сложность обязанностей офицеров штабов более низкого звена, а также их чрезмерную занятость, особенно во время напряженного боя, и не отрывать от работы по мелочам.

Установленная форма (кто, когда, кому и о чем доносит) должна соблюдаться и не нарушаться в первую очередь высшими штабами.

Упоминая о наблюдавшейся тенденции со стороны Генерального штаба управлять или добывать сведения от войск, минуя командование фронта, должен сказать, что в этом была погрешна и Ставка. На третий день боя меня вызвал к проводу А.М. Василевский и сообщил, что командующий 70-й армией И.В. Галанин болен, так как не мог ему членораздельно доложить об обстановке на участке армии. Доложив Василевскому последние данные о положении 70-й ар-

мии, я счел нужным выехать туда лично. Прибыв в армию, никакой «крамолы» не нашел. Нормальным оказалось и здоровье Галанина.

В этом тоже было проявлено определенное недоверие, о котором я уже говорил, к командующему фронтом. Все эти тенденции особенно проявлялись со стороны представителей Ставки, находившихся при том или ином фронте.

Считаю, что такие вопросы, как разработка крупной стратегической операции с участием нескольких фронтов или отработка взаимодействия между ними, целесообразно рассматривать в Ставке путем вызова туда командующих соответствующими фронтами. Кстати, впоследствии так и делалось, что приносило существенную пользу.

Я увлекся рассуждениями и уклонился от событий на фронте. А они в первой половине июля складывались следующим образом. Пользуясь достигнутым успехом, без перегруппировки перейдя в контрнаступление, соединения 48, 13 и 70-й армий коротким ударом отбросили противника на его прежние позиции и вышли на рубеж, занимаемый ими до начала вражеского наступления.

Центральному фронту предстояло с 15 июля перейти в наступление своим правым флангом в общем направлении на Кромы и во взаимодействии с Брянским фронтом, который перешел в наступление 12 июля, ликвидировать противника в районе орловского выступа. В то же время войска Западного фронта наносили удар в южном направлении в целях отсечения вражеской группировки в районе Орла.

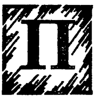
Таким образом, весь замысел сводился к раздроблению орловской группировки на части, но рассредоточивал и наши войска. Мне кажется, что было бы проще и вернее наносить два основных сильных удара на Брянск (один — с севера, второй — с юга). Вместе с тем необходимо было предоставить возможность войскам Западного и Центрального фронтов произвести соответствующую перегруппировку. Но Ставка допустила ненужную поспешность, которая не вызывалась сложившейся на этом участке обстановкой. Потому-то войска на решающих направлениях (Западного и Центрального фронтов) не сумели подготовиться в такой короткий срок к успешному выполнению поставленных задач и операция приняла затяжной характер. Происходило выталкивание противника из орловского выступа, а не его разгром. Становилось досадно, что со стороны Ставки были

проявлены торопливость и осторожность. Все говорило против них. Действовать необходимо было продуманнее и решительнее, то есть, повторяю, нанести два удара под основание орловского выступа. Для этого требовалось только начать операцию несколько позже.

Мне кажется, что Ставкой не было учтено и то обстоятельство, что на орловском плацдарме неприятельские войска (2-я танковая и 9-я армии) находились свыше года, что позволило им создать прочную, глубоко эшелонированную оборону.

Кроме того, к началу нашего наступления орловская группировка противника значительно усилилась.

БРОСОК ЗА ДНЕПР

Приказано готовиться к новой операции. Центральный фронт должен наступать в юго-западном направлении на Шостку, Бахмач, Нежин, Киев, форсировать реки Десну и Днепр и во взаимодействии с Воронежским фронтом овладеть Киевом. Разграничительная линия с соседом — станция Локинская, Терны, Красный Колядин, Ичня, Киев.

Общий замысел Ставки — разгромить вражеские силы на южном крыле советско-германского фронта, освободить всю Левобережную Украину, с ходу форсировать Днепр и захватить на его правом берегу плацдармы. Выполнение этой задачи возлагалось на войска пяти фронтов — Центрального, Воронежского, Степного, Юго-Западного и Южного.

На подготовку нам дали десять дней. Срок, конечно, явно недостаточный. Но откладывать наступление нельзя: всякое промедление враг использует для усиления своих войск и создания прочной обороны. А у нас уже имелись данные, что гитлеровцы спешно оборудуют мощный рубеж по рекам Днепр и Сож — часть так называемого Восточного вала. Белорусские и украинские партизаны сообщили, что на этом рубеже противник усиленно строит укрепления, подводит сюда войска. Значит, будет держаться крепко.

Мы ясно представляли себе, насколько трудна и ответственна задача, которую должны решить войска нашего фронта. А они еще не отдохнули после жарких боев на Курской дуге, не успели восполнить потерь. Надо было их обеспечить продовольствием, боеприпасами, фуражом и горючим. Все базы и склады мы старались приблизить к войскам. Начальник тыла генерал Антипенко и его аппарат

делали все возможное, чтобы в ходе наступления не было перебоев в снабжении. Должен сказать, что этот энергичный генерал ни разу не подвел нас. И сейчас мы верили, что тыл фронта справится с задачей.

Опираясь на опыт боев на Курской дуге, командование фронта и в наступлении большие надежды возлагало на широкий маневр силами. Так как нам предстояло форсировать такие крупные реки, как Десна, Сож и Днепр, начальник инженерных войск генерал Прошляков получил указание создать необходимый резерв переправочных средств.

26 августа Центральный фронт после некоторой перегруппировки начал наступление. Главный удар наносился на севском направлении войсками 65-й и 2-й танковой (сильно ослабленной) армий. Их продвижению должны были способствовать фланговые соединения 48-й и 60-й армий, примыкавшие к ударной группировке. Вместе с нами наступал наш левый сосед — Воронежский фронт. Его задача — разгромить противника в районе Харькова, а затем продвигаться на Полтаву, Кременчуг и захватить переправы на Днепре.

Наступавшую на главном направлении 65-ю армию генерала П.И. Батова мы усилили 4-м артиллерийским корпусом прорыва РВГК. В полосе войск Батова вводилась в бой 2-я танковая армия генерала С.И. Богданова. На этом направлении должны были действовать и основные силы 16-й воздушной армии.

Партизанская разведка передала нам сведения о вражеской обороне. Много ценных подробностей сообщили местные жители, пробравшиеся к нам через линию фронта. Наши летчики произвели фотосъемку неприятельских позиций. Все эти данные, так же как и показания пленных, свидетельствовали, что перед нами сильный, хорошо оборудованный рубеж. Занимали его войска 2-й немецкой армии. Передний край этих позиций проходил по рекам Сев и Сейм. Все населенные пункты были приспособлены к круговой обороне и превращены в узлы сопротивления.

Начиная наступление, мы учитывали все трудности, но, откровенно говоря, упорство противника превзошло наши ожидания. Несмотря на ураганный огонь нашей артилле-

рии и непрерывные удары с воздуха, гитлеровцы не только не покидали позиций, но и предпринимали яростные контратаки. Десятки танков, сопровождаемые густыми цепями автоматчиков и целыми эскадрильями самолетов, устремлялись навстречу нашим войскам. Бои на земле и в воздухе не стихали ни на минуту.

С утра 27 августа мы вынуждены были подкрепить пехоту частью сил 2-й танковой армии. Но в тот же день противник перебросил к Севску еще две пехотные и две танковые дивизии. Гитлеровцы дрались отчаянно, не считаясь с потерями. Войскам Батова каждый шаг стоил огромного труда. Но они настойчиво двигались вперед. К вечеру 65-я армия во взаимодействии с танкистами Богданова овладела Севском. А развить успех не удавалось. Вражеские контратаки следовали одна за другой. Поскольку мы наносили удар на сравнительно узком фронте, противник имел возможность быстро усиливать свои войска на этом направлении за счет ослабления других участков, короче говоря, делал то же, что и мы в оборонительном сражении на Курской дуге. Надо было лишить его этой возможности. На второй день нашего наступления я приказал командующему 60-й армией генералу И.Д. Черняховскому нанести вспомогательный удар частями его левого фланга, собрав для этого как можно больше сил.

Черняховский сразу понял мою мысль. Очень быстро он сосредоточил в районе предполагаемого удара несколько наиболее крепких дивизий, смело идя даже на известное оголение участков своего правого фланга. И вот войска Черняховского устремились вперед. Если на главном направлении наши части в результате тяжелых боев за четыре дня наступления продвинулись всего на 20—25 километров, то умело организованный Черняховским удар сразу принес более ощутимые результаты. Не встречая сильного противодействия противника, войска 60-й армии продвинулись далеко вперед. Используя наметившийся на этом направлении успех, мы немедленно начали усиливать армию Черняховского фронтовыми резервами, придали ей авиацию.

29 августа 60-я армия освободила Глухов. Стало совершенно ясно, что мы нашли слабое место в обороне против-

ника. Этим надо было воспользоваться, не теряя ни одного часа. Принимаю решение перенести главные усилия на левый фланг фронта. Как можно быстрее перегруппировываем туда силы и средства. 13-я армия снимается с правого фланга фронта и вводится в бой на стыке 65-й и 60-й армий. Сюда же перебрасывается и 2-я танковая армия.

А Черняховский, развивая наступление, к вечеру 31 августа продвинулся уже на 60 километров и расширил прорыв по фронту до сотни километров. Его войска приближаются к Конотопу. Мы уже на территории Украины.

Мобилизуем весь фронтовой автотранспорт для переброски войск и техники в район прорыва. Снова помог опыт, приобретенный в оборонительном сражении под Курском. Научились мы быстро маневрировать силами. Сейчас это получилось у нас лучше, чем у противника. Немцы поняли, какую угрозу для них создает продвижение наших войск на конотопском направлении, и стали спешно перебрасывать сюда свои резервы. Но лавину наших войск враг остановить уже не смог.

Надо сказать, что немецко-фашистское командование стало все чаще допускать просчеты. Вот и сейчас оно не разобралось вовремя в обстановке и не успело парировать удар.

Быстрое продвижение наших войск на конотопском направлении способствовало и успеху на участках 65-й, а затем и 48-й армий. Теперь весь Центральный фронт двинулся вперед. Опрокидывая противника, армия Батова с каждым днем наращивала темпы наступления. Войска ее преодолели Брянские и Хинельские леса и к 5 сентября прошли 125 километров на запад. Армия захватила много пленных. В числе трофеев — орудия, танки, оружие и другое военное имущество.

Начала продвигаться и 48-я армия, взаимодействуя с 65-й слева и левофланговыми частями Брянского фронта справа.

Впереди Десна — широкая водная преграда, которую враг пытался использовать как рубеж обороны. Нужно было во что бы то ни стало не дать его войскам закрепиться здесь. Отдаю приказ Батову — ускорить продвижение, с ходу форсировать реку и во взаимодействии с 48-й армией овладеть Новгород-Северским.

На главном направлении 13-я армия под командованием генерала Н.П. Пухова тоже достигла Десны. Она получила задачу наступать вдоль левого берега реки и форсировать ее южнее Чернигова, чтобы после двинуться к Днепру, преодолеть его с ходу и захватить плацдарм на западном берегу в районе Чернобыль, устье реки Тетерев.

Войска 60-й армии, преследуя разбитого противника, сминая его части, пытавшиеся остановить наше продвижение, 6 сентября овладели Конотопом, еще через три дня — Бахмачем. Южнее этого города были окружены и после двухдневного боя разгромлены четыре вражеские пехотные дивизии. 15 сентября после короткого боя войска Черняховского освободили Нежин. Дорога на Киев была открыта.

В это время правофланговые армии соседа слева — Воронежского фронта вели еще бои на рубеже Ромны, Лохвица, отстав от нашего левого крыла на 100—120 километров. Между войсками двух фронтов образовался огромный разрыв. Черняховский был вынужден часть сил выделить для обеспечения растянувшегося фланга, ослабляя этим свою ударную группировку.

Дело, конечно, неприятное. Но с другой стороны, такое глубокое продвижение 60-й и 13-й армий на черниговском и киевском направлениях открывало перед нами заманчивые перспективы: мы могли нанести удар во фланг вражеской группировке, которая вела бои против войск правого крыла Воронежского фронта и сдерживала их продвижение. Тем самым мы не дали бы врагу отводить войска за Днепр, способствовали бы продвижению соседа, возможно, совместными усилиями нам удалось бы овладеть Киевом. Мое предложение обсуждалось, но не было принято. Больше того, мне выразили неудовольствие, что Черняховский с моего разрешения занял Прилуки, которые находились за пределами нашей разграничительной линии.

В связи с тем что наш левый фланг все более растягивался, по моей просьбе Ставка передала нам из своего резерва 61-ю армию генерала П.А. Белова, которую мы вскоре ввели между 65-й и 13-й армиями на черниговском направлении. Это позволило значительно сузить полосу наступления 60-й армии, что ускорило ее продвижение к Киеву. Я побывал у Черняховского после того, как его

войска освободили Нежин. Солдаты и офицеры переживали небывалый подъем. Они забыли про усталость и рвались вперед. Все жили одной мечтой — принять участие в освобождении столицы Украины. Такое настроение, конечно, было и у Черняховского. Все его действия пронизывало стремление быстрее выйти к Киеву. И он многого достиг. Войска 60-й армии, сметая на своем пути остатки разгромленных вражеских дивизий, двигались стремительно, они уже были на подступах к украинской столице.

Каково же было наше разочарование, когда во второй половине сентября по распоряжению Ставки разграничительная линия между Центральным и Воронежским фронтами была отодвинута к северу и Киев отошел в полосу соседа! Нашим главным направлением теперь становилось черниговское.

Я счел своим долгом позвонить Сталину. Сказал, что не понимаю причины такого изменения разграничительной линии. Ответил он коротко: это сделано по настоянию товарищей Жукова и Хрущева, они находятся там, им виднее. Такой ответ никакой ясности не внес. Но уточнять не было ни времени, ни особой необходимости.

Наступление развивалось успешно. Наши войска с ходу форсировали Десну, 21 сентября овладели Черниговом. А 13-я армия уже подошла к Днепру и 22 сентября начала его форсировать на участке Мнево, Чернобыль, Сташев севернее Киева. Преодолевая сопротивление врага, используя все захваченные на берегу лодки, плоты, бочки, солдаты под руководством опытных и решительных командиров приступили к преодолению водной преграды на широком фронте. Форсирование обеспечивалось хорошо организованным артиллерийским огнем с берега. Орудия били и навесным огнем, и прямой наводкой. Стреляли и танки, подошедшие к берегу. Штурмовая и истребительная авиация поддерживала наземные войска ударами с воздуха. Передовые подразделения пехоты, быстро переправившись на противоположный берег, зацепились за него, отражая атаки противника, пытавшегося сбросить их в реку. Вместе с пехотинцами переправились через Днепр артиллерийские офицеры. Теперь они с плацдарма корректировали огонь батарей. Под прикрытием передовых отрядов на правый

берег переправлялось все больше людей. Накапливание наших войск на плацдарме шло быстро. Застигнутый врасплох противник не успевал перебрасывать сюда силы, достаточные для противодействия переправе.

По мере накапливания на плацдарме отрядов, частей, а затем и соединений со средствами усиления войска устремлялись вперед, расширяя захваченную территорию. 23 сентября 13-я армия уже занимала на западном берегу плацдарм глубиной 35 и шириной 30—35 километров.

Южнее форсировали Днепр войска 60-й армии на участке устье реки Тетерев, Дымер. К 30 сентября мы и здесь имели плацдарм глубиной 12—15 и шириной 20 километров. Черняховский получил от меня указание углубить захваченный район, наступая на запад и юго-запад в обход Киева. Но командарма, словно магнит, притягивал Киев. И он главный удар направил на юг, вдоль Днепра. Черняховский упустил из виду, что противнику легче всего было организовать отпор как раз на этом направлении, чему способствовали и особенности местности и близость города, откуда враг бросал в бой все силы, какие там только имелись.

Стремление Черняховского продвинуться ближе к Киеву помешало армии углубить плацдарм. Несколько дней было потеряно в бесплодных атаках. Враг воспользовался этой задержкой, подтянул силы на угрожаемое направление и остановил продвижение наших частей. Не удалось расширить плацдарм и вдоль берега.

Севернее 13-й армии на черниговском направлении развивала наступление 61-я армия. На плечах противника она преодолела реку Снов, подошла к Днепру и частью сил форсировала его, захватив небольшой плацдарм на западном берегу в районе Нивки, Глушец.

65-я и 48-я армии переправились через Десну и вели бои на гомельском направлении, преодолевая все усиливавшееся сопротивление врага, а он старался использовать лесные массивы, заболоченные пространства и сплошные болота, которыми изобиловала местность. На долю этих армий выпала тяжелая задача, войска героически выполняли ее, напрягая все усилия, чтобы быстрее преодолеть тяжелую полосу. Это им удалось лишь к концу сентября. Именно тогда

65-я армия подошла к реке Сож севернее Гомеля, почти одновременно с ней вышла к реке и 48-я армия.

Итак, к концу сентября войска правого крыла Центрального фронта на всем протяжении достигли реки Сож и готовились к ее форсированию, а войска левого крыла — 61, 13 и 60-я армии — к этому времени захватили и прочно удерживали плацдармы на западном берегу Днепра.

Задача, поставленная Ставкой, была выполнена полностью.

Быстрое продвижение войск нашего левого крыла на киевском направлении заставило противника поспешно отводить свои дивизии, действовавшие против Воронежского фронта. Это, конечно, сильно помогло соседу. И все-таки жаль, что нам не разрешили нанести удар во фланг и тыл вражеским войскам, используя нависающее положение частей 60-й армии. В этом случае мы смогли бы не только более эффективно помочь соседу, но и не дали бы противнику отвести войска за Днепр.

5 октября Ставка приняла решение о передаче 13-й армии Пухова и 60-й Черняховского с занимаемыми ими участками Воронежскому фронту.

В разговоре со мной по ВЧ Сталин сказал, что Центральный фронт свою задачу выполнил. Теперь наш фронт переименовывался в Белорусский и на него возлагались новые задачи.

Неудавшиеся попытки Воронежского фронта наступать с небольшого букринского плацдарма в излучине Днепра южнее Киева вынудили Ставку приостановить здесь боевые действия, чтобы дать войскам возможность лучше подготовиться к операции более широкого масштаба, чем только освобождение Киева. И это решение было абсолютно правильным. Войска прошли огромное расстояние, устали, сильно растянулись, тылы отстали. Ставка отвела время на перегруппировку сил, подтягивание тылов и техники, чтобы фронт лучше подготовился к новому наступлению.

Начали готовиться к решению новых задач и мы. Работа эта велась на ходу: войска не прекращали наступления.

Забот хватало всем. Но, пожалуй, больше всего доставалось работникам тыла. Все наши базы, госпитали, склады, ремонтные пункты до этого были сосредоточены вдоль железнодо-

рожной магистрали Курск — Льгов — Конотоп — Бахмач. Теперь все это огромное хозяйство надо было передислоцировать на север, на гомельское направление. И перебросить быстро, чтобы не повторилось то, что было перед Курской битвой. А осенняя распутица привела в негодность грунтовые дороги, на автотранспорт надеяться было нельзя. Пропускная способность рокадных железных дорог, сильно пострадавших во время боев, была очень низкой.

Весь Военный совет занимался транспортной проблемой. Подсчитали, что нам нужно перебросить в первую очередь. Цифры получались внушительные. 7500 вагонов имущества — свыше 200 поездов! И это без учета текущих потребностей войск, ведущих бой. А они все время требовали боеприпасов, продовольствия, горючего.

Наше счастье, что в управлении тыла фронта у нас подобрались опытные, знающие свое дело работники. С чувством восхищения и благодарности вспоминаю генералов И.М. Карманова — начальника штаба, Н.К. Жижина — интенданта фронта, А.Г. Чернякова — начальника военных сообщений, А.Я. Барабанова — начальника медицинского управления, Н.М. Шнайдера — начальника ветеринарной службы, полковников Н.И. Ложкина — начальника отдела горюче-смазочных материалов, П.С. Вайзмана — начальника автомобильного управления. Они и сотни, тысячи их подчиненных трудились неутомимо. Это был большой и дружный коллектив, умело руководимый начальником тыла генералом Н.А. Антипенко, которому оказывал большую помощь член Военного совета фронта генерал М.М. Стахурский.

План передислокации тылов тщательно разрабатывался и энергично осуществлялся под руководством Военного совета фронта. И надо сказать, эта задача была решена успешно, несмотря на все трудности.

Война наложила тяжелый отпечаток на экономическую жизнь страны. Заготовительным органам было трудно справиться с необычайно возросшим объемом работы. И войскам пришлось взять на себя часть их функций. Центр возложил на нас задачу помочь местным органам в заготовке продовольствия и фуража. Мы сами понимали, что без этого не обойтись. Почти все мужчины, способные

носить оружие, ушли сражаться с врагом. В колхозах и совхозах остались женщины, старики и подростки. Трудились они героически, но все-таки недостаток рабочих рук не всегда удавалось восполнить. В конце лета мы выделили 27 тысяч солдат под командованием 250 офицеров для работы на колхозных и совхозных полях в Орловской, Сумской, Черниговской, а позже и Гомельской областях. Они помогали в уборке. 2000 машин, выделенных фронтом, возили обмолоченный хлеб на мельницы, а оттуда на фронтовые склады.

Сами мы заготавливали и мясо в Балашовской, Пензенской и Саратовской областях. Это за 600—1000 километров от наших войск. 75 000 голов крупного рогатого скота выделили колхозы и совхозы для Центрального фронта. Скот перегоняли гуртами — железнодорожный транспорт был перегружен другими перевозками. Сотням солдат пришлось на долгое время превратиться в гуртоправов.

Конечно, все это еще более усложнило работу нашего тыла. Спасибо местным властям, партийным и комсомольским организациям, колхозникам и колхозницам, рабочим и работницам совхозов — они не жалели сил, чтобы помочь фронту. Наши представители всюду находили самую горячую поддержку. И эта совместная работа по заготовке продовольствия для фронта еще более укрепила боевую дружбу советских тружеников и воинов.

НА БЕЛОРУССКОЙ ЗЕМЛЕ

В связи с предстоящей передачей Воронежскому фронту 13-й и 60-й армий встал вопрос о фронтовых средствах усиления, которые находились на направлении действий этих войск, наносивших главный удар. Отдать мы их не могли, так как без них нельзя было приступить к выполнению новой задачи. С другой же стороны, было очень жалко ослаблять эти армии. Сейчас бы, не теряя времени на перегруппировки, использовать выгодное положение войск Пухова и Черняховского на западном берегу Днепра, подкрепить их танками и артиллерией и ударить по Киеву с севера, пока враг не успел подтянуть сюда большие силы...

Из Москвы позвонил генерал А.И. Антонов, сказал, что Ставка интересуется моим мнением: следует ли сейчас производить салют в честь войск фронта, форсировавших Днепр?

Я ответил, что, по-моему, с салютом надо подождать: незачем раньше времени настораживать гитлеровское командование. А вот об ударе на Киев не мешало бы еще раз подумать. Антонов порекомендовал мне доложить свои соображения непосредственно Верховному Главнокомандующему. Я тут же это сделал. Сталин ответил, что вопрос о действиях войск на киевском направлении, как известно, уже решен и пересматривать его поздно, фронтовые же средства остаются в нашем распоряжении, а Пухову и Черняховскому надлежит оставить лишь штатные средства, забота об этих армиях с момента их передачи возлагается на Воронежский фронт.

— Что же касается салюта, — сказал в заключение товарищ Сталин, — то тут вы правы — лучше будет его ненадолго отложить...

Мы расстались с прекрасными командирами Черняховским и Пуховым и их войсками. Вместо них из расформированного Брянского фронта к нам перешли со своими полосами три армии — 50-я под командованием генерала И.В. Болдина, 3-я — генерала А.В. Горбатова и 63-я — генерала В.Я. Колпакчи.

К тому времени эти армии, преследуя вражеские войска, достигли реки Сож и с боями форсировали ее, захватив несколько плацдармов на западном берегу. Таким образом, они, по существу, поравнялись с правым флангом нашего фронта. Поэтому мы могли обойтись без кружных перебросок войск. Главное было не дать передышки противнику.

Войска нашего фронта уже вели бои на белорусской земле. Людей не надо было подгонять: все дрались самоотверженно, стремясь быстрее изгнать фашистских оккупантов за пределы родной страны.

А наступать было все труднее. После тяжелых боев части поредели. Пополнение мы получали из госпиталей — выздоровевшие раненые возвращались в свои части. Значительный приток людей давал также призыв в армию граждан, проживавших на освобожденной территории. Войска все лучше оснащались вооружением и техникой, но людей по-прежнему не хватало.

Приступая к операции по освобождению Белоруссии, мы перегруппировали силы ближе к центру фронта. Наш командный пункт перебазировался в Ново-Белицу, на гомельское направление. Здесь же разместились правительство и ЦК Компартии Белоруссии.

Быстро установили связь с новыми войсками, перешедшими в состав фронта. Мы с К.Ф. Телегиным отправились знакомиться с армиями на месте. Член Военного совета фронта П.К. Пономаренко с М.С. Малининым приступили к установлению связи с партизанами Белоруссии. Народные мстители представляли большую силу, и нам нужно было разработать с ними план совместных боевых действий в операции. В этом нам оказывал неоценимую помощь П.К. Пономаренко, как

начальник Центрального штаба партизанского движения и Первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии.

К дню нашего прибытия в 50-ю армию ее части вели бой, форсируя реку Сож и расширяя захваченные плацдармы на западном берегу, где они овладели Кричевом, Чериковом и еще многими населенными пунктами. На правом фланге войска форсировали реку Проня и сражались с немецкими частями, предпринимавшими контратаки с могилевского направления. Несмотря на большой некомплект, армия была сильной, хотя и ощущался острый недостаток в артиллерийских боеприпасах, что отражалось на темпах продвижения войск.

3-я армия А.В. Горбатова тоже вела бои за расширение плацдармов на западном берегу реки Сож. До этого войска с тяжелыми боями одолели большое расстояние по труднопроходимой местности. Люди устали, части и соединения сильно поредели, но боеспособность их была еще высокой, а одержанные успехи вдохновляли бойцов и командиров. Командарм и его штаб были на высоте своего положения. Они понимали, что о передышке в этих условиях думать нечего.

Александр Васильевич Горбатов — человек интересный. Смелый, вдумчивый военачальник, страстный последователь Суворова, он выше всего в боевых действиях ставил внезапность, стремительность, броски на большие расстояния с выходом во фланг и тыл противнику. Горбатов и в быту вел себя по-суворовски — отказывался от всяких удобств, питался из солдатского котла.

Суворовские принципы помогали ему воевать. Но подчас А.В. Горбатов понимал их чересчур прямолинейно, без учета изменившихся условий. В наше время не так-то просто выйти во фланг и тыл противнику, когда армии стали массовыми, а фронты сплошными. Для прорыва вражеских позиций уже бывает недостаточно сил одной армии, приходится прибегать к операциям огромного масштаба, в которых участвуют одновременно несколько фронтов. И сейчас вот проводилась такая широкая операция, в которой армии Горбатова выпала довольно скромная роль действовать на второстепенном участке и отвлекать на себя силы врага, когда главная группировка фронта будет наносить удар на решающем направлении.

Горбатов — старый командир, получив приказ наступать, прилагал все силы, чтобы выполнить задачу. Но обстановка складывалась так, что его старания не приводили к тем результатам, которых ему хотелось бы достичь. И тогда командарм со всей своей прямотой заявил, что его армия командующим фронтом используется неправильно. Я прочитал его жалобу и направил в Ставку.

Поступок Александра Васильевича только возвысил его в моих глазах. Я убедился, что это действительно солидный, вдумчивый военачальник, душой болеющий за порученное дело. Так как ответа из Ставки не последовало, я сам решился, в нарушение установившейся практики, раскрыть перед командармом все карты и полностью разъяснить ему роль его армии в конкретной обстановке. Александр Васильевич поблагодарил меня и заверил, что задача будет выполнена наилучшим образом.

Однако жалоба генерала Горбатова, которую я переслал в Ставку, по-видимому, все же сыграла свою роль. Вскоре Ставка стала полнее информировать всех нас о своих замыслах и месте наших войск в осуществлении этих планов.

А командарм Горбатов и на второстепенном участке фронта сумел показать себя. Улучив момент, возглавляемая им 3-я армия внезапным ударом опрокинула противника и на его плечах форсировала Днепр. Но об этом речь будет позже.

Нашим слабым местом стала доставка боеприпасов. Коммуникации растянулись. Железные дороги, разрушенные противником, еще не были восстановлены. Тыл фронта не поспевал за стремительным движением войск. Подвоз боеприпасов был весьма скудный, а то количество, что мы успевали подбросить нашим фронтовым транспортом, в первую очередь направлялось войскам левого крыла, где наносился главный удар.

К великому своему огорчению, ставя А.В. Горбатову задачу на активные действия, я не мог порадовать его обещанием дать армии необходимое количество снарядов и мин. Армии предстояло ограничиться прежним «голодным пайком». А обстановка вынуждала ее продолжать активные действия, чтобы отвлекать на себя вражеские силы и этим обеспечить наступление войск на главном направлении.

63-я армия генерала В.Я. Колпакчи готовилась к форсированию реки Сож. Преодолеть ее с ходу не удалось. Усталость войск чувствовалась и здесь. Но настроение людей было боевое. Они сознавали, что впереди много трудностей, и деятельно готовились к новым боям. Армия в целом произвела на меня хорошее впечатление.

На главном направлении, где были сосредоточены основные усилия фронта, 48-я армия П.Л. Романенко вела тяжелые бои непосредственно у Гомеля, который противник превратил в сильный опорный пункт. Во взаимодействии с 65-й армией, наступавшей южнее Гомеля, войскам Романенко удалось форсировать Сож, и сейчас они с трудом расширяли захваченный плацдарм.

65-я армия П.И. Батова тоже застряла здесь, в междуречье Сож — Днепр, ведя упорные бои в тяжелых условиях болотисто-лесистой местности. Противник понимал, чем грозит его гомельской группировке наступление наших войск в междуречье, и непрерывно усиливал этот участок новыми частями.

Задержка с продвижением у Гомеля вынуждала нас срочно искать выход. И мы его нашли. Решили перенести удар еще южнее, а в междуречье оставить только части 48-й армии, которым своими активными действиями предстояло сковать здесь как можно больше сил противника, а 65-й армии во взаимодействии с 61-й нанести удар ниже по течению Днепра на участке Лоев, Радуль.

Это решение с воодушевлением было воспринято П.И. Батовым, и он немедленно приступил к делу. Требовалось скрытно вернуть войска армии с западного берега реки Сож на восточный, передвинуть их в новый район и приступить к форсированию Днепра. На подготовку ему отводилось всего шесть суток — больше мы дать не могли: дорог был каждый час. И войска уложились в этот крайне сжатый срок. Командарм П.И. Батов, начальник штаба армии И.С. Глебов, член Военного совета армии Н.А. Радецкий — люди пытливые и неутомимые — всесторонне продумали смелый маневр войск. Чтобы скрыть от врага перегруппировку, командарм один корпус оставил в междуречье с задачей побольше тревожить гитлеровцев, привлекать к себе их внимание. 19-й

стрелковый корпус, возглавляемый генералом Д.И. Самарским, блестяще выполнил эту задачу.

От действий 65-й армии теперь зависел успех всего фронта. Поэтому мы ей придали все фронтовые средства усиления. Чтобы отвлечь внимание противника от направления нашего главного удара, 50-я и 3-я армии получили приказание 12 октября перейти в наступление на своих участках. С болью в сердце ставил я им эти задачи, зная ограниченные средства, которыми располагали Болдин и Горбатов, но это было необходимо в общих интересах, и нужно было сознательно идти на некоторые жертвы.

Как мы и предвидели, наступление 50-й и 3-й армий вначале имело небольшой успех, но уже на третий день противник, подбросив на это направление дополнительные силы, перешел в контрнаступление и оттеснил наши части на их исходный рубеж. К счастью, попытки врага развить успех были сорваны. Не добились перелома и войска 63-й армии. Расширить захваченный ими плацдарм на западном берегу реки Сож севернее Гомеля им не удалось; они еле удерживали его, отражая яростные вражеские атаки.

Зато начавшееся 15 октября наступление войск 65-й армии на лоевском направлении сразу принесло успех. Несмотря на сопротивление противника, занимавшего выгодные позиции на высоком западном берегу Днепра, наши части форсировали реку, овладели Лоевом, этим сильным опорным пунктом гитлеровцев, и неудержимо двинулись вперед. Тронулись и части 61-й армии, действовавшие южнее на западном берегу Днепра.

Активные действия войск правого крыла фронта, сковавшие значительные силы противника, лишили его возможности перебросить свои части на лоевское направление, чтобы предотвратить прорыв. Теперь же, когда создалась угроза выхода наших войск в тыл всей гомельской группировке немцев, враг вынужден был начать отвод своих частей, действовавших в междуречье Сож — Днепр. Воспользовавшись этим, войска 48-й армии, опрокидывая вражеские отряды прикрытия, значительно продвинулись вперед. А 19-й стрелковый корпус Самарского форсировал Днепр севернее Лоева и устремился на Речицу, обеспечивая правый фланг своей 65-й армии. Улучшила свое положение

на западном берегу Днепра и 61-я армия, перебросив туда основные силы с восточного берега.

Учитывая тяжелые условия местности, пересеченной крупными реками, сильно укрепленные вражеские оборонительные рубежи, в том числе и пресловутый Восточный вал, овладение плацдармом на западном берегу Днепра шириной 40 и глубиной до 20 километров было большим успехом войск левого крыла нашего фронта. Сейчас этот плацдарм нависал над всей гомельской группировкой противника, и тот вынужден был стягивать сюда силы с других участков, ослабляя там оборону. Гитлеровцам удалось задержаться на второй полосе своих укреплений, проходившей на удалении 20—25 километров от Днепра. С ходу преодолеть этот рубеж наши войска не смогли. А противник начал предпринимать контратаки все увеличивающимися силами с целью восстановить здесь положение. Разведывательные данные подтверждали, что вражеский рубеж сильно укреплен.

Принимаем решение временно приостановить наступление. 65-й и 61-й армиям приказываю прочно закрепиться на достигнутом рубеже, введя в первый эшелон все свои дивизии. Тем временем перебрасываем на лоевский плацдарм фронтовые резервы — 1-й Донской гвардейский танковый корпус М.Ф. Панова, 9-й танковый корпус Б.С. Бахарова, кавалерийские корпуса В.В. Крюкова и М.П. Константинова, артиллерийский корпус прорыва Н.В. Игнатова. 48-я армия продолжает переправу своих основных сил на западный берег Днепра, улучшая исходное положение для наступления на Речицу. 11-я армия И.И. Федюнинского, переданная нам из резерва ВГК, совместно с 63-й армией готовится нанести удар севернее Гомеля в направлении на Жлобин.

Основной удар по-прежнему наносится войсками левого крыла фронта, где сосредоточиваем основные силы и средства. Задача — наступая с лоевского плацдарма, прорвать вражескую оборону, овладеть Речицей, Василевичами, Калинковичами и выйти в тыл гомельской группировке противника. Ориентировочный срок начала наступления ударной группировки — 10 ноября. К этому времени должна быть проведена тщательная подготовка операции. Самые

большие трудности были по-прежнему со снабжением, особенно боеприпасами.

Это решение разрабатывалось усилиями большого коллектива. Вначале расчеты были произведены штабом фронта. Самое непосредственное участие в планировании операции приняли члены Военного совета Пономаренко и Телегин, начальник штаба Малинин, командующие родами войск Казаков, Орел, Прошляков, Максименко и Антипенко. Затем задачи отрабатывались с командующими армиями, которые были собраны на КП генерала Батова. Такая система подготовки к операции у нас строго выдерживалась, конечно, если позволяло время.

Между тем боевые действия на нашем фронте не прекращались. Шли бои за удержание и расширение плацдармов, за улучшение исходного положения для предстоящего наступления.

К этому времени войска соседнего с нами Западного фронта, продолжая успешно продвигаться вперед, достигли рубежа Ленино, Брибин. Здесь они встретили организованное сопротивление противника и вынуждены были остановиться.

Войска соседа слева — 1-го Украинского фронта (так стал называться Воронежский фронт) вели тяжелые бои на подступах к Киеву. Противник упорно отражал все попытки прорвать его оборону.

Перед нашим Белорусским фронтом действовали немецкие войска группы армий «Центр» (4, 9 и 2-я армии), выполнявшие задачу гитлеровского командования — не допустить прорыва Восточного вала. Мы уже убедились в прочности этого рубежа. В лоб его взять было трудно. Тут требовался смелый маневр и умение обмануть противника. Так как инициатива находилась в наших руках, мы могли идти на риск, демонстрируя сосредоточение сил на одном участке фронта, в то время как готовили удар совсем на другом направлении. Мы так и поступали. 11-я армия И.И. Федюнинского вместе с войсками В.Я. Колпакчи непрерывно атаковала противника севернее Гомеля, приковывая к этому участку его внимание. А основной удар нами уже был подготовлен с лоевского плацдарма.

Накануне наступления вместе со мной на КП 65-й армии в Лоев прибыли командующие родами войск фронта и

командующий 16-й воздушной армией С.И. Руденко. Еще раз просмотрели план операции. Поскольку решающий удар наносился на участке 65-й армии, я принял решение танковые корпуса и кавалерию на первом этапе операции подчинить командарму П.И. Батову, предоставляя этим ему еще больше самостоятельности и инициативы. Я со своими помощниками буду находиться здесь же, чтобы в нужную минуту помочь, внести необходимые коррективы.

10 ноября войска двинулись вперед. В первый же день оборона противника была прорвана. На второй день в прорыв вошли танковые и кавалерийские корпуса. Взаимодействуя, они стремительно продвигались, уничтожая вражеские части, пытавшиеся сопротивляться на некоторых участках. Успешно действовали и войска 48-й армии, наступавшие вдоль западного берега Днепра на Речицу. Батов принял смелое решение: завернул вырвавшиеся вперед две стрелковые дивизии и две танковые бригады корпуса Панова в тыл гитлеровцам, оборонявшимся в Речице. В результате этого неожиданного для противника удара город был освобожден с незначительными для нас потерями.

Развивая успех, 48-я армия частью сил форсировала Березину при ее впадении в Днепр и закрепилась на плацдарме южнее Жлобина.

П.И. Батов, умело используя высокую подвижность танковых и кавалерийских корпусов, гнал противника на запад, в полесские леса и болота. Преследуя врага, не останавливались и войска 61-й армии П.А. Белова. Они уже приближались к Мозырю. Неприступный Восточный вал, который гитлеровская пропаганда воспевала на все голоса, был прорван войсками левого крыла Белорусского фронта на протяжении 120 километров.

Враг упорно сопротивлялся, стремясь во что бы то ни стало задержать наше наступление. От бойцов и командиров требовалось большое мужество, стремительность и широкая инициатива. Эти качества наших воинов раскрылись в те дни с наибольшей полнотой. Особенно хорошо действовали танкисты.

Приведу один из множества примеров. Танкисты корпуса Б.С. Бахарова совместно с 65-й армией прорывали оборону противника на западном берегу Днепра. Танковый взвод

лейтенанта Александра Степановича Паланского вырвался вперед. Позади него наших войск не было, но танкистов это не смутило. Уничтожая гитлеровцев огнем и гусеницами, они ворвались в поселок Городок, оборонявшийся гарнизоном, насчитывавшим более пятисот фашистских солдат.

Ошеломленные внезапным появлением советских танков, гитлеровцы прекратили сопротивление и бежали, оставив на месте четыре тяжелых орудия и другое оружие. Продолжая выполнять задачу, лейтенант Паланский атаковал следующий населенный пункт — Стародубки, уничтожив здесь свыше двухсот гитлеровцев. Захватив несколько минометов с тридцатью ящиками мин, танкисты использовали их против врага. Взвод удерживал населенный пункт до подхода основных сил танковой бригады, отразив четыре контратаки немцев.

За этот подвиг, сыгравший большую роль в прорыве обороны противника, лейтенант Паланский был удостоен звания Героя Советского Союза.

Выход ударной группировки фронта в глубокий тыл неприятельских войск, оборонявшихся в районе Гомеля, удачные действия 3-й армии Горбатова, нанесшей внезапный удар справа в направлении на Быхов, и сильный нажим на противника в центре частями 63-й и 11-й армий вынудили гомельскую группировку врага к поспешному отходу. 26 ноября Гомель, крупный областной центр Белоруссии, был полностью освобожден от противника.

К концу ноября, за двадцать дней наступления, войска фронта, нанеся тяжелое поражение противнику, отбросили его на 130 километров, освободив значительную территорию Белоруссии.

Важным результатом Гомельско-Речицкой операции Белорусского фронта явилось то, что она содействовала успеху соседа — 1-го Украинского фронта, проводившего в этот период большое наступление на киевском направлении. Скованный войсками нашего фронта, противник не смог перебросить в район Киева из Белоруссии ни одной дивизии.

В ходе всей операции мы поддерживали тесную связь с белорусскими партизанами, которые самоотверженно выполняли наши задания. Они взрывали мосты в тылу вра-

жеских войск, разрушали железнодорожные пути, уничтожали склады горючего и боеприпасов, указывали цели для ударов нашей авиации, снабжали нас ценнейшими сведениями о противнике.

Выполнив основную задачу — осуществив прорыв главного оборонительного рубежа противника, войска фронта повели бои за выгодные рубежи, с которых предстояло начать решительное сражение за освобождение всей Белоруссии. Однако подходил момент, когда нужно было уже думать о перерыве в наступательных действиях: войска выдыхались. Впереди же предстояли тяжелые бои, и к ним следовало солидно подготовиться — наладить коммуникации, сократить до минимума время на подвоз боеприпасов, навести разрушенные переправы через крупные реки. Враг, отступая, делал все, чтобы затруднить продвижение наших войск. Гитлеровцы пускали специальные поезда, которые ломали пополам каждую шпалу. Рельсы, насыпи, мосты разрушали взрывчаткой. А вокруг — сплошные болота. Чтобы продвигать технику, требовалось прокладывать гати, вырубать просеки, наводить мосты через многочисленные речки, заболоченные поймы.

С выходом 3, 63 и 11-й армий на Днепр значительно сократилась протяженность фронта на правом крыле. Учитывая это, Ставка решила вывести 11-ю армию в свой резерв.

Меня вызвал к аппарату Сталин. Спросил, нет ли у меня на примете хорошего командарма, который мог бы возглавить армию под Ленинградом. И подчеркнул, что я, по-видимому, понимаю, как это важно. Не задумываясь, я назвал фамилию генерала И.И. Федюнинского. Сталин, поблагодарив меня, приказал немедленно направить Ивана Ивановича самолетом в Москву.

Федюнинского я знал по совместной службе перед войной в Киевском Особом военном округе. Мы там командовали корпусами: он — стрелковым, я — механизированным. Вместе участвовали в полевых поездках и военных играх, отрабатывая вопросы взаимодействия на общем направлении. И в войну мы вступили вместе. Рекомендуя этого безусловно талантливого военачальника, превосходного организатора, мастера вождения войск на ответственный и важный участок фронта, я был уверен, что Иван

Иванович именно тот кандидат, который требуется. И в этом я не ошибся.

В декабре войска Белорусского фронта продолжали бои местного значения, улучшая свое исходное положение. На правом крыле 50-я армия И.В. Болдина левым флангом продвинулась к Днепру у Ново-Быхово, основные же ее силы находились на восточном берегу Днепра. Развернутые фронтом на север, они перехватывали междуречье Проня — Днепр и поддерживали связь в районе Чаус с 10-й армией Западного фронта. 3-я армия А.В. Горбатова готовилась к форсированию Днепра с целью захватить плацдарм и овладеть Рогачевом. 48-я армия П.Л. Романенко закреплялась на северном берегу Березины южнее Жлобина, отражая попытки противника сбросить ее войска с плацдарма.

Войска 65-й и 61-й армий продвигались на мозырско-калинковичском направлении. Особого успеха добились части Батова на своем правом фланге: они уже приближались к Паричам.

Наш сосед слева — 1-й Украинский фронт после трех неудачных попыток нанести главный удар с букринского плацдарма южнее Киева наконец отказался от этого и перегруппировал свои силы на плацдарм севернее Киева.

Начавшееся 3 ноября наступление с этого направления увенчалось победой. Столица Украины 6 ноября была освобождена. Развивая успех, войска 1-го Украинского фронта значительно продвинулись на запад, освободив много населенных пунктов, в том числе город Житомир.

Освобождение Киева и широкий размах операции по изгнанию оккупантов с Правобережной Украины были для нас радостным событием.

В связи со значительным продвижением войск нашего фронта мы снова перенесли свой командный пункт под Гомель. Разместились в небольшом поселке из одноэтажных, преимущественно деревянных домиков, сохранившихся в приличном состоянии. Это было редкое явление. Гитлеровцы почти полностью разрушили Гомель. Красавец город был превращен в груды развалин. Враг с какой-то звериной злобой уничтожал все здания и постройки. Во время боев на улицах города наши солдаты выловили

множество факельщиков, имевших специальную задачу: поджигать уцелевшие дома.

Не успели мы обосноваться на новом месте — меня вызвал к аппарату Сталин. Он сказал, что у Ватутина неблагополучно, что противник перешел там в наступление и овладел Житомиром.

— Положение становится угрожающим, — сказал Верховный Главнокомандующий. — Если так и дальше пойдет, то гитлеровцы могут ударить и во фланг войскам Белорусского фронта.

В голосе Сталина чувствовались раздражение и тревога. В заключение он приказал мне немедленно выехать в штаб 1-го Украинского фронта в качестве представителя Ставки, разобраться в обстановке на месте и принять все меры к отражению наступления врага.

Собираюсь в дорогу. Приглашаю с собой командующего артиллерией фронта В.И. Казакова, решив никого больше не брать. За меня остается мой заместитель генерал И.Г. Захаркин — опытный боевой генерал, хороший командир и замечательный товарищ. На него я всегда мог положиться, зная, что он не хуже меня будет руководить войсками. Перед самым выездом мне вручили телеграмму с распоряжением Верховного: в случае необходимости немедленно вступить в командование 1-м Украинским фронтом, не ожидая дополнительных указаний.

Должен сознаться, что это распоряжение меня смутило. Почему разбор событий на 1-м Украинском фронте поручается мне? Но раздумывать было некогда.

Важно сейчас как можно быстрее ознакомиться с обстановкой и принять решение, не допуская поспешности и соблюдая полную объективность и справедливость. Так я и поступил, прибыв на место.

Штаб фронта располагался западнее Киева — в лесу, в дачном поселке. Ватутин был уже предупрежден о нашем прибытии. Меня он встретил с группой офицеров управления фронта. Вид у него был озабоченный.

Н.Ф. Ватутина я знал давно: в Киевском Особом военном округе он был начальником штаба. Высокообразованный в военном отношении генерал, всегда спокойный и выдержанный.

Как я ни старался, дружеской беседы на первых порах не получилось. А ведь встретились два товарища — командующие соседними фронтами. Я все время пытался подчеркнуть это. Но собеседник говорил каким-то оправдывающимся тоном, превращал разговор в доклад провинившегося подчиненного старшему. В конце концов я вынужден был прямо заявить, что прибыл сюда не с целью расследования, а как сосед, который по-товарищески хочет помочь ему преодолеть общими усилиями те трудности, которые он временно испытывает.

— Давайте же только в таком духе и беседовать, — сказал я.

Ватутин заметно воспрянул духом, натянутость постепенно исчезла. Мы тщательно разобрались в обстановке и ничего страшного не нашли.

Пользуясь пассивностью фронта, противник собрал сильную танковую группу и стал наносить удары то в одном, то в другом месте. Ватутин вместо того, чтобы ответить сильным контрударом, продолжал обороняться. В этом была его ошибка. Он мне пояснил, что если бы не близость украинской столицы, то давно бы рискнул на активные действия.

Но сейчас у Ватутина были все основания не опасаться риска. Помимо отдельных танковых корпусов две танковые армии стояли одна другой в затылок, не говоря об общевойсковых армиях и артиллерии резерва ВГК. С этим количеством войск нужно было наступать, а не обороняться. Я посоветовал Ватутину срочно организовать контрудар по зарвавшемуся противнику. Ватутин деятельно принялся за дело. Но все же деликатно поинтересовался, когда я вступлю в командование 1-м Украинским фронтом. Я ответил, что и не думаю об этом, считаю, что с ролью командующего войсками фронта он справляется не хуже, чем я, и что вообще постараюсь поскорее вернуться к себе, так как у нас и своих дел много. Ватутин совсем повеселел.

Меня несколько удивляла система работы Ватутина. Он сам редактировал распоряжения и приказы, вел переговоры по телефону и телеграфу с армиями и штабами. А где же начальник штаба фронта? Генерала Боголюбова я нашел в другом конце поселка. Спросил его, почему он допускает, чтобы командующий фронтом был загружен работой, ко-

торой положено заниматься штабу. Боголюбов ответил, что ничего не может поделать: командующий все берет на себя.

— Нельзя так. Надо помочь командующему. Это ваша прямая обязанность, как генерала и коммуниста.

Должен прямо сказать, что Боголюбов по своим знаниям и способностям был на месте. Возможно, излишнее самолюбие помешало ему на этот раз добиться правильных взаимоотношений с командующим.

Боголюбов обещал сделать все, чтобы не страдало общее дело. Поговорил я и с Ватутиным на эту тему. К замечанию моему он отнесся со всей серьезностью.

— Сказывается, что долго работал в штабе, — смущенно сказал он. — Вот и не терпится ко всему свою руку приложить.

Сообща наметили, как выправить положение. Забегая вперед, скажу, что Ватутин блестяще справился с задачей, нанес такие удары, которые сразу привели гитлеровцев в чувство и вынудили их спешно перейти к обороне.

Свои выводы об обстановке, о мероприятиях, которые уже начали проводиться войсками 1-го Украинского фронта, и о том, что Ватутин, как командующий фронтом, находится на месте и войсками руководит уверенно, я по ВЧ доложил Верховному Главнокомандующему и попросил разрешения вернуться к себе. Сталин приказал донести обо всем шифровкой, что я и сделал в тот же день. А на следующее утро мне уже вручили депешу из Ставки с разрешением вернуться к себе на Белорусский фронт.

С Ватутиным мы распрощались очень тепло. Оба были довольны, что все окончилось так благополучно. Настроение свое Ватутин выразил в крепком-крепком рукопожатии. Из ответа, полученного из Москвы, я понял, что и Ставка считала, что я справился с ролью ее представителя.

У нас на Белорусском фронте события продолжали развиваться довольно успешно. 65-я армия на своем левом фланге продвинулась к Калинковичам, а 61-я находилась на подступах к Мозырю. Учитывая крайне ограниченные средства, которыми мы располагали, это было большим достижением.

Были и неприятности. П.И. Батов, сосредоточив все усилия на своем левом фланге, недоглядел, что враг под-

тянул крупные силы против правого фланга армии, хотя мы и предупреждали об этом. Спохватился командарм, когда гитлеровцы нанесли сильный удар, смяли слабые части правого фланга и начали выходить в тыл основной группировке войск армии. Решительными мерами, принятыми командованием армии и фронта, угроза была быстро ликвидирована, противник был остановлен и перешел к обороне. Но увлечение командарма легким продвижением войск без достаточной разведки и игнорирование предупреждений штаба фронта о нависшей опасности обошлось дорого: мы потеряли значительную территорию на очень важном для нас паричском направлении.

Нужно заметить, что в тот период противник часто практиковал заманивание наших частей, инсценируя свой поспешный отход, с тем чтобы после ударить с флангов. О коварстве фашистов нельзя было забывать ни на минуту. От всех категорий нашего командного состава требовались большая осмотрительность и готовность к парированию любых происков врага.

В конце декабря началась так называемая Житомирско-Бердичевская наступательная операция нашего соседа слева — 1-го Украинского фронта, продолжавшаяся до половины января 1944 года. В результате ее советские войска овладели Новоград-Волынским, Житомиром, Бердичевом, Белой Церковью и нанесли противнику тяжелое поражение.

По всему чувствовалось, что центр тяжести Ставка перенесла на Украину и вообще на южное крыло советско-германского фронта. Туда направлялись соединения из резерва Ставки — общевойсковые и танковые армии, танковые корпуса, артиллерийские соединения, танки, пушки, самолеты.

Белорусский же фронт не получал в то время ничего, хотя задача наша оставалась прежней. Мы должны были наступать, а сил у нас оставалось все меньше, о чем Ставка прекрасно знала.

Но мы понимали, что иначе нельзя. Наша задача — активными действиями приковать к себе как можно больше вражеских сил и тем самым облегчить наступление на главном направлении. И мы прилагали все усилия, чтобы

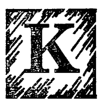
выполнить эту задачу. На крупные успехи не рассчитывали, но и на месте не стояли.

Во время развернувшегося большого наступления четырех Украинских фронтов наши части, взаимодействуя с правофланговыми войсками Ватутина, тоже кое-чего добились: 61-я армия овладела Мозырем, 65-я — Калинковичами, 48-я улучшила свои позиции на правом берегу Березины, 3-я армия в исключительно тяжелых условиях форсировала Днепр, овладела Рогачевом и плацдармом на западном берегу, вынудив противника очистить плацдарм на восточном берегу Днепра у Жлобина. Продвинулась немного на своем левом фланге и 50-я армия, но ей пришлось развернуться фронтом на север, так как сосед — 10-я армия Западного фронта — оставался на месте.

Эти операции проводились войсками фронта при скудной норме боеприпасов.

Лишь с 15 апреля директивой Ставки войскам Белорусского фронта было приказано перейти к обороне.

ОБА УДАРА — ГЛАВНЫЕ

 весне 1944 года наши войска на Украине продвинулись далеко вперед. Но тут противник перебросил с запада свежие силы и остановил наступление 1-го Украинского фронта. Бои приняли затяжной характер, и это заставило Генеральный штаб и Ставку перенести главные усилия на новое направление.

Зная обстановку, сложившуюся у соседа справа — Западного фронта, которым командовал генерал В.Д. Соколовский, и у соседа слева — 1-го Украинского фронта, которым теперь командовал маршал Г.К. Жуков, заменивший смертельно раненного Ватутина, мы приходили к выводу, что центр усилий будет перенесен на западное направление и предстоящая операция развернется в Белоруссии. Это позволило бы советским войскам кратчайшим путем выйти на очень важные рубежи и создало бы в последующем выгодные условия для нанесения ударов по противнику на других направлениях.

Словом, фронт жил в предвидении больших событий. Конечно, для проведения любой крупной операции необходимо время на подготовку. После разгрома неприятеля под Курском войска Центрального фронта, позже переименованного в Белорусский, прошли с боями огромное расстояние, остро нуждались в пополнении. Им нужно было дать дополнительно и технику, и боеприпасы, и горючее; требовалось подтянуть тылы и отставшие базы, организовать подвоз всего, в чем нуждались наши части и соединения, и, значит, в первую очередь восстановить разрушенные дороги и провести новые. Это и составляло предмет наших забот. Одновременно укреплялись достигнутые рубежи.

Ставка приняла решение о создании нового фронта между нашим и 1-м Украинским. Этот новый фронт огибал с юга Полесье до Владимир-Волынского и стал называться 2-м Белорусским, а наш фронт соответственно — 1-м Белорусским.

В марте Верховный Главнокомандующий пригласил меня к аппарату ВЧ, в общих чертах ориентировал относительно планируемой крупной операции и той роли, которую предстояло играть в ней 1-му Белорусскому фронту. Затем Сталин поинтересовался моим мнением. При разработке операций он и раньше прибегал к таким вот беседам с командующими фронтами. Для нас — сужу по себе — это имело большое значение.

1-му Белорусскому фронту предстояло действовать в общем направлении Бобруйск, Барановичи, Варшава, обходя Полесье с севера. Левым крылом фронт упирался в огромные полесские болота, что до крайности ограничивало возможность маневра. Для успеха операции требовалось теснейшее взаимодействие с войсками 2-го Белорусского фронта, а нас разделяла широкая полоса леса и болот. Вот такие соображения я и высказал Сталину, намекнув при этом, что было бы целесообразно передать нам и часть полосы, занимаемой нашим левым соседом.

Должен сказать, что еще до этого разговора со Сталиным мы у себя обсуждали такой вариант: объединение в одних руках всего участка от Быхова до Владимир-Волынского. Это давало нам огромные преимущества в маневре силами и позволяло смело решиться на организацию удара в обход Полесья как с севера, из района Бобруйска, так и с юга, из района Ковеля. Некоторых затруднений в управлении войсками можно было, конечно, ожидать, но это нас не смущало. У нас уже имелся опыт управления войсками в не менее сложной обстановке при ликвидации окруженной в Сталинграде группировки противника. Во всяком случае, легче было организовать управление объединенными силами, чем согласовывать взаимодействие с соседним фронтом при решении одной общей задачи.

Тут как раз в пользу нашего предложения сработал случай: на участке 2-го Белорусского фронта произошла неприятность — противник нанес удар и овладел Ковелем.

Сталин предложил мне быстро продумать наш вариант объединения участков обоих фронтов, сообщить в Ставку и скорее выехать к П.А. Курочкину, командующему 2-м Белорусским фронтом, чтобы сообща принять меры для ликвидации прорыва противника. Забегая вперед, скажу: на месте мы убедились, что накануне крупного наступления нам невыгодно начинать частную операцию по освобождению Ковеля, и мы от нее отказались.

Вскоре последовала директива Ставки о передаче нашему фронту всего участка, охватывающего Полесье с юга, и находящихся на нем войск. Общая ширина полосы 1-го Белорусского фронта достигла, таким образом, почти 900 километров. Редко в ходе Великой Отечественной войны фронт, имевший наступательную задачу, занимал полосу такой протяженности. Разумеется, и войск у нас стало больше. К двадцатым числам июня в состав нашего фронта входили десять общевойсковых, одна танковая, две воздушные армии и Днепровская речная флотилия; кроме того, мы имели три танковых, один механизированный и три кавалерийских корпуса.

В результате передислокации сил 2-й Белорусский фронт стал нашим соседом справа. Затем произошли дальнейшие изменения, пока не сложилась та структура фронтов, которая сохранилась до победоносного окончания войны.

По замыслу Ставки главные действия в летней кампании 1944 года должны были развернуться в Белоруссии. Для проведения этой операции привлекались войска четырех фронтов (1-й Прибалтийский — командующий И.Х. Баграмян; 3-й Белорусский — командующий И.Д. Черняховский; наш правый сосед 2-й Белорусский фронт — командующий И.Е. Петров, и, наконец, 1-й Белорусский). Ставка сочла возможным ознакомить командующих фронтами с запланированной стратегической операцией в ее полном масштабе. И это было правильно. Зная общий замысел, командующий фронтом имел возможность глубже уяснить задачу своих войск и шире проявить инициативу.

До перехода в наступление этой группы фронтов предполагалось провести последовательно операции, вытекающие одна из другой: сначала Ленинградским фронтом,

затем Карельским, потом основную Белорусскую операцию и, наконец, операцию 1-го Украинского фронта.

Стремясь удержаться в Белоруссии, германское командование сосредоточило там крупные силы — группу армий «Центр», которой командовал генерал-фельдмаршал Буш (одна танковая и три полевые армии); в полосе предстоящего наступления наших войск действовала также часть правофланговых дивизий 16-й немецкой армии из группы армий «Север» и танковые дивизии из группы армий «Северная Украина». Всего на фронте от Сиротино до Ковеля к 23 июня было 63 немецкие дивизии и 3 бригады общей численностью 1 миллион 200 тысяч человек. Противник имел 9500 орудий и минометов, 900 танков и 1350 самолетов.

Против войск правого крыла нашего фронта оборонялась 9-я немецкая армия, она преграждала нам путь на Бобруйск, 2-я немецкая армия занимала оборону на протяжении 400 километров в Полесье — против центра и левого крыла 1-го Белорусского фронта. На бобруйском направлении, где должны были наступать четыре армии правого крыла нашего фронта (3-я генерал-лейтенанта А.В. Горбатова, 48-я генерал-лейтенанта П.Л. Романенко, 65-я генерал-полковника П.И. Батова и 28-я генерал-лейтенанта А.А. Лучинского), у противника было 131 тысяча человек, 5137 пулеметов, около 2500 орудий и минометов, 356 танков и самоходных установок. Вражеские войска прикрывались с воздуха 700 самолетами. Кроме тактических резервов противник на брестском и ковельском направлениях имел оперативные резервы — до десяти пехотных дивизий. Следовательно, против нашего фронта располагалась мощная фашистская группировка.

Мы готовились к боям тщательно. Составлению плана предшествовала большая работа на местности. В особенности на переднем крае. Приходилось в буквальном смысле слова ползать на животе. Изучение местности и состояния вражеской обороны убедило в том, что на правом крыле фронта целесообразно нанести два удара с разных участков: один — силами 3-й и 48-й армий из района Рогачева на Бобруйск, Осиповичи, другой — силами 65-й и 28-й армий из района нижнее течение Березины, Озаричи в общем

направлении на Слуцк. Причем оба удара должны быть главными. Это шло вразрез с установившимся взглядом, согласно которому при наступлении наносится один главный удар, для чего и сосредоточиваются основные силы и средства. Принимая несколько необычное решение, мы шли на известное распыление сил, но в болотах Полесья другого выхода, а вернее сказать — другого пути к успеху операции у нас не было.

Дело в том, что местность на направлении Рогачев, Бобруйск позволяла сосредоточить там в начале наступления силы только 3-й армии и лишь частично 48-й. Если этой группировке не помочь ударом на другом участке, противник мог бы не допустить здесь прорыва его обороны, у него осталась бы возможность перебросить сюда силы с не атакованных нами рубежей. Два же главных удара решали все проблемы: в сражение одновременно вводилась основная группировка войск правого крыла фронта, что было недостижимо на одном участке из-за его сравнительной ограниченности; противник терял реальные возможности маневра; успех, достигнутый пусть даже сначала на одном из этих участков, ставил немецкие войска в тяжелое положение, а нашему фронту обеспечивал энергичное развитие наступления.

Окончательно план наступления отрабатывался в Ставке 22 и 23 мая. Наши соображения о наступлении войск левого крыла фронта на люблинском направлении были одобрены, а вот решение о двух ударах на правом крыле подверглось критике. Верховный Главнокомандующий и его заместители настаивали на том, чтобы нанести один главный удар — с плацдарма на Днепре (район Рогачева), находившегося в руках 3-й армии. Дважды мне предлагали выйти в соседнюю комнату, чтобы продумать предложение Ставки. После каждого такого «продумывания» приходилось с новой силой отстаивать свое решение. Убедившись, что я твердо настаиваю на нашей точке зрения, Сталин утвердил план операции в том виде, как мы его представили.

— Настойчивость командующего фронтом, — сказал он, — доказывает, что организация наступления тщательно продумана. А это надежная гарантия успеха.

Почему я так настойчиво защищал решение о двух ударах? Дело в том, что местность на направлении Рогачев, Бобруйск позволяла в начальный период наступления сосредоточить там лишь силы 3-й и частично 48-й армий. Если этой группировке наших войск не оказать помощь на другом участке, противник будет в состоянии не допустить здесь прорыва своей обороны. В случае необходимости он для парирования угрозы имел бы возможность перебросить сюда силы с неатакованных участков.

К этому необходимо добавить, что правый фланг 3-й армии упирался в район, занимаемый противником не только по западному, но и по восточному берегу Днепра. Это вынуждало нас принять надлежащие меры для обеспечения правого фланга армии и фронта. Удар 65-й и 28-й армий на левом берегу Березины в направлении Бобруйск, Осиповичи лишал противника возможности перебросить свои силы с этого участка против 3-й армии, и наоборот. Ударами на двух направлениях вводилась в сражение одновременно основная группировка сил правого крыла фронта, чего нельзя было достигнуть ударом на одном участке из-за его сравнительной ограниченности. Кроме того, успех, достигнутый на любом из этих участков, ставил противника в тяжелое положение, а войскам фронта обеспечивал успешное развитие операции.

На совещании в Ставке для каждого фронта были установлены сроки наступления, определены силы и средства, а также время их поступления. Большое значение придавалось организации тесного взаимодействия между фронтами, в особенности между 3-м (командующий генерал-полковник И.Д. Черняховский) и 1-м Белорусским, на которые Ставка возлагала основные задачи. Войска этих фронтов должны были быстро продвинуться на запад и сомкнуться своими флангами западнее Минска, чтобы затем уничтожить окруженную вражескую группировку.

Вся операция получила условное название «Багратион». Перед войсками четырех фронтов были поставлены важные стратегические и политические задачи: ликвидировать выступ противника в районе Витебск, Бобруйск, Минск, разгромить и уничтожить крупную группировку вражеских

армий «Центр», освободить Белорусскую Советскую Социалистическую Республику. А далее — начать освобождение братской Польши и перенести военные действия на территорию фашистской Германии. Большое значение придавалось организации взаимодействия, в особенности между 3-м и 1-м Белорусскими фронтами: именно их войска должны были быстро продвинуться на запад и сомкнуться своими флангами западнее Минска...

Нашему фронту предстояло начать наступление четырьмя правофланговыми армиями. Они окружали и уничтожали бобруйскую группировку врага, овладевали районом Бобруйск, Глуша, Глуск, а затем наступали на бобруйско-минском и бобруйско-барановичском направлениях. Войска левого крыла должны были двинуться вперед лишь после окружения немецких войск в районе Минска и выхода войск правого крыла на рубеж Барановичей.

На западном берегу Днепра севернее Рогачева 3-я армия удерживала небольшой плацдарм. Он был вполне пригоден для действий всех родов войск в направлении на Бобруйск. У генерала П.Л. Романенко в 48-й армии дело обстояло гораздо хуже. Командарм стремился атаковать противника со своих рубежей (его армия занимала полосу к югу от железнодорожной линии Жлобин — Бобруйск вдоль северного берега Березины, имея за рекой небольшой плацдарм). Облазив передний край, я увидел, что здесь наступать просто невозможно. Даже для одного легкого орудия приходилось класть настил из бревен в несколько рядов. Кругом почти сплошные болота с небольшими островками, заросшими кустарником и густым лесом. Никаких условий для сосредоточения танков и тяжелой артиллерии. Поэтому П.Л. Романенко получил приказ перегруппировать основные силы на плацдарм у Рогачева к левому флангу 3-й армии и действовать совместно с ней, а части, оставшиеся на березинском плацдарме, должны были боями приковать к себе как можно больше сил противника и тем способствовать нанесению главного удара.

Войска 65-й и 28-й армий, наносившие второй удар, тоже имели перед собой лесистую, заболоченную местность, которую пересекали притоки реки Припять.

Нелегкое дело предстояло нашим солдатам и офицерам — пройти эти гиблые места, пройти с боями, пройти стремительно. Люди готовили себя к этому подвигу. Пехотинцы невдалеке от переднего края учились плавать, преодолевать болота и речки на подручных средствах, ориентироваться в лесу. Было изготовлено множество мокроступов — болотных лыж, волокуш для пулеметов, минометов и легкой артиллерии, сделаны лодки и плоты. У танкистов — своя тренировка. Помнится, как-то генерал Батов показал мне «танкодром» на болоте в армейском тылу. Часа полтора мы наблюдали, как машина за машиной лезли в топь и преодолевали ее. Вместе с саперами танкисты снабдили каждый танк фашинами, бревнами и специальными треугольниками для прохода через широкие рвы. Не могу не вспомнить добрым словом наших славных саперов, их самоотверженный труд и смекалку. Только за двадцать дней июня они сняли 34 тысячи вражеских мин, на направлении главного удара проделали 193 прохода для танков и пехоты, навели десятки переправ через Друть и Днепр. А сколько было построено колесных, жердевых и профилированных дорог!..

В этом напряженном труде огромных войсковых масс тон задавали наши коммунисты и комсомольцы. Они были цементирующей силой во всех частях. Служили примером для всех.

В начале 1944 года у нас были определенные трудности, неизбежные на войне. В ожесточенных боях при наступлении от Курской дуги до Днепра войска понесли потери, особенно много их было в партийных рядах. Вот одна убедительная цифра: в 1224 ротах не стало партийных организаций по причине геройской гибели коммунистов в боях за освобождение родной советской земли. Корни, связывающие партию с народом, с солдатом, нерушимы, и тяга лучших людей в партию была велика. Этот благотворный для войск фронта процесс организовало и возглавило политическое управление, которым руководил генерал-лейтенант С.Ф. Галаджев — большая умница, светлый человек. И к началу Белорусской операции в большинстве подразделений у нас опять были полнокровные, хорошо работающие партийные и комсомольские организации: в

ротах пять—десять коммунистов, десять, а то и двадцать членов ВЛКСМ. Хочется подчеркнуть еще вот что: в партию тогда принимались прежде всего воины, отличившиеся в боях. Отсюда — огромный рост партийного влияния во всех наших боевых делах.

После получения указаний Ставки мне, как командующему фронтом, пришлось много заниматься со штабом и с командующими армиями. На месте отрабатывалось все, что было связано с предстоящим наступлением, — управление войсками и в начале и в ходе операции, маскировка движения наших войск, подвоз техники и боеприпасов, выбор и оборудование маршрутов и дорог, а также всяческие хитрости, которые бы ввели противника в заблуждение относительно наших намерений.

Особое внимание уделялось разведке — и воздушной, и войсковой всех видов — и радиоразведке. Летчики 16-й воздушной армии произвели полную аэрофотосъемку укреплений противника на бобруйском направлении, карты с полученными данными были немедленно разосланы войскам. Только в армиях правого крыла произвели четыреста поисков, и наши мастера-разведчики притащили больше восьмидесяти «языков» и важные документы.

От штабов всех степеней мы требовали постоянного контроля с земли и с воздуха за тщательной маскировкой. Немцы могли увидеть только то, что мы хотели им показать. Части сосредоточивались и перегруппировывались ночью, а днем от фронта в тыл шли железнодорожные эшелоны с макетами танков и орудий. Во многих местах наводили ложные переправы, прокладывали для видимости дороги. На второстепенных рубежах сосредоточивалось много орудий, они производили несколько огневых налетов, а затем их увозили в тыл, оставляя на ложных огневых позициях макеты. Начальник штаба фронта генерал Малинин был неистощим на такие хитрости.

С командирами соединений и частей мы проводили занятия в поле и на рельефных картах той местности, на которой им в скором времени предстояло действовать. Накануне наступления были проведены штабные учения и военные игры на тему «Прорыв обороны противника и обеспечение ввода в бой подвижных соединений». В этой

работе принял деятельное участие представитель Ставки по координации действий 1-го и 2-го Белорусских фронтов Г.К. Жуков. Хорошо подготовленный, дружный коллектив штаба фронта имел достаточный опыт в организации управления войсками и показал, что способен находить выход из самого затруднительного положения и в подготовке и в ходе самих боев.

Штабы фронта и армий систематически проверяли ход подготовки войск к наступлению. Представители командования, как правило, участвовали во всех тактических учениях войск в поле, проверяли стрелковую подготовку прибывавшего пополнения, следили за подвозом боеприпасов и продовольствия. Часть офицеров штаба фронта была постоянно закреплена за армиями, корпусами. Через них обеспечивалась бесперебойная связь, они на месте оказывали войскам помощь в подготовке наступления.

Поскольку боевые действия предстояло вести на двух участках фронта, разделяемых бассейном реки Припять, соответственно организовали и управление войсками. Основной КП пришлось перенести в Овруч и создать два вспомогательных: для управления войсками правого крыла — в районе Дуравичей, а левого крыла — в районе Сарн.

Наблюдательные пункты максимально приближались к войскам: НП командиров дивизий оборудовались в 500—1000 метрах, командиров корпусов — в 2 километрах, командармов — до 3 километров от исходного положения войск для атаки. Для удобства наблюдения в ряде мест были построены наблюдательные вышки.

Предварительно были в основном решены все задачи артиллерийского, авиационного, инженерного обеспечения операции. Тылу фронта предписывалось держать в готовности необходимое количество свободного автотранспорта для переброски войск и техники с одного направления на другое. Такой опыт у нас уже имелся со времени битвы на Курской дуге.

Огромная работа по подготовке к наступлению развернулась во всех звеньях — в армиях, корпусах, дивизиях, полках. Численный состав дивизий был доведен в среднем до 6500 человек. Заодно с нами действовал Белорусский штаб партизанского движения. Устанавливалась тесная связь пар-

тизанских отрядов с нашими частями. Партизаны получили от нас конкретные задания, где и когда ударить по коммуникациям и базам немецко-фашистских войск. Они взрывали поезда на железнодорожных магистралях Бобруйск — Осиповичи — Минск, Барановичи — Лунинец и других. Все их удары наносились в тесном взаимодействии с нами и были подчинены интересам предстоящей операции.

К двадцатым числам июня войска фронта заняли исходные позиции. На обоих участках прорыва было обеспечено превосходство над противником в людях в 3—4 раза, в артиллерии и танках в 4—6 раз. Мы располагали сильными подвижными группами, способными окружить вражеские войска. С воздуха наступление прикрывали и поддерживали свыше 2 тысяч самолетов.

Переход инициативы полностью на сторону Красной Армии позволял даже при равном соотношении сил в масштабе фронта идти на риск, создавая на направлениях, где наносился нами основной удар, максимальную группировку сил и средств за счет сильного ослабления второстепенных участков.

В этом было наше огромное преимущество.

Войска были оснащены автотранспортом, тягачами для артиллерии, самоходной артиллерией и другими видами техники, что намного увеличило маневренную способность наших соединений.

Труженики тыла обеспечили свои Вооруженные Силы всем, что требовалось для победы над врагом.

Чтобы изучить обстановку на ковельском направлении (левое крыло фронта), я с командующими родами войск отправился в Сарны. Добираться пришлось на бронепоезде, потому что в лесах еще бродили банды бандеровцев и других фашистских наймитов. Впоследствии мы отправлялись на ВПУ на незаменимых наших У-2.

Четыре армии, стоявшие здесь в первом эшелоне, совершенствовали оборону и начали готовить штабы к будущим боям. Об этих объединениях речь пойдет позже, когда и для них начнется боевая страда. А сейчас хочется рассказать об одной знаменательной встрече. Сюда, на ковельско-люблинское направление, подходила 1-я польская ар-

мия. Она была сформирована по просьбе Союза польских патриотов из добровольцев польской национальности.

Взволнованные, ехали мы знакомиться с братьями по оружию. Армией командовал генерал Зигмунд Берлинг, солидный, серьезный, подтянутый командир. По всему его облику чувствовалось — старый воин, знающий службу и побывавший в боях. И на самом деле, Берлинг был кадровый польский офицер. Участник боев в период вторжения фашистских оккупантов в Польшу, он решил продолжать борьбу с врагом в польских частях, сражавшихся плечом к плечу с воинами Красной Армии.

Генерал доложил о состоянии своего объединения и сразу сказал, что он и его товарищи надеются недолго пробыть во втором эшелоне. Это мне понравилось. Войска армии произвели очень хорошее впечатление. Чувствовалась готовность к боевым действиям и горячее желание людей скорее встретиться с врагом, поработившим их отечество. Беседуя с офицерами и солдатами, я заверил их, что всем будет дана возможность показать свои способности в бою.

Мы познакомились с другими руководящими товарищами, которые создавали, пестовали это первое крупное объединение будущего Войска Польского. Членам Военного совета армии был генерал Александр Завадский, старый польский революционер, в прошлом шахтер, член Польской рабочей партии. Человек глубокого ума, обаятельной простоты и кипучей энергии, он пользовался огромной популярностью у рабочего класса и трудящихся Польши. Его очень любили в войсках. Другим членом Военного совета был генерал Кароль Сверчевский. Он прошел службу от рядового до генерала у нас, в Красной гвардии и Красной Армии, командовал интернациональной бригадой в республиканской Испании. Впоследствии генерал Сверчевский принял в командование 2-ю армию Войска Польского.

Считаю своим товарищеским долгом назвать в числе первых организаторов вооруженных сил новой Польши начальника штаба армии В. Корчица, начальника оперотдела В. Стражевского. Штаб армии к тому времени был достаточно хорошо сколочен. Особенно плодотворно работали в 1-й польской армии такие офицеры, как Полтор-

жицкий, Бевзюк, Родкевич, Киневич, Пщулковский, Юзьвяк, Гуща, Варышак.

Мы провели среди польских товарищей несколько дней, а затем вернулись на правое крыло фронта.

В ночь на 24 июня мы с генералами Телегиным, Казаковым и Орлом поехали в 28-ю армию. Наблюдательный пункт командарма А.А. Лучинского был оборудован в лесу. Тут была построена вышка, высота которой равнялась росту самых мощных сосен. С нее мы и решили наблюдать за развитием сражения на этом участке. Представитель Ставки Г.К. Жуков, в свое время горячо отстаивавший идею главного удара с днепровского плацдарма 3-й армии, отправился туда. Уезжая, Георгий Константинович шутя сказал мне, что они с Горбатовым подадут нам руку через Березину и помогут вытащить войска из болот к Бобруйску. А вышло-то, пожалуй, наоборот.

Наступление 1-го Белорусского фронта началось 24 июня. Об этом возвестили мощные удары бомбардировочной авиации на обоих участках прорыва. В течение двух часов артиллерия разрушала оборонительные сооружения противника на переднем крае и подавляла систему его огня. В шесть часов утра перешли в наступление части 3-й и 48-й армий, а часом позже — обе армии южной ударной группы. Развернулось ожесточенное сражение.

3-я армия на фронте Озеране, Костяшево в первый день добилась незначительных результатов. Дивизии ее двух стрелковых корпусов, отбивая яростные контратаки пехоты и танков противника, овладели лишь первой и второй вражескими траншеями на рубеже Озеране, Веричев и вынуждены были закрепиться. С большими трудностями развивалось наступление и в полосе 48-й армии. Широкая болотистая пойма реки Друть крайне замедляла переправу пехоты и особенно танков. Лишь после двухчасового напряженного боя наши части выбили здесь гитлеровцев из первой траншеи, а к двенадцати часам дня овладели второй траншеей.

Наиболее успешно развивалось наступление в полосе 65-й армии. При поддержке авиации 18-й стрелковый корпус в первой половине дня прорвал все пять линий траншей противника, к середине дня углубился на 5—6 километров,

овладев сильными опорными пунктами Раковичи и Петровичи. Это позволило генералу П.И. Батову ввести в прорыв 1-й гвардейский танковый корпус М.Ф. Панова, который стремительно двинулся в тыл паричской группировки немецких войск. Используя успех танкистов, пехота 65-й армии к исходу дня заняла рубеж Грачи, Гомза, Секиричи.

Части 28-й армии, сломив сопротивление врага, вышли к Бродцам, Оспино, Рогу.

Таким образом, в результате первого дня наступления южная ударная группа прорвала оборону противника на фронте до 30 километров и в глубину от 5 до 10 километров. Танкисты углубили прорыв до 20 километров (район Кнышевичи, Романище). Создалась благоприятная обстановка, которую мы использовали на второй день для ввода в сражение на стыке 65-й и 28-й армий конно-механизированной группы генерала И.А. Плиева. Она продвинулась к реке Птичь западнее Глуска, местами форсировала ее. Противник начал отход на север и северо-запад.

Теперь — все силы на быстрое продвижение к Бобруйску!

Вечером 24 июня мне позвонил Жуков и с присущей ему прямотой поздравил с успехом, сказав, что руку Горбатову придется подавать нам с южного берега Березины.

К исходу третьего дня генерал Батов был уже на Березине южнее Бобруйска, а войска генерала Лучинского форсировали реку Птичь и овладели Глуском. Южная группа правого крыла фронта вышла на оперативный простор.

В северной ударной группе всю ночь на 25 июня с неослабевающей силой шли бои. Противник неоднократно переходил в контратаки, стремился выбить наши части, вклинившиеся в его оборону, и сбросить их в реку. Достигнуть этого он не мог.

С утра 25 июня после короткой артподготовки части 3-й армии возобновили наступление. Для ускорения прорыва генерал Горбатов в середине дня ввел в бой две танковые бригады, а 26 июня с рубежа Добрицы — полностью 9-й танковый корпус Б.С. Бахарова с задачей прорваться в глубокий тыл противника, захватить район Старицы и перерезать шоссе Могилев — Бобруйск.

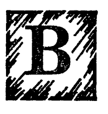
16-й воздушной армии было приказано помочь наступлению нашей северной группы. Тысячи тонн бомб обрушились на противника, начавшего отход к Березине.

9-й танковый корпус, прорвавшийся в тылы вражеской группировке, вышел на восточный берег Березины в районе Титовки, а к утру 27 июня перехватил все шоссе и переправы северо-восточнее Бобруйска. Теперь стрелковые части обеих армий северной группы быстрее продвигались вперед, окружая бобруйскую группировку противника с северо-востока.

К этому времени 1-й гвардейский танковый корпус 65-й армии был уже северо-западнее Бобруйска, он отрезал пути отхода на запад пяти дивизиям немецкой армии.

Главные силы фронта должны были идти вперед и вперед — на Осиповичи, Пуховичи и Слуцк. И нам же предстояло как можно скорее ликвидировать окруженные войска врага. В Бобруйске это было поручено частям 65-й армии, а юго-восточнее города — 48-й армии.

РАЗГРОМ

кольце диаметром примерно 25 километров оказалось до 40 тысяч гитлеровцев. Путь на юг и на запад мы закрыли достаточно прочно, но на севере и северо-западе в первый день окружения врага держали только части танковых корпусов. Этим, видимо, хотел воспользоваться командующий 9-й немецкой армией. 27 июня он приказал командиру 35-го армейского корпуса фон Лютцову во что бы то ни стало пробиться либо в Бобруйск, либо на север, к Погорелому, на соединение с 4-й армией. Фон Лютцов решил уничтожить всю технику и пробиваться на север. Сделать это фашистскому корпусу не удалось. В поддержку танкистам генерала Бахарова командарм послал 108-ю стрелковую дивизию. Она оседлала шоссе на Могилев. На правом крыле наши войска вышли к Березине в районе Свислочи.

В конце дня 27 июня в расположении противника начались массовые взрывы и пожары: гитлеровцы уничтожали орудия, тягачи, танки, сжигали машины; они убивали скот, сожгли дотла все селения. Войска прикрытия, состоявшие из отборных солдат и офицеров, продолжали оказывать нам упорное сопротивление, даже контратаковали. Однако соединения генералов Горбатова и Романенко в тесном взаимодействии с частями 65-й армии все сильнее сжимали кольцо окружения.

В районе Титовки враг предпринял до пятнадцати контратак, стремясь прорваться на север. Вот свидетельство участника событий командира 108-й дивизии генерала П.А. Теремова: «...самая неистовая атака разыгралась перед фронтом 444-го и 407-го полков. В этом районе были

сосредоточены в основном силы нашего артиллерийского полка. Не менее 2 тысяч вражеских солдат и офицеров при поддержке довольно сильного орудийного огня шли на наши позиции. Орудия открыли огонь по атакующим с дистанции семьсот метров, пулеметы — с четырехсот. Гитлеровцы шли. В их гуще разрывались снаряды. Пулеметы выкашивали ряды. Фашисты шли, переступая через трупы своих солдат. Они шли на прорыв, не считаясь ни с чем... Это была безумная атака... Мы видели с НП жуткую картину. Нет, в ней не было и тени воинской доблести. Гитлеровцы были в каком-то полушоковом состоянии. В движении этой огромной массы солдат было скорее животное упорство стада, нежели войска, решившего любой ценой навязать свою волю противнику. Но впечатление тем не менее было внушительное».

Наша авиация обнаружила в районе Дубовки большое скопление немецкой пехоты, танков, орудий и другой техники. Авиации было приказано нанести удар. 526 самолетов поднялись в воздух и в течение часа бомбили врага. Гитлеровцы выбегали из леса, метались по полянам, многие бросались вплавь через Березину, но и там не было спасения. Вскоре район, подвергшийся бомбардировке, представлял собой огромное кладбище — повсюду трупы и исковерканная разрывами бомб техника.

За два дня нашими войсками было уничтожено более 10 тысяч солдат и офицеров противника, до 6 тысяч взято в плен; захвачено 432 орудия, 250 минометов, более тысячи пулеметов. Фашистская группировка юго-восточнее Бобруйска была ликвидирована.

Одновременно шли бои за сам Бобруйск. В городе насчитывалось более 10 тысяч немецких солдат, причем сюда все время просачивались остатки разбитых восточнее частей. Комендант Бобруйска генерал Гаман сумел создать сильную круговую оборону. Были приспособлены под огневые точки дома, забаррикадированы улицы, на перекрестках врыты танки, подступы к городу тщательно заминированы.

Во второй половине дня 27 июня части 1-го гвардейского танкового и 105-го стрелкового корпусов атаковали засевшего в городе врага, но успеха не имели. Всю ночь и

весь следующий день шли кровопролитные бои. В ночь на 29 июня противник отвел значительную часть сил к центру и сосредоточил крупные силы пехоты и артиллерии в северной и северо-западной частях города. Комендант немецкого гарнизона решил ночью оставить город и прорываться на северо-запад.

После сильного артиллерийского и минометного налета на позиции нашей 356-й стрелковой дивизии двинулись фашистские танки, за ними цепи штурмовых офицерских батальонов, а затем и вся пехота. Пьяные солдаты и офицеры рвались вперед, несмотря на губительный огонь нашей артиллерии и пулеметов. В ночной темноте завязались рукопашные схватки. В течение часа воины 356-й дивизии героически дрались, сдерживая натиск противника. Ценой огромных потерь гитлеровцам удалось местами вклиниться в оборону дивизии.

С рассветом передовые отряды 48-й армии под прикрытием артиллерии переправились через Березину и вступили в бой на восточной окраине Бобруйска.

К восьми утра полки 354-й стрелковой дивизии захватили вокзал. Немцы, теснимые со всех сторон, еще раз попытались вырваться на северо-запад и снова атаковали славную 356-ю дивизию. Им удалось прорвать ее оборонительный рубеж. В прорыв хлынуло 5 тысяч солдат во главе с командиром 41-го танкового корпуса генералом Гофмейстером, но спастись им не удалось. Наши войска, действовавшие северо-западнее города, ликвидировали и эти бегущие части врага.

65-я армия в тесном взаимодействии с 48-й армией 29 июня полностью овладела Бобруйском.

В результате этой операции была взломана очень сильная оборона противника на южном фасе белорусского выступа, и наши войска продвинулись почти на 110 километров. Все это позволяло развивать стремительное наступление на Минск и Барановичи.

В шестидневных боях нами были захвачены и уничтожены 366 танков и самоходных орудий, 2664 орудия разного калибра. Противник оставил на поле боя до 50 тысяч трупов, более 20 тысяч немецких солдат и офицеров было взято в плен.

В окружении и уничтожении бобруйской группировки вражеских войск активно участвовала Днепровская военная флотилия, которой командовал капитан 1 ранга В.В. Григорьев. Поднявшись вверх по реке за линию фронта, корабли 1-й бригады прорвались к мосту у Паричей, нарушили переправу немецких войск, вышли на подступы к Бобруйску. За трое суток моряки флотилии переправили с левого берега Березины на правый 66 тысяч наших бойцов.

После окружения и разгрома войсками 1-го Белорусского фронта вражеских частей под Бобруйском, а смежными фронтами — витебско-оршанской и могилевской группировок противника создались благоприятные условия для новых ударов по врагу.

28 июня Ставка возложила на 1-й Белорусский фронт следующую задачу: частью сил наступать на Минск, а главными силами — на Слуцк, Барановичи, чтобы отрезать противнику пути отхода на юго-запад, и во взаимодействии с войсками 3-го Белорусского фронта как можно быстрее завершить окружение минской группировки фашистских войск.

В эти дни командиры наших подвижных соединений проявили высокое воинское искусство. 2 июля сильным ударом в центре 1-й гвардейский танковый корпус генерала Панова прорвал оборону 12-й немецкой дивизии и совместно с пехотой 82-й дивизии овладел районом Пуховичей. Конно-механизированная группа генерала Плиева устремилась на Слуцк. На рассвете 2 июля гвардейцы-кавалеристы овладели Столбцами, Городзей и Несвижем, перерезав коммуникации минской группировки на Барановичи, Брест, Лунинец.

Части 85-го стрелкового корпуса 3-й армии вышли на рубеж Погост, Червень, где соединились с войсками 2-го Белорусского фронта.

Танковый корпус генерала Бахарова, посланный в обход Минска с юга, овладел 2 июля узлом дорог у Любяча и продолжал двигаться вдоль шоссе Слуцк — Минск на север. В этот же день танковые части 3-го Белорусского фронта, овладев Смолевичами, продвинулись к Минску с северо-востока. Так было завершено окружение

4-й армии противника, находившейся восточнее белорусской столицы.

Противник поспешно и в беспорядке отходил по проселочным дорогам и по шоссе Могилев — Минск. Мосты и переправы были взорваны партизанами, во многих местах на дорогах образовались пробки. Наши летчики беспрерывно бомбили колонны вражеских войск.

После ожесточенных боев к исходу 3 июля столица Белоруссии была полностью очищена от врага.

Тяжелая картина открылась перед глазами воинов-освободителей. Минск лежал в развалинах. Немногие уцелевшие здания были заминированы и подготовлены к взрыву. К счастью, их удалось спасти. Дело решила стремительность ворвавшихся в город частей. Были разминированы Дом правительства, здание Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии.

Жители города, перенесшие ужасы оккупации, восторженно встречали наших воинов. Вся страна приветствовала освободителей Минска.

Ликвидация зажатых в минском котле немецко-фашистских войск возлагалась на 2-й Белорусский фронт, для усиления которого от нас взяли 3-ю армию.

Войска правого крыла 1-го Белорусского фронта продолжали стремительное наступление на запад. Разгром противника в районах Витебска, Бобруйска и восточнее Минска привел к тому, что в германском фронте образовался четырехсоткилометровый разрыв. Ликвидировать его в короткий срок немецкое командование не имело сил. 4 июля Ставка потребовала от нас в полной мере использовать это чрезвычайно выгодное обстоятельство. Во исполнение директивы Ставки было решено, не прекращая преследования противника, концентрическим ударом 48-й и 65-й армий в общем направлении на Барановичи окружить барановичскую группировку немцев и уничтожить ее. В этой операции подвижной группе генерала Плиева и мехкорпусу генерала Фирсовича предстояло охватить войска противника, действуя на заходящих флангах.

В дальнейшем, используя два параллельно идущих шоссе (Слоним — Пружаны и Барановичи — Брест), обе армии развивали успех в направлении Бреста с целью глубокого

обхода и окружения — уже совместно с войсками левого крыла нашего фронта — пинской группировки немецко-фашистских войск.

8 июля Барановичи были освобождены. К 16 июля наши соединения вышли на линию Свислочь, Пружаны, продвинувшись за двенадцать дней на 150—170 километров.

Разгром противника в районе Барановичей и на рубеже реки Шары создал угрозу его пинской группировке. Она начала отход. Это ускорило наступление 61-й армии генерала П.А. Белова вдоль северного берега реки Припять.

Оперативное положение войск фронта значительно улучшилось. В начале Белорусской операции наши фланговые группировки были разделены обширными болотами, а теперь Полесье осталось далеко позади. Протяженность линии фронта сократилась почти вдвое.

Пришло время двинуть вперед войска нашего левого крыла. Силы у нас здесь были такие: пять общевойсковых армий, воздушная армия, а из подвижных соединений — танковая армия и два кавалерийских корпуса*. Еще в первых числах июля началась перегруппировка с правого крыла на левое фронтовых средств усиления.

Мы пытливо изучали данные о противнике и местности. За последнее время каких-либо изменений в положении и в поведении вражеских войск не произошло. Все же было принято несколько необычное решение: передовым батальонам начать наступление разведкой боем. Мы хотели убедиться, не оттянул ли противник главные силы на рубеж, расположенный в глубине, оставив перед нами лишь прикрытие. В таком случае он заставил бы нас попусту израсходовать боеприпасы, предназначенные для прорыва основной обороны.

Небезынтересная деталь. В свое время мы отрабатывали с командармами Поповым, Гусевым, Чуйковым и Колпакчи вопрос, как лучше начать наступление. Тогда-то и

---

* Вот эти соединения: 70-я армия генерал-лейтенанта В.С. Попова, 47-я — генерал-лейтенанта Н.И. Гусева, 8-я гвардейская — генерал-лейтенанта В.И. Чуйкова, 69-я — генерал-лейтенанта В.Я. Колпакчи, 2-я танковая — генерал-полковника танковых войск С.И. Богданова, 6-я воздушная — генерал-лейтенанта авиации Ф.П. Полынина, 7-й гвардейский кавкорпус — генерал-лейтенанта М.П. Константинова, 2-й гвардейский кавкорпус — генерал-лейтенанта В.В. Крюкова, 1-я польская армия — генерал-лейтенанта Зигмунда Берлинга.

пришла мысль применить, если так можно сказать, комбинированный прием — начать разведкой передовых батальонов и, если убедимся, что главные силы противника остались на прежнем рубеже, двинуть в бой все спланированные силы и средства без перерыва для уточнения задач.

Итак, батальоны начали бой. Нам, небольшой группе генералов, находившихся 18 июля на передовом наблюдательном пункте (основной КП фронта находился в Радошине), были хорошо видны их действия. Поддерживаемые усиленным огнем артиллерии и сопровождаемые танками, они быстро двинулись на позиции противника. Немцы открыли сильный артиллерийский огонь. Наши самолеты небольшими группами атаковали вражеские артиллерийские и минометные позиции. Их встретили в воздухе истребители противника, который вводил в действие все новые огневые средства.

Нашим стрелкам и отдельным танкам местами удалось ворваться в первые траншеи. Бой с каждой минутой набирал силу. Стало совершенно ясно, что мы встретились с главной линией обороны. Ждать больше нельзя. Подана команда приступить к выполнению плана наступления.

Генерал Казаков приказывает открыть огонь. Воздух потрясли залпы орудий всех калибров...

Наступление левого крыла фронта являлось продолжением операции, начавшейся на бобруйском направлении. Но это отнюдь не означало прекращения действий на правом крыле. Там войска продолжали наступать, продвигаясь к Брестскому укрепленному району. Это было очень важно. На данном этапе решающим направлением для нас стало ковельское, а успешный исход тут во многом обеспечивался тем, что основные резервы противника были брошены на оборону Бреста.

47-я, 8-я гвардейская и 69-я армии получили задачу прорвать фронт противника западнее Ковеля. Осуществив прорыв, общевойсковые армии должны были ввести в сражение танковые соединения и кавалерийские корпуса и во взаимодействии с ними развивать наступление на Седлец и Люблин. Поддерживавшая наземные войска 6-я воздушная армия имела 1465 самолетов.

18 июля с утра наши части прорвали вражескую оборону на фронте 30 километров и продвинулись на 13 километров. К 20 июля ударные группировки левого крыла вышли на Западный Буг и, форсировав его в трех местах, вступили на территорию Польши.

Развернувшееся в июле сражение на левом крыле 1-го Белорусского фронта и начавшееся неделей раньше наступление войск нашего соседа слева — 1-го Украинского фронта вылились в стройное взаимодействие двух фронтов на смежных флангах. Нашему успеху в большой степени способствовало то обстоятельство, что, наступая, 1-й Украинский фронт лишил противника возможности подкреплять свои силы на люблинском направлении; точно так же наши боевые действия не позволяли врагу перебрасывать свои войска против 1-го Украинского фронта. Эта операция, вытекавшая из Белорусской, заблаговременно планировалась Ставкой.

Грандиозное наступление советских войск, в котором в июле участвовало уже пять фронтов, привело к поражению немецко-фашистских групп армий «Центр» (4, 9, 2, 3-я танковая армии) и «Северная Украина» (4-я и 1-я танковые армии, 1-я венгерская армия). На огромном протяжении была прорвана неприятельская оборона.

Враг, развязавший войну, в полной мере ощутил на себе силу наших ударов. Когда в начале войны Красной Армии пришлось отступать, мы понимали, что наши неудачи в значительной степени объяснялись внезапностью вероломного нападения врага, знали, что они временные, и ни на минуту не теряли веры в победный исход войны. Врагу же теперь пришлось испытывать поражение за поражением и без всякой надежды на более или менее благоприятный исход войны, пожар которой он сам разжег. Катастрофа неумолимо надвигалась. Не помогали немецко-фашистскому командованию и замены одного генерала другим. Из данных разведки нам стало известно, что неудачливого фельдмаршала Буша, командовавшего группой армий «Центр», заменил — по совместительству — Модель, командующий группой армий «Северная Украина». Среди офицеров нашего штаба ходила поговорка: «Модель? Что ж, давай Моделя!» Видимо, кто-то из товарищей переиначил крылатую фразу Чапаева из знаменитого кинофиль-

ма — помните ее: «Психическая, говоришь? Давай психическую!..»

С выходом войск правого крыла фронта на рубеж Свислочь, Пружаны и на подступы к Бресту создались условия для окружения брестской группировки противника. Эту задачу должны были выполнить войска 70-й армии во взаимодействии с 28-й армией.

Войскам 47-й армии после форсирования Буга предстояло наступать в юго-западном направлении на Седлец, разгромить противостоящие вражеские части и не допустить отхода к Варшаве немецких войск, находившихся к востоку от рубежа Седлец, Лукув. На этом же направлении сражался 2-й гвардейский кавкорпус Крюкова.

Вместе с тем наступление этих армий обеспечивало успех войскам генералов Чуйкова, Богданова, Берлинга и Колпакчи, устремившихся после форсирования Буга на запад. Они, преодолевая сопротивление противника, 22 июля овладели городами Хелм, Влодава и освободили много других населенных пунктов.

2-я танковая и 8-я гвардейская армии 24 июля освободили Люблин. 25 июля танкисты вышли к Висле в районе Демблина. Здесь генерал А.И. Радзиевский, сменивший раненого С.И. Богданова, передал свой участок 1-й польской армии, которая наступала за танковой армией.

А танкисты получили новую задачу — наступать вдоль правого берега Вислы на север, с ходу захватить предместье Варшавы — Прагу и удерживать ее до подхода 47-й армии. 1-я польская армия должна была форсировать Вислу на демблинском направлении и захватить плацдарм на ее западном берегу.

К 28 июля основные силы фронта на рубеже Брест, Седлец, Отвоцк, встретив упорное сопротивление вражеских войск, вынуждены были развернуться фронтом на север. По всему чувствовалось, что на этом участке немецкое командование собрало крупные силы с намерением нанести контрудар в южном направлении восточнее Вислы и не допустить форсирования реки нашими армиями.

Поскольку противник держал свою основную группировку восточнее Варшавы, у войск левого крыла фронта была возможность быстро продвинуться к Висле. 27 июля

к ней вышла 69-я армия генерала Колпакчи. Ее войска с ходу форсировали реку близ Пулавы и к 29-му овладели плацдармом на западном берегу. 1-я польская армия 31 июля пыталась совершить бросок через Вислу, но неудачно. Однако к этому времени мы могли использовать для борьбы за западный берег реки всю 8-ю гвардейскую армию. С утра 1 августа она начала форсирование в районе Магнушев, устье реки Пилица.

В течение дня войска генерала Чуйкова овладели плацдармом на западном берегу Вислы шириной 15 километров и глубиной до 10 километров. К 4 августа армия сумела навести через реку мосты грузоподъемностью 16 тонн и один 60-тонный. Василий Иванович Чуйков переправил на плацдарм танки и всю артиллерию. Инженерные войска фронта приступили к наведению деревянного моста на сваях.

Вместе с войсками передвигался и наш фронтовой КП. Как правило, перемещался он на новое место только тогда, когда там уже была подготовлена связь со всеми войсками фронта.

Вот и сейчас мы перебрались со своим КП во Влодаву, небольшой городишко на западном берегу Западного Буга; одновременно с этим Малинин и Максименко уже готовили следующий КП в деревне Конколевица, недалеко от Седлеца, где еще шли бои.

Перед самым переездом ночью в Радошине нас бомбила вражеская авиация; к счастью, все обошлось благополучно. Упоминая об этом эпизоде, хочу подчеркнуть, что неприятельская авиация имела специальное задание разыскивать наши органы управления и подвергать их бомбежке. Со своей стороны мы в долгу перед противником не оставались, и наш командующий 16-й воздушной армией генерал Руденко прилагал все усилия к тому, чтобы нанести удары по органам управления противника. В данный же момент 16-я воздушная армия в основном была занята обеспечением переправ через Вислу.

Очень медленно продвигались на белостокском направлении войска нашего соседа справа — 2-го Белорусского фронта. Перед ними находилась весьма сильная вражеская группировка. Она была еще способна сдерживать наступление. Но ей не удалось нанести удар по правому крылу войск

нашего фронта. В этом была заслуга соединений 2-го Белорусского фронта, и мы высоко оценили помощь соседей.

Когда противник увидел, где для него появилась наибольшая угроза, было уже поздно: магнушевский плацдарм прочно заняли войска 8-й гвардейской армии, плацдарм южнее Пулавы тоже прочно удерживала 69-я армия. Немецкое командование предприняло переброску войск из районов восточнее и северо-восточнее Варшавы, атаковало наши плацдармы. Особенно сильному удару подверглись части 8-й гвардейской армии.

Данные агентурной, воздушной и радиоразведки подтверждали спешную переброску вражеских войск к магнушевскому плацдарму. Надо было помочь гвардейцам Чуйкова. Обращаемся к нашим боевым друзьям-полякам. Передав рубеж по берегу Вислы кавалерийскому корпусу, Зигмунд Берлинг форсированным маршем ведет свои войска на плацдарм. Они занимают оборону на правом фланге 8-й гвардейской армии. Сюда же успеваем переправить танковый корпус 2-й танковой армии.

Все это было сделано вовремя. Противник обрушил на плацдарм удар колоссальной силы. Но наша оборона здесь оказалась непоколебимой. Многодневные бешеные атаки ничего не дали гитлеровцам, кроме огромных потерь.

Враг бросил в бой всю свою авиацию. Она пыталась бомбить плацдарм и переправы. Но навстречу десяткам и сотням вражеских бомбардировщиков устремлялись самолеты воздушной армии Руденко. Успешно прикрывали переправы и сильные зенитные средства фронта.

В тяжелых боях крепла дружба советских и польских частей. Воины 1-й польской армии мужественно сражались с немецко-фашистскими захватчиками и заслужили всеобщее уважение.

До выхода к Висле и Нареву войска 1-го Белорусского фронта в течение полутора месяцев вели тяжелые наступательные бои, понесли потери в людях и технике.

Отступая под мощными ударами наших армий, противник на своем пути разрушал мосты, железнодорожные и шоссейные коммуникации, на восстановление которых требовалось время.

Наши тыловые базы снабжения растянулись на сотни километров и не могли немедленно обеспечить нас всем необходимым для дальнейшего успешного наступления. Настала пора предоставить войскам необходимое время для приведения себя в порядок, для подготовки к предстоящим завершающим сражениям.

Подводя итог, можно сказать, что группа фронтов под руководством Ставки блестяще осуществила Белорусскую операцию. В результате была разгромлена группа армий «Центр» и нанесено крупное поражение группе армий «Северная Украина», освобождена Белоруссия, большая часть Литвы, значительная часть польских земель к востоку от Вислы. Советские войска форсировали реки Неман, Нарев и подошли к границам Восточной Пруссии. Немецко-фашистские войска потерпели крупное поражение.

1-й Белорусский фронт внес свой вклад в это большое дело. Успех наших войск в Белорусской операции, на мой взгляд, в значительной мере объясняется тем, что Ставка Верховного Главнокомандования выбрала удачный момент для нанесения удара. Советское командование, в руках которого находилась полностью стратегическая инициатива, сумело всесторонне подготовить операцию, обеспечить тесное взаимодействие четырех фронтов.

Благодаря героическим усилиям советского народа, руководимого Коммунистической партией, к началу операции и в ходе ее фронт получал в достаточном количестве вооружение, боеприпасы, продовольствие и всю необходимую технику.

Претворяя в жизнь директиву Ставки, командование и штаб 1-го Белорусского фронта совместно с командующими родами войск и начальниками служб, при участии командармов разработали подробный план предстоящей операции, определили направления главных ударов, поставили конкретные задачи перед каждым соединением.

Учитывая исключительные трудности действий в лесисто-болотистой местности, мы провели большие инженерные работы. Была налажена и необходимая связь.

Служба тыла сумела своевременно подвезти все нужное фронту и создать необходимые запасы боевой техники, вооружения, боеприпасов, продовольствия. В ходе наступ-

ления, особенно на первой стадии операции, мы не ощущали перебоев в снабжении.

В ходе операции между штабом фронта и командующими армиями, а также командирами частей была хорошо организована связь, осуществлялось тесное взаимодействие.

Командующие армиями продемонстрировали исключительно высокий уровень оперативного искусства, широко применяли маневр на окружение крупных группировок врага.

Командиры всех степеней, получившие боевой опыт в предшествовавших сражениях, умело руководили войсками.

Успехом операции мы были обязаны возросшему мастерству, исключительному мужеству, выносливости и массовому героизму наших воинов. Сражаясь в условиях труднопроходимой местности, они были отважны и неутомимы, их не могли остановить ни вражеский огонь, ни болота, ни бесчисленные реки и речушки. Высокую мобильность проявили при этом саперные и инженерные части.

Политические органы, партийные и комсомольские организации сумели сплотить коммунистов и комсомольцев, воодушевить войска на преодоление всех трудностей.

Нельзя обойти молчанием и то обстоятельство, что на протяжении всей Белорусской операции Ставка очень внимательно относилась к нашим предложениям и просьбам, поддерживала любое полезное начинание.

Все это способствовало успеху операции.

Развернувшееся в июле месяце сражение на левом крыле 1-го Белорусского фронта и начавшееся на несколько дней раньше наступление войск нашего соседа слева, 1-го Украинского фронта, вылились в стройное взаимодействие двух фронтов, действовавших на смежных флангах.

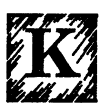
Стремительному продвижению войск левого крыла нашего фронта способствовало в большой степени то обстоятельство, что своим наступлением 1-й Украинский фронт лишил возможности противника подкреплять свои силы на люблинском направлении, в свою очередь наступление войск нашего фронта не позволяло противнику перебрасывать войска от нас против войск 1-го Украинского фронта.

Я упомянул об этом потому, что в одной из статей Иван Степанович Конев отзывается об этой операции 1-го Украинского фронта, как о самостоятельно им проведенной. Эта операция, как и многие другие, заблаговременно планировалась Ставкой и проводилась войсками двух фронтов, часто операции вытекали одна из другой. В этом и проявлялось высокое военное искусство Ставки и Генерального штаба в то время.

Та операция, о которой в данном случае идет речь, вытекала из начавшейся крупной Белорусской операции и проводилась во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом справа, а затем и со 2-м Украинским фронтом слева.

Устремившись вперед своим левым крылом, мы даже несколько обогнали нашего левого соседа и раньше приступили к форсированию реки Висла, где и вели бои, расширяя и удерживая захваченные плацдармы южнее Варшавы. Войска левого соседа тоже завязали бои за овладение плацдармами на этой же реке.

ВАРШАВА

ак только наши войска вступили в Польшу, перед нами возникло много сложных вопросов. На освобожденной территории, а она простиралась уже до Вислы, находилось много польских вооруженных отрядов, сражавшихся с оккупантами. Здесь были Гвардия Людова, Армия Людова, Армия Крайова, Батальоны хлопские. Были и смешанные партизанские отряды, руководимые советскими офицерами, оказавшимися по разным причинам на вражеской территории. Эти группы состояли из людей различных политических направлений, но объединенных единой целью борьбы с общим врагом.

Теперь, с приходом наших войск, они получили возможность слиться в могучую силу.

Польское население относилось к Красной Армии тепло и приветливо. Видно было, что народ искренне радуется нашему приходу и старается сделать все, чтобы ускорить изгнание фашистских оккупантов. По мере продвижения вперед 1-я польская армия быстро пополнялась добровольцами из местного населения. В нее вливались части из Гвардии Людовой, Армии Людовой и других сил Сопротивления. И только АК — Армия Крайова — упорно держалась в стороне. От первой же встречи с представителями этой организации у нас остался неприятный осадок. Получив данные, что в лесах севернее Люблина находится польское соединение, именующее себя 7-й дивизией АК, мы решили послать туда для связи нескольких штабных командиров. Встреча состоялась. Офицеры-аковцы, носившие польскую форму, держались надменно, отвергли предложение о взаимодействии в боях против немецко-фаши-

стских войск, заявили, что АК подчиняется только распоряжениям польского лондонского правительства и его уполномоченных... Они так определили отношение к нам: «Против Красной Армии оружие применять не будем, но и никаких контактов иметь не хотим». Весьма пикантная позиция!

В Люблине тем временем стал действовать центральный орган народной власти — Польский Комитет национального освобождения. Он взял на себя решение всех подобных щекотливых вопросов.

По приглашению польского правительства я побывал в Люблине. Познакомился с большинством членов нового правительства. Это были патриоты своей родины и революционеры-интернационалисты. Тяжелое бремя пришлось им взвалить тогда на свои плечи, но товарищи не унывали и настроены были оптимистически. Мы присутствовали на параде частей 1-й польской армии и демонстрации трудящихся Люблина. С этого времени у нас с польским правительством установилась тесная связь.

2 августа наши разведывательные органы получили данные, что в Варшаве будто бы началось восстание против немецко-фашистских оккупантов. Это известие сильно нас встревожило. Штаб фронта немедленно занялся сбором сведений и уточнением масштаба восстания и его характера. Все произошло настолько неожиданно, что мы терялись в догадках и вначале думали: не немцы ли распространяют эти слухи, а если так, то с какой целью? Ведь, откровенно говоря, самым неудачным временем для начала восстания было именно то, в какое оно началось. Как будто руководители восстания нарочно выбрали время, чтобы потерпеть поражение... Вот такие мысли невольно лезли в голову. В это время 48-я и 65-я армии вели бои в ста с лишним километрах восточнее и северо-восточнее Варшавы (наше правое крыло было ослаблено уходом в резерв Ставки двух армий, а предстояло еще, разгромив сильного противника, выйти к Нареву и овладеть плацдармами на его западном берегу). 70-я армия только что овладела Брестом и очищала район от остатков окруженных там немецких войск. 47-я армия вела бои в районе Седлеца фронтом на север. 2-я танковая армия, ввязавшись в бой на подступах

к Праге (предместье Варшавы на восточном берегу Вислы), отражала контратаки танковых соединений противника. 1-я польская армия, 8-я гвардейская и 69-я форсировали Вислу южнее Варшавы у Магнушева и Пулавы, захватили и стали расширять плацдармы на ее западном берегу — в этом состояла основная задача войск левого крыла, они могли и обязаны были ее выполнить.

Вот таким было положение войск нашего фронта в момент, когда в столице Польши вспыхнуло восстание.

В свое время в западной печати нашлись злопыхатели, пытавшиеся обвинить войска 1-го Белорусского фронта, конечно и меня, как командующего, в том, что мы якобы сознательно не поддержали варшавских повстанцев, обрекли их этим на гибель.

По своей глубине Белорусская операция не имеет себе равных. На правом крыле 1-го Белорусского фронта советские войска продвинулись более чем на 600 километров. Это стоило много сил и крови. Чтобы захватить Варшаву с ее мощными укреплениями и многочисленным вражеским гарнизоном, требовалось время на пополнение и подготовку войск, подтягивание тылов. Но в те дни мы пошли бы на все, чтобы поддержать восставших, объединить с ними наши усилия.

Но те, кто толкнул варшавян на восстание, не думали о соединении с приближавшимися войсками Советского Союза и польской армии. Они боялись этого. Они думали о другом — захватить в столице власть до прихода в Варшаву советских войск. Так приказывали господа из Лондона.

В своем могучем движении на запад, сметая все преграды на пути, войска нашего фронта перевыполнили свою задачу, захватив плацдармы для подготовки новой операции. Но чтобы начать ее, требовалось время.

Да, Варшава была рядом — мы вели тяжелые бои на подступах к Праге. Но каждый шаг давался с огромным трудом.

Я с группой офицеров побывал в сражавшейся здесь 2-й танковой армии. С наблюдательного пункта, расположенного на высокой заводской трубе, мы видели Варшаву. Город был в облаках дыма. Тут и там горели дома, вспы-

хивали разрывы бомб и снарядов. По всему чувствовалось, что в городе идет бой.

Однако никакой связи с повстанцами мы пока не имели. Наши органы разведки старались связаться с ними любыми способами, но ничего не получалось.

Деятельное участие в выяснении событий в Варшаве приняли польские товарищи из Люблина. Спустя некоторое время стало известно, что восстание было организовано группой офицеров АК и началось 1 августа по сигналу польского эмигрантского правительства из Лондона. Руководили восстанием генерал Бур-Коморовский и его помощник генерал Монтер (командующий Варшавским военным округом). Главенствующую роль играла Армия Крайова — части ее были наиболее многочисленны, лучше вооружены и организованы. К восстанию примкнули все патриотически настроенные варшавские жители, все, кто горел ненавистью к немецко-фашистским оккупантам и желанием быстрее изгнать поработителей. Взявшись за оружие, варшавяне били врага и ни о чем другом не думали.

Из всего, что мне удалось узнать от польских товарищей и из обширных материалов, которые поступали в штаб фронта, можно было сделать вывод — руководители восстания старались не допустить каких-либо контактов восставших с Красной Армией. Но шло время, и народ начинал понимать, что его обманывают. Обстановка в Варшаве становилась все более тяжелой, начались распри среди восставших. И только тогда главари АК решились через Лондон обратиться к советскому командованию.

Генеральный штаб, получив эту депешу, оформил связь между нами и повстанцами. Уже на второй день после этого, 18 сентября, английское радио передало, что генерал Бур сообщил о координации действий со штабом Рокоссовского, а также о том, что советские самолеты непрерывно сбрасывают восставшим в Варшаве оружие, боеприпасы и продовольствие.

Оказывается, можно было быстро связаться с командованием 1-го Белорусского фронта. Было бы желание. А поспешил Бур установить с нами связь лишь после того, как потерпела неудачу попытка англичан снабжать повстанцев с помощью авиации. Днем над Варшавой появи-

лось 80 самолетов «летающая крепость» в сопровождении истребителей «мустанг». Они проходили группами на высоте до 4500 метров и сбрасывали груз. Конечно, при такой высоте он рассеивался и по назначению не попадал. Немецкие зенитки сбили два самолета. После этого случая англичане не повторяли своих попыток.

Описывая все это, я несколько забежал вперед. К событиям в Варшаве я еще вернусь, а сейчас обратимся к борьбе, которую вели наши войска.

Нащупав у нас слабое место — промежуток между Прагой и Седлецом (Седльце), противник решил отсюда нанести удар во фланг и тыл войск, форсировавших Вислу южнее польской столицы. Для этого он сосредоточил на восточном берегу в районе Праги несколько дивизий: 4-ю танковую, 1-ю танковую «Герман Геринг», 19-ю танковую и 73-ю пехотную. 2 августа немцы нанесли свой контрудар, но были встречены на подступах к Праге подходившими туда с юга частями нашей 2-й танковой армии. Завязался упорный встречный бой. Немецкие войска оказались в более выгодном положении, так как они опирались на сильный Варшавский укрепленный район.

Казалось бы, что в этой обстановке варшавские повстанцы могли бы постараться захватить мосты через Вислу и овладеть Прагой, нанеся удар противнику с тыла. Тем самым они помогли бы войскам 2-й танковой армии, и кто знает, как бы разыгрались тогда события. Но это не входило ни в расчеты лондонского польского правительства, три представителя которого находились в Варшаве, ни в расчеты генералов Бура и Монтера. Они сделали свое черное дело и ушли, а расплачивался за все спровоцированный ими народ.

2-я танковая армия, которой после ранения Богданова командовал начальник штаба Радзиевский, способный, энергичный генерал, продолжала отражать удары врага из района Праги, взаимодействуя с 47-й армией, освободившей Седлец и оттеснявшей противника к северо-западу от него. На этом участке сложилось для нас весьма рискованное положение: войска двух армий, развернувшись фронтом на север, вытянулись в нитку, введя в бой все свои резервы; не осталось ничего и во фронтовом резерве. Был

единственный выход — ускорить продвижение от Бреста 70-й армии и скорее вытянуть из лесов Беловежской Пущи армии генералов Батова и Романенко.

Наш правый сосед — 2-й Белорусский фронт несколько поотстал, а 65-я армия, не встречая особого сопротивления со стороны противника, быстро преодолела лесные массивы Беловежской Пущи, вырвалась вперед и тут попала в неприятную историю, будучи атакованной с двух сторон частями двух немецких танковых дивизий. Они врезались в центр армии, разъединили ее войска на несколько групп, лишив командарма на некоторое время связи с большинством соединений. Был такой момент, когда перемешались наши части с немецкими и трудно было разобрать, где свои, где противник; бой принял очаговый характер.

Невольно вспомнились мне бои конца 1914 года в районе Лодзь, Бржезины. Тогда создалась подобная же ситуация. Окруженный русскими войсками немецкий корпус, выходя из кольца, окружил русские части. Все перемешалось... Мне самому довелось побывать в этом «слоеном пироге» — я служил в то время в 5-м Каргопольском драгунском полку 5-й кавалерийской дивизии.

...Части и подразделения 65-й армии проявили большую выдержку в столь сложной обстановке. Они быстро занимали круговую оборону, отражали вражеские атаки, стремились пробиться друг к другу. П.И. Батов и его штаб приняли необходимые меры. Командование фронта послало на выручку стрелковый корпус и танковую бригаду. Положение было восстановлено, а противник, понеся большие потери, с трудом унес ноги. Но Павлу Ивановичу пришлось пережить тяжелые минуты.

В это же время продвинувшийся еще дальше на запад 4-й гвардейский кавалерийский корпус был прижат к реке Буг северо-западнее Бреста и окружен. Как раз в этом месте был укрепленный район, им и воспользовался генерал Плиев. Все атаки корпус легко отражал. Боеприпасы доставляли ему ночью по воздуху самолеты По-2 (так стали называться бывшие У-2). С приближением 70-й и 65-й армий кавкорпус перешел в преследование отходящего врага, причинив ему много неприятностей своими смелыми и внезапными ударами.

По характеру действий противника чувствовалось, что он, осознав проигрыш сражения за бугский рубеж и на варшавском направлении, будет стремиться оттянуть как можно больше своих сил на рубеж реки Нарев. Об этом говорили данные нашей разведки и показания пленных. На наревском рубеже усиленными темпами шли оборонительные работы.

Нужно было нарушить планы вражеского командования. Войскам 48, 65 и 70-й армий было приказано стремительно выйти на Нарев. Рекомендовалось создавать сильные подвижные отряды из всех родов войск, которым следовало обходить опорные пункты, прорываться в тыл, отсекая отходящие немецкие войска, захватывать плацдармы на западном берегу Нарева и удерживать их до подхода главных сил.

Наиболее удачно эту задачу решила 65-я армия. Донской танковый корпус М.Ф. Панова, взаимодействуя со стрелковыми дивизиями, 5 сентября форсировал Нарев в районе Пултуска и южнее. Начались жестокие схватки на западном берегу. Противник бросал в бой новые и новые части, стремясь опрокинуть в реку войска армии, но командарм делал все, чтобы не только удержать, но и расширить плацдарм, так необходимый нам для предстоящего наступления.

Выход 65-й армии на Нарев ускорил продвижение и 70-й армии, наступавшей в общем направлении на Соколув, Радзымин, Модлин (севернее Варшавы), и 48-й армии, которая наконец тоже форсировала Нарев в районе Рожан и тоже захватила плацдарм.

Первая половина сентября ознаменовалась крупными многодневными боями. Они не затихали и ночью. Противник решил во что бы то ни стало ликвидировать наши плацдармы на Висле и Нареве. В первую очередь, как всегда, враг двинул свою ударную силу — танки. Применял он их массами на Висле против войск Чуйкова и на Нареве против войск Батова. Но ничто ему не помогло. Все вражеские атаки были отбиты. Потеряв сотни танков, самоходных орудий и десятки тысяч солдат, немецкое командование вынуждено было признать свое поражение и перейти к обороне. В этих боях наша славная 16-я воздушная

армия все время господствовала в воздухе. Лишь одиночные немецкие самолеты могли наносить удары, как говорят, из-за угла.

Прорыв висло-наревского рубежа открывал нам дорогу непосредственно в пределы Германии. Вот почему по мере накопления сил и средств немецкое командование обрушило удары по нашим плацдармам и упорно обороняло свои позиции на правом берегу Вислы восточнее Варшавы, переходя время от времени в наступление. На этом участке создалось нетерпимое для нас положение. На варшавском предполье сосредоточилась сильная группировка в составе 5-й танковой дивизии СС «Викинг», 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова», 19-й танковой и до двух пехотных дивизий. Мы не могли допустить, чтобы она продолжала угрожать нам. Когда подошла 70-я армия, было принято решение попытаться разгромить вражеские войска, удерживавшие предполье восточнее Варшавы, и овладеть предместьем Прага. Для этой операции были привлечены 47-я и 70-я армии, часть сил 1-й польской армии, 16-я воздушная армия, а из состава усиления — все, что можно было взять с других участков фронта.

11 сентября войска начали бой. К 14 сентября они разгромили противника и овладели Прагой. Мужественно сражались пехотинцы, танкисты, артиллеристы, саперы, летчики наших частей и рядом с ними — славные воины 1-й польской армии. Большую помощь воинам в самом городе оказывали жители Праги; многие из них сложили свои головы в этих боях.

Вот когда было наиболее подходящее время для восстания в польской столице! Если бы удалось осуществить совместный удар войск фронта с востока, а повстанцев — из самой Варшавы (с захватом мостов), то можно было бы в этот момент рассчитывать на освобождение Варшавы и удержание ее. На большее, пожалуй, даже при самых благоприятных обстоятельствах войска фронта не были бы способны.

Очистив от противника Прагу, наши армии вплотную подошли к восточному берегу Вислы. Все мосты, соединявшие предместье с Варшавой, оказались взорванными.

В столице все еще шли бои.

Продолжались бои и севернее Праги, на модлинском направлении. Несколько затихло на наревских плацдармах, но разгорелись сильнейшие схватки на западном берегу Вислы. Особенно тяжело пришлось войскам, удерживавшим магнушевский плацдарм. Должен прямо сказать, что отстоять его нам удалось в значительной степени потому, что обороной руководил командующий 8-й гвардейской армией Василий Иванович Чуйков. Он находился все время там, в самом пекле. Правда, и командование фронта делало все, чтобы своевременно оказать помощь сражавшимся войскам фронтовыми средствами и авиацией.

Разыгравшаяся в Варшаве трагедия не давала покоя. Сознание невозможности предпринять крупную операцию для того, чтобы выручить восставших, было мучительным.

В этот период со мной беседовал по ВЧ Сталин. Я доложил обстановку на фронте и обо всем, что связано с Варшавой. Сталин спросил, в состоянии ли войска фронта предпринять сейчас операцию по освобождению Варшавы. Получив от меня отрицательный ответ, он попросил оказать восставшим возможную помощь, облегчить их положение. Мои предложения, чем и как будем помогать, он утвердил.

Я уже упоминал, что с 13 сентября началось снабжение повстанцев по воздуху оружием, боеприпасами, продовольствием и медикаментами. Это делали наши ночные бомбардировщики По-2. Они сбрасывали груз с малых высот в пункты, указанные повстанцами. С 13 сентября по 1 октября 1944 года авиация фронта произвела в помощь восставшим 4821 самолето-вылет, в том числе с грузами для повстанческих войск — 2535. Наши самолеты по заявкам повстанцев прикрывали их районы с воздуха, бомбили и штурмовали немецкие войска в городе.

Зенитная артиллерия фронта начала прикрывать повстанческие войска от налетов вражеской авиации, а наземная артиллерия — подавлять огнем неприятельские артиллерийские и минометные батареи, пытавшиеся обстреливать восставших. Для связи и корректировки огня были сброшены на парашютах офицеры. Нам удалось добиться того, что немецкие самолеты перестали показываться над расположением повстанцев. Польские товарищи, которым удавалось пробраться к нам из Варшавы, с вос-

торгом отзывались о действиях наших летчиков и артиллеристов.

Различные повстанческие организации охотно и с радостью принимали офицеров связи и корректировщиков. Все поляки-патриоты, однако, предупреждали их, что аковцы никаких дел с нами иметь не хотят, руководство АК ведет себя подозрительно, разжигает враждебную агитацию против Советского Союза, польского правительства, организованного в Люблине, против 1-й польской армии. Настораживало, что Бур так и не попытался связаться напрямую со штабом фронта, хотя Генеральный штаб сообщил ему код. Было ясно, что эти политиканы пойдут на все, только не на содействие нам. И вскоре это подтвердилось.

Расширяя помощь восставшим, мы решили высадить сильный десант на противоположный берег, в Варшаву, используя наплавные средства. Организацию операции взял на себя штаб 1-й польской армии. Время и место высадки, план артиллерийского и авиационного обеспечения, взаимные действия с повстанцами — все было заблаговременно согласовано с руководством восстания.

16 сентября десантные подразделения польской армии двинулись через Вислу. Они высаживались на участках берега, которые были в руках повстанческих отрядов. На том и строились все расчеты. И вдруг оказалось, что на этих участках — гитлеровцы.

Операция протекала тяжело. Первому броску десанта с трудом удалось зацепиться за берег. Пришлось вводить в бой все новые силы. Потери росли. А руководители повстанцев не только не оказали никакой помощи десанту, но даже не попытались связаться с ним.

В таких условиях удержаться на западном берегу Вислы было невозможно. Я решил операцию прекратить. Помогли десантникам вернуться на наш берег. К 23 сентября эти подразделения трех пехотных полков 1-й польской армии присоединились к своим частям.

Решаясь на героический десант, польские воины сознательно шли на самопожертвование, стремясь выручить попавших в беду соотечественников. Но их предали те, для кого интересы власть имущих были дороже интересов родины. Вскоре мы узнали, что по распоряжению Бура-Ко-

моровского и Монтера части и отряды АК к началу высадки десанта были отозваны с прибрежных окраин в глубь города. Их место заняли немецко-фашистские войска. При этом пострадали находившиеся здесь подразделения Армии Людовой; аковцы не предупредили их о том, что покидают прибрежную полосу.

С этого момента руководство АК начало подготовку к капитуляции, о чем в архивах сохранился довольно богатый материал. Наши предложения о помощи желающим эвакуироваться из Варшавы на восточный берег Вислы не были приняты во внимание. Уже после капитуляции удалось перебраться на восточный берег всего нескольким десяткам повстанцев.

Так трагически закончилось варшавское восстание.

В ПРЕДЕЛЫ ГЕРМАНИИ

Непосредственно у Варшавы активные боевые действия прекратились. Лишь на модлинском направлении шли у нас нелегкие и безуспешные бои. Противник удерживал на восточном берегу Вислы и Нарева небольшой плацдарм в виде треугольника, вершина которого находилась у слияния рек. На этот участок, расположенный в низине, наступать можно было только в лоб. Окаймляющие его противоположные берега Вислы и Нарева сильно возвышались над местностью, которую нашим войскам приходилось штурмовать. Все подступы немцы простреливали перекрестным артиллерийским огнем с позиций, расположенных за обеими реками, а также артиллерией крепости Модлин, находившейся в вершине треугольника.

Войска 70-й и 47-й армий безрезультатно атаковали плацдарм, несли потери, расходовали большое количество боеприпасов, а выбить противника никак не могли. Между тем от нас требовали не оставлять в руках врага плацдарм на восточном берегу. Я решил лично изучить обстановку непосредственно на местности. Ознакомившись с вечера с организацией наступления, которое должно было начаться на рассвете, я с двумя офицерами штаба прибыл в батальон 47-й армии, который действовал в первом эшелоне. Мы расположились в окопе. Со мной был телефон и ракетница. Договорились: красные ракеты — бросок в атаку, зеленые — атака отменяется.

В назначенное время наши орудия, минометы и «катюши» открыли огонь. Били здорово. Но ответный огонь противника был куда сильнее. Тысячи снарядов и мин

обрушились на наши войска из-за Нарева, из-за Вислы, из фортов крепости. Огонь вели орудия разных калибров, вплоть до тяжелых крепостных, минометы обыкновенные и шестиствольные. Противник не жалел снарядов, словно хотел показать, на что он еще способен. Какая тут атака! Пока эта артиллерийская система не будет подавлена, не может быть и речи о ликвидации вражеского плацдарма. А у нас пока и достаточных средств не было под рукой, да и цель не заслуживала такого расхода сил.

Я приказал подать сигнал об отмене атаки, а по телефону приказал генералам Гусеву и Попову прекратить наступление.

Вернувшись на фронтовой КП, связался с Москвой. Доложил о моем решении прекратить наступление. Сталин ответил не сразу, попросил немного подождать. Вскоре он снова вызвал меня к ВЧ. Сказал, что с предложением согласен. Приказал наступление прекратить, а войскам фронта перейти к прочной обороне и приступить к подготовке новой наступательной операции.

Противник на всем фронте перешел к обороне. Зато нам не разрешал перейти к обороне на участке севернее Варшавы на модлинском направлении находившийся в это время у нас представитель Ставки ВГК маршал Жуков.

Я уже упоминал о том, что на этом направлении противник удерживал на восточных берегах рек Висла и Нарев небольшой участок местности, упиравшийся своей вершиной в слияние этих рек и обтекаемый с одной стороны Вислой, а с другой — рекой Нарев. Эта местность образовывала треугольник, расположенный в низине, наступать на который можно было только с широкой ее части, то есть в лоб. Окаймляющие этот злополучный участок берега упомянутых рек сильно возвышались над той местностью, которую нашим войскам приходилось штурмовать, и с этих высоких берегов противник прекрасно просматривал все, что творилось на подступах к позициям, обороняемым его войсками. Самой сильной стороной его обороны было то, что все подступы простреливались перекрестным артиллерийским огнем с позиций, расположенных за реками Нарев и Висла, а

кроме того, артиллерией, располагавшейся в крепости Модлин у слияния названных рек.

Войска несли большие потери, расходовалось большое количество боеприпасов, а противника выбить из этого треугольника мы никак не могли.

Мои неоднократные доклады Жукову о нецелесообразности этого наступления и доводы, что если противник и уйдет из этого треугольника, то мы все равно его занимать не будем, так как он нас будет расстреливать своим огнем с весьма выгодных позиций, не возымели действия. От него я получал один ответ, что он не может уехать в Москву с сознанием того, что противник удерживает плацдарм на восточных берегах Вислы и Нарева.

Для того чтобы решиться на прекращение этого бессмысленного наступления вопреки желанию представителя Ставки, я решил лично изучить непосредственно на местности обстановку. Ознакомившись вечером с условиями и организацией наступления, которое должно было начаться с рассветом следующего дня, я с двумя офицерами штаба прибыл в батальон 47-й армии, который действовал в первом эшелоне.

До рассвета мы залегли на исходном положении для атаки. Артиллерийская подготовка назначена 15-минутная, и с переносом огня на вторую траншею противника батальон должен был броситься в атаку. Со мной был телефон и установлены сигналы: бросок в атаку — красные ракеты, атака отменяется — зеленые.

Ночью противник вел себя спокойно. Ни с его стороны, ни с нашей стрельба не открывалась. Чувствовалось даже в какой-то степени проявляемое противником некоторое пренебрежение по отношению к нам, так как наши войска вели себя не особенно тихо. Заметно было на многих участках движение, слышался шум машин и повозок, искрили трубы передвижных кухонь, подвозивших на позиции пищу. Наконец в назначенное время наша артиллерия, минометы и «катюши» открыли огонь. Я не буду описывать произведенного на меня эффекта огня наших средств, но то, что мне пришлось видеть и испытать в ответ на наш огонь со стороны противника, забыть нельзя. Не прошло и 10 минут от начала нашей артподготовки, как ее открыл и против-

ник. Его огонь велся по нам с трех направлений: справа из-за Нарева — косоприцельный, слева из-за Вислы — тоже косоприцельный и в лоб — из крепости и фортов. Это был настоящий ураган, огонь вели орудия разных калибров, вплоть до тяжелых: крепостные, минометы обыкновенные и шестиствольные. Противник почему-то не пожалел снарядов и ответил нам таким огнем, как будто хотел показать, на что он еще способен. Какая тут атака! Тело нельзя было оторвать от земли, оно будто прилипло, и, конечно, мне лично пришлось убедиться в том, что до тех пор, пока эта артиллерийская система противника не будет подавлена, не может быть и речи о ликвидации занимаемого противником плацдарма. А для подавления этой артиллерии у нас средств сейчас не было.

Учтя все это, не ожидая конца нашей артподготовки, я приказал подать сигнал об отмене атаки, а по телефону передал командармам 47-й и 70-й о прекращении наступления. Вернувшись на наблюдательный пункт командарма 47 генерала Н.И. Гусева, приказал воздержаться от всяких наступательных действий до моего особого распоряжения, такое же распоряжение получил и командарм 70 В.С. Попов.

На свой фронтовой КП я возвратился в состоянии сильного возбуждения и не мог понять упрямства Жукова. Что собственно он хотел этой своей нецелесообразной настойчивостью доказать? Ведь не будь его здесь у нас, я бы давно от этого наступления отказался, чем сохранил бы много людей от гибели и ранений и сэкономил бы средства для предстоящих решающих боев. Вот тут-то я еще раз окончательно убедился в ненужности этой инстанции — представителей Ставки — в таком виде, как они использовались. Это мнение сохранилось и сейчас, когда пишу эти воспоминания.

Мое возбужденное состояние бросилось, по-видимому, в глаза члену Военного совета фронта генералу Н. А. Булганину, который поинтересовался, что такое произошло, и, узнав о моем решении прекратить наступление, посоветовал мне доложить об этом Верховному Главнокомандующему, что я и сделал тут же.

Сталин меня выслушал. Заметно было, что он обратил внимание на мое взволнованное состояние и попытался

успокоить меня. Он попросил немного подождать, а потом сказал, что с предложением согласен, и приказал наступление прекратить, войскам фронта перейти к обороне и приступить к подготовке новой наступательной операции.

Свои соображения об использовании войск фронта он предложил представить ему в Ставку. После этого разговора у меня словно гора свалилась с плеч. Мы все воспряли духом и приступили к подготовке директивы войскам.

Противник еще пытался время от времени тревожить войска, оборонявшие магнушевский плацдарм, но прекратил всякую активность на Нареве. Это несколько настораживало. Воздушная разведка стала замечать, что немецкие истребители почему-то уж очень плотно прикрывают все коммуникации, ведущие из районов западнее Варшавы на север. Радиоразведка засекла движение в том же направлении уже знакомых нам танковых соединений противника. Штаб фронта предупредил генералов Батова и Романенко о подозрительном поведении врага. Но, успокоенные тишиной перед своим передним краем, штабы армий не встревожились. Более того, Батов решился даже отвести некоторые части с передовых линий во второй эшелон для отработки в поле задач на наступление.

Поэтому для 65-й армии гроза разразилась внезапно. Противнику удалось сосредоточить в глубине крупные танковые силы и 4 октября нанести ошеломляющий удар. Мощная артиллерийская подготовка длилась около часа, и сразу — атака танков, которые шли в несколько эшелонов. Противник, введя в бой одновременно большие силы, рассчитывал быстро разделаться с нашими войсками, оборонявшими плацдарм.

Действовал он решительно, местами в первый же день оттеснил наши части к берегу, и те удержались там лишь потому, что их поддерживала артиллерия с восточного берега, ведя огонь прямой наводкой.

Угроза нависла над плацдармом очень большая. Это вынудило меня выехать к Батову, взяв с собой Телегина, Казакова, Орла и нашего фронтового инженера Прошлякова. Сразу же были двинуты в 65-ю армию фронтовые средства усиления, в первую очередь истребительно-проти-

вотанковые части и танковые бригады. Плохая погода ограничивала действия авиации.

Прибыв на армейский КП, мы вместе с генералом Батовым установили, куда именно и какую направить помощь. А как ее использовать — это уже было делом самого командарма.

Во второй половине дня фронтовые части усиления вступили в бой. Постепенно положение на плацдарме стало улучшаться. Натиск противника слабел. Когда на плацдарм переправились наши танковые соединения, гитлеровцы были остановлены, а затем отброшены. На третий день боев смогли подняться в воздух наши самолеты. Диктовать уже начали мы. Войска 65-й армии перешли в контрнаступление и еще более расширили плацдарм. Мы смогли ввести на него дополнительно 70-ю армию. Теперь уже можно было думать не об обороне (хотя урок, конечно, был учтен!), а о подготовке этого плацдарма как трамплина для броска войск в пределы Германии.

Получив ориентировочные предположения Ставки о направлении действий войск 1-го Белорусского фронта, мы своим коллективом начали отрабатывать элементы плана новой фронтовой наступательной операции. Основные идеи: нанесение главного удара с пултуского плацдарма на Нареве в обход Варшавы с севера, а с магнушевского и пулавского плацдармов — глубокого удара южнее Варшавы в направлении на Познань. Соответственно этому намечалась группировка сил. Эти соображения начальник штаба фронта М.С. Малинин доложил Генеральному штабу, они были утверждены Ставкой. С этого момента для отработки операции были привлечены командармы и их штабы.

Место фронта было понятно, и все мы горели желанием как можно лучше подготовить себя и войска к этой интереснейшей наступательной операции. Но не суждено было мне в ней руководить войсками 1-го Белорусского фронта...

Вернулся я к себе на КП после поездки на пулавский плацдарм за Вислой, занимаемый войсками генерала Колпакчи. С ним мы были знакомы по Белорусскому военному округу еще в 1930—1931 годах. Тогда я командовал 7-й Самарской кавдивизией имени Английского пролетариата, а Колпакчи был начальником штаба стрелкового корпуса.

Вот с этим высокообразованным, инициативным генералом мы и отрабатывали весь день варианты действий 69-й армии с пулавского плацдарма.

Уже был вечер. Только мы собрались в столовой поужинать, дежурный офицер доложил, что Ставка вызывает меня к ВЧ. У аппарата был Верховный Главнокомандующий. Он сказал, что я назначаюсь командующим войсками 2-го Белорусского фронта. Это было столь неожиданно, что я сгоряча тут же спросил:

— За что такая немилость, что меня с главного направления переводят на второстепенный участок?

Сталин ответил, что я ошибаюсь: тот участок, на который меня переводят, входит в общее западное направление, на котором будут действовать войска трех фронтов — 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского; успех этой решающей операции будет зависеть от тесного взаимодействия этих фронтов, поэтому на подбор командующих Ставка обратила особое внимание.

Касаясь моего перевода, Сталин сказал, что на 1-й Белорусский назначен Г.К. Жуков.

— Как вы смотрите на эту кандидатуру?

Я ответил, что кандидатура вполне достойная, что, по-моему, Верховный Главнокомандующий выбирает себе заместителя из числа наиболее способных и достойных генералов, каким и является Жуков. Сталин сказал, что доволен таким ответом, и затем в теплом тоне сообщил, что на 2-й Белорусский фронт возлагается очень ответственная задача, фронт будет усилен дополнительными соединениями и средствами.

— Если не продвинетесь вы и Конев, то никуда не продвинется и Жуков, — заключил Верховный Главнокомандующий.

Заканчивая разговор, Сталин заявил, что не будет возражать, если я возьму с собой на новое место тех работников штаба и управления, с которыми сработался за долгое время войны. Поблагодарив за заботу, я сказал, что надеюсь и на новом месте встретить способных сотрудников и хороших товарищей. Сталин ответил коротко:

— Вот за это благодарю!

Этот разговор по ВЧ происходил примерно 12 ноября, а на другой день я выехал к месту нового назначения. Маршал Жуков тогда еще не прибыл. Спустя некоторое время я решил встретиться с ним и попрощаться с товарищами.

Был как раз праздник артиллерии, и мы провели вечер в тесной командирской семье. Высказано было много пожеланий. Тепло распрощавшись с Георгием Константиновичем и со своими сослуживцами, в бодром настроении я вернулся во 2-й Белорусский фронт, будучи доволен, что не поддался соблазну и никого из своих сотрудников не потянул за собой. Я встретил достойных офицеров как в штабе 2-го Белорусского фронта, так и в управлении. Мы быстро сработались.

Командный пункт 2-го Белорусского фронта располагался в небольшой деревушке на открытой местности и уже несколько раз подвергался бомбежке одиночными немецкими самолетами. Противник, по-видимому, догадывался о расположении здесь какого-то штаба. А нам предстояла большая работа по подготовке операции, что неизбежно должно было привести к увеличению движения в районе КП, и противник, конечно, заметил бы это. Мы решили перенести командный пункт в лесной массив в район Длугоседло, поближе к фронту. Саперы там уже приступили к работе. Но пока мы продолжали оставаться на старом месте.

Принимаю должность от генерала армии Г.Ф. Захарова. Сознаюсь, мне было очень неловко перед ним. Ведь он хорошо командовал. И вдруг я пришел на его место. Мне-то еще полбеды — заступаю на равнозначащую должность, а Захаров назначается, формально говоря, с понижением — заместителем командующего фронтом. Он уходит в 1-й Белорусский фронт к Г.К. Жукову, а ко мне заместителем оттуда переводится генерал-полковник К.П. Трубников. Все это произошло без моего ведома, но я не в обиде: Кузьма Петрович Трубников хороший, опытный командир и замечательный человек.

Со сдачей и приемом командования уложились в один день. Захаров ознакомил с состоянием войск, представил

мне работников штаба и управления. На следующее утро он уехал к новому месту службы, а я тоже стал собираться в путь: вызвали в Ставку.

Задачу ставил лично Верховный Главнокомандующий. Нам предстояло наступать на северо-запад. Сталин предупредил, чтобы мы не обращали внимания на восточно-прусскую группировку противника. Ее разгром возлагается всецело на 3-й Белорусский фронт. Даже не упоминалось о взаимодействии между нами и нашим правым соседом (впоследствии, как известно, жизнь внесла поправку, и нам пришлось большую часть войск повернуть на север).

Особо предупреждалось о самом тесном взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом. Мне запомнилась даже такая деталь: когда Сталин рассматривал нашу карту, он собственноручно красным карандашом вывел стрелу, направленную во фланг противнику. И тут же пояснил:

— Так вы поможете Жукову, если замедлится наступление войск 1-го Белорусского фронта.

В последующей беседе со мной Сталин еще раз подчеркнул, что назначаюсь я не на второстепенное, а на важнейшее направление, и высказал предположение, что именно трем фронтам — 1-му и 2-му Белорусским и 1-му Украинскому предстоит закончить войну на Западе.

Там же, в Ставке, мне сообщили, что граница нашего фронта передвигается к югу до впадения Нарева в Вислу с переходом к нам войск, занимающих этот участок. Значит, 65-я армия генерала Батова будет с нами. Это меня очень обрадовало. С 65-й армией я не разлучался со Сталинграда и имел возможность много раз убедиться в превосходных боевых качествах ее солдат, командиров, и, конечно, прежде всего самого Павла Ивановича Батова, смелого и талантливого военачальника. Отошла к нам и 70-я армия генерала В.С. Попова, с которой мы прошагали от Курской дуги до Нарева. Она сейчас оказалась крайней на левом крыле фронта на западном берегу Нарева, упираясь своим левым флангом в Вислу. Командарм ее — старый боевой генерал, в прошлом кавалерист, армией командовал уверенно. Правда, порой он казался слишком флегматичным для кавалериста, которые всегда отличались напористостью, удалью, готовностью на самые риско-

ванные действия. Василий Степанович был тяжеловат на подъем. Но зато, вдумчивый и упорный, начатое дело он всегда доводил до конца, хотя и приходилось его иногда поторапливать.

Из резерва Ставки в состав фронта вошли армии: 2-я Ударная генерала И.И. Федюнинского, 49-я генерала И.Т. Гришина (с ним я встретился впервые), 5-я гвардейская танковая генерала В.Т. Вольского, с которым мы были давно знакомы, еще с 1930 года, когда он командовал кавалерийским полком в 7-й Самарской кавдивизии. Позже мы вместе служили в Забайкальской группе войск, где он возглавлял танковую бригаду. Это был прекрасный командарм, всесторонне развитый, высококультурный, тактичный и храбрый, что давало мне право за армию не беспокоиться: она была в надежных руках.

Вместе с 3, 48 и 50-й армиями, которые и раньше входили во 2-й Белорусский фронт, к началу операции в нашем распоряжении было семь общевойсковых армий, одна танковая, одна воздушная (ею командовал генерал К.А. Вершинин, уже тогда проявивший себя как крупный авиационный начальник, отличавшийся не только высокими организаторскими способностями, но и богатой творческой инициативой) и, кроме того, кавалерийский, танковый, механизированный корпуса и артиллерия прорыва. Силы были внушительные и соответствовали поставленной перед нами задаче.

Ширина полосы фронта, в пределах которой нам предстояло действовать, достигала 250 километров. Наши войска на всем этом пространстве делали вид, что заняты укреплением своих позиций в расчете на длительную оборону, а фактически полным ходом готовились к наступлению.

Местность, на которой нам предстояло действовать, была весьма своеобразна. Правая ее половина — от Августова до Ломжи — лесисто-озерный край, очень сложный для передвижения войск. Более проходимой по рельефу была левая половина участка фронта. Но и здесь на легкое продвижение рассчитывать не приходилось. Нам предстояло преодолеть многополосную оборону противника, укреплявшуюся на протяжении многих лет.

Восточная Пруссия всегда была для Германии трамплином, с которого она нападала на своих восточных соседей. А всякий разбойник, прежде чем отправиться в набег, старается обнести свое убежище прочным забором, чтобы в случае неудачи спрятаться здесь и спасти свою шкуру. На востоке Пруссии издревле совершенствовалась система крепостей — и как исходный рубеж для нападения и как спасительная стена, если придется обороняться. Теперь нам предстояло пробивать эту стену, возводившуюся веками. При подготовке к наступлению приходилось учитывать и крайне невыгодную для нас конфигурацию линии фронта: противник нависал над нашим правым флангом. Поскольку главный удар мы наносили на своем левом крыле, войска правого фланга должны были прикрывать главные силы от вероятного удара противника с севера и по мере их продвижения тоже перемещаться на запад. У нас уже сейчас правый фланг был сильно растянут, а что произойдет, если наступление соседа замедлится? Тогда и вовсе наши войска здесь растянутся в нитку. Разграничительная линия с 3-м Белорусским фронтом у нас проходила с востока на запад — Августов, Хайльсберг. Ставка, по-видимому, рассчитывала на то, что войска соседа будут продвигаться равномерно с нашими. Но нас даже не оповестили, где командующий 3-м Белорусским фронтом И.Д. Черняховский будет наносить свой главный удар. Повторяю, о нашем взаимодействии с правым соседом Ставка не обмолвилась ни словом, по-видимому считая, что севернее нас никаких осложнений быть не может.

Выполняя директиву Ставки, мы сосредоточивали основные силы на направлении главного удара — на левом крыле. Приходилось учитывать, что после прорыва вражеской обороны на реке Нарев нам еще придется форсировать Вислу, круто поворачивающую с юга на север и пересекавшую всю полосу наступления главной группировки войск фронта. По имевшимся у нас данным, на берегах Вислы противник тоже создал сильные укрепления. Прорвав наревские позиции, мы должны были двигаться как можно быстрее, чтобы не дать немцам отойти и занять этот рубеж. Притом нас обязывали все время сохранять достаточно сильной свою ударную группировку на левом крыле, с тем

чтобы в случае необходимости оказать помощь войскам 1-го Белорусского фронта. Если о взаимодействии с соседом справа директива Ставки даже не упоминала, то на взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом настаивала категорически, и это для нас было понятно. Само начертание разграничительной линии между нами и левым соседом, проходившей с востока на запад вдоль реки Вислы до Бромберга (Быдгощ), крепко привязывало наши фронты: мы обязаны были обеспечивать соседа от вражеских ударов с севера и содействовать его продвижению на запад.

Готовя войска к наступлению, мы учитывали все особенности предстоящей операции. Времени нам отводилось достаточно. В тщательной разработке плана участвовал коллектив штаба и управления фронта, а затем и командующие армиями, начальники их штабов, руководители политорганов, командующие родами войск, начальники тылов и служб. При этом были учтены все интересные мнения и предложения. Особое внимание уделялось вопросам взаимодействия на стыках армий и обеспечению ввода в бой фронтовых подвижных соединений и вторых эшелонов. Предусмотрен был маневр вдоль фронта войсками и артиллерией. Детально обдумали, как лучше использовать авиацию.

В ходе боев нам предстояло форсировать Вислу, весьма широкую водную преграду. Были приняты меры, чтобы сразу же после прорыва вражеской обороны на Нареве снять оттуда все подвижные переправочные средства и двинуть их с наступавшими войсками к Висле. На Нареве намечалось оставить только деревянные постоянные мосты, построенные нашими саперами у плацдармов. Предусматривалось оснастить войска, как и при наступлении в Белоруссии, всеми средствами, которые могут облегчить передвижение по лесисто-болотистой местности. К счастью, почти все соединения фронта прошли через бои в Полесье и у них имелся достаточный опыт действий в подобных условиях.

Бойцы, командиры и политработники были полны энтузиазма, горели желанием как можно лучше выполнить задачу. К этому времени мы уже имели хорошо подготовленные офицерские кадры, обладавшие богатейшим боевым опытом. Общевойсковые командиры научились в со-

вершенстве руководить подразделениями, частями и соединениями в различных видах боя. На высоте положения были и командиры специальных родов войск — артиллеристы, танкисты, летчики, инженеры, связисты. А советский народ в достатке обеспечил войска лучшей по тому времени боевой техникой. Преобладающее большинство сержантов и солдат уже побывало в боях. Это были люди обстрелянные, привыкшие к трудным походам. Сейчас у них было одно стремление — скорее покончить с врагом.

Ни трудности, ни опасности не смущали их. Но мы-то обязаны были думать, как уберечь этих замечательных людей. Обидно и горько терять солдат в начале войны. Но трижды обидней и горше терять их на пороге победы, терять героев, которые прошли через страшные испытания, тысячи километров прошагали под огнем, три с половиной года рисковали жизнью, чтобы своими руками завоевать родной стране мир... Командиры и политработники получили категорический наказ: добиваться выполнения задачи с минимальными потерями, беречь каждого человека!

Военные советы фронта и армий, политорганы, партийные и комсомольские организации делали все, чтобы еще выше поднять боевое настроение людей, воодушевить их на подвиги. Придавая большое значение инициативе в бою, мы стремились сделать достоянием каждого солдата примеры находчивости и смекалки героев минувших битв. Фронтовая газета, листовки, беседы агитаторов — все было использовано для самой широкой пропаганды боевого опыта. И надо прямо сказать, в последних, завершающих боях наши люди проявили подлинно массовый героизм. Подвиг стал нормой их поведения. И это сыграло огромную роль в достижении победы, прославившей на века советского воина, воина-патриота, безгранично любящего свой народ и свою Советскую Родину.

Людей в частях и соединениях у нас не хватало попрежнему. Более или менее укомплектованными были лишь те соединения, которые прибывали из резерва Ставки — 2-я Ударная, 49-я и 5-я танковая армии. Остальные армии и отдельные соединения пополнялись в основном солдатами и офицерами, вернувшимися после излечения из фронтовых, армейских госпиталей и из медсанбатов.

Поистине наши медики были тружениками-героями. Они делали все, чтобы скорее поставить раненых на ноги, дать им возможность снова вернуться в строй. Нижайший поклон им за их заботу и доброту!

Мы знали, что перед нами сильный противник, упорство которого будет возрастать по мере нашего продвижения по его территории. Важно было сделать так, чтобы наше наступление не вылилось в затяжные бои, а было стремительным, неудержимым, чтобы враг не мог планомерно отходить, цепляясь за выгодные рубежи. Вот почему было уделено большое внимание тщательной разведке как переднего края вражеской обороны, так и всех рубежей в ее глубине, которыми гитлеровцы могли воспользоваться при отходе. Вся эта территория была тщательно и многократно сфотографирована нашей авиацией. Командиры получили аэрофотоснимки местности, где предстояло действовать их частям и соединениям. Были заранее намечены районы в глубине обороны противника и в его тылу, которые следовало захватить еще до подхода к ним наших главных сил. На специально выделенные подвижные отряды возлагалась задача прорываться вперед, обходя вражеские узлы сопротивления, захватывать на пути движения противника дефиле, переправы, мосты и удерживать их до подхода своих войск. Фронтовой авиации было приказано поддерживать эти отряды ударами по противнику с воздуха.

В дивизиях создавались сильные передовые отряды для действий ночью. Задача их — не давать противнику отрываться от наших войск, если он попытается отходить в темное время суток. Эти отряды должны были всю ночь держать врага в напряжении, ни на шаг не отпуская от себя.

Большую работу провели наши артиллеристы, возглавляемые командующим артиллерией фронта генералом А.К. Сокольским. Они разведали и пристреляли все важные цели в полосе наступления наших войск, всесторонне подготовили мощный огневой удар по врагу.

Как я уже говорил, по директиве фронта главный удар фронт наносил на своем левом крыле. Для этого привлекались четыре общевойсковые и одна танковая армии. Наступали они на участке шириной 80 километров двумя эшелонами: в первом — 48-я, 2-я Ударная, 65-я и 70-я,

во втором — 5-я гвардейская танковая. Танковые корпуса придавались 48-й и 2-й Ударной армиям для развития успеха на главном, мариенбургском, направлении, а кавалерийский корпус оставался в резерве фронта.

Для обеспечения операции от возможных контрударов противника с севера были развернуты две армии: 50-я на широком фронте по Августовскому каналу от Августова до Ломжи и 3-я — в более плотных боевых порядках — севернее Рожан. Задача их — активными действиями сковать противостоящие силы неприятеля, не допуская переброски этих частей на направление нашего главного удара. Во втором эшелоне здесь находилась 49-я армия, которая имела задачу развить успех, когда наши войска на этом участке продвинутся вперед.

Наступление готовилось коллективными усилиями. Каждый трудился в пределах своих функций и помогал товарищам. Здесь, на 2-м Белорусском фронте, я применил оправдавшую себя систему работы на командном пункте. Создали, как мы ее называли, штаб-квартиру, где сообща обдумывали планы, принимали решения, заслушивали информации офицеров-направленцев, обсуждали всевозможные предложения, обменивались мнениями об использовании различных родов войск, об организации взаимодействия между ними. Тут же отдавались необходимые распоряжения. В результате руководящий состав фронта постоянно был в курсе происходящих событий и быстро на них реагировал. Мы избавлялись от необходимости тратить время на вызов всех руководителей управлений, родов войск и служб и на заслушивание длинных и утомительных докладов. То, что было приемлемо в мирное время, не оправдало себя в условиях войны. Начальник штаба фронта генерал А.Н. Боголюбов, очень педантичный, как и свойственно хорошему штабисту, сначала морщился: не по правилам! — но потом признал, что установленный мною порядок действительно лучше отвечает боевой обстановке.

Как я и предполагал, новый для меня руководящий состав фронта оказался на высоте положения. Начальник штаба Боголюбов отлично знал штабную службу и работал безупречно, хотя и был подчас резок и суховат с подчиненными. Члены Военного совета генералы Н.Е. Субботин,

А.Г. Русских умело направляли работу всего политического аппарата войск фронта. Начальник политического управления генерал А.Д. Окороков был крупным политработником. Высокообразованный человек, хороший организатор, он пользовался заслуженным авторитетом в войсках. Командующий артиллерией генерал А.К. Сокольский — боевой командир, превосходно знающий свое дело специалист. С первых же дней знакомства, и особенно во время подготовки этой операции, я увидел в нем вдумчивого, энергичного и предприимчивого руководителя. Всеобщим уважением пользовался начальник инженерных войск генерал Б.В. Благославов. На своем месте был и начальник связи фронта генерал Н.А. Борзов. С таким коллективом работать было легко, я верил, что каждый из товарищей успешно выполнит возложенные на него задачи. И эта уверенность полностью оправдалась.

Каждый вечер мы собирались в нашей штаб-квартире, делились своими мыслями о проделанной работе, ломали головы над нерешенными вопросами и намечали, как быстрее устранить недостатки, изменить то, что не соответствовало условиям или обстановке. В процессе этих встреч и бесед мы еще лучше узнавали друг друга.

Срок начала операции приближался, а работы оставалось еще непочатый край. К нам должно было прибыть пополнение. Оно задерживалось где-то в пути из-за перегрузки железнодорожного транспорта. И тут неожиданно поступило распоряжение Ставки о переносе начала наступления на шесть дней раньше. Делалось это по просьбе союзников, попавших в тяжелое положение в Арденнах.

Выполняя союзнический долг, Советское правительство приказало своей армии перейти в наступление, чтобы вызволить из беды американские и английские войска. А как нужны были нам эти шесть дней для завершения подготовки! Но делать нечего. Будем наступать. Трудности для нас усугублялись тем, что установилась отвратительная погода. Густым туманом заволокло окрестность, что затрудняло действия авиации. Пришлось быстро вносить кардинальные поправки в план наступления. Теперь вся надежда была на артиллерию. Мы уже привыкли, что артиллеристы выручают нас в трудные моменты.

Время начала наступления было твердо определено Ставкой: для 2-го и 1-го Белорусских фронтов — утро 14 января, для 1-го Украинского — на два дня раньше, 12 января.

Усилиями всего командного состава было сделано многое для того, чтобы, несмотря на сокращенные сроки, лучше подготовить войска к операции; не успевало только прибыть пополнение.

Наступление планировалось начать полуторачасовой артиллерийской подготовкой с плотностью 200—240 орудий и минометов на километр фронта на участке, где наносился главный удар. Атака пехоты должна сопровождаться огневым валом. Вместе с пехотой пойдут танки непосредственной поддержки.

Раньше не раз случалось, что противник еще до нашей артподготовки отводил свои войска в глубину, чтобы мы израсходовали боеприпасы по пустому месту. Сейчас он вряд ли пойдет на это. У него сильные позиции, изобилующие опорными пунктами и долговременными укреплениями с фортами, правда, старого типа, но хорошо приспособленными к обороне. Добровольный отход противника с этих позиций только облегчил бы нам задачу. И он, конечно, не решится их покинуть. Что ж, будем выковыривать гитлеровцев из их бетонных нор. Сил у нас хватит. Артиллерийских боеприпасов к тому времени у нас было достаточно: героический советский народ обеспечивал свои Вооруженные Силы всем, что требовалось для победы. Наши тыловики проделали огромную работу, доставив на артиллерийские позиции более двух фронтовых боекомплектов снарядов и мин.

14 января за несколько часов до начала артиллерийской подготовки я, члены Военного совета, командующие артиллерией, бронетанковыми войсками, воздушной армией, начальник инженерных войск фронта прибыли на наблюдательный пункт. Уже рассвело, а ничего не видно: все скрыто пеленой тумана и мокрого снега. Погода отвратительная, и никакого улучшения синоптики не обещали. А приближалось уже время вылета бомбардировщиков для нанесения удара по обороне противника. Посоветовавшись с К.А. Вершининым, отдаю распоряжение — отменить всякие действия авиации. Подвела погода! Хорошо, что

мы не особенно на нее рассчитывали, хотя до последнего часа лелеяли надежду использовать авиацию.

Все, кому следовало знать о происшедшем изменении, были немедленно об этом оповещены и подготовились действовать по варианту, исключающему поддержку с воздуха.

Туман и снег по-прежнему заволакивали все вокруг. Но это не могло повлиять на общее настроение наступать, не ожидая прояснения.

В назначенное время приказываю подать сигнал. Несколько тысяч орудий и минометов, сотни реактивных установок открыли огонь.

Процесс артиллерийской подготовки строился в армиях по-разному, в зависимости от местных условий на направлениях их действий. Основное заключалось в том, чтобы силой огня в начальный период наступления подавить противника, разрушить систему его обороны и деморализовать оборонявшихся. Ударом наступавших за огневым валом пехоты и танков вражеская оборона должна быть прорвана на тактическую глубину, а окончательный прорыв будет осуществлен с вводом армейских вторых эшелонов и подвижных соединений.

Туман еще больше сгустился, усилился снегопад. С поля боя доносился непрерывный грохот. Наш командный пункт был обеспечен связью со всеми армиями первого и второго эшелонов, а также с соединениями фронтового подчинения. Мы в любое время могли получить необходимую информацию о развитии событий. Но, зная по опыту, как важно в первые часы боя не отрывать командиров от руководства войсками, я запретил вызывать их к телефону или к телеграфному аппарату. К тому же можно было не сомневаться, что если потребуется помощь или обнаружится крупный успех, то командарм и сам ко мне обратится.

А вообще-то в неведении мы не оставались. Данные поступали из разных источников. Пожалуй, самые красноречивые сведения поставляли артиллеристы: ведь они стреляли по заявкам пехоты. Картина боя вырисовывалась довольно четко. Наши войска, несмотря на отчаянное упорство противника, везде вклинились в его оборону. Труднее всего было выбивать гитлеровцев из укрепленных районов и узлов сопротивления. Все командармы приняли разумное

решение такие районы обходить, оставляя часть сил для блокирования окруженных гарнизонов.

Наконец стали поступать донесения от армий, действовавших в первом эшелоне. Успех обозначился во всей полосе, где наносился главный удар. Уже в течение пятнадцати минут после начала артподготовки пехота везде овладела почти без боя первой траншеей врага. За вторую траншею пришлось драться, но наши бойцы захватили и ее. По мере продвижения в глубину обороны сопротивление врага усиливалось.

Густой туман мешал использовать артиллерию на всю ее мощь. Пехота атаковала, взаимодействуя, по существу, только с танками и орудиями непосредственного сопровождения. Со второй половины дня противник стал переходить в контратаки, применяя и танки, но наши войска везде продвигались вперед. В ходе тяжелого боя на направлении главного удара действовавшие здесь армии первого эшелона — 48-я, 2-я Ударная, 65-я и 70-я — не смогли полностью выполнить задачу дня. Они лишь вклинились в оборону противника от 5 до 8 километров. Несколько большего успеха добились войска Батова, где корпуса Д.Ф. Алексеева и К.М. Эрастова завершили прорыв первой полосы вражеской обороны, овладев насельским опорным пунктом, и обошли сильный пултуский укрепленный район. Наступление продолжалось и ночью. Конечно, очень сказывались на развитии успеха невозможность использования нашей авиации, трудность управления артиллерией и ограниченная возможность применения в сплошном тумане танков. Фактически с окончанием артиллерийской подготовки основная тяжесть боя легла на пехоту, которая, взаимодействуя с танками сопровождения и идущими с ней орудиями, продолжала прорывать оборону. Крепко помогали ей самоходные установки СУ-76.

На правом крыле фронта, на участке 50-й армии, как доложил командарм И.В. Болдин, противник в прежней группировке прочно удерживал рубеж по Августовскому каналу, отражая все наши попытки потеснить его на отдельных направлениях.

На участке 3-й армии после артиллерийской подготовки войскам удалось с незначительными потерями овладеть

двумя траншеями и, продолжая бой с противником, все усиливавшим сопротивление, продвинуться к концу дня от 3 до 7 километров.

Учитывая все недочеты, выявившиеся в ходе боев первого дня, командармы и командование фронта вносили поправки в план дальнейших действий. Должен сказать, что основные наши силы, предназначенные для развития успеха, в дело пока не вводились: для этого еще не настало время. Впереди такая трудная задача, как преодоление Вислы в нижнем течении, где на ее берегах были расположены сильные опорные пункты Торн (Торунь), Бромберг (Быдгощ), Грауденц (Грудзендз), Мариенбург ((Мальборк), Эльбинг (Элблонг).

С утра враг начал ожесточенные контратаки. Болдин по-прежнему докладывал, что противник прочно удерживает рубеж по Августовскому каналу (от 50-й армии мы и не требовали прорыва вражеской обороны: она сковывала противостоящие силы неприятеля, действуя на широком фронте). Против 3-й армии гитлеровцы, стянув за ночь большие силы, перешли в наступление, введя в бой части моторизованной дивизии «Великая Германия» и новые пехотные части, поддержанные мощным артиллерийским и минометным огнем. А.В. Горбатову выпала тяжелая доля отразить удары имеющимися у него силами. А направление это было очень важно и для нас и для противника. Если бы враг прорвался здесь, он вышел бы во фланг и тыл всей ударной группировке войск фронта. Вот почему немцы так яростно и обрушились на войска 3-й армии. Нужно воздать должное ее бойцам и командирам: они сражались доблестно и отражали все попытки врага прорваться через их боевые порядки. В этих боях Александр Васильевич Горбатов во всем блеске проявил свое умение руководить войсками, а его подчиненные — высокое боевое мастерство и упорство.

На направлениях действий 48-й, 2-й Ударной, 65-й и 70-й армий противник ввел в бой все силы, какие только у него здесь имелись, стремясь ликвидировать трещины, образовавшиеся в обороне. Гитлеровцы предпринимали контратаку за контратакой — одна яростнее другой, — но вынуждены были оставлять свои опорные пункты и оборонительные районы.

Погода по-прежнему не улучшалась и не позволяла использовать в помощь пехоте и танкам нашу авиацию, даже одиночные самолеты.

Обрадовало сообщение, полученное от соседа слева. Начальник штаба 1-го Белорусского фронта М.С. Малинин свою информацию закончил словами:

— Что вы там топчетесь, наши танки уже подходят к Берлину!

Конечно, насчет Берлина была шутка, но вообще-то у левого соседа к исходу второго дня наступления танковые армии вырвались далеко вперед.

Если о действиях войск соседа слева мы имели полную информацию, то от соседа справа никаких вестей не получали. Только Болдин сообщал, что соседняя с ним левофланговая армия 3-го Белорусского фронта занимает оборону на прежнем рубеже — у Августово и севернее.

Не хотелось, а все же пришлось для ускорения прорыва вражеской обороны ввести в бой танковые корпуса на участках 48-й, 2-й Ударной и 65-й армий. Это сразу изменило ход событий. Противник, истощивший свои силы в контратаках, не выдержал удара. Фронт его обороны на главном направлении был прорван, и наши войска устремились вперед — к Бромбергу, Грауденцу и Мариенбургу.

Настал третий день операции. 3-я армия продолжала отражать удары гитлеровцев, стремившихся во что бы то ни стало добиться своей цели на этом направлении. Улучшившаяся со второй половины дня 16 января погода позволила подняться нашей авиации, которая своими ударами с воздуха крепко помогла армии в отражении вражеских атак. Ввод части сил 49-й армии между 50-й и 3-й армиями вообще улучшил положение на этом участке фронта, создав условия для продолжения наступления войск А.В. Горбатова, которые к вечеру продвинулись до 5 километров, блестяще выполнив свою задачу.

За три дня напряженных боев войска 2-го Белорусского фронта прорвали оборону противника на всем протяжении от Ломжи до устья реки Нарев, исключая участок 50-й армии, где враг продолжал отбиваться. Как и планировалось, с утра 17 января в образовавшийся прорыв в полосе действий 48-й армии была введена подвижная группа фрон-

та — 5-я гвардейская танковая армия. При поддержке специально выделенных соединений бомбардировочной и истребительной авиации танки устремились вперед, на Мариенбург, сметая со своего пути и уничтожая пытавшиеся оказать сопротивление части противника. Одновременно в направлении на Алленштайн (Ольштын) вошел в прорыв 3-й гвардейский кавалерийский корпус, которым командовал боевой, энергичный генерал Н.С. Осликовский.

Вслед за танковой армией продолжали наступать 48-я и 2-я Ударная армии, намереваясь с ходу форсировать Вислу и не дать закрепиться на ней отступавшему противнику.

Все события развивались в соответствии с директивой Ставки.

Наше внимание уделялось скорейшему продвижению на запад, чтобы надежно обеспечить от возможных ударов с севера войска 1-го Белорусского фронта, особенно его танковые армии. О событиях на участке 3-го Белорусского фронта официальных сообщений у нас не было, но доходили слухи, что там наступление развивается медленно. И если проводимые Ставкой до этого крупные наступательные операции, в которых участвовало одновременно несколько фронтов, можно было считать образцом мастерства, то организация и руководство Восточно-Прусской операцией вызывают много сомнений. Эти сомнения возникли, когда 2-му Белорусскому фронту Ставкой было приказано 20 января повернуть 3-ю, 48-ю, 5-ю гв. танковую и 2-ю Ударную армии на север и северо-восток для действий против восточнопрусской группировки противника вместо продолжения наступления на запад. Ведь тогда их войска уже прорвали оборону противника и подходили к Висле в готовности форсировать ее с ходу.

Полученная директива фактически в корне меняла первоначальную задачу фронту, поставленную Сталиным в бытность мою в Ставке. Тогда ни одним словом не упоминалось о привлечении войск 2-го Белорусского фронта для участия совместно с 3-м Белорусским фронтом в окружении восточнопрусской группировки войск противника. И поскольк-

ку основной задачей фронта было наступление на запад в тесном взаимодействии с войсками 1-го Белорусского фронта, то и основная группировка войск фронта была создана на левом крыле фронта (48-я, 2-я Ударная, 65, 70, 49-я и 5-я гв. танковая армии). По полученной же директиве основной задачей ставилось окружение восточнопрусской группировки противника ударом главных сил фронта на север и северо-восток с выходом к заливу Фриш-Гаф. Вместе с тем от прежней задачи — взаимодействия с 1-м Белорусским фронтом на фланге — мы не освобождались и вынуждены были продолжать наступление на запад, имея на левом крыле всего две армии. С этого момента началась растяжка фронта, так как большая часть наших сил наступала на север и северо-восток, а меньшая на запад.

Это впоследствии привело к тому, что из-за быстрого продвижения к Одеру 1-му Белорусскому фронту пришлось растягивать свои войска для обеспечения с севера своего обнажавшегося фланга, поскольку левое крыло нашего фронта отставало в продвижении на запад. А это произошло потому, что нашему фронту пришлось выполнять в этот период две различные задачи. И прав был командующий 1-м Белорусским фронтом Жуков, упрекая меня за отставание войск и невыполнение задачи по обеспечению фланга его фронта.

Я уверен, что он в то время понимал необоснованность своей претензии к нам и предъявлял ее лишь для того, чтобы подзадорить меня. Возникали такие вопросы: почему Ставка не использовала весьма выгодное положение войск 2-го Белорусского фронта и не совместила удар войск 3-го Белорусского фронта с ударом нашего фронта, нанося его примерно с ломжинского направления, с юга на север, в направлении на залив Фриш-Гаф. В данном случае сразу же следовало бы этому фронту включить в свой состав войска 50-й и 3-й армий с их участками. Генеральный штаб не мог не знать о том, что наиболее сильные укрепления в Восточной Пруссии были созданы в восточной и юго-восточной ее части. Кроме того, сама по себе конфигурация фронта подсказывала нанесение удара именно с юга на север, чтобы отсечь Восточную Пруссию от Германии. К тому же удар с этого направления было легко совместить с ударом, наносимым

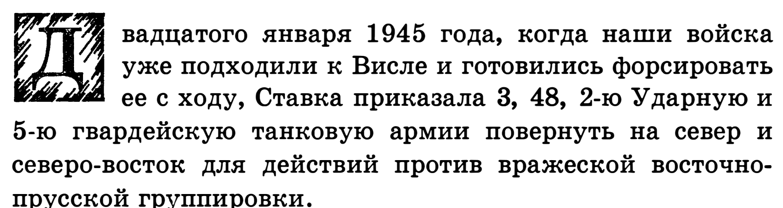
войсками нашего фронта. Такое решение облегчило бы задачу прорыва фронта противника в самом начале операции...

Непонятным для меня было и затягивание усиления 2-го Белорусского фронта войсками из резерва Ставки или за счет 3-го Белорусского фронта после того, как решением той же Ставки четыре армии (три общевойсковые и одна танковая) были повернуты на другое направление и втянулись в бой с восточнопрусской группировкой.

Неужели даже в той обстановке Ставка не видела, что оставшимися силами фронт выполнить прежнюю задачу не сможет? А ведь я лично дважды беседовал по этому вопросу по ВЧ с Антоновым. И совсем уже непонятным было решение Ставки о передаче вообще всех четырех армий — 50, 3, 48-й и 5-й гв. танковой — 3-му Белорусскому фронту в самый решительный момент, когда войскам 2-го Белорусского фронта предстояло, не задерживаясь, преодолеть такой сильный рубеж, каким являлась Висла в ее нижнем течении. После того как войска нашего фронта вышли к морю у Элблонга (Эльбинга) и к заливу Фриш-Гаф, отрезав восточнопрусскую группировку противника, отразили все попытки этой группировки прорваться на запад, достаточно было прикрыть это направление 50-й и 3-й армиями, передав их 3-му Белорусскому фронту, 5-ю же гв. танковую и 48-ю армии нужно было немедленно освободить, оставив их в составе нашего фронта для продолжения действий на западном направлении.

Такую задачу Ставка нам опять-таки поставила, а войска не возвратила, зная заранее, что теми силами, которые остались в составе нашего фронта, эта задача выполнена быть не может...

НА ДВА ФРОНТА

Двадцатого января 1945 года, когда наши войска уже подходили к Висле и готовились форсировать ее с ходу, Ставка приказала 3, 48, 2-ю Ударную и 5-ю гвардейскую танковую армии повернуть на север и северо-восток для действий против вражеской восточно-прусской группировки.

Приказ этот для нас был совершенно неожиданным. Он в корне менял наши планы, основывавшиеся на директиве Ставки от 28 ноября 1944 года. А в этой директиве 2-му Белорусскому фронту ставилась задача:

«Перейти в наступление и разгромить млавскую группировку противника, не позднее 10—11 дня наступления овладеть рубежом Мышинец, Вилленберг, Найденбург, Дзялдово, Бежунь, Бельск, Плоцк и в дальнейшем наступать в общем направлении на Нове-Място, Мариенбург.

Главный удар нанести с рожанского плацдарма силами четырех общевойсковых армий, одной танковой армии, одного танкового и одного механизированного корпусов в общем направлении на Пшасныш, Млава, Лидзбарк. Обеспечение главных сил с севера осуществить наступлением одной общевойсковой армии на Мышинец.

Второй удар силами двух общевойсковых армий и одного танкового корпуса нанести с сероцкого плацдарма в общем направлении на Насельск, Бельск. Для содействия 1-му Белорусскому фронту в разгроме варшавской группировки противника 2-му Белорусскому фронту частью сил нанести удар в обход Модлина с запада».

Вся директива, как и личные указания Верховного Главнокомандующего, была направлена на тесное взаимодействие 2-го Белорусского фронта с 1-м Белорусским.

Этот документ неопровержимо свидетельствует, что 2-му Белорусскому фронту отводилась важная роль в операции, которая вошла в историю под названием Висло-Одерской. Между тем почти во всех трудах о Великой Отечественной войне почему-то замалчивается участие нашего фронта в Висло-Одерской операции, дело представляется так, будто фронт с самого начала наступления, с 14 января 1945 года, был нацелен на разгром восточнопрусской группировки противника.

То, что 20 января наши главные силы были повернуты на север, доказывает гибкость и оперативность руководства Ставки. Убедившись в отставании войск 3-го Белорусского фронта, она немедленно вносит поправки в ранее принятый план.

Совершив поворот на север и северо-восток, мы довольно быстро продвигались к морю. Чтобы задержать войска 2-го Белорусского фронта, враг стал стягивать на это направление силы с южного участка своей обороны, проходившей по Августовскому каналу, оставляя там лишь слабое прикрытие. Командование 50-й армии не заметило вовремя этого маневра и продолжало докладывать в штаб фронта, что неприятель держится крепко. Только через два дня разведка боем показала, что перед армией — пустое место. Последние мелкие группы гитлеровцев поспешно уходили на север. Такое упущение нельзя было простить командарму. В командование 50-й армией вступил начальник штаба генерал Ф. П. Озеров. Упоминаю об этом моменте потому, что в ряде трудов он описан неправильно.

Неверная информация дорого нам стоила. Мы были вынуждены раньше времени ввести в бой 49-ю армию, которая, не случись этого, могла бы быть использована более целесообразно.

А 50-й армии пришлось форсированными маршами догонять оторвавшегося противника.

Войска 3-й армии, преследуя неприятеля, 20 января пересекли польскую границу и вступили на территорию Восточной Пруссии. Здесь они с боем преодолели сильно

укрепленный рубеж, построенный еще задолго до войны. Мы увидели здесь бетонированные траншеи полного профиля, блиндажи, проволочные заграждения, бронеколпаки, артиллерийские капониры, убежища. Но продвижение войск было столь стремительным, что противник не успел занять по-настоящему этот рубеж, и солдаты 3-й армии преодолели его почти что с ходу. Успешно наступали и части 48-й армии, обходя те районы, где противник сумел организовать оборону.

Наш конный корпус Н. С. Осликовского, вырвавшись вперед, влетел в Алленштайн (Ольштын), куда только что прибыли несколько эшелонов с танками и артиллерией. Лихой атакой (конечно, не в конном строю!), ошеломив противника огнем орудий и пулеметов, кавалеристы захватили эшелоны. Оказывается, это перебазировались немецкие части с востока, чтобы закрыть брешь, проделанную нашими войсками.

В районе города завязались упорные бои с подошедшими сюда с востока и северо-востока вражескими частями. Тяжело было бы тут конникам и сопровождавшим их танкистам, если бы не подоспели войска 48-й армии. Разгромив врага, кавалеристы и пехотинцы захватили большие трофеи и несколько тысяч пленных. На рубеже Алленштайна войска фронта преодолели вторую полосу укрепленного района. Путь в глубь Восточной Пруссии был открыт.

Введенная в прорыв 5-я гвардейская танковая армия устремилась к морю, сметая на своем пути разрозненные, захваченные врасплох неприятельские части, не давая им возможности закрепиться. Опорные пункты с организованной обороной танкисты обходили — их добивали двигавшиеся следом части 48-й и 2-й Ударной армий. Уже 25 января танковая армия своими передовыми частями, а 26-го — главными силами вышла к заливу Фриш-Гаф в районе Толькемито (Толькмицко) и блокировала Эльбинг, отрезав этим пути отхода противнику из Восточной Пруссии на запад.

2-я Ударная армия с боем преодолела сильный оборонительный рубеж на подступах к Мариенбургу, в старину являвшемуся крепостью крестоносцев, и 25 января вышла к рекам Висла и Ногат. Частью своих сил она в нескольких местах форсировала эти реки и захватила небольшие плац-

дармы. Овладеть Эльбингом с ходу войска не смогли. Ворвавшееся в город подразделение наших танков попало в окружение. Выручить его не удалось. Танкисты сражались до последнего снаряда, до последнего патрона. Все они геройски погибли.

И. И. Федюнинскому пришлось организовать штурм города по всем правилам военного искусства. Бои длились несколько дней, пока 2-я Ударная не захватила город.

Войска 65-й, развивая успех, пресекая попытки противника закрепиться на выгодных рубежах — берегах многочисленных рек и речушек, — достигли Вислы и приступили к ее форсированию. На некоторых участках реки противник еще не успел организовать оборону и прикрывался небольшими силами. Этому способствовало то обстоятельство, что преследование гитлеровцев велось днем и ночью беспрерывно — крепко помогли отряды, специально подготовленные для ночных действий.

Как мы и предполагали, Грауденц — крепость с постоянным гарнизоном — отразил первые атаки частей 65-й армии. На восточном берегу Вислы противник удерживал обширный плацдарм. Севернее города переправиться через реку не удалось. Предстояло форсировать ее с боем.

Висла в нижнем течении достигает более четырехсот метров ширины, глубина ее не менее шести метров. Началась оттепель, лед ослабел. Пехота еще могла пройти, а для артиллерии и другой техники нужно было наводить специальные переправы. Но их не навести, пока на западном берегу нет плацдармов. К борьбе за плацдармы и приступили войска Батова.

Продвигавшаяся слева параллельно им 70-я армия, опрокидывая вражеские части, обошла крупный опорный пункт — город Торн на северном берегу Вислы и тоже приступила к форсированию реки.

Заметно было, что противник стремится во что бы то ни стало задержать нас на рубеже Вислы. Наша воздушная разведка отмечала движение сюда его войск с запада и северо-запада. Подтверждалось это и все усиливавшимся сопротивлением гитлеровцев.

В сложившейся обстановке некоторое беспокойство вызывал у меня блокированный в Торне противник. По докладу командарма 70 В. С. Попова, там должно было находиться около 5 тысяч солдат. Сдаваться гарнизон отказался. Узнав, о том, что город блокирован дивизией, а дивизии наши к тому времени стали малочисленными, я порекомендовал командарму поосторожнее относиться к противнику: Торн находился уже в тылу наших войск. Надо было покончить с этим осиным гнездом. И я приказал Попову, если фашистский гарнизон не сдастся, побыстрее ликвидировать его.

После ужина мы собрались у себя в штаб-квартире. Были здесь Н. Е. Субботин, А. Г. Русских, А. К. Сокольский, П. И. Котов-Легоньков, Н. А. Борзов. Подошел сюда и наш начальник тыла И. М. Лагунов. Он тоже заговорил о Торне — соседство с ним нашим тыловикам было особенно неприятно.

— Вы знаете, несколько жителей пришли оттуда. Говорят, в городе тысячи солдат, танки, бронемашины, артиллерия.

— Где же задержали этих жителей?

— Да их никто не задерживал. Сами пришли в деревню, где расположен наш госпиталь. Сказали, что по пути никаких наших войск не встретили. Мне позвонил начальник госпиталя. Он очень встревожен.

Известие обескуражило нас всех. Тут же мы стали обдумывать, как ликвидировать этот злополучный гарнизон, по возможности не прибегая к разрушению города.

В это время меня срочно вызвал к телефону командарм Попов и сообщил, что противник прорвал кольцо и движется в сторону Грауденца, к переправам, которые там удерживаются гитлеровцами. Войск у немцев очень много. А у Попова под рукой ничего нет, и он просит разрешения перенести свой КП, к которому уже подходит противник. Разрешаю ему переехать в ближайшую дивизию и приказываю принять все меры для ликвидации противника.

— А я сейчас попрошу Батова переправить на восточный берег Вислы две дивизии. Начальник инженерных войск фронта Благославов тоже поднимет свои саперные и понтонные соединения и части, — сообщил я Попову.

Пока велся этот разговор, к ВЧ был вызван Батов. Получив распоряжение, он тут же ответил, что к двум дивизиям добавит еще полк с восточного берега реки и два дивизиона «катюш».

Лагунов уже отдал приказ своим тылам: быть в боевой готовности и вести разведку в сторону прорвавшегося противника.

Оставалось только проследить за выполнением распоряжений. Этим занялся уже наш штаб. По-видимому, вышедшая из Торна вражеская группировка поддерживала связь с немецко-фашистским командованием, так как одновременно с ней пришли в движение и войска в районе Грауденца. Они атаковали наши части на берегу Вислы.

Врага мы остановили в 10 километрах от реки. Бои длились несколько дней. В прорвавшейся группировке оказалось свыше 30 тысяч солдат и офицеров, хорошо вооруженных, с бронемашинами, транспортерами, несколькими танками и артиллерией.

Этот случай послужил для нас всех хорошим уроком на будущее. А Василий Степанович Попов еще долго не мог простить себе недооценки сил противника.

Провалились вражеские попытки сбросить в Вислу наши части с западного берега. Плацдармы удерживались прочно и по мере переправы войск расширялись и углублялись.

В отражении гитлеровцев, атаковавших части 65-й армии на западном берегу Вислы, принял участие корпус 49-й армии. Он оказал большую помощь войскам Батова.

С выходом войск правого крыла 2-го Белорусского фронта к Эльбингу (2-я Ударная армия), к заливу Фриш-Гаф и Толькемито (5-я гвардейская танковая армия) вся восточно-прусская вражеская группировка была полностью отрезана от остальной Германии. В конце января она сделала попытку обеспечить себе сухопутную связь с центральными районами Германии. В ночь на 27 января, собрав не менее семи пехотных и одной танковой дивизий, противник нанес удар из района Хайльсберга в направлении Эльбинга, где в это время еще шли бои. Противнику ценой больших потерь удалось потеснить части 48-й армии километров на двадцать к западу.

Эта ночь мне запомнилась. С вечера поднялась сильнейшая метель. Порывистый ветер временами переходил в

ураган. Все мы находились в штаб-квартире, когда вбежавший связист вручил мне тревожную телеграмму командарма 48 Н. И. Гусева: противник наступает большими силами. Командарм опасался, сможет ли его армия удержать эти рвущиеся на запад полчища. Хорошо зная Гусева, вдумчивого и опытного генерала, мы поняли, что раз уже он поднимает тревогу, значит, опасность действительно велика. Действовать начинаем немедленно. Срочно перебрасываем на помощь Гусеву большую часть сил 5-й гвардейской танковой армии, 8-й танковый и 3-й гвардейский кавалерийский корпуса. Кроме того, были даны указания командующему 2-й Ударной армией повернуть на восток часть своих сил, находившихся у Эльбинга и южнее, с задачей не допустить противника к Висле, если ему кое-где удастся прорваться через боевые порядки наших войск.

Позвонил командующий 5-й танковой армией Вольский. Он доложил, что неприятель приближается к его командному пункту, и попросил разрешения перейти со штабом в расположение войск 2-й Ударной армии. Я посоветовал ему не отрываться от своих частей, а подготовить их к удару по противнику, поддерживая постоянную связь с Федюнинским. Распоряжение Вольский понял и приступил к исполнению. Через некоторое время мимо нашего командного пункта на галопе стали проходить части кавалерийского корпуса, спеша к месту прорыва. Конникигвардейцы, находившиеся севернее Алленштайна, были подняты по тревоге и вот уже успели продвинуться к нам. На КП заскочил Осликовский и доложил, что корпус полностью готов к бою и весь личный состав горит желанием сразиться с врагом, головной полк находился уже в районе действий и установил связь с 48-й армией. Желаем Осликовскому удачи, и он спешит к своим войскам.

Поступило сообщение и о выдвижении 8-го танкового корпуса.

На всякий случай приводим в боевую готовность наш командный пункт. Бойцы и командиры обслуживающих подразделений занимают круговую оборону. Нас окружали прочные каменные постройки, за их стенами можно повоевать...

А погода не улучшалась, снегопад усилился, ветер намел высокие сугробы. В такое бездорожье кавалеристы имели

огромное преимущество перед пехотой и далеко опередили ее.

Но метель мешала не только нам. Снежные заносы сковывали и действия противника. Через населенные пункты он пробиться не мог — их прочно удерживали части 48-й армии. А когда враг пытался обойти их, вся его техника застревала в снегу. Ценную инициативу проявил командир одной из дивизий 48-й армии. Соединение, находясь во втором эшелоне, располагалось в крупном населенном пункте, где пересекалось несколько дорог. Получив донесение о приближении противника, командир дивизии немедленно организовал круговую оборону и перехватил все дороги. Враг отчаянно штурмовал поселок, но пробить себе путь не смог. На рассвете гитлеровцы направились в обход, бросая застрявшую в сугробах технику. Но к этому времени подоспели наши войска. Атакованный с трех сторон, враг был разбит и откатился назад. Наши войска захватили огромное количество техники и свыше 20 тысяч пленных. В этом бою отличились все рода войск. Но особенно вовремя подоспели на выручку попавшим в беду частям 48-й армии кавалеристы 3-го гвардейского кавалерийского корпуса Н.С. Осликовского.

Еще задолго до вступления на территорию фашистской Германии мы на Военном совете обсудили вопрос о поведении наших людей на немецкой земле. Столько горя принесли гитлеровские оккупанты советскому народу, столько страшных преступлений совершили они, что сердца наших солдат законно пылали лютой ненавистью к этим извергам. Но нельзя было допустить, чтобы священная ненависть к врагу вылилась в слепую месть по отношению ко всему немецкому народу. Мы воевали с гитлеровской армией, но не с мирным населением Германии. И когда наши войска пересекли границу Германии. Военный совет фронта издал приказ, в котором поздравлял солдат и офицеров со знаменательным событием и напоминал, что мы и в Германию вступаем как воины-освободители. Красная Армия пришла сюда, чтобы помочь немецкому народу избавиться от фашистской клики и того дурмана, которым она отравляла людей.

Военный совет призывал бойцов и командиров соблюдать образцовый порядок, высоко нести честь советского солдата.

Командиры и политработники, весь партийный и комсомольский актив неутомимо разъясняли солдатам существо освободительной миссии армии Советского государства, ее ответственность за судьбу Германии, как и за судьбы всех других стран, которые мы избавим от ига фашизма.

Нужно сказать, что наши люди на германской земле проявили подлинную гуманность и благородство.

Начавшееся в январе 1945 года наступление советских войск развивалось успешно и стремительно. Затухая временно на одном участке, оно вспыхивало на другом. В движение пришел весь громадный фронт — от Балтийского моря до Карпат.

Красная Армия обрушила на врага удар огромной силы, взломав на протяжении 1200 километров мощные рубежи, которые он создавал в течение нескольких лет.

Только слепой мог не видеть, что война фашистской Германией проиграна. Конечно, понимали это и гитлеровские главари, но они питали еще надежду путем каких-то комбинаций политического характера смягчить свою участь и поэтому старались во что бы то ни стало отдалить развязку. И если, начиная войну, фашистское командование боялось, как бы она не приняла затяжной характер, то теперь это стало его главной целью. Гитлер особой директивой обязывал войска держать каждый рубеж, каждый город до последнего патрона, оставаться в окружении, но не отходить, сковывая как можно больше советских войск. Нарушившим эту директиву грозила смертная казнь. Мы имели возможность не раз убедиться, что гитлеровские фанатики следовали этой директиве до конца, хотя ничто уже не могло спасти их от надвигавшейся катастрофы.

В Восточной Померании, куда вступили наши войска, мы наткнулись на отчаянное сопротивление. Противник сосредоточил здесь крупные силы.

По данным разведывательного управления фронта, возглавляемого мастером своего дела генералом И.В. Виноградовым, действовавшие на территории Восточной Померании немецкие войска объединились в группу армий

«Висла», которой командовал Гиммлер. Она насчитывала в общей сложности свыше тридцати дивизий, в том числе восемь танковых и моторизованных.

Для поддержки своих наземных войск противник широко использовал на приморском фланге береговую и корабельную артиллерию. У нас имелись сведения, что немецко-фашистское командование принимает меры для переброски в Восточную Померанию войск морем из курляндской и восточнопрусской группировок.

Противник использовал благоприятные для организации обороны условия местности, изобилующей лесами и болотами, большими и малыми озерами и реками, большинство которых были соединены каналами.

С огромным трудом наши войска преодолевали рубеж за рубежом. Оттепель делала наступление еще более тяжелым. Но главной причиной была малочисленность наших войск.

Силы противника превосходили наши, и если нам в таких обстоятельствах еще удавалось теснить его, то это было доказательством высокого искусства командиров и массового героизма солдат. Наши части уже месяц вели непрерывные наступательные бои. И раньше был некомплект в личном составе, теперь же людей и вовсе убавилось. Как мы ни мудрили, нам не удавалось создать хоть на короткое время на отдельных участках перевес в силах и средствах, без которого нельзя было прорвать оборону противника. Бои были упорными, но мы только теснили вражеские войска. А по мере этого ширина фронта растягивалась. Наши войска вытянулись в ниточку, и все равно заполнить образовавшийся разрыв между нашим левым крылом и правым крылом 1-го Белорусского фронта мы не могли.

В результате тяжелых боев части левого фланга фронта продвинулись еще на 60 километров. Здесь они были остановлены. Противник все чаще переходил в контратаки. Наши части с трудом отбивали их.

По-прежнему положение оставалось очень сложным: половина войск фронта была повернута на восток — против восточнопрусской группировки, вторая половина наступала на запад. Изо всех сил мы старались не отстать от своего левого соседа. Но он уже подходил к реке Одер на кюст-

ринском направлении. Нам было никак не поспеть за ним. Перегруппировав в процессе боев часть сил с правого крыла на левое, удалось еще немного продвинуться на запад, и здесь мы выдохлись окончательно.

К 10 февраля положение войск фронта было следующим. 2-я Ударная армия, удерживая приданными ей тремя укрепленными районами рубеж по рекам Ногат и Висла, наступала на север, сбивая с висленского рубежа оборонявшего его противника, и штурмовала крепость Грауденц с ее многочисленным гарнизоном. Левее фронтом на север наступала 65-я армия, еще левее — 49-я и, наконец, на широком участке фронта на северо-запад продвигалась 70-я армия, усиленная танковым и механизированным корпусами. По нашей настоятельной просьбе Ставка решила пополнить фронт: мы должны были получить еще одну армию и танковый корпус. Конечно, это очень мало, но мы с нетерпением ждали эти войска, намереваясь с их помощью нанести удар на своем левом фланге. Но они где-то задерживались.

Тем временем основная группировка 1-го Белорусского фронта, уже ввязавшаяся в бои за плацдармы на Одере, оставалась слабо прикрытой с севера, со стороны Восточной Померании.

Немецкие офицеры, взятые в плен в районе Хойнице, показали, что фашистское командование готовит удар крупными силами во фланг советским войскам, выдвинувшимся к Одеру. Учитывая эту угрозу, мы в первых числах февраля произвели значительное усиление своего левого фланга, с тем чтобы можно было своевременно оказать помощь 1-му Белорусскому фронту. Сюда была переброшена 49-я армия, выведенная из боя на правом крыле. Сюда же подтянули 330-ю и 369-ю стрелковые дивизии, ранее находившиеся во фронтовом резерве. 3-й гвардейский кавалерийский корпус с правого крыла был переброшен на левый фланг, оставаясь в резерве фронта. Произведена была и перегруппировка артиллерии: на левое крыло мы перевели две артиллерийские дивизии прорыва, одну дивизию и три отдельные бригады тяжелой реактивной артиллерии, две истребительно-противотанковые бригады, две корпусные артиллерийские бригады, две зенит-

ные артиллерийские дивизии и другие части. Генерал Сокольский и его помощники сделали все необходимое, чтобы эта артиллерия находилась в полной боевой готовности.

Хуже было с танковыми соединениями. В длительных боях, действуя в трудных условиях, танкисты потеряли много машин, а остальные нуждались в ремонте. Командующий бронетанковыми войсками фронта генерал Чернявский и его аппарат организовали работы по восстановлению выбывших из строя машин. Танкисты и ремонтники под огнем вывозили с поля боя подбитые танки, восстанавливали их. Самоотверженный труд этих людей вернул в строй десятки и сотни боевых машин. Ими мы пополнили танковый и механизированный корпуса, которые усилили наше левое крыло.

10 февраля, когда мы еще не завершили перегруппировку войск, прибыла директива Ставки о передаче 3-му Белорусскому фронту четырех армий: 50, 3, 48 и 5-й гвардейской танковой. 2-й Белорусский фронт от участия в операции против восточнопрусской группировки противника освобождался, и ему предстояло продолжать выполнение первоначальной задачи — наступать в общем направлении на Бублиц (Боболице), взаимодействуя с 1-м Белорусским фронтом.

Решение, безусловно, правильное. Теперь, когда Восточная Пруссия была отсечена от Германии, незачем было отвлекать на ликвидацию восточнопрусской группировки войска двух фронтов. С этой задачей вполне мог справиться один фронт — 3-й Белорусский. И правильно, что ему были переданы все силы, задействованные в Восточной Пруссии.

Но в каком положении оказались мы? И без того нам было трудно, а теперь у нас еще забрали сразу половину войск, в том числе такую ударную силу, как 5-я гвардейская танковая армия!

... По ходу событий на фронте, ввиду отставания войск 3-го Белорусского фронта, Ставке пришлось внести коренные поправки в использование войск 2-го Белорусского фронта, направив его главные силы (поворотом на север и северо-восток) против восточнопрусской группировки, когда оборона противника на наревском рубеже была прорвана. В

этом мероприятии Ставки можно усматривать только гибкость ее реагирования на обстановку в ходе операции.

Все равно фронту, еще до получения директивы Ставки, пришлось задействовать для обеспечения с севера не одну, как предусматривалось директивой, а три армии (50, 49 и 3-ю), которые предполагалось нами переводить на главное — западное направление последовательно, по мере продвижения войск 3-го Белорусского фронта. К Ставке я имею право предъявить законную претензию в том, что, ослабляя фронт перенацеливанием главных сил на другое направление, она не сочла своим долгом тут же усилить 2-й Белорусский фронт не менее чем двумя армиями и несколькими танковыми или мехкорпусами для продолжения операции на западном направлении. Тогда не случилось бы того, что произошло на участке 1-го Белорусского фронта, когда его правый фланг повис в воздухе из-за невозможности 2-му Белорусскому фронту его обеспечить. Пожалуй, и падение Берлина произошло бы значительно раньше...

ВОСТОЧНАЯ ПОМЕРАНИЯ

Восточно-Померанская операция для войск 2-го Белорусского фронта являлась продолжением начавшегося 14 января наступления трех фронтов на западном направлении, а не вытекающей из Восточно-Прусской операции, как утверждают некоторые историки и мемуаристы... На мой взгляд, когда Восточная Пруссия окончательно была изолирована с запада, можно было бы и повременить с ликвидацией окруженной там группировки немецко-фашистских войск, а путем усиления ослабленного 2-го Белорусского фронта ускорить развязку на берлинском направлении. Падение Берлина произошло бы значительно раньше. А получилось, что 10 армий в решающий момент были задействованы против восточнопрусской группировки (с передачей в состав 3-го Белорусского фронта четырех армий 2-го Белорусского фронта в его составе оказалось 10 армий), а ослабленные войска 2-го Белорусского фронта не в состоянии были выполнить своей задачи. Использование такой массы войск против противника, отрезанного от своих основных сил и удаленного от места, где решались основные события, в сложившейся к тому времени обстановке на берлинском направлении явно было нецелесообразным. Более того, это делалось за счет ослабления войск 2-го Белорусского фронта, которому предстояло разгромить восточнопомеранскую группировку противника, что сделать оставшимися у него силами он не мог.

К этому времени противник сумел сосредоточить в Восточной Померании довольно крупные силы и, умело используя благоприятную для организации обороны местность, затормозил продвижение войск нашего фронта.

Бои становились все тяжелее. К 19 февраля 65, 49 и 70-я армии смогли оттеснить противника на север и северо-запад всего от 15 до 40 километров, достигнув рубежа Мене, Черек, Хойнице. Здесь наши войска вынуждены были остановиться. 1-й Белорусский фронт тоже не смог продвинуться дальше. Его соседний с нами 2-й гвардейский кавалерийский корпус был остановлен на рубеже Ландск, Редериц. 1-я армия Войска Польского сражалась на рубеже Дойч, Фульбек, Каллке. В тылу этих войск шла борьба с вражескими частями, окруженными в Шнайдемюлле, Дойч-Кроне и Арнсвальде. Положение на севере оставалось прежним: противник прочно удерживал Померанию.

Меня вызвал к ВЧ начальник Генерального штаба А.М. Василевский, проинформировал о намерении командующего 1-м Белорусским фронтом Г.К. Жукова перейти в наступление против восточнопомеранской неприятельской группировки, с тем чтобы ликвидировать нависшую над его флангом угрозу, и спросил меня, как намерен действовать 2-й Белорусский в данном случае. Я высказал соображение, что нам было бы весьма желательно наносить главный удар на нашем левом фланге, совместив его с главным ударом войск соседа. Таким образом, с выходом к морю можно было рассечь вражескую группировку на две части. После этого наш фронт уничтожит ее восточную часть, а сосед западную.

Александр Михайлович сказал, что именно так и он представляет себе ход будущей операции и решил позвонить мне, чтобы узнать мое мнение. Со своей стороны я высказал пожелание, чтобы удар наносился войсками обоих фронтов одновременно. Василевский обещал это предусмотреть.

Вариант совместного удара войск двух фронтов по центру восточнопомеранской группировки был кардинальным решением задачи ликвидации нависшей на севере угрозы и ускорял начало Берлинской операции.

Группировка сил нашего фронта не требовала никаких дополнительных перебросок войск, нужно было только подтянуть к левому флангу прибывающую из резерва Ставки 19-ю армию и танковый корпус. Этим и занялся наш штаб.

Описывая события войны, мы подчас забываем ту огромную роль, которую играли работники фронтового и армейских тылов. На примере этой сложной операции я

попытаюсь хоть немного рассказать об этих неутомимых тружениках.

Приходилось только восхищаться энергией генерал-лейтенанта И.М. Лагунова и всех офицеров возглавляемого им управления тыла фронта. К тому времени наши коммуникации сильно растянулись. Глубина тылового района фронта достигала 300 километров. Большинство фронтовых складов было за пределами этого района. Сообщение с ними затруднялось тем, что нам приходилось пользоваться перевалочными пунктами на стыке железной дороги нашей колеи с западноевропейской. А далее — Висла и десятки других рек поменьше. Мосты гитлеровцы взорвали, грузы надо было перебрасывать по временным переправам. Начавшиеся ледоход и паводок затрудняли восстановление и постройку мостов. Весенняя распутица делала непроезжими дороги, сплошь перепаханные снарядами и бомбами.

А наступление развивалось непрерывно. Необходимые запасы нужно было пополнять на ходу. И, несмотря на эти огромные трудности, работники тыла обеспечивали войска всем необходимым. Они были неистощимо изобретательны. Чтобы ускорить подачу горючего через Вислу, они протянули трубопроводы. Работники тыла добились величайшей согласованности в действиях железнодорожного и автомобильного транспорта, оперативного маневрирования фронтовыми и армейскими складами, госпитальными базами, своевременно перестраивали всю организацию тыла в зависимости от изменения обстановки на фронте. В результате на протяжении всей операции войска фронта не ощущали перебоев в снабжении.

Приостановив временно наступление на главном направлении, мы поджидали подхода 19-й армии и 3-го гвардейского танкового корпуса, подвозили боеприпасы и горючее.

Выяснился состав вражеской группировки, противостоящей нашему фронту. Здесь были соединения 2-й немецкой полевой армии — две танковые, четырнадцать пехотных дивизий, четыре пехотные бригады, две боевые группы, четыре отдельных полка пехоты, пятнадцать отдельных пехотных батальонов. В общей сложности они насчитывали около 230 тысяч солдат и офицеров, 700 танков и самоходных орудий, 300 бронетранспортеров, 20 бронепоездов, 3360 орудий и минометов (без орудий береговой обороны и фортов) и более 300 боевых самолетов различного назначения. К тому же можно было ожидать, что гитлеровцы смогут перебросить сюда еще до пяти пехотных

дивизий из Курляндии. По имевшимся у нас разведывательным данным, части 126, 290, 225 и 93-й пехотных дивизий из группы армий «Курляндия» уже были в пути

Штаб 1-го Белорусского фронта сообщил нам, что перед его правым крылом, обращенным на север, действуют войска 11-й армии противника в составе восьми пехотных, трех моторизованных, четырех танковых и одной авиаполевой дивизий, двух танковых бригад и четырех отдельных танковых батальонов со средствами усиления — около 200 тысяч солдат и офицеров, 700 танков и самоходных орудий, 2500 орудий и минометов и до 300 самолетов.

Эти сведения о противнике, подтверждавшиеся различными видами разведки и показаниями многочисленных пленных, позволяли сделать вывод, что у врага в Восточной Померании значительные силы, которые с каждым днем могут увеличиваться.

К тому времени основные рубежи померанских укреплений, заблаговременно созданные неприятелем, были уже преодолены нашими войсками, но условия местности помогали гитлеровцам в короткие сроки заново создавать прочную оборону. Противник прибегал к системе опорных пунктов и узлов сопротивления, приспосабливая для этого населенные пункты, изобилующие каменными постройками.

Так как условия местности и весенняя распутица стесняли маневр наступающих войск, привязывая их к шоссейным дорогам, противник уделял особое внимание этим коммуникациям. Все важнейшие дорожные сооружения минировались, дороги перегораживались завалами, баррикадами и другими препятствиями.

Было ясно, что немецко-фашистское командование постарается использовать свою восточнопомеранскую группировку, чтобы дать решительный бой советским войскам и этим задержать их продвижение к Берлину. Нам уже было известно, что фашистское руководство, сосредоточивая усилия своих войск против Красной Армии, преднамеренно ослабляет свой западный фронт и уже ищет пути для сговора с правительствами США и Англии о заключении сепаратного мира.

Обстановка настоятельно требовала от нас ускорить разгром гитлеровцев в Восточной Померании, чтобы освободить как можно больше сил для решающего удара на берлинском направлении. Вот почему Ставка нацеливала против восточнопомеранской вражеской группировки усилия сразу двух фронтов. По ее указанию 2-й и 1-й Бело-

русские фронты должны были наступать смежными флангами на север, нанося удар в общем направлении на Кольберг (Колобжег). Разграничительная линия между фронтами — Линде, Ной-Штеттин, Кольберг. После рассечения вражеской группировки войска 2-го Белорусского фронта ликвидируют восточную ее часть, овладевают городами Данциг (Гданьск) и Гдыней с выходом к Данцигской бухте, а войска 1-го Белорусского фронта уничтожают врага в западной части Померании, продвигаясь к реке Одер. Таким образом, после выхода на побережье Балтийского моря войскам одного фронта предстояло действовать в восточном направлении, а другого — в западном.

По директиве Ставки наш фронт должен был начать наступление на своем левом фланге 24 февраля. Это создавало дополнительные трудности. Передавая нам из своего резерва 19-ю армию и 3-й гвардейский танковый корпус, Ставка знала, что они еле-еле успеют подойти к назначенному сроку. На подготовку их к операции времени не оставалось.

Прилагаем, однако, все силы, чтобы начать операцию в срок. Пока войска 19-й армии совершали переходы, весь ее руководящий состав прибыл на участок, с которого армия должна была действовать. (Этот участок пока был занят войсками 1-го Белорусского фронта.) Здесь на местности шла отработка задачи, согласовывалось взаимодействие пехоты с танковым корпусом и с частями усиления. В этой работе принимали участие и командующие родами войск фронта — Сокольский, Чернявский, Борзов и командующий 4-й воздушной армией Вершинин.

В ночь на 22 февраля 19-я армия, сменив правофланговые части 1-го Белорусского фронта, вышла на отведенный ей для наступления рубеж и приступила к подготовке наступления. Армия должна была наносить главный удар в направлении Бишофсвальде, Штегере, Бальденберг. Для прорыва неприятельской обороны создавалась плотность артиллерии не менее 150 стволов на километр фронта, не считая реактивных установок. Для этого были все возможности, учитывая средства усиления, приданные армии фронтом. Наступление поддерживалось основными силами авиации 4-й воздушной армии, представители которой находились у командарма 19 и в тех соединениях, с которыми взаимодействовала авиация.

Войска фронта должны были перейти в наступление 24 февраля. Но фактически бои начались уже с 22 февра-

ля — противник опередил нас и повсеместно начал активные действия, пытаясь отбросить наши части. На всем фронте завязались упорные бои. К нашему счастью, исключение составлял участок, где происходила смена войск 1-го Белорусского фронта частями 19-й армии.

Враг напирал. Однако на нашем правом крыле 2-я Ударная армия стойко удерживала занятый рубеж. Одновременно частью сил И.И. Федюнинский продолжал бои против блокированной в городе-крепости Грауденц вражеской группировки, насчитывавшей, по показаниям пленных, до 15 тысяч солдат и офицеров. Успешно отражала атаки и 65-я армия П.И. Батова. А 49-ю армию противник несколько потеснил и занял Оссово. Упрекать командарма мы не могли. Войска его были ослаблены: мы взяли отсюда один стрелковый корпус для усиления нашего левого фланга. Сейчас этот корпус в составе 70-й армии отражал натиск гитлеровцев в районе Хойнице и готовился к наступлению.

Откровенно говоря, активность противника нас даже радовала. Он атаковал в стороне от того участка, где мы готовили удар, следовательно, оттягивал оттуда часть войск. Это облегчало нашу основную задачу — опрокинуть врага на главном направлении. Поэтому всем армиям было приказано усилить нажим на противника.

Так как не прекращавшееся, хоть и медленное, продвижение наших войск помешало врагу создать прочные в инженерном отношении укрепления, мы рассчитывали прорвать его оборону одними стрелковыми дивизиями, поддержанными мощной артиллерией. Танков у нас было мало. Единственный по-настоящему укомплектованный 3-й гвардейский танковый корпус мы решили ввести в бой на главном направлении на второй день операции.

Утром 24 февраля после сорокаминутной артиллерийской подготовки войска 19-й армии атаковали врага. Они быстро овладели его первой позицией. Преодолевая сопротивление противника, наша пехота продвигалась вперед, расширяя прорыв в глубину и в сторону флангов.

Гитлеровцы дрались за каждый опорный пункт, бросались в контратаки. Но побеждала отвага и мастерство наших солдат, искусство командиров.

По мере продвижения 19-й армии обнажался ее левый фланг, и этим попытался воспользоваться противник. Пришлось ввести в бой 3-й гвардейский кавалерийский корпус. Зайдя левее наступающих войск, он прикрыл их фланг.

Борьба в глубине вражеской обороны всегда требует упорства и самоотверженности. Наши бойцы и командиры в этот день совершили тысячи подвигов. Героизм, инициатива, взаимная выручка помогали им взламывать вражеские укрепления и опорные пункты, уничтожать контратакующие танки и пехоту. К исходу дня 19-я армия продвинулась на 10—12 километров. Ширина прорыва достигла 20 километров.

Успех значительный. Но он был бы еще больше, если бы с пехотой шли танки. Бои показали, что стрелковые части без танков непосредственной поддержки продвигаются недостаточно быстро. Принимаю решение ввести в дело танковый корпус, не ожидая выхода войск на условленный рубеж.

В одиннадцать часов утра 25 февраля генерал А.П. Панфилов повел свои танки в полосу наступления 19-й армии, чтобы ударом в северном направлении на Гегленфельд, Фернхайде совместно с пехотой завершить прорыв обороны противника и к исходу дня достигнуть рубежа Айквир, Шенау. Корпусу была придана 313-я стрелковая дивизия. С каждой танковой бригадой первого эшелона шел стрелковый полк.

Передовые отряды 3-й и 18-й гвардейских танковых бригад с десантами автоматчиков на броне, обогнав пехоту, устремились вперед. К четырнадцати часам они вышли на рубеж Эльзенау, Беренхютте, завершив прорыв тактической зоны обороны противника. Быстрому продвижению танков способствовали отвага и находчивость разведчиков старшего лейтенанта Несена. Лихим, стремительным налетом танкисты-разведчики захватили мост через заболоченную реку и этим обеспечили успех всей бригаде. Это только один из множества примеров смелой инициативы подчиненных Несена.

Выйдя на оперативный простор, гвардейцы-танкисты прибавили темп наступления. Сбивая вражеские части прикрытия и обходя опорные пункты, ликвидация которых поручалась приданной пехоте, они за день продвинулись на 40 километров. Утром 26 февраля передовые отряды корпуса овладели Бальденбергом, городом и станцией Шенау, где разгромили крупную вражескую группировку, захватили трофеи и много пленных.

Решительные и стремительные действия гвардейцев-танкистов, которых вел в бой отличный командир генерал А.П. Панфилов, создали условия для быстрого продвиже-

ния войск 19-й армии. Но этого, к сожалению, не произошло. За два дня пехота прошла всего 25 километров. Много сил отнимали бои с вражескими опорными пунктами, которые обходил танковый корпус. Гитлеровцев приходилось выбивать из них с большим трудом, что безусловно снижало темп наступления. Но причина была не только в этом. Сказывалось плохое руководство войсками. Командарм то и дело терял связь с соединениями, опаздывал с принятием решений. Эти два дня боев показали, что ему не справиться с таким крупным объединением, как армия, да еще с приданными ей средствами усиления. В сложной, непрерывно меняющейся обстановке наступления он проявлял растерянность, неспособность влиять на развитие событий.

Это обстоятельство заставило Военный совет фронта с санкции Верховного Главнокомандующего сменить командарма. Армию возглавил В.З. Романовский, старый, опытный, всесторонне подготовленный генерал.

В первый день наступления из-за плохой погоды, нелетной, как говорят летчики, мы не могли использовать нашу могучую силу — авиацию. Но 25 февраля генерал Вершинин поднял самолеты в воздух. Штурмовики и бомбардировщики оказали большую помощь войскам, особенно танковому корпусу. За день только в полосе действий 19-й армии и гвардейского танкового корпуса они совершили 960 боевых самолето-вылетов.

Бои шли по всему фронту. 70-я армия — сосед 19-й справа, отразив сильные атаки противника, сама перешла в наступление и к вечеру 25 февраля продвинулась на своем левом фланге до 6 километров. 49-я армия все еще отбивалась от наседавшего врага и дальше Оссово его не пропустила. 65-я сражалась на прежних рубежах, отражая атаки противника. Не изменилось положение и на участке 2-й Ударной армии, противник отражал все ее атаки, удерживая прежние позиции. Не удалось армии овладеть и блокированным ее войсками Грауденцем.

Не стихающие на всем фронте бои подтверждали стремление противника во что бы то ни стало удержать Восточную Померанию. По данным, поступавшим в штаб фронта, можно было сделать вывод, что ни на одном из участков силы неприятеля не ослабевали. Наоборот, И.И. Федюнинский и И.Т. Гришин докладывали, что против их армий появились новые вражеские части. Это нас не огорчало. Получалось, что противник, еще не почувствовал всей

угрозы, нависшей над ним в связи с наступлением нашей ударной группировки. Этому можно было только радоваться. И мы принимаем самые решительные меры, чтобы ускорить продвижение войск нашего левого фланга к морю. К сожалению, усилить это важное направление ничем больше не смогли: все силы были введены в бой. Впервые за время войны я, командующий фронтом, остался без резервов и, откровенно говоря, чувствовал себя неважно.

А положение у нас на левом крыле создавалось тревожное. По мере продвижения войск к северу все больше оголялся наш левый фланг: ведь наш сосед — 1-й Белорусский фронт оставался на месте. Противник стал все чаще наносить удары во фланги и тылы нашим наступающим частям. С опаской мы поглядывали на Ной-Штеттин. Этот город, остававшийся западнее разграничительной линии нашего фронта, был полон гитлеровскими войсками, которые в любой момент могли ринуться на наш открытый фланг. Я сообщил об этом в Ставку. Вскоре меня вызвал к ВЧ Верховный Главнокомандующий. Я доложил ему обстановку на нашем фронте и положение, складывающееся на левом крыле. Сталин спросил:

— Что, Жуков хитрит?

— Не думаю, — ответил я, — чтобы он хитрил, но что его войска не наступают и этим создается угроза на обнаженном нашем фланге, я могу подтвердить. Для обеспечения фланга у нас сейчас сил нет, резерв весь исчерпан. Поэтому прошу усилить фронт войсками или обязать 1-й Белорусский быстрее перейти в наступление.

Рассказал я и о положении в районе Ной-Штеттина.

— А войска вашего фронта не смогут занять Ной-Штеттин? Если вы это сделаете, в вашу честь будет дан салют.

Я ответил, что попытаемся взять этот город, но в дальнейшем это не изменит положения. Сталин обещал поторопить 1-й Белорусский с началом наступления. На этом наш разговор закончился. По всему чувствовалось, что Верховный Главнокомандующий доволен ходом событий.

Сразу же связываюсь с командиром конников генералом Осликовским и ставлю перед ним задачу захватить Ной-Штеттин, продолжая обеспечивать левый фланг и тыл ударной группировки фронта.

Новый командующий 19-й армией решительно и умело внес перемены в управление войсками: наладил связь со всеми соединениями, произвел необходимую перестановку сил. Большую помощь при этом ему оказали офицеры

Н.И. Труженников, М.И. Повалий и другие работники штаба фронта во главе с моим заместителем генералом К.П. Трубниковым. Наступление пошло успешнее, хотя противник продолжал упорно сопротивляться, цепляясь за каждый населенный пункт. В.З. Романовский показал себя мастером маневра. Там, где атакой с ходу было не взять, он применял обход, удары с флангов или с тыла, широко используя артиллерию, которая следовала в боевых порядках пехоты. Артиллеристы и пехотинцы сроднились в боях. С помощью пушкарей стрелковые подразделения прокладывали себе дорогу, штурмовали узлы сопротивления, отражали танковые атаки врага. Там, где орудия не могли пройти на мехтяге, стрелки катили их вручную. Особенно полюбились солдатам самоходные артиллерийские установки СУ-76. Эти легкие, подвижные машины поспевали всюду, чтобы своим огнем и гусеницами поддержать, выручить пехоту, а пехотинцы в свою очередь готовы были защитить их от огня вражеских бронебойщиков и фаустников.

Добрые вести поступали от Осликовского. 3-й гвардейский кавалерийский корпус оправдал надежды. Организовав взаимодействие с приданной артиллерией и с поддерживающей конников авиацией, Осликовский обошел Ной-Штеттин с флангов и с тыла. В жарком бою гитлеровцы были разгромлены. Герои-конники захватили город. Оставив там одну дивизию для обеспечения фланга, Осликовский свои основные силы повел на север, действуя на левом фланге 19-й армии. Обрадовало нас и донесение Осликовского о том, что его разведка встретила западнее Ной-Штеттина разведотряд 2-го гвардейского кавалерийского корпуса 1-го Белорусского фронта. Оказывается, это соединение 26 февраля получило приказ комфронта наступать в северном направлении, чтобы обеспечить наш фланг. По-видимому, мой разговор, с Верховным Главнокомандующим возымел некоторое действие. Правда, этот корпус находился далеко от нашего фланга уступом назад, но в какой-то степени в критическую минуту он мог нам оказать помощь. А пока же нам приходилось самим изворачиваться, подчас даже временно замедляя продвижение танкового корпуса, когда он подвергался риску быть отрезанным от своих войск. А эта угроза оставалась: западнее нас в полной готовности находились соединения 3-й танковой армии противника. Они располагались перед войсками 1-го Белорусского фронта и пока еще не были втянуты в бой.

Между тем танковый корпус Панфилова опередил нашу пехоту на сорок километров. Приказываю ему закрепиться на рубеже Бублиц, Цехендорф и здесь дождаться подхода главных сил. Одновременно даю распоряжение Романовскому ускорить наступление своих соединений.

Обещанный Сталиным салют за овладение Ной-Штеттином был произведен. Приказом Верховного Главнокомандующего была объявлена благодарность войскам генерала Осликовского, танкистам генерала Панфилова, летчикам генерала Вершинина, артиллеристам, саперам и связистам, участвовавшим в боях за этот крупный город, являвшийся важным узлом коммуникаций и сильным опорным пунктом противника.

Танковый корпус Панфилова по моему распоряжению остановился в районе Бублиц и организовал на этом рубеже оборону, выдвинув вперед и на фланги сильные отряды, которые удерживали захваченные ими участки и вели разведку противника. Гитлеровцы попробовали нанести контрудар во фланг и тыл корпусу со стороны Руммельсбурга, но сюда подошли передовые части 19-й армии. Завязался упорный встречный бой, в котором приняли участие и наши танкисты. Противник был отброшен.

Сосредоточив усилия на своем левом фланге, 70-я армия сломила сопротивление врага и к вечеру 28 февраля продвинулась на 12 километров в северо-западном направлении, послав вперед 8-й механизированный корпус Фирсовича. Этот корпус поредел в непрерывных боях, но, действуя смело и решительно, мог бы сделать многое. Однако он замешкался, пехота наступала ему на пятки. Это вынудило Военный совет фронта издать специальный приказ и потребовать от командования корпуса больше настойчивости при выполнении задач.

Кавалеристы Осликовского, наступая на северо-запад, много раз вступали в бой с вражескими частями, пытавшимися нанести удар во фланг ударной группировке войск фронта. Большую помощь корпусу оказывала авиация Вершинина. Летчики своевременно предупреждали конников о приближении врага и метко бомбили его боевые порядки.

49-я армия в результате упорного боя вернула Оссово.

Чтобы помешать противнику перебрасывать силы на направление нашего главного удара, не прекращаем наступление и ночью. Конечно, трудно, люди и так устали. Но без этого нельзя. Именно ночью наши разведчики заметили подозрительную суету в районе Руммельсбурга.

Оказывается, враг вновь здесь собрал большую группу своих войск. Несколько десятков танков, тысячи солдат под покровом темноты двинулись в путь. Цель их была ясна: ударить по открытому флангу нашей 19-й армии.

Но расчет врага не оправдался. Внезапной атаки не получилось. Навстречу противнику Романовский двинул свой 40-й стрелковый корпус. Пехоту поддержали летчики Вершинина. Удар был сокрушительным. Противник, понеся большие потери, откатился на северо-восток.

Между прочим, эту атаку враг тщательно планировал. Он собирался напасть на наши главные силы сразу с обоих флангов. Не успели мы отбросить гитлеровцев с востока, завязались бои на западе. Из района северо-западнее Бублиц надвигались внушительные вражеские силы: 15-я и 32-я немецкие пехотные дивизии, два специальных полка, шесть отдельных батальонов и более сорока танков и самоходных орудий. Но и этот удар не застал нас врасплох. Дорогу вражеской группировке закрыли пехотинцы 272-й стрелковой дивизии, направленной сюда командармом В.З. Романовским, и вездесущие конники Н.С. Осликовского. Их поддержали штурмовики 4-й воздушной армии.

Наступавшая вражеская группировка по численности превосходила те части, которые смогли выделить на это направление Романовский и Осликовский. Но командиры хорошо организовали бой. А солдаты дрались геройски. Решающую роль сыграли отвага и мастерство артиллеристов истребительно-противотанковых частей. Развернувшись на виду у противника, они били прямой наводкой по его танкам, а картечью уничтожали пехоту. Бой был жестоким. Мы его выиграли потому, что воины всех родов войск сражались в тесном взаимодействии, каждый солдат дрался стойко и жизни не жалел, чтобы помочь товарищу. Враг был разгромлен и отброшен.

Пока гремели эти схватки на флангах нашей ударной группировки, гвардейцы-танкисты А.П. Панфилова пробивали дорогу к морю. 3 марта они подошли к последнему крупному опорному пункту противника на направлении действий корпуса — городу Кёзлин (Кошалин). Это был важный узел коммуникаций на путях из Данцига в Штеттин и мощный опорный пункт обороны, прикрывающий подступы к побережью Балтийского моря. Мы знали, что в городе сильный гарнизон.

Выслушав донесение Панфилова, я спросил, что он собирается делать дальше.

— Буду брать город.

— А сил хватит?

— Хватит. Ведь со мной пехота.

Ответ порадовал. Значит, действительно танкисты крепко подружились с бойцами приданной корпусу стрелковой дивизии.

— Действуйте, — согласился я. — Только получше подготовьтесь к штурму.

Панфилов умело построил наступление. Дело решили хитроумный маневр танков и пехоты, точный и сокрушительный огонь артиллерии (ее у Панфилова хватало — кроме штатных у него было еще несколько приданных артиллерийских частей) и отличная работа летчиков. Утром 5 марта наши войска овладели городом. Остатки немецкого гарнизона капитулировали. Захвачено было много пленных, в их числе начальник кёзлинского гарнизона генерал-лейтенант фон Цилов и его штаб. Они подтвердили уже имевшиеся у нас сведения о войсках, оборонявших город. Силы у врага здесь были внушительные: 1-я пехотная дивизия СС, 15-я и 32-я пехотные дивизии, танковая дивизия, полицейская дивизия.

Мужество, отвага, инициатива помогли нашим бойцам и командирам быстро разгромить мощный опорный пункт врага. Соединения 3-го гвардейского танкового корпуса вышли на побережье Балтийского моря. Тем самым было завершено рассечение восточнопомеранской группировки противника.

К нам в штаб-квартиру гонец доставил три бутылки, наполненные по горлышко прозрачной жидкостью. Это подарок танкистов Панфилова Военному совету фронта. В бутылке была вода. Не удержались, отведали на вкус. Горьковато-соленая, с запахом водорослей. Вода Балтийского моря! Мы горячо поблагодарили гвардейцев за драгоценный своей символичностью подарок.

С выходом нашей ударной группировки на морское побережье поворачиваем ее фронтом на восток, навстречу армиям правого крыла. Тыл наступающих войск с запада прикрывает 132-й стрелковый корпус 19-й армии. Тиски наших войск все сильнее сжимали врага.

По данным разведки, против нас продолжали действовать войска группы армий «Висла» — 7-й и 46-й танковые, 18-й горноегерский, 20, 23, 27 и 55-й армейские корпуса. Конечно, за время боев солдат в них поубавилось. Но противник был еще очень силен.

Фашистское командование было беспощадно к своим солдатам. Оно заставляло их сражаться даже тогда, когда была видна бесцельность сопротивления. Гарнизон Грауденца, отрезанный от своих войск, сражался до конца. Только 6 марта в результате многодневных уличных боев город был занят частями 142-й стрелковой дивизии полковника Г.Л. Сонникова и 37-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Сабира Умар-оглы Рахимова (она входила в армию Батова, но на время операции была придана 2-й Ударной армии).

Хотелось как можно быстрее разделаться с окруженным противником. Но нам не хватало подвижных соединений. Это побудило меня обратиться в Ставку с просьбой хотя бы временно передать нам одну из двух танковых армий, действовавших в составе войск 1-го Белорусского фронта. Довод я привел убедительный: чем быстрее мы покончим с гитлеровцами в Восточной Померании, тем скорее освободятся войска для предстоящей Берлинской операции. Сталин тут же согласился со мной и сказал, что будет немедленно отдано распоряжение о передаче нам временно 1-й гвардейской танковой армии, которая находится ближе к нашему фронту.

В это время войска 1-го Белорусского фронта, начавшие наступление 1 марта, прорвали оборону противника и успешно продвигались к северу в двух направлениях — на Кольберг и на Каммин. Главный удар Г.К. Жуков наносил в центре. На смежном с нами фланге действовали 1-я армия Войска Польского и 2-й гвардейский кавалерийский корпус, наносившие вспомогательный удар. Продвигались они довольно медленно, и поэтому с нас не снималась задача прикрытия нашего левого фланга. Наконец соседи вышли к морю. Здесь наши пехотинцы и кавалеристы помогли польским воинам разгромить вражеские войска, окруженные в районе восточнее и юго-восточнее Кольберга.

По решению Ставки нам с 8 марта придавалась 1-я гвардейская танковая армия под командованием генерала М.Е. Катукова. После завершения операции она должна была вернуться в 1-й Белорусский фронт. По этому поводу мне позвонил по ВЧ Г.К. Жуков:

— Предупреждаю. Армия должна быть возвращена точно в таком же составе, в каком она к вам уходит!

Я обещал, но в свою очередь попросил, чтобы армия нам была выделена боеспособной...

Сознавая, что малейшую задержку в нашем продвижении враг использует для организации сопротивления, мы заботились о том, чтобы наступление развивалось без малейших пауз. Поэтому отказывались от всяких перегруппировок, которые влекли за собой хотя бы кратковременное замедление в действиях.

По мере продвижения войск фронт наступления сужался. Можно было бы часть сил перевести во второй эшелон фронта. Но жаль было тратить время. Уплотняем в армиях боевые порядки первых эшелонов. Приходилось учитывать, что дивизии поредели и без такого уплотнения нам было не нарастить силы удара. Командиры и политработники поддерживали в войсках высокий наступательный порыв. Многое было сделано в этом отношении политуправлением фронта. Его начальник — замечательный политработник генерал А.Д. Окороков всех своих сотрудников направил в войска. Партийные и комсомольские организации добивались, чтобы каждый солдат знал свою боевую задачу и выполнял ее, не жалея сил. Фронтовые, армейские, дивизионные газеты, агитаторы в своих беседах звали людей вперед, на быстрейший разгром врага.

И все-таки двигались мы медленнее, чем хотелось бы. 6 марта 19-я армия прошла в восточном направлении всего лишь 12 километров. Впереди — Штольп, после Штеттина второй по величине город Восточной Померании. Подступы к городу сильно укреплены. Вызываю на связь А.П. Панфилова.

— Надо выручать пехоту.

Командир танкистов не нуждается в разъяснении задачи. Понимает все с полуслова.

— Взять Штольп?

— Да.

— Сколько времени даете?

— Сутки.

— Будет сделано.

Признаться, меня немного смутила самоуверенность Панфилова. Штольп — крупный промышленный центр. Здесь были авиационные и другие военные заводы. Противник безусловно будет крепко за него держаться.

Но Панфилов и его гвардейцы не зря славились отвагой и находчивостью. Пройдя через боевые порядки медленно продвигающейся пехоты, танки скрытно по лесным дорогам обошли город и внезапно атаковали его с флангов и с тыла. Появление наших танков на улицах так ошеломило

гитлеровцев, что они не смогли уже по-настоящему сопротивляться. Немецкий гарнизон капитулировал. Передав захваченный город со всеми трофеями и пленными пехоте, А.П. Панфилов повел корпус на восток, рассеивая и уничтожая по дороге колонны неприятельских войск, двигавшиеся к Штольпу с севера и юго-востока, не подозревая, что город уже занят нашими частями. Сильные передовые отряды танков с десантниками на броне, выдвинутые вперед на большое расстояние, обходным маневром захватили в исправном состоянии мосты через реку Лупов-Флиес и, отражая вражеские атаки, удержали их до подхода главных сил корпуса. Переправившись через реку, танкисты смяли противника, пытавшегося организовать оборону на этом выгодном рубеже.

Вслед за 3-м гвардейским танковым корпусом, почти не отрываясь от него, следовали стрелковые части 19-й армии. Чтобы ускорить движение, В.З. Романовский использовал все виды транспорта — машины свои и трофейные, конные повозки. Пехота, посаженная на колеса, теперь не отставала от танков, уничтожая по пути очаги сопротивления, обойденные танкистами.

Стремительное продвижение левого крыла фронта вынудило противника поспешно отводить войска. Прикрываясь сильными арьергардами, они пытались оторваться от наших частей, с тем чтобы успеть занять своими главными силами заранее подготовленный Гдыньско-Данцигский оборонительный район. Немецко-фашистское командование рассчитывало на этом рубеже задержать нас и сковать здесь на длительное время как можно больше наших сил. Допустить это мы не имели права.

Приняли все меры, чтобы воспрепятствовать организованному отходу войск противника на этот рубеж. Командующие армиями и командиры соединений прекрасно уяснили свои задачи еще в начале операции и творчески подходили к их решению. Штаб фронта зорко следил за развитием событий, чтобы можно было своевременно вносить поправки в действия войск. Хорошо помогали нам летчики. Они вели непрерывную разведку противника, следили за его передвижениями днем и ночью, информируя штаб фронта и непосредственно войска о своих наблюдениях. Авиация 4-й воздушной армии наносила удары по врагу, тесно взаимодействуя с наземными войсками. Мы все восхищались мужеством и мастерством девушек-летчиц авиаполка ночных бомбардировщиков, возглавляемого

Е.Д. Бершанской. На своих маленьких тихоходных самолетах По-2 они ночью появлялись над противником, бомбили колонны и скопления неприятеля.

В преследовании противника большую роль сыграли механизированный и 8-й гвардейский танковый корпуса. Хотя они и были значительно ослаблены после тяжелых боев, но действовали решительно, смело, применяя маневр. С их помощью стрелковые соединения опрокидывали арьергарды гитлеровцев и добирались до главных сил противника, не позволяя им отрываться от наших наступающих частей. Все танковые соединения помимо связи с армиями, в полосе которых они действовали, обязаны были поддерживать связь и между собой, информируя друг друга об обстановке на своих участках.

Отходя поспешно в центре, на правом фланге противник все еще оказывал упорное сопротивление, и войска Федюнинского и Батова с большими усилиями отвоевывали каждый километр территории.

За 8 и 9 марта войска фронта продвинулись от 20 до 60 километров, заняв свыше 700 населенных пунктов.

Прибыла 1-я гвардейская танковая армия. Перед ней ставится задача, обогнав войска 19-й армии, захватить переправы через реку Леба и канал Бренкенхоф, разгромить противостоящие вражеские части и не позднее 12 марта выйти на побережье Данцигской бухты.

2-я Ударная армия наступала на Данциг с юга. Противник отчаянно отбивался, переходил в контратаки, бросая в бой десятки танков. Нелегко давался Федюнинскому каждый шаг. Быстрее продвигалась 65-я армия. С выходом на рубеж Лаппин, Цукау генерал Батов повернул войска и теперь приближался к Данцигу с запада. Тесно взаимодействовали с 65-й ее соседи — 49-я и 70-я армии, наступавшие севернее в направлении на Цоппот (Сопот).

Попытка противника задержать наши войска левого крыла и центра на рубеже Цукау, Картхауз, Витцков, Шуров, Шмользин провалилась. Ударом танковых соединений и неотступно следовавших за ними стрелковых частей этот рубеж был прорван с ходу. Громя отходящие колонны неприятельских войск, наши танки устремились к Данцигской бухте. В этих боях опять отличились соединения 3-го гвардейского танкового корпуса Панфилова. Они первыми форсировали реку Леба в районе города Лауенбург и, не сбавляя скорости, настигли несколько крупных колонн неприятельских войск, разгромили их,

захватив много трофеев и пленных. 1-я гвардейская танковая армия тоже преодолела реку Леба, а затем канал Бренкенхоф и приближалась к Данцигу.

Отходящему противнику все же удалось занять заблаговременно подготовленный Гдыньско-Данцигский укрепленный район. Ему помогли условия местности и весенняя распутица. Отступая, гитлеровцы разрушали и минировали дороги, спустив плотины, затопляли целые районы. И страшно нам мешали беженцы. Геббельсовская пропаганда вбила в головы немцев столько клеветы о советских войсках, что люди в ужасе покидали насиженные места, лишь заслышав о нашем приближении. Захватив с собой домашний скарб, они целыми семьями бежали куда глаза глядят. Шоссе и проселки были забиты обезумевшими людьми. Одни бежали на запад, другие на восток. К тому же дороги были загромождены брошенным гитлеровцами военным имуществом. Войска с огромным трудом прокладывали себе путь...

Беженцы вскоре убеждались, что никто их не трогает, что вся геббельсовская болтовня — дикая ложь, и, успокоенные, возвращались домой. И снова людская лавина захлестывала дороги, но теперь она двигалась в обратную сторону.

Вырвавшиеся вперед танковые соединения, преодолев предполье, приблизиться к Данцигу и Гдыне не смогли. Перед ними был мощный укрепленный район. Его обороняли в общей сложности почти два десятка вражеских дивизий.

Данциг — сильнейшая крепость. Прочные, хорошо замаскированные форты держали всю местность под обстрелом своих орудий. Старинный крепостной вал кольцом охватывал город. А перед этим валом — внешний пояс современных капитальных укреплений. На всех командных высотах — железобетонные и камнебетонные доты. Система долговременных сооружений дополнялась позициями полевого типа, а территория, прилегавшая к городу с юга и юго-востока, затапливалась.

Не менее сильными были укрепления и на подступах к Гдыне, являвшейся тоже первоклассной крепостью.

Сухопутная оборона подкреплялась огнем с моря: в Данцигской бухте стояли шесть крейсеров, тринадцать миноносцев и десятки более мелких кораблей.

Нужно было учитывать и то, что, преодолев все укрепления, мы будем еще штурмовать и сами города, где каждый дом превращен в огневую точку.

Чтобы не дать противнику времени на организацию обороны, принимаем решение не производить никаких сложных перегруппировок, а с подходом армий сразу же начинать штурм укреплений. Выручало то, что фронт наступления у нас еще более сузился. Если в начале Восточно-Померанской операции он достигал 240 километров, то теперь не превышал 60. Ширина полосы каждой из армий, действовавшей на ударном направлении, составляла всего 10—12 километров. Это намного увеличивало силу нашего натиска.

Основной удар вначале нацеливаем по центру обороны противника в направлении Цоппота, чтобы вбить клин между двумя крепостями.

Для борьбы с вражескими кораблями командующий артиллерией фронта создал специальную группу дальнобойной артиллерии. Но ей почти не довелось стрелять по морским целям. Все решили летчики воздушной армии Вершинина. Бомбардировщики и штурмовики нанесли такой удар по кораблям, что они поспешно покинули бухту.

Армии фронта наступали в пределах отведенных им полос в тесном взаимодействии друг с другом. Танковые соединения выделили свои машины для непосредственной поддержки пехоты. Летчики держали под контролем вражеский аэродром, где размещалось до сотни самолетов, и своими ударами помогали стрелковым частям прорывать оборону противника. Инженерные войска под руководством генерала Благославова шли вместе с пехотой, чтобы уничтожить огневые точки врага, разрушать крепостные сооружения, прикрывать дымами действия пехоты и танков. Благославов изобрел особые катапульты, посредством которых в расположение противника забрасывались тяжелые снаряды, в большом количестве захваченные нами на немецких складах.

Штурм начался 14 марта. В первый же день боя наша авиация уничтожила на данцигском аэродроме все стоявшие здесь вражеские самолеты, обеспечив тем самым себе абсолютное господство в воздухе. Нанося удары на всех участках, основные усилия сосредоточиваем в направлении Цоппот, Олива. Бои тяжелые. Противник яростно дерется за каждый окоп.

Наши расчеты на быстрое преодоление неприятельской обороны не оправдались. Конечно, мы выиграли многое некоторой внезапностью действий, лишив противника времени на организацию обороны, но задача по преодолению этого сильно укрепленного района оказалась нелегкой.

Бойцы и командиры в ходе боев искали способы преодоления разнообразных препятствий. Орудийный грохот не стихал ни днем ни ночью. Войска разбились на штурмовые группы. В них входили пехотинцы, артиллеристы, танкисты и саперы. В небе стоял несмолкающий гул моторов. Самолеты то большими, то мелкими группами вылетали на поддержку штурмовых групп. Шаг за шагом вгрызаемся во вражескую оборону.

Бесстрашен и самоотвержен наш солдат. Глядишь, ранен, а из последних сил ползет с гранатами к дзоту. Но мы снова и снова призываем командиров и политработников беречь людей, побеждать не кровью, а умением!

Не занимать нашему солдату сообразительности, упорства и находчивости. И, как всегда, впереди оказываются коммунисты и комсомольцы. На лету они подхватывают любую полезную инициативу и сами неистощимы на выдумку и смекалку. Добилась успеха одна штурмовая группа — ее опыт сразу становится всеобщим достоянием.

Не помогали противнику отчаянные контратаки. Это даже ослабляло его оборону, ибо каждая такая вылазка стоила ему очень дорого. Потеряв десятки солдат, он откатывался, а наши богатыри на плечах отступающих гитлеровцев врывались на их позиции.

1-я гвардейская танковая армия тем временем, опрокинув заслоны противника, достигла залива Путцигер-Вик. М.Е. Катуков повел свои танки вдоль берега бухты, чтобы ударить по Гдыне с севера. Вместе с танкистами выступали здесь и части 19-й армии. На правом фланге фронта 2-я Ударная армия медленно, но верно теснила врага. Ее ударная группировка находилась уже в восьми километрах от южной окраины Данцига (Гданьска).

Наш сосед справа, 3-й Белорусский фронт, подошел к правому берегу Вислы, части его 48-й армии соприкасались с правым флангом нашей 2-й Ударной, а между ними образовался треугольник, занятый еще вражескими войсками. Враг крепко держался за этот клочок земли, который обеспечивал ему связь с Земландским полуостровом по косе Фриш-Нерунг. Как-то позвонил мне маршал А.М. Василевский, вступивший к тому времени в командование 3-м Белорусским фронтом вместо погибшего Черняховского.

— Зачем вы оттесняете на наш участок вражеские войска?

— Вы должны этому радоваться, — отшутился я. — Вам достанется больше пленных.

Признаться, нам тогда было не до этого лоскутка пустого побережья: шел завершающий этап Данцигско-Гдыньской операции.

Прорвав три линии вражеских укреплений, войска 70-й армии совместно с 3-м гвардейским танковым корпусом и частью сил 49-й армии утром 25 марта ворвались в Цоппот, в жестоких уличных боях очистили его от гитлеровцев и устремились на Оливу — предместье Данцига.

С выходом наших войск к Данцигскому заливу группировка противника была рассечена на три части: одна из них удерживала Данциг, вторая — Гдыню, третья — косу Путцигер-Нерунг (Хель).

Ликвидация гдыньской группировки была возложена на 19-ю армию и 3-й гвардейский танковый корпус. 1-я гвардейская танковая армия к этому времени выводилась в район сосредоточения: она возвращалась в 1-й Белорусский фронт. Преодолевая оборонительные сооружения противника, пехотинцы и танкисты подошли к городу и завязали уличные бои. 28 марта Гдыня была в наших руках. Остатки вражеских войск, бросая раненых и боевую технику, отошли на побережье севернее города.

В боях за Гдыню были полностью разгромлены четыре вражеские дивизии, восемь отдельных полков и двадцать батальонов различного назначения. Успевшие отойти на плацдарм севернее города остатки этой группировки (танковая дивизия, подразделения моторизованной и пехотной дивизий, артиллерийской бригады и шести батальонов морской пехоты) спустя несколько дней были тоже ликвидированы. Всего в районе Гдыни противник потерял 50 тысяч убитыми, 229 танков и самоходных орудий, 387 полевых орудий и более 3500 автомашин. Нашими частями было захвачено свыше 18 тысяч пленных, около 200 танков и самоходок, 600 орудий, 71 самолет, 6246 автомашин.

26 марта войска 2-й Ударной и 65-й армий, в тяжелых боях прорвав неприятельскую оборону на всю ее глубину, подступили к Данцигу. Во избежание бессмысленных потерь гарнизону был послан ультиматум с предложением капитулировать: продолжать сопротивление бесполезно. В случае если ультиматум не будет принят, жителям рекомендовалось покинуть город.

Гитлеровское командование не ответило на наше предложение. Был отдан приказ начать штурм.

В освобождении старинного польского города Гданьск вместе с советскими войсками участвовала отдельная танковая бригада Войска Польского. Польские друзья плечом

к плечу с нашими бойцами мужественно сражались с общим врагом.

Штурм мы начали одновременно с трех сторон. Борьба шла за каждый дом. Особенно упорно гитлеровцы дрались в крупных зданиях, заводских и фабричных корпусах.

Во время штурма в заливе снова показались вражеские корабли. Огонь их мощной артиллерии был внушительным и причинял нашим войскам много неприятностей. Пришлось отвлечь от участия в штурме значительную часть нашей дальнобойной артиллерии, состоявшей преимущественно из 122- и 152-миллиметровых пушек, и выдвинуть ее на берег. Хотя нашим артиллеристам не приходилось раньше стрелять по морским целям, били они довольно метко и заставили фашистские корабли держаться на значительном расстоянии от берега, что не могло не отразиться на эффективности их огня. А тут включилась в дело и авиация Вершинина. Штурмовики атаковали корабли на малых высотах одновременно с разных сторон, а сверху на врага обрушивали свой груз бомбардировщики. Константин Андреевич Вершинин и его подчиненные успешно справились с задачей и вторично заставили вражеские корабли очистить Данцигскую бухту, теперь уже навсегда.

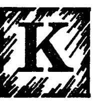
30 марта Гданьск был полностью освобожден. Остатки неприятельских войск бежали в заболоченное устье Вислы, где вскоре были взяты в плен. Над старинным польским городом взвился польский национальный флаг, который был водружен воинами Войска Польского.

В бою за Гданьск нашими войсками было взято в плен свыше 10 тысяч солдат и офицеров, захвачено 140 танков и самоходных орудий, 358 полевых орудий и множество другого военного имущества.

Подводя итоги проведенной нашими войсками Восточно-Померанской операции, можно смело сказать, что она имела очень важное оперативно-стратегическое значение.

Стремительность и непрерывность боевых действий, не дававшие противнику ни минуты передышки для накопления резервов и проведения перегруппировки войск, явились важнейшим условием успеха в этой интересной, сложной наступательной операции, проведенной в короткий срок, что позволило высвободить войска 2-го Белорусского фронта для участия в Берлинской операции. В результате героических действий советских войск были освобождены исконно польские земли, насильственно захваченные в разное время немецкими агрессорами. Польскому народу было возвращено все польское Поморье с крупными городами и портами на Балтийском побережье.

ОДЕР—ЭЛЬБА

Как мы и предполагали, после ликвидации восточнопомеранской группировки противника нам предстояло принять участие в Берлинской операции. По решению Ставки нашему фронту следовало в кратчайшие сроки перегруппировать войска на запад, на штеттин-ростокское направление, и сменить части 1-го Белорусского фронта на рубеже Кольберг, устье Одера и далее по восточному берегу этой реки до Шведта. Основную группировку (три армии) предлагалось иметь на участке Альтдам, Шведт.

Первоочередная задача — быстро перебросить войска на рубеж, с которого будем наступать. Нужно было тщательно все продумать, чтобы никакие заминки не помешали маневру.

Только вчера войска наступали на восток, сейчас им нужно было повернуть на запад и форсированным маршем преодолеть 300—350 километров, пройти по местам, где только что закончились ожесточенные сражения, где еще не рассеялся дым пожарищ, а работы по расчистке дорог и восстановлению переправ через многочисленные реки, речки и каналы только начинались. На железных дорогах не хватало подвижного состава, а полотно и мосты были в таком состоянии, что поезда тащились со скоростью пешехода. И вот в таких условиях надо было передислоцировать сотни тысяч людей, тысячи орудий, перевезти десятки тысяч тонн боеприпасов и уйму другого имущества.

В разработке плана перегруппировки, как всегда, участвовало много людей — руководящий состав штаба фронта, политуправления, тыла, командующие родами войск, командующие армиями. Но еще до того как план был утвержден, отдавались предварительные распоряжения, касавшиеся множества людей. Войска еще только собира-

лись в путь, а на маршруты их движения уже выдвигались специальные отряды для разведки и восстановления дорог, устранения препятствий, оборудования объездов. Организовывалась комендантская служба на мостах и переправах. На перекрестках устанавливались регулировочные посты.

Из-за крайне ограниченных возможностей использования железных дорог по ним решили перевозить только танки и другую технику на гусеничном ходу. Все остальное пойдет походным порядком. Пустим в дело весь свой колесный транспорт — от автомашин до конных повозок. Войска будут следовать перекатами: то пешком, то на колесах. Главное — точное соблюдение графика и строгая дисциплина на марше.

Командиры, политработники, партийные и комсомольские организации разъясняли бойцам, как это важно — в срок прибыть на назначенные рубежи. Ведь впереди — последние, завершающие бои. И речь шла не только о переходе, но и о будущих боевых действиях. Солдаты, уже побывавшие в сражениях, делились своим опытом с новичками. Особое внимание уделялось всему, что было связано с преодолением водных преград и лесисто-болотистой местности. Радовало приподнятое, бодрое настроение людей, на лицах бойцов не было усталости, а ведь они только что вели тяжелые бои, длившиеся долгие недели.

Первыми подготовились к походу войска 49-й и 70-й армий. 4 и 5 апреля они тронулись в путь. Вслед за ними, 6 апреля, двинулась 65-я армия, только что ликвидировавшая вражеские части в районе Крокау. 2-я Ударная армия могла подняться не раньше 8 апреля — после того, как ее сменят войска 5-й танковой.

А 19-й армии еще надо было разгромить противника на косе Путцигер-Нерунг севернее Гданьска. Она там и останется: на нее и приданные ей 93-й и 153-й укрепленные районы возлагается оборона побережья Балтийского моря до устья реки Одер.

Штабы фронта, армий, родов войск, служб и тыла не знали покоя ни днем ни ночью. На них лежала ответственность за порядок и своевременность передвижения войск, за точное выполнение плана передислоцирования. Члены Военного совета, работники политорганов тоже все это время проводили в войсках, совершающих переходы. Политическая работа не прекращалась и на марше; каждый привал использовался для бесед с бойцами.

План был жесткий. Суточный переход для общевойсковых колонн был определен в 40—45 километров. Мобилизовали весь транспорт. На машинах перевозили людей, полковую и батальонную артиллерию, минометы, боеприпасы, продовольствие и кухни. Автоколонны эшелонировались. Для регулирования движения намечались рубежи в 30—40 километров один от другого. Автоколонны шли со скоростью 30—40 километров в час днем, 20—30 километров ночью. Гужевой транспорт двигался со скоростью 35—45 километров в сутки. Войска, передвигавшиеся пешим порядком, проходили за сутки 30—35 километров.

В первых числах апреля меня вызвали в Ставку. Здесь была уточнена и утверждена задача войскам 2-го Белорусского фронта.

Разрабатывая Берлинскую операцию, советское командование учитывало сложившуюся к тому времени политическую и стратегическую обстановку. Несмотря на явный проигрыш войны, немецко-фашистское руководство еще на что-то надеялось. Почти полностью прекратив действия против союзников, гитлеровцы создавали крупную группировку против советских войск. Гитлер и его окружение все еще рассчитывали на какие-то комбинации, которые могли бы их спасти. Надо было положить конец этим попыткам. Отсюда задача наших войск: как можно быстрее разгромить немецко-фашистскую группировку на берлинском направлении, овладеть германской столицей и выйти на реку Эльба.

Выполнение этой задачи возлагалось на три фронта: 1-й Белорусский, 1-й Украинский и 2-й Белорусский. В общих чертах операция должна была развиваться следующим образом. Удар в общем направлении на Берлин наносит 1-й Белорусский фронт, одновременно частью сил обходя город с севера; 1-й Украинский фронт наносит рассекающий удар южнее Берлина, обходя город с юга. Наш, 2-й Белорусский, наносит рассекающий удар севернее Берлина, обеспечивая правый фланг 1-го Белорусского фронта от возможных контрударов противника с севера, и ликвидирует все вражеские войска севернее Берлина, прижимая их к морю.

Начало операции устанавливалось Ставкой для войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов 16 апреля, для нас — 20 апреля. (Для нас срок определен с учетом перегруппировки войск с востока на запад).

Надо сказать, что и эти четыре дня отсрочки мы получили только после того, как я раскрыл все трудности, которые стояли перед нами. Фронт нацеливался на новое направление, по существу не завершив предшествовавшую Восточно-Померанскую операцию. Нам отводился невероятно короткий срок на перегруппировку, хотя войска должны были преодолеть расстояние свыше 300 километров. Я попросил помочь фронту в сложной передислокации. Но дополнительный автотранспорт нам не выделили. Все это до предела сокращало время на подготовку сложнейшей операции по форсированию такой большой водной преграды, как Одер в его нижнем течении. По сути дела, войскам фронта предстояло начать наступление с ходу. Как мы увидим, это значительно затруднит осуществление операции.

Когда я вернулся из Москвы, войска уже были на марше. Не дожидаясь их прибытия, вместе с командармами и начальниками их штабов произвели тщательную рекогносцировку местности, организовали разведку противника.

К сожалению, части 1-го Белорусского фронта, которые мы должны были сменить, не смогли нам дать необходимых сведений о противнике. Они просто не имели времени собрать эти данные. Командующий 61-й армией генерал П.А. Белов, который передавал свой участок войскам трех наших армий, в беседе со мной не смог сказать о противнике ничего нового по сравнению с тем, что мы уже знали.

Пришлось отойти от заведенного нами порядка и ставить задачи командармам еще до выяснения более или менее полных данных о противнике. Делали мы это, конечно, не от хорошей жизни. Сроки поджимали. Ведь надо было еще дать время командармам для отработки задач с командирами соединений.

Рекогносцировку мы провели 10 апреля. Начали ее с участка 65-й армии. Вместе со мной сюда прибыли генералы и офицеры управления и штаба фронта, командующие 4-й воздушной и 49-й армиями. Нас встретил П.И. Батов с группой своих офицеров. Место, где мы собрались, было выбрано очень удачно: окрестности просматривались отсюда на несколько километров.

То, что нам удалось увидеть, не радовало. Наши войска и позиции противника разделяла река, которая на этом участке образовала два широких русла — Ост-Одер и Вест-Одер. Между ними пойма, которая в это время была затоплена. Так что перед нами лежала сплошная полоса воды шириной пять километров. Западный, высокий берег

еле просматривался. Если б это была река, было бы легче: ее можно одолеть на лодках или паромах. Но через пойму на них не переплыть: слишком мелко. Павел Иванович сказал задумчиво:

— Наши солдаты уже определение дали, по-моему, очень точное: «Два Днепра, а посередине Припять».

Да, препятствие серьезное. К тому же противоположный берег всюду господствует над нашим, усиливая позиции противника.

Приходим к выводу, что форсировать придется на широком фронте, одновременно на участках всех трех армий. Успех, достигнутый на одном участке, будем использовать немедленно, перебрасывая туда силы и средства с других участков. Поэтому уже сейчас надо предусмотреть возможность маневра вдоль фронта. К счастью, такая возможность имелась.

Залитая водой болотистая пойма практически была непроходима. Но в некоторых местах над ней возвышались полуразрушенные дамбы. Решено было использовать их. Такие дамбы имелись на участках 65-й (остатки автострады) и 49-й армий.

Рекогносцировка, произведенная совместно с командармами во всей полосе предстоящего наступления трех армий, оказалась весьма полезной. Здесь же, на месте, вносились коррективы к уже принятому решению, уточнялись задачи. Командармы горячо принялись за подготовку операции.

Начали подходить войска. Первой 13 апреля заняла исходное положение на рубеже Альтдам, Фердинандштайн 65-я армия П.И. Батова. Южнее ее 16 апреля подошла к Одеру 70-я армия В.С. Попова, днем раньше еще южнее, сменив, как и ее соседи, части 61-й армии 1-го Белорусского фронта, на участке Кранцфельде, Ниипервизе расположилась 49-я армия И.Т. Гришина.

Войска 2-й Ударной И.И. Федюнинского к утру 15 апреля встали севернее 65-й армии на рубеже Каммин, Инамюнде, сменив части 1-й армии Войска Польского. В тот же день выдвинулись на побережье Балтийского моря части 19-й армии В.З. Романовского, сменив здесь наш 3-й гвардейский кавалерийский корпус, которому предстояло еще совершить далекий переход к Шведту.

К 17 апреля завершили передислокацию наши подвижные соединения — 1, 3 и 8-й гвардейские танковые и 8-й механизированный корпуса.

К началу операции закончила перебазирование и 4-я воздушная армия К.А. Вершинина.

Небывалое воодушевление овладело всеми. Войска с марша приступали к подготовке наступления. Не верилось, что люди только что совершили утомительные переходы, во время которых отдыхали урывками на коротких привалах, спали под открытым небом на сырой земле. Ничто не могло омрачить их приподнятого, радостного настроения. Все понимали важность задачи и стремились выполнить ее как можно лучше.

Предварительная работа по подготовке наступательной операции с руководящим командным составом фронтового и армейского масштаба была закончена до прибытия войск на исходный рубеж, а теперь началась подготовка в звене дивизия — полк. Нужно сказать, что отработка задач везде, где мне пришлось побывать, проводилась умело и целеустремленно. За время войны наши командиры и политработники приобрели глубокие знания и богатейший практический опыт. Это сказывалось на подготовке к наступлению. Было внесено много ценных предложений, которые тут же претворялись в жизнь. Войска, уже немало действовавшие на лесисто-болотистой местности, форсировавшие на своем пути множество рек, сейчас подходили к решению новой задачи во всеоружии опыта.

Летчики Вершинина сфотографировали с воздуха всю оборону противника. Неутомимо работала воздушная и наземная разведка. Удалось установить, что главная полоса неприятельской обороны, оборудованная по западному берегу реки Вест-Одер, достигает глубины 10 километров и состоит из двух-трех позиций. Каждая позиция имеет одну-две сплошные траншеи. Через каждые 10—15 метров по берегу реки отрыты ячейки для стрелков и пулеметчиков, связанные с траншеей ходами сообщения.

Пленные показывали, что все населенные пункты в приодерской полосе на глубину до 40 километров приспособлены для обороны и превращены в опорные пункты. Этому можно было поверить: мы уже видели подобное в Восточной Померании.

Установлено было также, что на направлении наступления войск фронта противник создал вторую полосу обороны, которая проходила по западному берегу реки Рандов, в 20 километрах от Одера. А еще дальше наша воздушная разведка обнаружила третью полосу обороны. Все говорило

о том, что противник подготовился к отпору и что нашим войскам нелегко будет сломить его сопротивление.

По данным разведывательного управления фронта, против наших войск стояли крупные вражеские силы. Перешеек от побережья моря у Вальд-Дивенова до Загера (30 километров по фронту) обороняла корпусная группа «Свинемюнде» под командованием генерала Фрейлиха. В первом эшелоне здесь были два морских пехотных батальона, школа военно-воздушных сил, морской пехотный и пять крепостных полков, а в резерве — части учебной пехотной дивизии.

Южнее на 90-километровом участке фронта по западному берегу Вест-Одера оборонялась 3-я немецкая танковая армия под командованием генерал-полковника Мантейфеля. Здесь стояли 32-й армейский корпус и армейский корпус «Одер». В первом эшелоне они держали три пехотные дивизии, два крепостных и два отдельных пехотных полка, батальон и боевую группу. Во втором эшелоне — три пехотные и две моторизованные дивизии, две пехотные, две артиллерийские бригады, три отдельных полка, четыре батальона, две боевые группы и офицерскую школу. Кроме того, 3-я танковая армия была усилена ранее действовавшими против 1-го Белорусского фронта тремя артиллерийскими полками, 406-м фолькcартиллерийским корпусом и 15-й зенитной дивизией.

Как видим, наиболее сильная группировка гитлеровцев располагалась именно там, где мы собирались наносить главный удар. Но обстановка сложилась так, что изменить направление наступления было невозможно. Выполняя директиву Ставки, мы планировали главный удар нанести на 45-километровом участке Штеттин, Шведт силами трех армий левого крыла фронта — 65, 70 и 49-й, трех танковых, механизированного и кавалерийского корпусов. Прорвав оборону противника на западном берегу Вест-Одера, мы должны были развивать наступление в общем направлении на Нейштрелиц и на двенадцатый — пятнадцатый день операции выйти на рубеж Нойенкирхен, Деммин, Мальхен, Варен, Виттенберге (у реки Эльба). Разграничительная линия с 1-м Белорусским фронтом — Арнсвальде, Шведт, Ангермюнде, Гранзее, Виттенберге.

После прорыва вражеской обороны каждая общевойсковая армия усиливалась танковым (49-я — механизированным) корпусом. 3-й гвардейский кавалерийский корпус оставался во фронтовом резерве, располагаясь за левым флангом 49-й армии.

Артиллерия действовала по планам командующих армиями. На ударном направлении создавалась группировка артиллерии, обеспечивавшая плотность не менее 150 стволов на километр фронта (без учета 45- и 57-миллиметровых орудий). Она должна была своим огнем помочь пехоте в форсировании Одера и прорыве всей тактической глубины вражеской обороны, а в дальнейшем — сопровождать пехоту и эшелоны развития успеха.

Что касается танковых корпусов, то на первом этапе операции ввод их в прорыв определялся командованием фронта. В дальнейшем они подчинялись командующим тех армий, которым были приданы.

4-я воздушная армия в ночь перед наступлением наносит сосредоточенный бомбовый удар по огневым точкам на западном берегу Вест-Одера, по штабам, узлам связи и артиллерийским позициям противника.

В ходе наступления каждая общевойсковая армия левого крыла получит в оперативное подчинение одну штурмовую авиационную дивизию.

На первом этапе операции на авиацию возлагалась ответственная роль. Общая ширина Одера вместе с поймой и заболоченной местностью на восточном берегу доходила до шести километров. Следовательно, артиллерии во время артподготовки и при форсировании реки пехотой придется стрелять с довольно значительных дистанций, что, конечно, будет снижать эффективность ее огня. Своевременно перебросить орудия на западный берег мы не сможем, так как это потребует оборудования переправ. Значит, первое время пехоте придется вести там бой без артиллерийского сопровождения. Поэтому вся тяжесть огневой поддержки пехоты ложилась на плечи летчиков. И нужно сказать, что они блестяще справились с задачей. Огнем и бомбовыми ударами авиация прекрасно сопровождала пехоту при штурме вражеских позиций. Этому способствовала большая предварительная работа по организации взаимодействия между наземными и воздушными частями. Вообще мы огромные надежды возлагали на нашу авиацию, и 4-я воздушная армия полностью оправдала их.

Много внимания уделялось инженерной подготовке операции. Инженерным войскам под руководством генерала Благославова пришлось крепко поработать. В кратчайший срок к берегу были подтянуты и надежно укрыты десятки понтонов, сотни лодок, подвезены лесоматериалы для стро-

ительства причалов и мостов, изготовлены плоты, через заболоченные участки берега проложены гати.

16 апреля с юга донеслась канонада. Это двинулись вперед войска соседа — 1-го Белорусского фронта. Близился и наш черед.

По инициативе командармов отдельные подразделения ночью переправились через восточный рукав реки в пойму и захватили там дамбы. С этим отчаянно смелым предприятием особенно хорошо справились подчиненные П.И. Батова. Передовые батальоны дивизии П.А. Теремова, например, заняли уцелевшие опоры автострады, выбив оттуда засевших там гитлеровцев.

Так были созданы своеобразные плацдармы среди затопленной поймы, куда постепенно переправлялись войска. Впоследствии это значительно облегчило форсирование реки.

Можно было бы много рассказывать о героических вылазках наших разведчиков, которые ночами вели поиск и на западном берегу Вест-Одера. Они добирались туда вплавь, подчас захватывали под самым носом гитлеровцев важные объекты и удерживали их, сражаясь с многократно превосходившим противником.

Наконец наступил момент, когда мы смогли подвести итоги проделанной работы и убедиться, что войска фронта к наступлению готовы.

Члены Военного совета фронта генералы Н.Е. Субботин, А.Г. Русских и начальник политуправления фронта генерал А.Д. Окороков, штаб фронта, командующие родами войск, начальники служб и тыла могли смело заявить, что сделано все для успеха операции.

Вечером 19 апреля я с твердой уверенностью в успехе доложил по ВЧ Верховному Главнокомандующему о готовности войск фронта начать наступление в назначенный Ставкой срок.

В ночь перед наступлением неприятельские позиции подверглись ударам нашей бомбардировочной авиации, продолжавшимся всю ночь. В этих действиях принял деятельное участие и женский авиационный полк ночных бомбардировщиков под командованием Бершанской, совершив рекордное количество самолето-вылетов. Я уже говорил об этой прославленной части. Полк состоял из молодых девушек-летчиц. Они храбро сражались с врагом, начав свой боевой путь еще на Северном Кавказе. Многие из них

были награждены орденами, а 23 летчицы удостоены звания Героя Советского Союза. Среди них М.П. Чечнева, Л.Н. Литвинова, Н.Ф. Меклин, Р.Е. Аронова, М.В. Смирнова, Е.А. Никулина, А.В. Попова, Е.А. Жигуленко и другие. Авиационный полк ночных бомбардировщиков был награжден орденом Красного Знамени и орденом Суворова III степени. Наш фронт законно гордился крылатыми героинями, доставлявшими врагу немало бед своими лихими ночными налетами.

Ночью на участках всех армий шла напряженная борьба специальных отрядов за расширение захваченных участков на западном берегу Вест-Одера и за полный захват поймы. В междуречье на дамбах происходило накапливание сил. На всем протяжении реки от Альтдама до Шведта кипела напряженная работа. Подготавливались и сплавлялись понтоны. На пойме прокладывались щитовые дороги через топи. Было наготове множество легких переносных лодок.

Чтобы ввести противника в заблуждение, демонстрировалась подготовка к форсированию водной преграды севернее Штеттина. Части 19-й и 2-й Ударной армий, прикрываясь дымами, поднимали там неистовый шум. Вообще-то они и на самом деле готовили десанты через пролив Дивенов. Если бы им удалось там зацепиться за западный берег, было бы неплохо.

Главный удар фронта наносился тремя армиями в полосе 47 километров между Альтдамом и Шведтом. Но каждая из них наметила для себя узкие — не более четырех километров — участки прорыва.

Начало артподготовки намечалось на семь часов утра. Продолжительность ее — 60 минут.

Но ночью позвонил П.И. Батов и попросил, чтобы ему разрешили начать наступление на час раньше, так как ветром нагоняет в пойму воду, уровень ее поднимается, что может усложнить форсирование реки. Кроме того, противник усилил нажим против отрядов, уже высадившихся на западном берегу Вест-Одера, их нужно скорее поддержать. Павел Иванович сказал, что он уже отдал соответствующее распоряжение и войска готовы начать действия на час раньше назначенного срока. Мне оставалось только одобрить инициативу командарма.

Связываюсь с другими армиями. Командармы В.С. Попов и И.Т. Гришин оставались при прежнем решении и времени начала операции не меняли. Они тоже заверили меня, что все проверено и войска готовы.

Итак, утром 20 апреля форсирование реки Вест-Одер началось почти одновременно на широком фронте всеми тремя армиями главной группировки фронта.

Форсирование происходило под прикрытием дымовых завес. Очень эффективной оказалась стрельба дымовыми снарядами и минами, разрывы которых лишали неприятельские наблюдательные пункты и огневые точки необходимой видимости.

Войска 65-й армии первыми приступили к форсированию реки. Почти одновременно с началом артиллерийской подготовки, продолжительность которой командарм определил в 45 минут, на воду были спущены все наплавные средства. В армии Батова было заготовлено много лодок легкого типа, которые уже оправдали себя при форсировании рек с заболоченными берегами. Они и здесь сыграли большую роль. Там, где было не проплыть из-за мелководья, пехотинцы легко переносили лодки на руках. Батову удалось быстро высадить на западный берег Вест-Одера большую группу пехоты с пулеметами, минометами и 45-миллиметровыми пушками. Этот десант усилил уже находившиеся здесь с ночи мелкие отряды. Сюда направлялись все новые эшелоны десантников. Теперь в ход пошли и паромы.

Жестокие бои разгорелись за дамбы на западном берегу. Нам они нужны были в качестве причалов и съездов, без которых не выгрузить на заболоченной местности тяжелую технику — танки и орудия, — прибывающую на паромах. Противник это понимал и всячески препятствовал захвату дамб. Как назло, густой утренний туман да и дымы ограничили действия авиации, и она не могла помочь войскам, вклинившимся во вражескую оборону. Но с девяти часов утра погода резко улучшилась, и наша авиация заработала во всю свою мощь.

На западном берегу Вест-Одера бой становился все ожесточеннее. По мере накопления наших сил расширялся район действий. Захваченные нашими бойцами участки и объекты тут же закреплялись, и все попытки врага вернуть их успешно отражались. Вновь прибывающие подразделения расширяли плацдарм, вгрызаясь — именно вгрызаясь! — в оборону противника. Делалось это упорно, настойчиво, и все попытки врага остановить этот процесс были тщетны, хотя с его стороны следовали контратака за контратакой, одна отчаяннее другой.

Инженерные войска с помощью стрелковых частей приступили к наводке понтонных и паромных переправ. Им сильно мешали своим артиллерийским огнем вражеские корабли, появившиеся в проливе. С улучшением погоды ими занялись летчики Вершинина. Штурмовые и бомбовые удары с воздуха вынудили корабли уйти в море.

По ходу событий на участке армии Батова чувствовалось, что наступление развивается успешно. С каждым часом увеличивалось количество наших войск на западном берегу. Противник был уже вынужден вводить в бой свои резервы. Вернуть завоеванное нашими частями пространство он был не в силах и теперь стремился хотя бы задержать дальнейшее наше продвижение на этом участке. В контратаках уже участвовали усиленные танковые части 27-й пехотной дивизии СС «Лангемарк» и 28-й пехотной дивизии СС «Валония», составлявшие резерв 3-й танковой армии. А ведь бой только начинался, на западном берегу Вест-Одера пока дрались только наши передовые части без танковой поддержки и, по существу, без артиллерии сопровождения пехоты. Но своим мужеством, самоотверженностью эти части вынудили врага уже ввести свои резервы. Наши солдаты не оглядывались назад. Они шли вперед или удерживали захваченный объект из последних сил, но не уступали его врагу.

Уже к тринадцати часам на участке 65-й армии действовали две 16-тонные паромные переправы. К вечеру на западный берег Вест-Одера был переброшен 31 батальон с пятьюдесятью 45-миллиметровыми пушками, семьюдесятью 82- и 120-миллиметровыми минометами и пятнадцатью легкими самоходными установками (СУ-76). За день боя войска Батова заняли плацдарм свыше 6 километров шириной и до 1,5 километра глубиной. Здесь уже сражались четыре дивизии стрелковых корпусов К.М. Эрастова и Н.Е. Чувакова. Переправа войск на плацдарм продолжалась.

С командующим артиллерией А.К. Сокольским, командармом 4-й воздушной К.А. Вершининым и начальником инженерных войск Б.В. Благославовым мы прибыли на наблюдательный пункт Батова. Отсюда хорошо просматривалась на некоторых участках береговая полоса Вест-Одера, правда, не на большую глубину, потому что берег противника господствовал над нашим, но многое все же можно было увидеть. В частности, мы наблюдали вражескую контратаку силой до батальона с семью танками. Она происходила на участке 37-й гвардейской стрелковой ди-

визии К.Е. Гребенника. Вскоре мы увидели, как все семь танков загорелись, подбитые орудиями прямой наводки, вражеская пехота побежала.

Ознакомившись с обстановкой, принимаю решение: используя успех 65-й армии, предоставить возможность частям 2-й Ударной воспользоваться одной из переправ Батова для переброски войск на западный берег Вест-Одера с целью обхода Штеттина с юга и запада. Конечно, это мероприятие можно было осуществить лишь после того, как переправятся войска 65-й армии.

Желаю Павлу Ивановичу дальнейшего успеха. Обещаю усилить его армию Донским гвардейским танковым корпусом М.Ф. Панова, с которым Батову часто приходилось действовать совместно. Павел Иванович очень обрадовался.

Едем в 70-ю армию к В.С. Попову, на участке которого тоже обозначился успех.

Василий Степанович Попов, как и Батов, занимал своей армией участок протяженностью 14 километров. Силы в армиях были примерно одинаковые (везде ощущался у нас большой некомплект в людях, численность дивизий колебалась от 3,5 до 5 тысяч человек).

Но условия наступления на участке 70-й армии были значительно лучше, чем у 65-й, над флангом которой нависал город-крепость Штеттин с сильным гарнизоном, тяжелой артиллерией и кораблями, которые могли своим огнем доставить много неприятностей.

У Попова тоже был хорошо оборудованный наблюдательный пункт, с которого можно было следить за боевыми действиями, происходившими на довольно большом расстоянии.

Войска армии приступили к форсированию реки под прикрытием артиллерийского огня. Артподготовка здесь началась несколько позже, чем у Батова, и продолжалась 60 минут. Переправа осуществлялась на широком фронте с помощью множества лодок, заранее подтянутых к восточному берегу Вест-Одера. Главный удар армия наносила на 4-километровом участке, создав плотность артиллерии до 200—220 орудий и минометов на километр фронта. Под прикрытием артиллерийского огня вся масса наплавных средств одновременно устремилась к противоположному берегу. Все, кроме гребцов, вели огонь из пулеметов и ручного оружия.

Противник оказывал упорное сопротивление. По докладу командарма, за утро войска на плацдарме отбили свыше

16 вражеских контратак. К нашему прибытию на западный берег Вест-Одера переправились 12 стрелковых батальонов с пулеметами, минометами и несколькими 45-миллиметровыми орудиями. Противник, пользуясь недостатком на плацдарме артиллерии, донимал нашу пехоту танковыми атаками. Большую помощь пехотинцам в это время оказала авиация.

Бои были тяжелые, люди дрались геройски. Упорство, взаимная выручка и страстное стремление победить помогли им отразить все вражеские удары.

Нам довелось наблюдать работу саперов. Работая по горло в ледяной воде среди разрывов снарядов и мин, они наводили переправу. Каждую секунду им грозила смерть, но люди понимали свой солдатский долг и думали об одном — помочь товарищам на западном берегу и этим приблизить победу.

Долг для них был превыше всего!

В огне и дыму я видел командиров и политработников. В этом аду они умели все подчинить точному расчету, поддержать организованность и строгий порядок. Все командиры и политработники отвечали своему назначению. Своим мужеством они подавали пример и пользовались глубоким уважением среди подчиненных. Это чувствовалось везде.

Впервые мне пришлось видеть Попова в необычном для него состоянии. Он заметно нервничал и горячился. Причиной тому было то, что артиллерия не смогла подавить сильный опорный пункт в районе Грайфенхагена, напротив разрушенного моста через Вест-Одер. Огонь нескольких пулеметов и реактивных противотанковых гранатометов (панцер-фауст) гитлеровцев долгое время не давал нашим частям продвинуться по дамбе и использовать ее для переброски артиллерии и другой тяжелой техники.

Командарм разыскал лиц, виновных в этом упущении. Наверное, крепко досталось бы товарищам. Пришлось мне вмешаться и немного успокоить расходившегося Василия Степановича. Кстати, дружной атакой пехоты, поддержанной летчиками-штурмовиками, злополучный опорный пункт был обезврежен. Тут же на наших глазах саперы подвели к дамбе понтоны. К концу дня на Ост-Одере действовали девять десантных и четыре паромные переправы и 50-тонный мост. По Вест-Одеру курсировали шесть паромов, буксируемые автомашинами-амфибиями. На за-

падный берег стала прибывать артиллерия, столь необходимая войскам, сражавшимся на плацдарме.

Распрощавшись с Василием Степановичем и его ближайшими помощниками, пожелав им успеха (в нем уже можно было не сомневаться), мы убыли на свой КП.

Сильно тревожили нас события на направлении действий 49-й армии. Судя по донесениям командарма Гришина, его войска, начав наступление одновременно с 70-й армией, успеха не добились. Все попытки преодолеть Вест-Одер были противником отражены.

На 49-ю армию возлагались большие надежды. Взаимодействуя с правофланговыми частями 1-го Белорусского фронта, который начал наступать раньше, она должна была нанести рассекающий удар по противнику, отбросить части его 3-й танковой армии на север и северо-запад, под удары нашей 70-й армии. Учитывая важность задачи, 49-й армии больше других выделили средств усиления. И вдруг Гришин топчется на месте.

Разбираемся в причинах неудачи. Главная из них — ошибка армейской разведки. Здесь междуречье изрезано многочисленными каналами. Один из них разведка приняла за основное русло Вест-Одера. В результате весь огонь артиллерии был обрушен на берег канала, оборонявшийся незначительными силами противника. А когда наша пехота преодолела канал и подошла к Вест-Одеру, ее встретил губительный вражеский огонь. Форсировать реку не было возможности.

Командарм И.Т. Гришин принял все меры к подготовке нового удара и просил разрешения возобновить штурм 21 апреля. Учитывая, что если он прекратит операцию, то противник получит возможность перебросить свои силы с этого участка на направления, где у нас наметился успех, я приказал командарму 49 утром возобновить наступление.

Ошибка командования 49-й армии в определении исходного положения для своего первого эшелона послужила нам горьким уроком. Тем более было обидно, что в штабе армии были аэрофотоснимки всего участка наступления. Конечно, доля вины ложилась и на нас — командование фронта: видно, плохо мы проверили готовность армии к действиям. Нечего говорить о переживаниях Гришина. Все мы чувствовали себя неловко, и каждый задавал себе вопрос: как же все это могло получиться и в чем именно его упущение? Такая внутренняя самокритика бывает

очень полезна. Я верил, что впредь товарищи не допустят подобного промаха.

Принимая решение на продолжение наступления на участке Гришина, мы продумали вариант действий и на тот случай, если ему опять не удастся зацепиться за западный берег Вест-Одера. Тогда часть средств усиления, приданных этой армии, предполагалось немедленно перебросить к Батову и Попову. Возможность такой перегруппировки в процессе операции мы предусмотрели заранее, маршруты были изучены и подготовлены, так что никаких затруднений переброска войск вызвать не могла.

Подводим итоги первого дня операции. Они оказались более скромными, чем мы рассчитывали. Но все же войска двух левофланговых армий прочно закрепились на западном берегу Вест-Одера, вклинившись в оборону противника на отдельных направлениях до двух километров. Наибольшего успеха достигли войска 65-й армии. Бои по расширению и углублению захваченных плацдармов продолжались и ночью. Одновременно производилась усиленным темпом переброска войск на западный берег реки. С каждым часом наше положение там становилось прочнее.

Большую помощь пехоте в боях на западном берегу оказывала авиация 4-й воздушной армии, совершившая в этот день 3260 самолето-вылетов. Наше господство в воздухе было полное. Действия вражеской авиации ограничивались разведкой. В течение дня мы насчитали в воздухе 69 самолетов противника. Из них 10 было сбито.

Ночью вражеская авиация пыталась применить торпеды и плавучие мины для подрыва мостов, которые наводили наши саперы. На участке 70-й армии были схвачены вражеские водолазы-диверсанты, посланные тоже с задачей разрушать наши переправы.

Всю ночь бомбардировщики Вершинина, в частности полк Бершанской, наносили удары по переднему краю вражеской обороны против участка 49-й армии.

21 апреля продолжались ожесточенные бои на всем нашем фронте. На участке Батова противник ввел в бой свежую 281-ю пехотную дивизию, которая, по показаниям пленных, следовала на берлинское направление, но была возвращена и брошена в бой в районе Курова, захваченного 65-й армией.

Пока еще везде происходило прогрызание вражеской обороны. Сил для решительного рывка вперед было еще слишком мало на наших плацдармах. Это чувствовал про-

тивник и напрягал все усилия, чтобы сбросить нас в реку. Не удавалось! Наши доблестные солдаты не отступали ни на шаг, а наоборот, использовали любую возможность, чтобы расширить уже захваченные участки.

Туда, где обозначился наибольший успех, то есть к Батову, перебрасываем два мотопонтонных батальона с их парками, ранее придававшиеся 49-й армии. К вечеру на участке Батова на реке Ост-Одер действовали 30-тонный и 50-тонный мосты и 50-тонный паром. На Вест-Одере работали шесть паромных переправ, из них два парома 16-тонных, большой площади.

У 70-й армии успехи были несколько меньше. Но и ее войска расширили плацдарм, в частности овладели рощей севернее Паргова, имевшей в той обстановке большое значение. Удалось ликвидировать важный опорный пункт противника, державший под огнем дамбу, по которой перебрасывались через заболоченный участок войска и техника. Были наведены новые переправы через Вест-Одер. Теперь здесь уже действовали тринадцать десантных переправ и пять паромных. Это позволило в течение дня перебросить на плацдарм еще девять батальонов и — что очень важно — дивизионную артиллерию.

Войскам 49-армии удалось лишь зацепиться за западный берег Вест-Одера, и весь день шел бой за удержание этих небольших плацдармов. Противник беспрерывно контратаковал наши части. Поскольку форсирование здесь проходило очень тяжело, мы старались приковать к плацдармам как можно больше войск противника, а для переброски главных сил армии использовать переправы ее правого соседа — 70-й армии. Приданные 49-й армии фронтовые средства усиления передавались Батову и Попову. Проще говоря, решено было главный удар перенести на правый фланг.

22 апреля войска 65-й армии продвинулись на отдельных участках до двух километров, заняв несколько населенных пунктов, превращенных неприятелем в узлы обороны. Сопротивление врага не ослабевало, а все усиливалось. Но, несмотря на это, на западный берег Вест-Одера были переправлены все стрелковые соединения армии, истребительно-противотанковая артиллерийская бригада и минометный полк. Войска с каждым часом чувствовали себя все увереннее. Вечером сюда по каналам был отбуксирован 60-тонный наплавной мост и за ночь наведен через Вест-Одер. Это уже было большим достижением. Теперь мы могли перевозить на плацдарм всю тяжелую технику.

Продолжала непрерывно переправлять свои войска на западный берег Вест-Одера и 70-я армия. Отражая яростные контратаки врага, наши части шаг за шагом теснили его. За день они продвинулись до трех километров. Армия переправила на западный берег одиннадцать батальонов.

Авиация 4-й воздушной армии, несмотря на неблагоприятную погоду, делала все, чтобы помочь войскам на плацдармах. В течение суток она совершила 3020 самолето-вылетов, из них 1745 в интересах войск 65-й армии. Своими активными и смелыми действиями летчики не раз выручали наземные войска в критические минуты, особенно при отражении танковых атак (противотанковой артиллерии на плацдармах было еще мало).

В результате жарких боев наш плацдарм на западном берегу Вест-Одера достиг 24 километров по фронту и более 3 километров в глубину. Это обеспечивало более выгодные условия для переправы войск.

Вся беда заключалась в том, что тяжелая техника могла быть переброшена через пойму только по сохранившимся насыпям и дамбам, а их на участке каждой армии было не более двух. Это замедляло темп наступления, тем более что противник держал эти узкие места под артиллерийским огнем. Необходимо было как можно скорее отбросить его от реки на такое расстояние, которое не давало бы ему возможности вести прицельный огонь по переправам.

Все внимание Военного совета фронта, политуправления, командующих родами войск и начальников служб было сосредоточено на решении этой задачи. Мы сердцем чувствовали, как дорога каждая пушка, своевременно переброшенная на плацдарм, и делали все, чтобы этих пушек перебросить как можно больше.

К 25 апреля части 65-й и 70-й армий, подкрепленные фронтовыми средствами усиления, продвинулись до 8 километров, хотя Батову пришлось часть своих войск развернуть фронтом на север, против штеттинской группировки врага. Чтобы помочь ему, мы торопили Федюнинского с переброской на плацдарм двух его корпусов. Для этого ему были предоставлены переправы 65-й армии на ее правом фланге.

70-я армия достигла рубежа Радехов, Петерсхаген, Гартц. Попов переправил на западный берег и свой армейский резерв — стрелковый корпус. Вечером по переправам 70-й армии направился на плацдарм 3-й гвардейский тан-

ковый корпус. Подтягивала к этим переправам главные силы и 49-я армия.

У командармов настроение было превосходное: они уже владели плацдармом 35 на 15 километров. Еще немного — и войска прорвут вражескую оборону. Самое тяжелое осталось позади. Перенесенные трудности забыты. Солдаты рвутся вперед. И мы уже начинаем думать, как бы с ходу прорвать вражеский оборонительный рубеж на реке Рандов, не прибегая к сложным перегруппировкам. Решаем использовать для этого всю мощь авиации Вершинина. Все танковые корпуса подчиняем командармам. Предоставляем командармам полную инициативу в решении задачи. Основное — не дать противнику задержаться на этом, втором оборонительном рубеже.

Но чуть забрезжил рассвет, гитлеровцы снова начали контратаки на всем фронте нашей ударной группировки. Противник бросил значительную часть своих резервов: части 103-й бригады СС, 171-й противотанковой бригады, 549-ю пехотную дивизию из района Штеттина, 1-ю дивизию морской пехоты, прибывшую из района Штольпа с участка 1-го Белорусского фронта, а также танкоистребительную бригаду «Фридрих», почти целиком вооруженную панцер-фаустами и усиленную дивизионом штурмовых орудий.

Враг опоздал. К этому времени на западном берегу Вест-Одера мы имели силы, которые ничто не могло остановить. Там уже развернулись три корпуса 65-й армии — Алексеева, Эрастова и Чувакова — боевых, замечательных командиров. Рядом с ними сражались два корпуса армии Попова, а третий корпус тоже был готов вступить в бой. Заканчивали переправу 3-й гвардейский и 1-й гвардейский Донской танковые корпуса, возглавляемые талантливыми генералами А.П. Панфиловым и М.Ф. Пановым.

Все контратаки противника были отбиты, и войска 65-й и 70-й армий продолжали развивать прорыв. Контратаками противник лишь ослабил свои силы, понеся огромные потери и давая нам возможность на плечах его обращенных в бегство солдат продвигаться вперед.

К вечеру 25 апреля был завершен прорыв вражеской обороны на 20-километровом фронте. Наши войска подошли к реке Рандов. В результате боев на западном берегу Одера были полностью разгромлены не только части, оборонявшие этот рубеж, но и все резервы, которые подбрасывал сюда противник.

Тем временем войска соседа слева — 1-го Белорусского фронта — уже завязали бои в Берлине, а правофланговыми соединениями охватывали германскую столицу с севера. Наше наступление не давало противнику возможности перебрасывать резервы к Берлину и тем способствовало успехам соседа.

С завершением форсирования Одера войска нашего фронта приступили к осуществлению маневра с целью охвата главных сил 3-й немецкой танковой армии с юга и юго-запада и лишения их возможности не только оказать содействие берлинской группировке, но и отойти на запад. 65-я армия с 1-м гвардейским танковым корпусом получает задачу ударами в северо-западном направлении прижать к морю все вражеские войска, действующие к северо-востоку от линии Штеттин, Нойбранденбург, Росток.

2-я Ударная армия двумя корпусами наступает в общем направлении на Анклам, Штральзунд, а частью сил очищает от противника острова Узедом и Рюген. Федюнинскому вменялось в обязанность держать тесную связь с Батовым, хотя, зная Ивана Ивановича как старого, опытного военачальника, я не сомневался, что он и сам позаботится о взаимодействии с соседями. Учитывая сложность задачи, придаем Федюнинскому 40-й гвардейский стрелковый корпус 19-й армии.

70-я армия с 3-м гвардейским танковым корпусом наступала в общем направлении на Варен, Краков, Висмар.

49-я армия с 8-м механизированным корпусом и 3-м гвардейским кавалерийским корпусом Осликовского выполняла прежнюю задачу — шла прямо на запад, к Эльбе.

Трогалась в путь и 19-я армия Романовского. Она должна была наступать по побережью моря на Свинемюнде (Свинеустье) и далее на Грейфсвальд.

26 апреля войска 65-й армии штурмом овладели Штеттином (Щецин), прорвали оборону противника на реке Рандов и устремились на северо-запад.

Пытаясь задержать их, немецко-фашистское командование выдвинуло сюда свежие резервы — так называемую боевую группу «Ост-Зее», одну из офицерских школ и 1-ю дивизию морской пехоты. Эти войска предпринимали отчаянные контратаки, в которых участвовали и части 50-й полицейской бригады СС, и остатки резервной 610-й дивизии. Все они были разбиты. Противник нес огромные потери, но остановить нас не мог.

Враг давал своим войскам все более громкие названия: «Ост-Зее», «Висла», «Померания», «Валония»... Не помогало! Одним названием не поддержать боеспособность части.

Невольно вспоминались годы гражданской войны. Тогда тоже многократно битые Колчак, Деникин и другие белые генералы для поднятия духа солдат присваивали частям звучные наименования: егерские, бессмертные, гренадерские, дикие. Но эти «бессмертные» и «дикие» терпели поражение под ударами молодой Красной Армии.

Прорвав вражескую оборону на реке Рандов, сокрушая все на своем пути, двигались войска Попова. Части 70-й армии разгромили три батальона фольксштурма — «Гамбург», «Бранденбург» и «Грайфенхаген».

Развернулась в полную мощь 49-я армия Гришина. Воспользовавшись переправами 70-й армии, ее главные силы вышли на западный берег Вест-Одера и ударом во фланг и тыл оборонявшегося на этом участке противника нанесли ему тяжелое поражение.

Бои 26 апреля носили ожесточенный характер. Враг вводил все новые и новые резервы, вплоть до наспех созданных батальонов фольксштурма с названиями городов, их сформировавших. Но это была уже агония. Как смертельно раненный зверь огрызается в диком безумии, так и фашисты дрались до последнего. У них оставалась лишь одна надежда — дождаться подхода англичан и американцев, сдаться им, но не советским войскам. На большее, по-видимому, они уже не рассчитывали и потому дрались с ожесточением обреченных.

В боях этих дней наши воины проявили массовый героизм. Одно стремление вело их вперед — не дать врагу ни минуты передышки, быстрее покончить с ним. Все действовали мужественно и умело. Плечом к плечу с пехотой шли артиллеристы, прокладывая дорогу огнем. Артиллерия крупных калибров сокрушала опорные пункты врага. Отлично действовали знаменитые «катюши», буквально сметая контратакующих гитлеровцев.

Летчики Вершинина наносили удары по подходившим резервам противника и по узлам сопротивления, прикрывали наши войска с воздуха.

Наш командный пункт был перенесен в Штеттин. До этого управление войсками мы осуществляли в основном с наблюдательных пунктов, которые располагались на наиболее важных направлениях действий войск фронта на удалении 2,5—4 километра от передовых подразделений.

Не могу не отметить отличную, самоотверженную работу наших связистов. Как командование фронта, так и командующие армиями всегда были обеспечены связью со своими соединениями и частями.

Войска нашего левого соседа, 1-го Белорусского фронта, совершив маневр своими правофланговыми соединениями, обошли Берлин с севера и сомкнулись с частями 1-го Украинского фронта к западу от германской столицы. Берлинская группировка врага оказалась в кольце. Советские войска с тяжелыми боями продвигались к центру города.

В этой обстановке нужно было не допустить попыток со стороны противника ударом с севера облегчить положение своей берлинской группировки. А у нас имелись данные о том, что гитлеровцы перебрасывают морем свои войска с Земландского полуострова и с косы Хель (Данцигская бухта). Поэтому мы больше всего уделяли внимания действиям войск 49-й армии, следовавшей на запад вместе с 8-м механизированным и 3-м гвардейским кавалерийским корпусами. Они должны были отсекать гитлеровские части, направляющиеся к Берлину, и отбрасывать их на север, под удары 70-й армии.

27 апреля наступление продолжалось. 2-я Ударная армия, очистив от неприятеля остров Гристов, своим правым флангом подошла к Свинемюнде. Главные ее силы, действуя вдоль южного берега Штеттинской гавани, продвигались на Анклам, Штральзунд. По пути они уничтожали отошедшие в северном направлении части штеттинского гарнизона и подразделения 4-го полка «Померания», оборонявшегося севернее Штеттина.

Войска всех армий фронта успешно развивали наступление. Начиная с 27 апреля враг уже не мог сколько-нибудь прочно закрепиться ни на одном рубеже. Началось стремительное преследование его отходящих частей, хотя они не упускали случая оказывать нам сопротивление.

Отступая, вражеские войска взрывали за собой мосты, минировали и разрушали дороги, пытались дать бой в каждом удобном для обороны населенном пункте. Но, несмотря на это, скорость продвижения наших войск в сутки достигала 25—30 километров. Сметая все преграды на своем пути и уничтожая сопротивлявшегося врага, наши войска неудержимо продвигались вперед. Вскоре 2-я Ударная армия Федюнинского и 65-я Батова, наступавшие в северо-западном направлении, уничтожив и пленив отхо-

дившие перед ними вражеские части, достигли побережья Балтийского моря.

70-я армия Попова и 49-я Гришина столкнулись с резервами противника, выдвинутыми им в лесисто-озерный район Нойштерлиц, Варен, Фюрстенберг. Здесь пытались закрепиться части 7-й немецкой танковой дивизии, переброшенные морем из района Данцигской бухты, 102-я дивизия особого назначения и пехотная дивизия «Шлягитер» из резерва главного командования, 5-я парашютная дивизия с западного фронта, а также остатки 25-й моторизованной, 5-й легкопехотной, 3-й морской, 156-й пехотной, 606-й особого назначения дивизий и фольксгренадерского артиллерийского соединения, отошедшие в полосу наших войск под ударами правого крыла 1-го Белорусского фронта. Все эти вражеские части ударами войск Попова и Гришина при содействии танкового корпуса Панфилова и 8-го механизированного корпуса, а также авиации Вершинина были разгромлены, уничтожены, а остатки их пленены. Наступление 49-й и 70-й армий продолжалось безостановочно.

3 мая 3-й гвардейский танковый корпус Панфилова юго-западнее Висмара установил связь с передовыми частями 2-й британской армии.

4 мая вышли на разграничительную линию с союзниками и войска 70-й, 49-й армий, 8-го механизированного и 3-го гвардейского кавалерийского корпусов (конники дошли до Эльбы). Части 19-й армии Романовского и 2-й Ударной Федюнинского еще сутки вели бои — очищали от гитлеровцев острова Воллин, Узедом и Рюген. С овладением этими островами закончилась наступательная операция 2-го Белорусского фронта. Правда, приходилось еще прочесывать отдельные районы, обезвреживать небольшие группы гитлеровцев, остававшиеся в тылу наших войск.

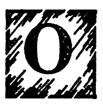
Много хлопот доставил нам датский остров Борнхольм, превращенный немецко-фашистским командованием в военно-морскую базу и перевалочный пункт для переброски за границу своих войск, застрявших на косе Хель, в районе Данцигской бухты, и на изолированных плацдармах в Курляндии. Наше предложение командующему немецкими войсками на острове генералу Вутману и его заместителю по морским делам капитану 1 ранга фон Кеметцу о капитуляции было отклонено. Пришлось приступить к высадке десанта. Две стрелковые дивизии 19-й армии были погружены на корабли. Организацию десантной операции

я поручил начальнику оперативного управления штаба фронта генералу П.И. Котову-Легонькову, который действовал совместно с командиром Кольбергской военно-морской базы. Нам всем тоже, конечно, пришлось приложить свои усилия. Впоследствии навалились заботы с обеспечением продовольствием и всем необходимым высаженных на Борнхольме наших войск. Балтийское море было засорено минами, которые ставили и немцы и союзники. Документация отсутствовала, работы по тралению фарватеров только начинались. Каждый рейс к острову был сопряжен с большим риском.

На Борнхольме было обезоружено и взято в плен свыше 12 тысяч немецких солдат и офицеров и захвачены большие военные трофеи. Между датским населением острова и нашими войсками с первого же дня установились дружеские отношения. Жители Борнхольма восторженно встретили своих освободителей.

Мы в Германии. Вокруг нас жены и дети, отцы и матери тех солдат, которые еще вчера шли на нас с оружием в руках. Совсем недавно эти люди в панике бежали, заслышав о приближении советских войск. Теперь никто не бежал. Все убедились в лживости фашистской пропаганды. Все поняли, что советского солдата бояться нечего. Он не обидит. Наоборот, защитит слабого, поможет обездоленному. Фашизм принес немецкому народу позор, несчастье, моральное падение в глазах всего человечества. Но гуманен и благороден советский солдат. Он протянул руку помощи всем, кто был ослеплен и обманут. И это очень скоро поняли немцы. Стоило войскам остановиться на привал, как у походных солдатских кухонь появлялись голодные немецкие детишки. А потом подходили и взрослые. Чувствовали, что советские солдаты поделятся всем, что они имеют, поделятся с русской щедростью и с отзывчивостью людей, много испытавших и научившихся понимать и ценить жизнь.

СЧАСТЬЕ СОЛДАТА

Объезжаем войска. Они теперь размещены на огромном пространстве — от побережья Балтийского моря до предместий Берлина.

На рассвете направляюсь в штаб 70-й к Попову. Дорога пролегает через густой лес. И вдруг шоссе запрудила колонна солдат. Знакомые темно-зеленые мундиры. Немцы! Рука невольно тянется к пистолету. Но не успел его выдернуть из кобуры. Спохватился: война-то ведь кончилась! Чтобы окружающие не заметили, отрываю руку от оружия и достаю из кармана портсигар.

Колонна остановилась, чтобы пропустить нашу машину. Сотни немецких солдат смотрят на нас. Некоторые с любопытством, большинство же — с тупым безразличием. Когда-то они были другими. С торжеством победителей маршировали по городам Европы, грабили захваченные страны. Кровью, пеплом и развалинами отмечен их путь на нашей земле. Они кичились своей непобедимостью и сумели многих убедить в ней, пока не столкнулись с нашим солдатом. Потом были бои под Москвой, Сталинград, Курск, Днепр, Варшава, Одер и Эльба. Теперь ничего не осталось от могущества гитлеровской армии. Только колонны пленных — растерянных, подавленных людей в потрепанных зеленых мундирах. Многие из них впервые задумались всерьез и начали кое-что соображать. Пусть, пусть больше думают! Поражение тоже бывает на пользу: оно учит, заставляет даже самых недалеких трезво взглянуть на жизнь и понять меру своей вины и свою ответственность перед историей.

Офицер, с несколькими бойцами сопровождавший пленных, доложил, куда следует колонна. Наша машина тронулась. Но долго еще по обочине тянулась вереница пленных. Казалось, и конца им не будет.

А ведь совсем недавно у этих людей было оружие. Сколько усилий и жертв потребовалось, чтобы выбить его из рук и повергнуть в прах фашистский режим, который посылал их убивать, порабощать и грабить. Это сделали мы, солдаты Страны Советов.

И в моей душе росло чувство гордости за наших воинов, за наш народ, который в титанической борьбе поставил врага на колени. Гордости за то, что и я принадлежу к этому народу-великану и что какая-то крупица и моего труда заложена в одержанной победе. Это не было самодовольство, нет. Это было именно чувство гордости.

По дорогам Германии ползли не только унылые колонны пленных. На дорогах бурлила, била через край и подлинная человеческая радость. Толпы людей с криками ликования встречали нас, приветствовали на всех языках мира. Сердце замирало при виде этого разноплеменного людского моря. Многие были в отрепьях, изможденные донельзя, еле державшись на ногах, поддерживали друг друга, чтобы не упасть. А в глазах — счастье.

Это вчерашние узники фашистских концлагерей, люди, которых ожидала смерть. Их освободили, им вернули жизнь мы, советские солдаты.

Здесь были люди, согнанные в Германию из всех стран Европы. Бесправные рабы, обреченные на непосильный труд, голод, болезни, теперь они снова стали свободными людьми, возвращались к своим домам, к своим семьям. И благодарили за это нас, советских солдат.

Кого здесь только не было: поляки, чехи, сербы, черногорцы, французы, бельгийцы. Всех не перечесть. Трудно описать их восторг, радость, безграничную благодарность, выражаемые словами, жестами, взглядами, обильными счастливыми слезами. Они встречали нас с песнями на родном языке, с флагами, плакатами, поясняющими, к какой нации принадлежат освобожденные. Возгласы в честь советских воинов, в честь Советской страны одинаково вдохновенно звучали на всех языках. Эти трогательные моменты на всю жизнь врезались в нашу память.

Здесь было и много французских, английских, американских, бельгийских, голландских солдат и офицеров, в разное время попавших в плен к гитлеровцам. Особенно много среди них оказалось бывших летчиков. Среди освобожденных был и начальник генерального штаба бельгийской армии с большой группой генералов и офицеров.

У Военного совета фронта помимо текущих дел появились новые. Нам пришлось взять на себя заботы о десятках тысяч людей, освобожденных из фашистской неволи. Позже мы получили десятки, сотни писем от правительств и разных организаций с горячей благодарностью за освобождение их соотечественников и заботу о них.

8 мая был подписан акт о полной, безоговорочной капитуляции немецко-фашистских вооруженных сил.

Не описать счастье наших солдат. Не смолкает стрельба. Стреляют из всех видов оружия и наши, и союзники. Палят в воздух, изливая свою радость. Ночью въезжаем в город, где разместился наш штаб. И вдруг улицы озарились ярким светом. Вспыхнули фонари и окна домов. Это было так неожиданно, что я растерялся. Не сразу пришла догадка, что это конец затемнению. Кончена война! И только тогда я до конца понял значение неумолчной трескотни выстрелов. Пора положить конец этому стихийному салюту. Отдаю распоряжение прекратить стрельбу.

Командир 3-го гвардейского танкового корпуса генерал А.П. Панфилов, корпус которого первым встретился с британскими войсками, вручает мне приглашение фельдмаршала Монтгомери. На следующий день мы с группой генералов и офицеров едем в Висмар. Еще до въезда в город нас встречают британские офицеры в обыкновенной полевой форме, только не в касках, а в беретах. После короткой официальной церемонии они сопровождают нас к резиденции своего командующего. Чувствуется, что англичане стараются сделать встречу как можно более теплой. Мы отвечали тем же.

Вот и фельдмаршал Монтгомери. Обмениваемся крепкими рукопожатиями и поздравлениями с победой. Англичане строго соблюдают ритуал. Гремит орудийный салют, застыли шеренги почетного караула. А после церемонии завязалась оживленная беседа. Наши и британские генералы и офицеры втягиваются в общий разговор. Ведется он и через переводчиков и без них. Монтгомери держится непринужденно, видно, и ему передалось общее настроение.

Конечно, не обошлось без фотографов, художников, корреспондентов, их, я бы сказал, было слишком много. Удивляться, пожалуй, этому нечего. Ведь это была первая встреча военачальников двух союзных армий после четырехлетней кровавой войны с общим врагом — фашистской Германией.

Когда все познакомились друг с другом, фельдмаршал пригласил в зал. На столах — угощение. Но не до него — люди по-прежнему увлечены беседой.

Меня с фельдмаршалом засняли у карты, вывешенной на стене. Снимались все: кто в одиночку, кто группами.

Встреча прошла тепло и оставила у нас хорошее впечатление. Британские офицеры, да и сам Монтгомери, оказались в действительности проще и общительнее, чем мы их себе представляли. Тепло прощаемся. Провожают нас те же офицеры во главе с генералом Боулсом, командиром воздушно-десантной дивизии.

На любезность мы ответили любезностью и пригласили к себе фельдмаршала Монтгомери и его соратников. Прием решено было провести с русским гостеприимством.

В почетный караул ставим кубанцев 3-го гвардейского кавалерийского корпуса Осликовского в конном строю, в полной казачьей форме. На Монтгомери и его офицеров они произвели огромное впечатление. Англичане долго провожали восхищенными взглядами лихо удалявшуюся конницу. После церемонии встречи гости были приглашены в большой зал, где умело и со вкусом был сервирован стол. Сидя за обильным столом (у англичан беседовать приходилось стоя), наши гости почувствовали себя еще лучше. Беседа приняла задушевный характер. Сам Монтгомери, сначала пытавшийся в очень деликатной форме ограничить время своего визита, перестал поглядывать на часы и охотно втянулся в общий разговор.

В заключение с концертом выступил наш фронтовой ансамбль. А нужно сказать, он у нас был прекрасным. Этим мы окончательно покорили британцев. Каждый номер они одобряли такими неистовыми овациями, что стены дрожали. Монтгомери долго не мог найти слов, чтобы выразить свой восторг и восхищение.

Уже поздно вечером фельдмаршал и его офицеры тепло распрощались с нами.

Эта встреча вселила в нас чувство уверенности, что люди разных государств, говорящие на разных языках, и даже с разной идеологией при желании могут жить в дружбе, с уважением относясь друг к другу.

Наши солдаты ликовали. Я смотрел на их восторженные лица и радовался вместе с ними.

Победа! Это величайшее счастье для солдата — сознание того, что ты помог своему народу победить врага, отстоять свободу Родины, вернуть ей мир. Сознание того, что ты

выполнил свой солдатский долг, долг тяжкий и благородный, выше которого нет ничего на земле!

Враг, пытавшийся поработить наше социалистическое государство, разбит и повержен.

Тяжелые годы пережила наша Родина. В этой войне решалась ее судьба, судьба каждого из нас. Советские люди понимали это и по зову партии поднялись все, как один, на защиту своего социалистического Отечества, советского общественного и государственного строя, всех своих революционных завоеваний. И война стала всенародной.

Наше социалистическое государство оказалось сильнее фашистской Германии.

В смертельной борьбе, начавшейся в крайне невыгодных для нашей страны условиях, проявились во всем величии несокрушимое единство советского народа, безграничная любовь наших людей к своей Родине, их верность ленинским идеям. Народ понимал и воспринимал политику Коммунистической партии как свою собственную и поддерживал ее до конца.

Оправдались бессмертные слова В.И. Ленина: «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»*.

В огне испытаний безграничную преданность своему народу и партии, правительству проявили воины Советской Армии. Каждый из нас крепко запомнил лозунг партии: «Наше дело правое, мы победим!» Вера в победу не покидала нас никогда, даже в самые тяжелые моменты, а их было немало.

Беззаветная преданность своему народу и государственному строю проявлялась в бесчисленных подвигах на поле брани. Героями становились миллионы. Солдаты стояли насмерть на своих рубежах, грудью бросались на амбразуры вражеских дотов, летчики и танкисты не задумываясь шли на таран. Героями были все — и те, кто устремлялся в атаку сквозь стену огня, и те, кто под снарядами строил мосты и тянул провода к командным пунктам. Слава вам, чудесные советские люди! Я счастлив, что был вместе с вами все эти годы. И если я смог что-то сделать, так это благодаря вам.

* Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 315.

В сражениях крепла и мужала наша армия. Вырастали кадры замечательных командиров и политработников. Совершенствовалось тактическое, оперативное и стратегическое руководство Вооруженными Силами.

В годы грозной опасности, нависшей над нашей Родиной, весь советский народ еще теснее сплотился вокруг Коммунистической партии и Советского правительства. Доблесть фронтовиков подкреплялась и вдохновлялась трудовой доблестью рабочих и колхозников, интеллигенции, наших героических женщин, молодежи. Это они, миллионы неутомимых тружеников, ковали оружие для фронта, кормили и одевали солдат, согревали своей заботой, теплом своих сердец.

Душой и вдохновителем всенародной борьбы явилась наша Коммунистическая партия — руководящая и направляющая сила советского общества, испытанный в боях авангард советского народа.

Великая Отечественная война была всенародной. И победа над врагом тоже была победой всенародной. Армия и народ праздновали ее одной дружной семьей. И от этого еще полнее, еще больше было наше солдатское счастье...

Приложение № 1

К.К. РОКОССОВСКИЙ В ОПЕРАЦИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Дата проведения и наименование операции (участвующие войска), должность, занимаемая К.К. Рокоссовским	Цель и результаты операции	Участие К.К. Рокоссовского и подчиненных ему войск в операции
1	2	3
1941 22.6—6.7 Львовско-Черновицкая стратегическая оборонительная операция (Юго-Западный фронт). Командир 9-го механизированного корпуса Юго-Западного фронта.	Проводилась в целях отражения удара немецкой группы армий «Юг» на юго-западном направлении советско-германского фронта. В ходе активных боевых действий в приграничных районах и на промежуточных оборонительных рубежах войска Юго-Западного фронта нанесли противнику большие потери и замедлили наступление его главной группировки на киевском направлении, что позволило отвести основные силы фронта и занять оборону на новых рубежах.	23—29.6 в районе Луцк, Дубно, Броды мехкорпусами фронта были нанесены удары по флангам группировки противника. В сложной обстановке первых дней войны корпус генерал-майора Рокоссовского (укомплектованный техникой лишь на 30%), совершив 250-километровый марш, 26.6 во взаимодействии с 19-м и 22-м мехкорпусами нанес сильный удар из района 35—40 км северо-восточнее Луцка на Дубно во фланг 3-го моторизованного корпуса противника, вынудив его перейти к обороне. В этих боях действия Рокоссовского отличались самостоятельностью, смелостью и решительностью. Ожесточенные бои советских бронетанковых соединений с 1-й танковой группой противника приняли характер встречного танкового сражения (одного из самых крупных танковых сражений Великой Отечественной войны), в котором с обеих сторон участвовало до 2 тыс. танков. Результатом контрударов мехкорпусов явился срыв замысла противника окружить и уничтожить советские войска на львовском выступе.

1	2	3
7.7—26.9 Киевская стратегическая оборонительная операция (Юго-Западный фронт). Командир 9-го механизированного корпуса (до 14.7).	Цель — отражение наступления немецко-фашистских войск на киевском направлении. Несмотря на упорное сопротивление советских войск, операция окончилась для них неудачно. В ходе длительных непрерывных ожесточенных боев советские войска оставили Киев и ряд районов Левобережной Украины, понеся при этом тяжелые потери.	Рокоссовский принимал участие в операции только на ее начальном этапе, когда в период с 9 по 16.7 войска Юго-Западного фронта контрударами по флангам 1-й танковой группы Клейста, прорвавшейся в район Житомир, Бердичев, сорвали замысел врага с ходу захватить Киев и окружить главные силы фронта (6, 12 и 26-ю армии) западнее Днепра. Сражение в районе Новоград-Волынский, Житомир, Бердичев длилось восемь суток. В течение этого времени все три моторизованных корпуса группы Клейста вынуждены были топтаться на месте и вести затяжные бои, неся большие потери. Это дало возможность командованию Юго-Западного фронта выиграть время для укрепления обороны на подступах к Киеву и вывести из-под флангового удара войска 6, 12 и 26-й армий. Корпус Рокоссовского успешно действовал на новоград-волынском направлении, где он, взаимодействуя с другими соединениями фронта, нанес 10.7 контрудар по противнику с севера. Контрудар корпуса был неожиданным и пришелся по слабо укрепленному стыку 258-й и 44-й пехотных дивизий противника. В этих боях Рокоссовский продемонстрировал свое командирское мастерство. Контрудары войск Юго-Западного фронта восточнее Новоград-Волынского, где действовал корпус Рокоссовского, и в районе Бердичева вынудили противника приостановить наступление на подступах к Киевскому УР, позволили отвести 6-ю армию за линию Бердичев, Хмельник, а 26-ю и 12-ю армии на Легичевский УР.

1	2	3
		14.7 Рокоссовский убыл в Москву в распоряжение наркома обороны. 22.7 он был награжден орденом Красного Знамени.
10.7—10.9 Смоленское сражение (Западный, Резервный, Центральный, Брянский фронты). Командующий оперативной группой в районе Ярцево (с 17.7), командующий 16-й армией (с 6.8).	Цель — остановить наступление немецко-фашистских войск группы армий «Центр» и не допустить прорыва противника на московском направлении. Главным итогом Смоленского сражения, развернувшегося на фронте до 650 км и в глубину до 250 км, стал срыв расчетов гитлеровского командования на безостановочное движение к Москве. Впервые во второй мировой войне немецко-фашистские войска были вынуждены прекратить наступление на главном направлении и перейти к обороне. В результате Смоленского сражения советское командование выиграло время для подготовки обороны Москвы.	В соответствии с директивой начальника Генерального штаба от 18.7 было создано 5 армейских оперативных групп для нанесения ударов из районов Белого, Ярцева, Рославля по сходящимся направлениям на Смоленск с задачей во взаимодействии с 16-й и 20-й армиями разгромить группировки противника севернее и южнее города. Одну из этих групп возглавил Рокоссовский. Ему было поручено важнейшее направление. В течение нескольких дней группа Рокоссовского, сформированная им из отходивших частей, отражала на рубеже реки Вопь в районе Ярцева ожесточенные атаки танковых соединений Гота, стремившихся прорваться на восток к Вязьме и в юго-восточном направлении к Ельне в целях соединения с частями 2-й танковой группы Гудериана. При организации обороны на левом берегу реки Вопь войска Рокоссовского впервые за войну сделали попытку создать противотанковую оборону, основанную на противотанковых опорных пунктах (районах), размещаемых на танкоопасных направлениях, позднее этот опыт нашел широкое применение в Красной Армии. 28.7 группа нанесла контрудар, в результате которого соединения противника были вынуждены перейти к обороне.

1	2	3
		1.8 одновременным ударом группы Рокоссовского (с востока) и частей 16-й и 20-й армий, находившихся в окружении (с запада), был прорван фронт окружения советских войск. Несмотря на то что наши войска не смогли разгромить смоленскую группировку противника, они остановили наступление группы армий «Центр» на Москву, помогли 20-й и 16-й армиям прорвать кольцо окружения и отойти за Днепр. После выхода войск из окружения Рокоссовский вступил в командование 16-й армией. Участвуя в оборонительных и наступательных боях, войска армии форсировали Вопь, овладели вражескими укреплениями на западном берегу, отвлекая на себя часть резервов противника из Ельни, способствуя успешному проведению Ельнинской операции Резервного фронта. 11.9 Рокоссовскому было присвоено воинское звание генерал-лейтенант.
30.9—5.12 Московская стратегическая оборонительная операция [Западный (1.10—5.12), Резервный (1.10—12.10), Брянский	Основная цель — остановить наступление группы армий «Центр», защитить Москву. В ходе ожесточенных сражений на дальних и ближних подступах к Москве в условиях абсолютного превосходства противника в силах и средствах советские войска, имея недостаток в боеприпасах и технике, остановили продвижение	16-я армия под командованием К.К. Рокоссовского сыграла заметную роль в обороне Москвы, принимая активное участие в Можайско-Малоярославецкой и Клинско-Солнечногорской оборонительных операциях, проведенных в рамках Московской стратегической оборонительной операции. В ходе октябрьского наступления противника (Можайско-Малоярославецкая оборонительная операция Западного фронта) войска 16-й армии, прикрывая подступы к столице на волоколамском направлении, проявили исключительное упорство.

1	2	3
(30.9—10.11), Калининский (20.10—5.12) фронты]. Командующий 16-й армией Западного фронта.	главной немецкой группировки — группы армий «Центр» и нанесли ей тяжелое поражение. Были подготовлены условия для перехода в контрнаступление и разгрома врага под Москвой. В рамках Московской стратегической оборонительной операции были проведены Орловско-Брянская, Вяземская, Можайско-Малоярославецкая, Калининская, Тульская и Клинско-Солнечногорская фронтовые оборонительные операции.	Против армии Рокоссовского, в которой на каждый стрелковый батальон и кавалерийский полк приходилось 5—6 км фронта обороны, а плотность артиллерии не превышала двух орудий на 1 км, противник бросил четыре дивизии, насчитывавшие до 200 танков. Массированным танковым ударам противника, поддержанным авиацией, была противопоставлена хорошо организованная оборона, в которой большую роль играли противотанковые опорные пункты и районы. В ожесточенных боях армия Рокоссовского, обескровив ударную группировку противника, 27.10 остановила его восточнее Волоколамска. Успех был обеспечен четким управлением, умелым маневром силами и своевременным вводом резервов. В ходе начавшегося 15.11 наступления противника на волоколамско-истринском направлении, где сражались соединения армии Рокоссовского (Клинско-Солнечногорская оборонительная операция правого крыла Западного фронта), развернулись особо упорные бои. 16.11 в наступление против 16-й армии, занимавшей фронт обороны в 70 км, перешла 4-я немецкая танковая группа (не менее 400 танков) при массированной поддержке авиации. Оборона армии отличалась высокой активностью, широким применением контратак и контрударов. При вынужденном отходе на заранее подготовленные рубежи в войсках армии соблюдались организованность и порядок, чувствовалось твердое руко-

1	2	3
		водство Рокоссовского. Умело организованной обороной наступательный порыв противника был сломлен. Оборона отличалась стойкостью и высоким моральным духом войск, особенно наглядно это проявилось в боевых действиях 316-й стрелковой дивизии И.В. Панфилова, 78-й стрелковой дивизии А.П. Белобородова и танковой бригады М.Е. Катукова. К 5.12 противник был окончательно остановлен в 15—23 км от главного рубежа Московской зоны обороны. Понеся большие потери в личном составе и технике, он вынужден был отказаться от продолжения наступления на Москву.
1942 г. 5.12—7.1 Московская стратегическая наступательная операция (Западный, Калининский фронты, правое крыло Юго-Западного фронта, с 24.12 — Брянский фронт). Командующий 16-й армией Западного фронта.	Цель — разгром ударных группировок противника, угрожавших Москве с севера и юга. Жуков отмечал: «*Эта операция представляет собой один из ярких и поучительных примеров, когда наступающая сторона, имея меньше сил и средств, разбила противника, превосходящего ее по численности войск и обладавшего к тому же высокой подвижностью, большой ударной и огневой силой*». В ходе операции были проведены Калининская, Клинско-Солнечногорская, Тульская, Елецкая и Калужская фронтовые наступательные операции.	Место 16-й армии в Московской наступательной операции очерчено рамками Клинско-Солнечногорской наступательной операции Западного фронта (12—25.12). В ходе операции 16-я армия, наступая в составе ударной группировки правого крыла Западного фронта в общем направлении на Истру, Волоколамск, выбила противника из поселка Крюково. 11.12 освобождена Истра. Противник, пытаясь использовать для обороны реку Истра и Истринское водохранилище, взорвал плотину, минировал многие участки западного берега реки, организовал сильную систему огня. По решению Рокоссовского был осуществлен обход истринской позиции противника с севера и юга двумя сформированными им подвижными группами: генерала М.Е. Катукова и генерала Ф.Т. Ремизова. Используя успех по-

1	2	3
	Недостаток сил и средств советские войска компенсировали за счет стратегической внезапности, достигнутой благодаря скрытному сосредоточению стратегических резервов и правильному выбору времени перехода в решительное наступление, когда противник, измотанный и обескровленный нашими контрударами, фактически уже не имел сил для наступления, но еще не перешел к обороне. Главный удар был нанесен по наиболее сильной и глубоко продвинувшейся вражеской группировке (3-й и 4-й танковым группам противника). В ходе операции разгромлены ударные группировки, пытавшиеся обойти Москву с севера и юга, и снята угроза столице и Московскому промышленному району. Противник был отброшен на 100—250 км от Москвы. За месяц боев были разбиты 11 танковых, 4 моторизованные и 23 пехотные дивизии противника.	движных групп, войска армии 15.12 форсировали на ряде участков Истру и заставили противника отступать на запад. В ходе наступления подвижные группы наносили внезапные и дерзкие удары по флангам противника и выходили на его тылы. 20.12 войска 16-й и 20-й армий освободили Волоколамск. Выйдя к реке Руза, 16-я армия встретила упорное сопротивление и продвинуться дальше не смогла. В результате операции войска правого крыла Западного фронта разгромили 3-ю и 4-ю танковые группы немецко-фашистских войск (7 танковых, 2 моторизованные и 6 пехотных дивизий), отбросили на запад разбитые дивизии этих групп на 90—110 км, захватили большие трофеи и ликвидировали угрозу обхода Москвы с севера. В боевой характеристике на Рокоссовского, написанной Жуковым, отмечено: «*Тов. Рокоссовский успешно провел оборонительную операцию войск 16-й армии и не пропустил врага к Москве, также умело провел наступательную операцию по разгрому немецких войск... Хорошо подготовлен в оперативно-тактическом отношении, лично храбр, инициативен и энергичен. Войсками армии управляет твердо*». 2.1.1942 г. Рокоссовский награжден орденом Ленина.

1	2	3
	Вермахту было нанесено первое крупное поражение во второй мировой войне, был развеян миф о его непобедимости. Стратегическая инициатива была вырвана у противника.	
8.1—20.4 Ржевско-Вяземская стратегическая наступательная операция (Западный и Калининский фронты). Командующий 16-й армией Западного фронта.	Проводилась в целях завершения разгрома немецко-фашистской группы армий «Центр». (Составная часть общего наступления советских войск зимой 1941/42 г.) Операция готовилась и развертывалась без оперативной паузы, в ходе выполнения войсками фронтов задач контрнаступления под Москвой, при относительном равенстве сил в пехоте, некотором превосходстве противника в артиллерии и его двойном превосходстве в танках. Советские войска отбросили противника на западном направлении на 80—250 км, полностью освободили Московскую и Тульскую области, многие районы Калининской и Смоленской областей.	В ходе операции управление 16-й армии было переброшено под Сухиничи, объединило часть действовавших здесь соединений 10-й армии. Имея вдвое-втрое меньше сил, чем у противника, в тяжелейших условиях бездорожья и глубокого снежного покрова войска Рокоссовского успешно выполнили поставленные задачи, нанося удары последовательно то по одному, то по другому узлу обороны противника, сосредоточивая в пределах допустимого нужные для этого силы и смело оголяя на определенные сроки другие участки. 29.1 Сухиничи были освобождены. 16-я армия перешла к преследованию отступавших немецких войск, но, натолкнувшись на заранее подготовленную оборону, дальше продвинуться не смогла. С 9.3 по 22.5 Рокоссовский в связи с тяжелым ранением находился на излечении в эвакогоспитале № 2366.

1	2	3
	Противник не получил ожидаемой зимней передышки для подготовки новых операций и понес значительные потери. Из строя было выведено 16 дивизий и 1 бригада противника.	
28.6—24.7 Воронежско-Ворошиловградская оборонительная операция [Брянский, Воронежский (с 7.7), Юго-Западный (до 12.7), Южный фронты]. Командующий войсками Брянского фронта (с 13.7).	Цель — отражение наступления противника на воронежском и ворошиловградском направлениях. После поражения в Крыму и под Харьковом советские войска на юге были вынуждены под ударами превосходящих сил противника отойти на 150—400 км. Врагу удалось развернуть наступление в большой излучине Дона и создать прямую угрозу Сталинграду и Северному Кавказу.	28.6 войска армейской группы «Вейхс» прорвали оборону Брянского фронта и к концу 2.7 продвинулись на глубину 60—80 км. 7.7 Брянский фронт директивой Ставки ВГК № 170483 разделен на Брянский (в составе 3, 48, 13 и 5-й танковой армий) и Воронежский (в составе 60, 40 и 6 й армий, 4, 17, 18 и 24-го танковых корпусов) фронты. В командование Брянским фронтом вступил Рокоссовский. Фронт, прикрывая правым крылом тульское, а левым воронежское направление, имел задачу удерживать занимаемый рубеж (северо-западнее Воронежа) и активными действиями на юг перерезать тыловые коммуникации группировки противника, прорвавшейся на Дон у Воронежа. Выполняя поставленную Ставкой задачу, войска Брянского фронта сумели отразить все попытки противника продвинуться вдоль Дона к северу и своими активными действиями способствовали выполнению задач нашими войсками, действовавшими на сталинградском направлении.

1	2	3
17.7—18.11 Сталинградская стратегическая оборонительная операция [Сталинградский (с 28.9 Донской), Юго-Восточный (с 28.9 Сталинградский) фронты при содействии сил Волжской военной флотилии]. Командующий войсками Донского фронта (с 30.9).	Операция проводилась с целью не допустить захвата врагом Сталинграда и коммуникаций, связывающих центральные районы страны с Кавказом. Под Сталинградом получила дальнейшее развитие оборона советских войск. Она включала заблаговременное создание хорошо оборудованных оборонительных рубежей на большую глубину, отличалась высокой активностью. В ходе обороны была обескровлена главная ударная группировка вермахта на юге советско-германского фронта и сорваны планы захвата Сталинграда с ходу. В оборонительных сражениях советские войска обескровили врага, удержали Сталинград и подготовили условия для перехода советской армии в решительное контрнаступление.	Войска Донского фронта (образованного 28.9 на основании директивы Ставки ВГК № 994273 от 22.10.1942 г. из Сталинградского фронта в составе 63, 21, 24, 66 и 1-й гвардейской армий) имели задачу — активными действиями, нанося удары по противнику с севера в междуречье Волги и Дона, сковать как можно больше сил врага, удержать его здесь, облегчая этим положение войск, оборонявшихся в Сталинграде. Войска фронта несколько раз наносили контрудары из района севернее города и вели борьбу за захват и удержание плацдармов на Дону. В результате активных действий Донского фронта противник вынужден был оттянуть часть сил на север и ослабить удар по войскам Сталинградского фронта.
1943 г. 19.11—2.2 Сталинградская стратегическая наступательная операция	Проводилась в целях разгрома войск противника под Сталинградом. Операция осуществлялась при равенстве сил сторон в условиях,	В ходе операции фронт Рокоссовского наносил два удара. Один — одновременно с Юго-Западным фронтом из района восточнее Клетской на юго-восток силами 65-й армии в целях свертывания обороны противника на правом берегу Дона. Второй —

1	2	3
(Юго-Западный, Донской, Сталинградский фронты при содействии сил Волжской военной флотилии). Командующий войсками Донского фронта.	когда слабое развитие путей сообщения на театре военных действий чрезвычайно затрудняло сосредоточение наших войск и их материально-техническое обеспечение. Советские войска достигли крупнейшего стратегического успеха. Немецко-фашистская армия полностью потеряла 32 дивизии и 3 бригады; 16 других дивизий были обескровлены. Противник лишился огромного количества вооружения и военной техники. Этот удар потряс всю военную машину фашистской Германии. Поражение фашистской армии под Сталинградом имело величайшие политические и военные последствия. Обстановка на южном фланге советско-германского фронта коренным образом изменилась. Стратегическая инициатива перешла в руки советских войск. Были созданы благоприятные условия для развертывания общего наступления Советской Армии на всем южном фланге советско-германского фронта.	силами 24-й армии из района Качалинской вдоль левого берега Дона на юг в общем направлении на Вертячий в целях отсечения войск противника, действовавших в малой излучине Дона, от его группировки в районе Сталинграда. Совместно с войсками Юго-Западного и Сталинградского фронтов в период с 19 по 23.11 войска Донского фронта прорвали оборону противника и окружили в междуречье Дона и Волги его основные силы (6-ю армию и часть сил 4-й танковой армии в составе 22 дивизий и 160 отдельных частей общей численностью 330 тыс. человек). К 23.11 правофланговые соединения 65-й армии и 3-й гвардейский кавалерийский корпус вышли на рубеж юго-восточнее Вертячего, образовав внутренний фронт окружения группировки противника с севера и северо-запада. Кроме 65, 24, 66-й армий Донского фронта на внутреннем фронте окружения действовали войска 62, 64, 57-й армий Сталинградского фронта и 21-й армии Юго-Западного фронта. Действия Рокоссовского в Сталинградской операции характеризуются умелым выбором направления главного удара и решительным массированием на нем сил и средств. Так, наступая в полосе 120 км, фронт осуществил прорыв на участках всего в 4 и 6 км. Причем на участках прорыва по решению Рокоссовского была сосредоточена большая часть стрелковых дивизий и до 50% танковых бригад фронта.

1	2	3
	Разгром 8-й итальянской, 3-й и 4-й румынской армий оказал серьезное влияние на внутреннее положение этих стран, вызвал обострение противоречий между странами фашистского блока и положил начало кризису в лагере противника. Победа советских войск под Сталинградом способствовала активизации национально-освободительного движения народов Европы. Операция по своим результатам и последствиям не имеет себе равных в мировой военной истории и является крупнейшим достижением советского военного искусства.	Умелый выбор направления ударов (по наиболее слабым и уязвимым участкам обороны противника), скрытное создание ударных группировок и внезапность их применения позволили кратчайшим путем вывести войска фронта в тыл вражеской группировки. С 24 по 30.11 войска Донского фронта во взаимодействии с войсками Сталинградского фронта сузили кольцо окружения более чем вдвое и приступили к ликвидации окруженной группировки противника, однако успеха не добились, так как противник оказался значительно сильнее, чем предполагалось. Дальнейшее проведение операции по уничтожению окруженной группировки было приостановлено в связи с попытками противника деблокировать окруженные войска. В конце декабря Ставка ВГК поручила Рокоссовскому руководить операцией по ликвидации окруженной группировки, которая получила кодовое наименование «Кольцо» (проводилась 10.1—2.2). Планом операции предусматривалось последовательное уничтожение противника: вначале в западном, затем в южном секторах кольца окружения, а в последующем расчленение оставшейся группировки на две части ударом с запада на восток и ликвидация каждой из них в отдельности. Осуществляя эту операцию, войска фронта выполнили поставленную перед ними задачу. Вражеская группировка была рассечена на две части. 31.1 прекратила существование южная группировка войск 6-й армии во главе с генерал-фельдмаршалом Ф. Па-

1	2	3
		улюсом, а 2.2 капитулировала северная. Войска Донского фронта с 10.1 по 2.2 взяли в плен свыше 91 тыс. солдат и офицеров противника (в том числе 2500 офицеров и 24 генерала), около 140 тыс. было убито в ходе наступления. Успеху операции во многом способствовало полководческое мастерство Рокоссовского. Не имея значительного общего превосходства над противником и уступая ему в личном составе и количестве танков в 1,2 раза, он сумел на направлении главного удара, нацеленного на рассечение окруженной группировки, создать превосходство над противником в пехоте — в 3 раза, в танках — в 1,2 раза, в артиллерии — в 15 раз, сосредоточив на направлении главного удара 33% стрелковых дивизий, 50% артиллерии, 57% гвардейских минометов и 75% танковых полков. Это имело решающее значение в быстром разгроме мощной группировки противника. Действия Рокоссовского в Сталинградской операции отмечены присвоением ему 15.1 воинского звания генерал-полковник и награждением орденом Суворова 1-й степени (28.1.1943 г.).
25.2—28.3 **Наступательные операции Центрального фронта на брянском направлении.**	С целью разгромить силами Калининского, Западного и Центрального фронтов вражескую группу армий «Центр» Ставка поставила задачи фронтам нанести сильные удары по флангам про-	Войскам Центрального фронта (в его состав были включены 65-я и 16-я воздушная армии из Донского фронта, а также 70-я и 2-я танковая армии из резерва Ставки), развернутого между Брянским и Воронежским фронтами, наступавшими на курском и харьковском направлениях, была поставлена

1	2	3
Командующий войсками Центрального фронта (образованного 5.2 на базе Донского фронта).	тивника в общем направлении на Смоленск с одновременным ударом в центре в направлении Рославль, Смоленск (директивы Ставки ВГК от 6.2.1943 г. № 30040, 30041, 30043). Хотя сложившаяся обстановка не позволила фронтам полностью выполнить поставленные задачи, войска Центрального фронта продвинулись на 150 км. По окончании наступления войска Центрального фронта заняли оборонительные позиции на рубежах, которые стали северным и центральным фасами Курского выступа.	задача — во взаимодействии с Брянским фронтом нанести глубокий охватывающий удар в общем направлении на Гомель, Смоленск во фланг и тыл орловской группировки противника, овладеть Смоленском и отрезать пути отхода вяземско-ржевской группировки врага (директива Ставки ВГК № 30043 от 6.2.1943 г.). Подготовка и проведение операции осложнялись исключительно сложной переброской большой массы войск из-под Сталинграда, плохими погодными условиями. В связи с этим наступление Центрального фронта началось не 15.2, как намечалось Ставкой, а только 25.2. К этому времени фронт мог развернуть только войска 65-й, 2-й танковой армий и 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, 70-я армия была на подходе. Прибывшие к линии фронта соединения этих армий вынуждены были вступать в сражение по частям, по мере подхода, при ограниченном количестве артиллерии и боеприпасов. Это обстоятельство отрицательно сказалось на развитии наступления. 7.3 в связи с медленной переброской войск из-под Сталинграда и изменившейся обстановкой на соседнем Воронежском фронте задача фронту была изменена — ему предстояло разбить дмитровско-орловскую группировку, перерезать железную дорогу между Брянском и Орлом и помочь тем самым Брянскому фронту ликвидировать орловскую группировку, после чего продолжать наступление в сторону Рославля.

1	2	3
		Наступление проходило в условиях непрерывного притока на это направление сил противника. Всего за февраль—март на усиление своей орловской группировки противник направил 18 дивизий (из них 12 — с ржевско-вяземского плацдарма и 5 — с других участков группы армий «Центр»). В ходе наступления на брянском направлении войска Центрального фронта освободили Севск и выдвинулись на Десну севернее Новгород-Северского и восточнее Глухова. Войска левого крыла фронта, растянутые на широком фронте, оставили Севск и в конце марта перешли к обороне на рубеже восточнее Мценска, Новосиль, Брянцево, восточнее Севска и Рыльска, образовав северный фас Курского выступа. Оценивая обстановку на фронте и анализируя перспективы действий противника, Рокоссовский проявил полководческую зрелость, командование фронта сумело предугадать замысел противника, верно определить его группировку и направления главных ударов. 28.4.1943 г. Рокоссовскому присвоено воинское звание генерал армии.
5.7—23.7 Курская стратегическая оборонительная операция	Цель — сорвать наступление групп армий «Центр» и «Юг» противника, преднамеренной обороной измотать и обескровить его	Центральный фронт имел задачу оборонять северную часть Курского выступа, сосредоточив основные усилия на орловско-курском направлении. В соответствии с указанием Ставки Рокоссовский

1	2	3
[Центральный (с 5.7 по 11.7), Воронежский, Степной (9.7—23.7) фронты]. Командующий войсками Центрального фронта.	ударные группировки и создать благоприятные условия для перехода войск в контрнаступление на орловском и белгородско-харьковском направлениях и затем в общее стратегическое наступление. По своему размаху и напряженности операция является одним из крупнейших сражений второй мировой войны. В отличие от предыдущих операций оборона под Курском носила не вынужденный, а преднамеренный характер. Организации обороны благоприятствовало наличие времени для тщательной подготовки — более трех месяцев. В ходе оборонительных боев войска Центрального и Воронежского фронтов обескровили, а затем остановили наступление ударных группировок немецко-фашистской армии и создали благоприятные условия для перехода в контрнаступление на орловском и белгородско-харьковском направлениях. Гитлеровский план по разгрому советских войск на Курском выступе потерпел полное крушение.	принял решение встретить наступление противника хорошо организованной обороной на правом крыле фронта, в полосе 48, 13, 70-й армий, где ожидалось наступление противника. Войска Центрального фронта в ходе операции обескровили, а затем остановили наступление ударных группировок немецко-фашистской армии и создали благоприятные условия для перехода в контрнаступление на орловском направлении. Успешно выполнить поставленные задачи войскам фронта позволили: точное определение направлений вероятных ударов противника, глубокое оперативное построение войск фронта и смелая концентрация сил и средств на решающих участках. Так, на ольховатском направлении (в полосе 13-й армии) на участке шириной 95 км (31% общей протяженности фронта) Рокоссовский сосредоточил 58% стрелковых соединений (24 дивизии), 87% танков и САУ, 70% артиллерии. Была создана прочная, глубоко эшелонированная, многополосная оборона с развитой системой инженерных сооружений на всю ее оперативную глубину. Срыву наступательного порыва противника способствовала проведенная по решению Рокоссовского артиллерийская контрподготовка. Оборона Центрального фронта отличалась активностью. По наступающему противнику были нанесены удары артиллерии, массированные удары авиации, проведены контрудары танковыми соединениями.

1	2	3
		В результате войска фронта успешно решили оборонительную задачу своими силами, без привлечения резервов Ставки. Немецко-фашистские войска, наступавшие на орловско-курском направлении, потеряв 42 тыс. солдат и офицеров, более 800 танков и САУ, несколько сотен самолетов, исчерпали свои наступательные возможности. 10.7 в полосе Центрального фронта наступление противника было окончательно остановлено. За 7 дней боев противник вклинился здесь в оборону советских войск лишь на 10—12 км. Уже через пять дней после окончания оборонительного сражения фронт смог перейти в наступление.
12.7—18.8 **Орловская стратегическая наступательная операция «Кутузов»** (Брянский, Центральный фронты и часть сил Западного фронта). Командующий войсками Центрального фронта.	Цель — разгром орловской группировки противника и ликвидация орловского выступа. Операция проходила в условиях, когда на южном фасе Курской дуги еще шли оборонительные сражения (Белгородско-Харьковская наступательная операция началась лишь 3.8). В результате операции было разгромлено 15 дивизий противника. Советские войска продвинулись на запад до 150 км, освободили значительную часть оккупированной территории, в том числе Орел.	Центральному фронту (в составе 48, 13, 70, 65-й общевойсковых, 2-й танковой и 16-й воздушной армий) предстояло разгромить вклинившегося в нашу оборону противника, а затем ударом в обход Орла с юго-запада уничтожить во взаимодействии с войсками Западного и Брянского фронтов орловскую группировку противника. Наступление фронта началось 15.7. Главный удар наносился в северо-западном направлении на Кромы. Противник, опасаясь окружения, предпринимал все усилия для удержания оборонительных рубежей на флангах своей группировки в районе Орла. В напряженных боях с 15 по 17.7 Центральный фронт оттеснил войска противника на позиции,

1	2	3
	С ликвидацией орловского плацдарма резко изменилась обстановка на центральном участке советско-германского фронта, открылись благоприятные возможности для дальнейшего наступления на брянском направлении и выхода в районы Восточной Белоруссии.	которые они занимали до начала Курской битвы. К исходу 27.7, с вводом в бой 3-й гвардейской танковой армии, переданной в оперативное подчинение из состава Брянского фронта, войска правого крыла Центрального фронта, прорвав промежуточные оборонительные рубежи, продвинулись в северо-западном направлении на 35—40 км. Боевые действия в полосе наступления войск Центрального фронта носили крайне упорный характер, ожесточенные бои шли за каждый рубеж обороны. Обходя Орел с запада, войска фронта содействовали Брянскому фронту в разгроме орловской группировки и овладении Орлом, затем во взаимодействии с войсками Брянского фронта уничтожили противника, отходящего от Орла на запад, ликвидировав тем самым орловский выступ. Войска фронта 6.8 освободили Кромы, а 12.8 — Дмитровск-Орловский. В результате операции войска фронта продвинулись на 120 км (при планируемой глубине операции 70 км). За умелое руководство войсками Рокоссовский 27.8.1943 г. был награжден орденом Кутузова 1-й степени.
26.8—30.9 Черниговско-Полтавская стратегическая наступательная операция	Представляет собой первый этап битвы за Днепр. В рамках операции проведены Черниговско-Припятская, Сумско-Прилукская и Полтавская фронтовые наступательные операции.	В рамках Черниговско-Полтавской стратегической наступательной операции Центральным фронтом проведена Черниговско-Припятская операция. Перед фронтом стояла задача — наступать в общем направлении на Севск, хутор Михайловский, выйти к Десне и в дальнейшем развивать наступ-

1	2	3
(Центральный, Воронежский, Степной фронты). Командующий войсками Центрального фронта.	Наступление войск Центрального, Воронежского и Степного фронтов после прорыва обороны противника переросло в преследование, в ходе которого наши войска вышли к Днепру и захватили плацдармы на его правом берегу. Освобождены значительные территории Левобережной Украины и ряд крупных городов, в том числе областные центры — Сумы, Чернигов, Полтава. Расчеты немецкого командования на длительную оборону Левобережной Украины были сорваны. Подготовлены условия для освобождения Правобережной Украины.	ление в общем направлении на Нежин, Киев, а частью сил — на Чернигов (директива Ставки № 30168 от 16.8.1943 г.). Подготовку операции осложняли сжатые сроки (немногим более 10 дней), а также то обстоятельство, что до этого войска фронта в течение 1,5 месяца вели тяжелые оборонительные и наступательные бои. Характерным для этой операции был смелый маневр силами и средствами на направления, где обозначился успех. Так, в ходе операции, не достигнув значительного успеха на севском направлении, где планировалось нанесение главного удара (силами 65, 2-й танковой и частью сил 48-й и 60-й армий), Рокоссовский перенес главные усилия фронта на глуховское направление в полосу 60-й армии, где наметился успех. Для его развития Рокоссовский перегруппировал на это направление с правого крыла фронта 2-ю танковую, 13-ю, а затем и переданную из резерва Ставки 61-ю армии. В результате смелого и решительного маневра силами и средствами с правого на левое крыло фронта наступление получило стремительное развитие. К 15.9 войска правого крыла и центра вышли к Десне. Армии левого крыла фронта 19.9 форсировали Десну и к 23.9 вышли к Днепру. В ходе операции войска фронта обогатились опытом форсирования с ходу таких крупных рек, как Днепр, Сож, Припять.

1	2	3
		В результате операции войска фронта продвинулись до 300 км на запад. 21.9 был освобожден Чернигов, на следующий день соединения 13-й армии вышли на Днепр, форсировали его и первыми захватили плацдармы в междуречье Днепра и Припяти. Эти плацдармы имели важное значение для последующих операций по освобождению Белоруссии и Правобережной Украины. Успешные действия Центрального фронта создали благоприятные условия для наступления армий правого крыла Воронежского фронта (38-й и 40-й), которые 2.9 освободили Сумы и начали развивать наступление на Ромны и Прилуки.
10.11—30.11 **Гомельско-Речицкая наступательная операция (Белорусский фронт).** **Командующий войсками Белорусского фронта** (Центральный фронт 20.10 переименован в Белорусский).	Проводилась в целях разгрома гомельско-речицкой группировки противника. За 20 дней войска фронта прорвали оборону противника в полосе шириной 100 км, нанесли ему тяжелые потери и продвинулись при поддержке партизан на глубину до 130 км, создав угрозу южному флангу группы армий «Центр» и затруднив ее взаимодействие с группой армий «Юг».	Операция проводилась силами одного фронта. В ходе операции Рокоссовский умело применял большие массы техники в неблагоприятных условиях местности. Операция поучительна искусным маневрированием подвижными соединениями для наращивания усилий в оперативной глубине и нанесения ударов по флангам группировки противника. Большое внимание уделялось Рокоссовским подготовке войск к наступлению в условиях лесисто-болотистой местности и преодолению водных преград. Замыслом операции предусматривались удары по флангам группировки противника, обход и уничтожение ее. В результате сосредоточения сил и средств на направлениях главных ударов было достигнуто превос-

1	2	3
		ходство в личном составе в 1,5—2 раза, в орудиях и минометах в 3—4, в танках и САУ в 2 раза. 15.11 войска фронта перерезали железнодорожную линию Гомель—Калинковичи, 17.11 освободили г. Речица. Угроза окружения вынудила немецко-фашистское командование в ночь на 26.11 начать отвод войск из междуречья рек Сож и Днепр. Утром 26.11, после ожесточенных ночных боев, войсками 13-й армии при содействии правого крыла 48-й армии освобожден Гомель. Развивая успешное наступление вдоль западного берега Днепра, войска фронта форсировали Березину и к концу ноября вышли на южные подступы к Жлобину, Паричам, Озаричам, Мозырю.
13.11—22.12 **Киевская оборонительная операция (1-й Украинский фронт). Командующий войсками Белорусского фронта.**	Цель — отразить контрнаступление противника на киевском направлении. В результате операции были сорваны планы противника вновь овладеть Киевом и восстановить свою оборону по Днепру. Ударная группировка противника была измотана силами фронта без привлечения крупных резервов Ставки.	На 1-й Украинский фронт Рокоссовский был направлен в качестве представителя Ставки ВГК. Оказывая помощь командованию фронта, обратил внимание Н.Ф. Ватутина на нерациональность глухой (не активной) обороны, предложил нанести мощный контрудар, используя имеющиеся танковые объединения.

1	2	3
1944 г. **8.1—30.1** **Калинковичско-Мозырская наступательная операция** (Белорусский фронт). Командующий войсками Белорусского фронта.	Проведена на основании директивы Ставки № 200000 от 2.1.1944 г. в целях улучшения оперативного положения фронта. Ликвидация войск противника в районе Мозырь, Калинковичи обеспечила правый фланг 1-го Украинского фронта, а 61-я и 65-я армии создали себе выгодные условия для дальнейших наступательных боев.	Проведена силами одного фронта под непосредственным руководством Рокоссовского. За время операции наши войска продвинулись вперед на 15—60 км. 14.1 войска Белорусского фронта при поддержке партизан освободили города Калинковичи и Мозырь. Потеряв сильный опорный пункт и железнодорожный узел Калинковичи, противник лишился рокады Жлобин—Калинковичи. Тем самым был похоронен вражеский план соединения жлобинской и калинковичской группировок.
21.2—26.2 **Рогачевско-Жлобинская наступательная операция** [Белорусский (с 17.2 директивой Ставки № 220027 переименован в 1-й Белорусский) фронт]. Командующий войсками Белорусского (с 17.2 — 1-го Белорусского) фронта.	Цель — разгром группировки противника в районе Рогачев, Жлобин и создание благоприятных условий для наступления на бобруйском направлении. В результате операции войска фронта нанесли поражение 9-й армии противника, создали условия для последующего наступления на бобруйском направлении.	Операция подготовлена и проведена под непосредственным руководством Рокоссовского. В наступлении принимали участие войска правого крыла фронта. Главный удар на Рогачев с северо-запада и юго-запада наносила 3-я армия. За три дня напряженных боев войска правого крыла фронта прорвали оборону 9-й немецкой армии, форсировали Днепр и продвинулись до 20—25 км. 24.2 был освобожден Рогачев. Ликвидировав плацдарм противника на левом берегу Днепра, войска фронта одновременно сами захватили выгодный в оперативном отношении плацдарм на правом берегу размером 60 км по фронту и до 25 км в глубину.

1	2	3
23.6—29.8 Белорусская стратегическая наступательная операция «Багратион» (1-й Прибалтийский, 3, 2, 1-й Белорусские фронты при участии сил Днепровской флотилии). Командующий войсками 1-го Белорусского фронта (с 5 по 16.4 фронт вновь именовался Белорусским).	Одна из крупнейших стратегических операций второй мировой войны. Ее цель — разгром немецко-фашистской группы армий «Центр», освобождение Белоруссии, восстановление западной государственной границы и оказание помощи Польше. Замыслом операции предусматривался одновременный прорыв вражеской обороны на шести участках, окружение и уничтожение фланговых группировок противника в районах Витебска и Бобруйска, а также разгром его оршанской и могилевской группировок, развитие наступления в направлениях Каунаса, Минска, Бреста в целях выхода на рубеж Даугавпилс, Каунас, Белосток, Брест, Люблин. В рамках операции проведены: на первом этапе — Витебско-Оршанская, Могилевская, Бобруйская, Полоцкая и Минская, на втором — Шяуляйская, Вильнюсская, Каунасская, Белостокская и Люблин-Брестская фронтовые наступательные операции.	1-й Белорусский фронт имел задачу силами войск правого крыла окружить и уничтожить бобруйскую группировку, в последующем развивать успех главными силами в направлении Барановичи, Брест и во взаимодействии с войсками левого крыла, наступавшими в направлении Ковель, Брест, и белорусскими партизанами окружить и уничтожить 2-ю немецкую армию восточнее Бреста. Наступая на левом фланге советских войск, выполнявших задачу по разгрому группировки противника в Белоруссии, 1-й Белорусский фронт в ходе операции «Багратион» принимал участие в Бобруйской, Минской и Люблин-Брестской операциях (1-й и 3-й Белорусские фронты решали главные задачи в операции «Багратион»). **Бобруйская операция** (24.6—29.6) проводилась в целях окружения и уничтожения бобруйской группировки противника. В этой операции ярко проявился творческий подход Рокоссовского к выбору способов разгрома противника. Основываясь на доскональном изучении обстановки, особенно условий местности и состояния обороны противника, он предложил нанести войсками фронта два главных удара: один — на Бобруйск, второй — на Слуцк. Это позволило наиболее полно использовать ударную силу наступающих войск, в короткий срок создать предпосылки для окружения противника в районе Бобруйска и его уничтожения. Отстаивая свои предложения, Рокоссовский проявил твердость и настойчивость. Добившись ут-

1	2	3
	В результате была разгромлена одна из наиболее сильных вражеских группировок — группа армий «Центр». Из 97 дивизий и 17 бригад противника, разновременно участвовавших в боях против советских войск, 17 дивизий и 3 бригады противника были полностью уничтожены, а 50 дивизий потеряли более половины своего состава. Расчеты вражеского командования на прочность обороны и возможность быстрого маневрирования резервами не оправдались. Немецко-фашистское командование с 23.6 по 29.8 перебросило в полосу 1-го Прибалтийского и Белорусских фронтов из групп армий «Север», «Северная Украина» и «Южная Украина» 28 дивизий. Кроме того, было переброшено из Германии, Польши, Венгрии, Норвегии еще 18 дивизий и 4 бригады. Однако темп выдвижения резервов противника уступал темпам наступления советских войск. Попытки противника зак-	верждения решения на операцию, он блестяще воплотил его в жизнь. Окружение бобруйской группировки в оперативной глубине было достигнуто двусторонним охватом, осуществленным в короткие сроки. В ходе операции был осуществлен новый метод артиллерийской поддержки пехоты и танков — двойной огневой вал, массированно применялась авиация фронта. Впервые крупная группировка противника была окружена силами только одного фронта (точнее, лишь войсками его правого крыла). Несмотря на это, наши войска оказались способными одновременно решить две задачи — ликвидацию окруженного противника и развитие наступления в целях охвата правого фланга 4-й немецкой армии, что создало условия для перерастания Бобруйской операции в новую, Минскую операцию. Войска смогли начать ликвидацию врага без паузы, сразу же после его окружения. За пять суток боевых действий войска фронта прорвали оборону противника на 200-километровом фронте и продвинулись на глубину 100—110 км. Были разгромлены главные силы 9-й немецкой армии и созданы условия для стремительного наступления на Минск и Барановичи. Глубоко охватив немецкую 4-ю армию с юга, войска фронта вышли на рубежи, выгодные для броска на Минск и развития наступления на Барановичи.

1	2	3
	рыть прорыв стратегического фронта и остановить наступление советских войск успеха не имели. Окружение восточнее Минска крупной группировки противника было запланировано и осуществлено в 200 км от переднего края его обороны. Решение такой задачи стало возможным благодаря четкому взаимодействию фронтов, которые преследовали отходящего противника как по параллельным путям (3-й и 1-й Белорусские фронты), так и с фронта (2-й Белорусский фронт). По-новому был решен вопрос организации взаимодействия между войсками внутреннего и внешнего фронтов окружения: войска на внешнем фронте не переходили к обороне на определенном рубеже, как это было в предыдущих операциях на окружение, а продолжали развивать наступление в глубину, чем лишали противника возможности организовать непосредственное взаимодействие его окруженной группировки с основными силами на внешнем фронте	В тесном взаимодействии со 2-м и 3-м Белорусскими фронтами войска фронта принимали участие в **Минской наступательной операции** (29.6—4.7). Она началась без паузы и при отсутствии у противника заранее подготовленной обороны. 1-й Белорусский фронт имел задачу развивать наступление на минском и барановичском направлениях в целях завершения во взаимодействии с 3-м и 2-м Белорусскими фронтами окружения минской группировки противника. Войска фронта, овладев 2.7 населенными пунктами Столбцы, Городзей, Несвиж, перерезали коммуникации минской группировки противника на Барановичи, Брест и Лукинец, изолировали совместно с партизанами и войсками 3-го и 2-го Белорусских фронтов минскую группировку противника. 3.7 войска 1-го Донского гвардейского танкового корпуса, а затем и 3-й армии 1-го Белорусского фронта вышли к юго-восточной окраине Минска, где соединились с войсками 3-го Белорусского фронта (тем самым было завершено окружение основных сил 4-й и отдельных соединений 9-й немецких армий). Развивая наступление западнее Минска, войска фронта преследовали отходящие части противника, упреждая его в занятии промежуточных рубежей. Задачи, поставленные фронту, были полностью выполнены раньше намеченного планом срока. Стремительно продвигаясь в барановичском нап-

1	2	3
	окружения из-за его непрерывной подвижности. В ходе преследования советские войска успешно преодолевали с ходу многие реки и другие естественные рубежи. В ходе операции восточнее Минска были окружены основные силы 4-й армии и отдельные соединения 9-й армии группы армий «Центр» (105 тыс. человек). Противник потерял свыше 70 тыс. убитыми и около 35 тыс. пленными (в том числе 12 генералов). Разгром противника в районах Витебска, Бобруйска и восточнее Минска привел к тому, что в германском фронте образовался 400-километровый разрыв. Были освобождены Белоруссия, часть Литвы и Латвии. Советские войска вступили на территорию Польши и выдвинулись к границам Восточной Пруссии, группа армий «Север» оказалась фактически изолированной в Прибалтике. Наступая в полосе более 1100 км по фронту и продвинувшись на запад до 550—600 км,	равлении, войска фронта создали подвижный внешний фронт окружения и 8.7 освободили Барановичи, а 16.7 вышли на рубеж Свислочь, Пружаны. Войска левого крыла фронта, наступая на Люблин, 24.7 освободили его, а через день севернее Демблина вышли к Висле. 18.7—2.8 Рокоссовским проведена **Люблин-Брестская операция** с целью разгромить брестскую и люблинскую группировки противника и, развивая наступление на варшавском направлении, выйти на широком фронте к Висле. В результате перегруппировки войск фронта и их сосредоточения на направлении главного удара было достигнуто превосходство над противником в людях в 3 раза, в артиллерии и танках в 5 раз. На 18-километровом участке прорыва была создана плотность до 240 орудий и минометов и 19 танков на километр фронта. Войска фронта двусторонним охватом разгромили брестскую группировку противника и овладели Брестом, продвинувшись до 260 км, вышли на подступы к предместью Варшавы, захватили магнушевский и пулавский плацдармы на Висле. Были освобождены юго-западные области Белоруссии и восточные районы Польши, созданы условия для последующего разгрома противника на варшавско-берлинском направлении и для полного освобождения Польши.

1	2	3
	советские войска создали благоприятные предпосылки для наступления на львовско-сандомирском направлении, в Восточной Пруссии и последующего удара на варшавско-берлинском направлении. Поражение в Белоруссии, Прибалтике и Польше резко ухудшило положение фашистской Германии.	Войска 1-го Белорусского фронта нанесли значительное поражение 2-й и 9-й полевым и 4-й танковой армиям противника, прикрывавшим варшавское направление; из более 45 дивизий и 6 бригад противника, участвовавших в боях, почти половине были нанесены значительные потери. Успеху левого крыла 1-го Белорусского фронта способствовало наступление 1-го Украинского фронта (13 июля началась Львовско-Сандомирская операция). Для Люблин-Брестской операции характерны: ведение наступления войсками фронта на удаленных друг от друга направлениях (правым и левым крыльями), умелое применение маневренных форм боевых действий, преодоление с ходу крупных водных преград. В течение августа войска правого крыла фронта продолжали успешно наступать, продвинувшись к реке Нарев северо-восточнее Варшавы (до 120 км). Главные же силы фронта вели напряженные бои на подступах к предместью Варшавы — Праге, где крупная группировка противника, включавшая пять танковых дивизий, нанесла в первых числах августа сильные контрудары. Но войска фронта выстояли и вели бои по расширению и укреплению плацдармов на реке Висла, а позже и на реке Нарев.

1	2	3
		Управление войсками фронта в ходе операции отличалось своеобразием. Широкая полоса наступления фронта разделялась в исходном положении широкой поймой реки Припять на две части, поэтому основной командный пункт фронта находился вначале на правом крыле фронта, а затем, с переносом главных усилий в полосу левого крыла, был перебазирован туда. Севернее Припяти был оставлен вспомогательный пункт управления, где постоянно находился заместитель командующего войсками фронта. Умелое руководство войсками фронта Рокоссовским было отмечено присвоением ему 29.6.1944 г. звания Маршал Советского Союза, а 29.7 — звания Герой Советского Союза.
Сентябрь Операции восточнее Варшавы (1-й Белорусский фронт). Командующий войсками 1-го Белорусского фронта (до 14.11).	1.8 без согласования с советским командованием, по указанию лондонского эмигрантского правительства началось Варшавское восстание. Перед войсками 1-го Белорусского фронта стояла задача принять меры для оказания помощи восставшим. Однако войска фронта, завершив грандиозную Белорусскую наступательную операцию, продвинувшись с непрерывными боями на 500—600 км, не имели необходимых сил и средств для продолжения наступления.	Рокоссовский принял все возможные меры для оказания помощи восставшей Варшаве, организовав авиационную поддержку восставших, оказывая им помощь оружием и боеприпасами. После отражения многочисленных контрударов и контратак противника 10—14.9 проведена локальная операция с целью разгромить немецко-фашистские войска, защищавшие подступы к Варшаве, и выйти к Висле от устья Бугонарева под Модлином до Праги. В сентябре—октябре проводились и другие частные операции в целях улучшения оперативного положения фронта. При организации операций Рокоссовский стремился избежать шаблона. Так, операцию по овла-

1	2	3
	Поэтому проводились лишь частные операции. В их ходе фронт улучшил свое оперативное положение, в частности освободив пригород Варшавы — Прагу, захватив и расширив плацдарм на западном берегу Нарева (40 км сев. Варшавы). Тем самым были подготовлены благоприятные условия для последующих операций на варшавском направлении.	дению Прагой он начал в полдень, а не на рассвете, как это обычно делалось, добившись тем самым внезапности действий наших войск.
1945 г. **12.1—3.2** **Висло-Одерская стратегическая наступательная операция** (1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты). Командующий войсками 2-го Белорусского фронта.	Одна из крупнейших операций второй мировой войны. Проводилась в целях завершения освобождения Польши и разгрома войск противостоящей группы армий «А», прикрывавших жизненно важные центры Германии. Выходом на Одер создавались благоприятные условия для нанесения решающего удара на Берлин. В результате операции советские войска освободили большую часть Польши, вступили на территорию Германии и вышли на Одер, захватив ряд плацдармов на его западном берегу. При этом было уничтожено 35 немецких дивизий, а 25 понесли тяжелые потери.	2-й Белорусский фронт оказывал содействие войскам 1-го Белорусского фронта при разгроме варшавской группировки противника, имея задачу частью сил левого крыла нанести удар в обход Модлина с запада и быть в готовности форсировать Вислу. 20.1 в связи с упорным сопротивлением противника в районе Кенигсберга 2-й Белорусский фронт получил задачу повернуть свои силы резко в северном, а затем и в северо-восточном направлении с тем, чтобы скорее добить восточнопрусскую группировку противника, высвобождая таким образом силы для наступления в Северной Германии. Такой маневр был возможен благодаря гибкому и твердому управлению войсками со стороны командующего фронтом.

1	2	3
13.1—25.4 **Восточно-Прусская стратегическая наступательная операция** (2, 3-й Белорусские фронты, часть сил 1-го Прибалтийского фронта при содействии сил Балтийского флота). Командующий войсками 2-го Белорусского фронта.	Цель — отсечь группу армий «Центр» от остальных сил немецко-фашистской армии, прижать ее к морю, расчленить и уничтожить. Для этого планировались глубокий охватывающий удар 2-го Белорусского фронта в направлении Млава, Мариенбург и одновременный удар 3-го Белорусского фронта на Кенигсберг севернее Мазурских озер. Операция включала в себя Инстербургскую, Млавско-Эльбингскую, Хейльсбергскую, Кенигсбергскую и Земландскую фронтовые наступательные операции. Войска фронтов одновременными ударами сначала прорвали оборону противника и, не позволяя ему маневрировать своими силами, устремились в глубину, отрезали восточнопрусскую группировку противника от остальных сил и рассекли ее на три изолированные части, а затем уничтожили их порознь. В результате операции советские войска овладели Восточной Пруссией и освободили часть северных районов Польши, уничтожили свыше	Войска 2-го Белорусского фронта в рамках Восточно-Прусской операции провели **Млавско-Эльбингскую наступательную операцию** (14.1—26.1). Цель операции — разгром млавской группировки противника и отсечение глубоким ударом с нижнего течения Нарева на Эльбинг группы армий «Центр», оборонявшейся в Восточной Пруссии, от остальных сил немецко-фашистской армии. В ходе операции советское военное искусство обогатилось опытом прорыва мощной долговременной обороны противника, которая готовилась им на протяжении нескольких десятилетий. Встретившись с необычайно мощной долговременной обороной противника, Рокоссовский принял решение прорывать ее не на одном широком участке, а на нескольких узких, сосредоточив на них до 300 орудий на 1 километр фронта, что позволило в первый день операции добиться значительного успеха. Характерно, что, сосредоточив на решающем участке 35 дивизий из 65 (около 55%), Рокоссовский добился превосходства над противником на этом участке по пехоте в 3 раза, а по танкам и САУ — в 2 раза. Прорвав к утру 19.1 оборону противника на млавском направлении на фронте до 110 км и до 60 км в глубину и разгромив основные силы 2-й армии противника, войска 2-го Белорусского фронта, развивая стремительное наступление, 26.1 вышли к Балтийскому морю севернее Эльбинга и отрезали

1	2	3
	25 дивизий и разгромили 12 дивизий противника. Овладение Восточной Пруссией улучшило условия базирования кораблей Балтийского флота, были полностью нарушены морские коммуникации и резко затруднено снабжение курляндской группировки противника, блокированной в Северной Прибалтике. Разгром восточнопрусской группировки врага значительно ослабил вооруженные силы фашистской Германии, а советское Верховное Главнокомандование получило возможность использовать высвободившиеся силы на других участках советско-германского фронта.	пути отступления восточнопрусской группировки на запад. Войска левого крыла фронта к этому времени вышли на Вислу на участке от Эльбинга до Торна и захватили плацдармы на западном берегу реки севернее Мариенбурга и восточнее Быдгощ (Бромберг). Высокие темпы наступления были обеспечены своевременным вводом в сражение (17.1) подвижной группы фронта — 5-й гвардейской танковой армии. В результате операции войска 2-го Белорусского фронта разгромили около 15 вражеских дивизий (2-ю и часть 4-й немецкой армии). Продвинувшись до 230 км, овладели Млавским и Алленштейнским УРами, заняли часть Восточной Пруссии (около 14 тыс. кв. км), овладели территорией Северной Польши (около 20 тыс. кв. км) и, блокировав с запада и юго-запада восточнопрусскую группировку противника, создали благоприятные условия для ее последующего разгрома. С выходом войск фронта к нижнему течению Вислы и захватом плацдарма под Бромбергом создались условия для наступления в Восточной Померании.

1	2	3
10.2—4.4 Восточно-Померанская стратегическая наступательная операция (2-й Белорусский фронт и правое крыло 1-го Белорусского фронта при содействии части сил Балтийского флота). Командующий войсками 2-го Белорусского фронта (с 9.2 в состав фронта входили 2-я ударная, 65, 49, 70 и 19-я армии, 1, 3 и 8-й гвардейские танковые, 8-й механизированный, 3-й гвардейский кавалерийский корпуса и 4-я воздушная армия).	Цель — разгром восточнопомеранской группировки противника, угрожавшей правому крылу 1-го Белорусского фронта, действовавшего на берлинском направлении, овладение Восточной Померанией и очищение от противника побережья Балтийского моря от Данцига (Гданьска) до Померанской бухты. В результате операции была устранена угроза флангового удара по советским войскам, выдвинувшимся к Одеру на берлинском направлении. Советские войска овладели Восточной Померанией. Противник понес серьезные потери в живой силе и технике. Свыше 21 дивизий и 8 бригад были разгромлены, из них 6 дивизий и 3 бригады уничтожены. Выход советских войск к побережью Балтийского моря на участке от Данцигской до Померанской бухты надежно обеспечил фланг главной стратегической группировки, действовавшей на берлинском направлении. Расширилась система базирования Балтийского флота, который получил возможность более эффективно	Войска центра и левого крыла 2-го Белорусского фронта при содействии Краснознаменного Балтийского флота наступали с плацдарма на Висле севернее Бромберга в общем направлении на Штеттин. В трудных условиях распутицы и лесисто-озерной местности, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, опиравшегося на прочную и глубоко эшелонированную оборону, к исходу 19.2 сумели продвинуться на отдельных направлениях до 70 км. После привлечения к операции войск 1-го Белорусского фронта и 1-й армии Войска Польского войска 2-го Белорусского фронта вновь перешли в наступление. Прорвав оборону и сломив упорное сопротивление противника, они к 5.3 вышли к Балтийскому морю, восточнопомеранская группировка противника была рассечена. С выходом войск 2-го Белорусского фронта на побережье Балтийского моря Ставка поставила ему задачу разгромить группировку противника в районе Данцига, Штольп, овладеть городами Данциг, Гдыня и не позднее 20.3 выйти во всей полосе фронта на побережье Балтийского моря (директива Ставки № 11035 от 5.3.1945 г.). Для выполнения этой задачи 2-й Белорусский фронт временно был усилен 1-й гвардейской танковой армией из состава 1-го Белорусского фронта. Выполняя поставленные задачи, войска 2-го Белорусского фронта 13.3 вышли непосредственно к данцигско-гдыньскому укрепленному району. 21.3 они разрезали данцигско-гдыньскую группировку противника на две части

1	2	3
	проводить блокаду с моря окруженных группировок противника на Курляндском полуострове и восточнее Данцига. Разгром немецкой группы армий «Висла» затруднил противнику организацию обороны на подступах к Берлину. После завершения операции высвободилось 10 армий, которые начали перегруппировку на берлинское направление.	и вышли к побережью Данцигской бухты между Гдыней и Данцигом. 28.3 они овладели Гдыней, а 30.3, после трехдневных уличных боев, заняли Данциг. Остатки 2-й немецкой армии, блокированные в районе севернее Гдыни, 4.4 были полностью разгромлены, а части противника, блокированные на косе Холь и в районе дельты Вислы юго-восточнее Данцига, капитулировали (9.5). 2-й Белорусский фронт пленил свыше 63,5 тыс. немецких солдат и офицеров, захватил около 680 танков и штурмовых орудий, 3470 орудий и минометов, 431 самолет и много другого оружия. 30.3.1945 г. Рокоссовский был награжден высшим полководческим орденом «Победа».
16.4 –8.5 **Берлинская стратегическая наступательная операция** (1, 2-й Белорусские, 1-й Украинский фронты, часть сил Балтийского флота, Днепровская флотилия). Командующий войсками 2-го Белорусского фронта.	Завершающая наступательная стратегическая операция Великой Отечественной войны. Цель — разгром группировки немецко-фашистских войск, оборонявшей берлинское направление, овладение столицей Германии и выход советских войск к Эльбе на соединение с союзными войсками. Классический образец операции группы фронтов. В ней был осуществлен одновременный прорыв на ряде участков эшелонированной,	Войскам 2-го Белорусского фронта предстояло форсировать Одер, прорвать оборону противника на участке Штеттин (Щецин), Шведт, разгромить штеттинскую группировку противника, нанести рассекающий удар севернее Берлина, обеспечивая правый фланг 1-го Белорусского фронта от возможных контрударов противника с севера, и ликвидировать все вражеские войска севернее Берлина, прижимая их к морю. Участие в операции потребовало от 2-го Белорусского фронта перегруппировки, в ходе которой войска фронта совершали разворот на 180 градусов и форсированный марш на 300—350 км.

1	2	3
	занятой войсками на глубину до 100 км обороны противника. Операция завершилась блестящей победой. Советские войска разгромили 70 пехотных и 23 танковые и моторизованные дивизии. С 16.4 по 7.5 было взято в плен 480 тыс. человек, захвачено свыше 1500 танков и САУ, 8600 орудий, 4500 самолетов и другая техника. Разгромив и полностью уничтожив немецкие войска на берлинском направлении и овладев столицей фашистской Германии — Берлином, советские войска окончательно сокрушили германскую военную машину.	Главный удар фронт наносил силами трех армий, двух танковых и одного механизированного корпуса из района севернее Шведт в общем направлении на Штрелитц, чем достигалась изоляция главных сил 3-й танковой армии немцев от остальных сил группы армий «Висла», оборонявшей берлинское направление. Войска фронта перешли в наступление 20.4, форсировали Одер и к исходу 25.4 прорвали главную полосу обороны противника южнее Штеттина. Наступление войск 2-го Белорусского фронта сорвало замысел немецко-фашистского командования нанести удар силами 3-й танковой армии по войскам 1-го Белорусского фронта с севера. В связи с выходом 1-го Белорусского фронта в район западнее Берлина Ставка 25.4 отменила ранее данные 2-му Белорусскому фронту указания о нанесении удара в обход Берлина с севера и приказала действовать с прежней задачей, то есть наносить удар в общем направлении на Штрелитц. В то время когда войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов громили берлинскую группировку противника, войска Рокоссовского успешно наступали на северо-запад. В ходе операции они продвинулись на 200 км, форсировав Одер на фронте 40 км, и к 3—4 мая вышли к Балтийскому морю и на рубеж Эльбы, установив связь со 2-й английской армией. Войсками фронта была очищена

1	2	3
		территория площадью 26 910 кв. км. В ходе боев (с 5.4 по 8.5) было уничтожено и взято в плен 134 тыс. солдат и офицеров, уничтожено и захвачено 1642 самолета, 280 танков и САУ, 2267 орудий и 622 миномета. За умелое руководство войсками Рокоссовский 1.6.1945 г. был награжден второй медалью «Золотая Звезда».

Публикацию подготовил В.А. Афанасьев

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился в 1896 г. в гор. Великие Луки (быв. Псковской губ.), в семье железнодорожника — машиниста. По национальности поляк. Рабочий (каменотес). Член ВКП(б) с 1919 г. Образование среднее.

На военной службе с августа 1914 г. Служил в старой русской армии в 5-м драгунском полку. Последний чин — младший унтер-офицер. Участвовал в боях на Западном и Северо-Западном фронтах до октября 1917 г.

С октября 1917 г. в Красной Гвардии, а затем в Красной Армии на должностях: командира отдельного кавалерийского дивизиона и командира кавалерийского полка. В боях участвовал в основном на Восточном фронте против чехословаков, Колчака, Семенова и барона Унгерна до полной ликвидации. В мирное время занимал должности: командира кавбригады, кавдивизии, кавкорпуса и командира механизированного корпуса. В 1929 г., командуя отдельной кавбригадой, участвовал в боях на КВЖД, на маньчжурском направлении.

С начала Отечественной войны командовал 9-м механизированным корпусом в КОВО, руководя действиями корпуса на луцком и новоград-волынском направлениях.

В июле 1941 г. назначен командармом и переведен на Западный фронт (смоленское направление), где возглавил ярцевскую группу войск. Успешными действиями войск наступление немцев на ярцевском направлении было остановлено.

Во время наступления немцев на Москву, командуя войсками 16-й армии, руководил обороной яхромского, солнечногорского и волоколамского направлений.

В решающие дни битвы за Москву руководил переходом в контрнаступление войск 16-й армии на солнечногорском и истринском направлениях, результатом которого был разгром немецких войск и паническое их бегство на запад.

В 1942 г., во время прорыва немцев на Воронеж, был назначен командующим Брянским фронтом. Руководил контрударом войск Брянского фронта, в результате чего попытка немцев расширить прорыв на север в сторону Ельца была остановлена.

В период наступления немцев на Сталинград назначен командующим Донским фронтом. Руководил операциями войск Донского фронта при прорыве неприятельского фронта на р. Дон, на клетском направлении и операцией во взаимодействии с Юго-Западным фронтом, выразившейся в полном окружении сталинградской группировки немцев. Приказом Ставки ликвидация окруженных под Сталинградом немецких войск возложена на войска Донского фронта. Командуя этими войсками, руководил операцией, добившись полного уничтожения этой группировки и

пленения свыше ста тысяч немецких солдат и офицеров во главе с фельдмаршалом Паулюсом.

В 1943 г., командуя войсками Центрального фронта, руководил оборонительным сражением войск фронта на Курско-Орловской дуге, закончившимся поражением немцев и переходом наших войск в успешное контрнаступление.

В этом же году руководил наступательными операциями войск Центрального фронта, выразившимися в прорыве немецкой обороны западнее Курска, разгроме немецких войск и в стремительном наступлении в направлении Путивль, Ворожба, Конотоп, Бахмач, Нежин, Козелец, Чернигов, Киев. В результате этих операций была освобождена от немцев вся территория восточнее р. Сож и р. Днепр, от Гомеля до Киева. Захвачены были плацдармы на западном берегу р. Днепр, севернее Киева, и через р. Сож, южнее Гомеля.

В конце 1943 г. и в начале 1944 г., командуя войсками 1-го Белорусского фронта, руководил наступательными операциями войск фронта на территории Белоруссии. В результате этих операций был завоеван широкий плацдарм западнее р. Днепр и освобождены города Мозырь, Калинковичи, Речица, освобожден г. Гомель и захвачены плацдармы через р. Днепр до р. Друть, севернее г. Рогачев, и через р. Березина, южнее и юго-западнее г. Рогачев. Это дало возможность приступить к подготовке Бобруйско-Минской операции.

В 1944 г., командуя 1-м Белорусским фронтом, руководил наступательными операциями войск фронта, нанося два последовательных удара.

Первый удар — в направлении Бобруйск, Минск, Барановичи, Брест.

Второй удар — в направлении Ковель, Холм, Люблин, крепость Демблин (Иван-город), Прага. Результатом этих операций был полный разгром немецких сил, освобождение Белоруссии и выход войск фронта на рубеж р. Нарев, р. Висла с захватом плацдармов на западном берегу р. Нарев, севернее Варшавы, и на западном берегу р. Висла, южнее Варшавы.

В 1945 г., командуя войсками 2-го Белорусского фронта, провел три основные операции.

Первая — Восточно-Прусская операция, заключающаяся в прорыве обороны немцев на р. Нарев и выходе правого крыла войск фронта к Балтийскому морю в районе г. Эльбинг. В результате этого была разгромлена и окружена вся восточнопрусская группировка. Кроме того, войсками левого крыла фронта был захвачен широкий плацдарм на западном берегу р. Висла, западнее Грауденц, Кульм, обеспечивший подготовку новой операции.

Вторая — Померанская операция, заключающаяся в прорыве обороны немцев, выходе левого крыла войск фронта к Балтийскому морю в районе Кезлин, Кольберг и окружении восточно-

померанской группировки немецких войск. В результате была полностью уничтожена эта группировка и освобождены крупные портовые города Гдыня и Данциг.

Третья — Одерская операция, заключающаяся в прорыве обороны немцев на р. Одер. В результате стремительного наступления была разгромлена штеттинская группировка немецких войск, т.е. выходом войск фронта на рубеж Росток, р. Эльба был завершен разгром немецких войск и произошла встреча войск фронта с войсками союзников.

За время гражданской и Отечественной войн и за выслугу лет в РККА награжден: двумя Золотыми Звездами (дважды Герой Советского Союза), четырьмя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени, орденом «Победа», орденами Суворова I ст. и Кутузова I ст.; медалями: «20 лет РККА», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга», «За освобождение Варшавы» и «За победу над Германией».

Иностранными: монгольским орденом Красного Знамени; польскими орденами: Виртути Милитари первого класса со звездой и Крест Грюнвальда первого класса; французскими орденами: Почетного легиона, Военный крест; британским рыцарским командорским крестом Ордена Бани.

За время гражданской войны ранен дважды, за время Отечественной войны — один раз.

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (РОКОССОВСКИЙ)

27 декабря 1945 года
гор. Лигниц.

Приложение № 3

ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДОВАНИЯ 1-ГО БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О СОВЕТСКОЙ ПОМОЩИ ПОВСТАНЦАМ ВАРШАВЫ

Действующая армия
2 октября 1944 г.

Докладываю:

В целях оказания помощи повстанцам в городе Варшава в период с 13.9 по 1.10.44 г. авиация фронта произвела 4821 самолето-вылет, в том числе: на сбрасывание грузов — 2435, на подавление средств ПВО противника в городе Варшава и районе сбрасывания грузов — 100, на бомбардировку и штурмовку войск противника в городе Варшава по заявкам повстанцев — 1361, на прикрытие районов, занимаемых повстанцами, и на разведку противника в интересах повстанцев — 925.

За этот же период повстанцам в городе Варшава авиацией фронта сброшено: орудий 45-мм — 1, автоматов — 1478, минометов 50-мм — 156, противотанковых ружей — 505, винтовок русских — 170, винтовок немецких — 350, карабинов — 669, снарядов 45-мм — 300, мин 50-мм — 37 216, патронов ПТР — 57 640, патронов винтовочных — 1 312 600, патронов ТТ — 1 360 984, патронов 7,7-мм — 75 000, патронов «маузер» — 260 600, патронов «парабеллум» — 312 760, ручных гранат — 18 428, ручных гранат немецких — 18 270, медикаментов — 515 кг, телефонных аппаратов — 10, коммутаторов телефонных — 1, элементов телефонных — 10, батарей «Бас-80» — 22, телефонного кабеля — 9600 м, продовольствия разного — 131 221 килограмм.

Помимо этого артиллерия 1-й польской армии вела огонь на подавление огневых средств и живой силы противника в интересах повстанцев, а зенитная артиллерия 1-й ПА и 24-й зенитной артиллерийской дивизии резерва главного командования своим огнем прикрывала повстанческие районы от налетов вражеской авиации.

Для оказания помощи повстанцам Жолибожского района в их эвакуации на восточный берег р. Висла было подано до 100 лодок и подготовлено достаточное огневое обеспечение эвакуации.

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ 1-ГО БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА
МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА РОКОССОВСКИЙ
ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА 1-ГО БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ТЕЛЕГИН
НАЧАЛЬНИК ШТАБА 1-ГО БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК МАЛИНИН*

---

* Публикуется по: Память о совместной борьбе. М., 1989. С. 204.

Приложение № 4

К ГАРНИЗОНАМ ДАНЦИГА И ГДЫНИ

Генералы, офицеры и солдаты 2-й немецкой армии!

Мои войска вчера, 23 марта, заняли **Цоппот** и разрезали окруженную группировку на две части.

Гарнизоны Данцига и Гдыни изолированы друг от друга. Наша артиллерия обстреливает порты Данцига и Гдыни и подходы к ним с моря. Железное кольцо моих войск все теснее сжимается вокруг вас.

Ваше сопротивление в этих условиях бессмысленно и приведет лишь к вашей гибели и гибели сотен тысяч женщин, детей и стариков.

Я ПРЕДЛАГАЮ ВАМ:

1. Немедленно прекратить сопротивление и с белыми флагами в одиночку, отделениями, взводами, ротами, батальонами и полками сдаться в плен.

2. Всем сдавшимся в плен Я ГАРАНТИРУЮ жизнь и сохранение личной собственности.

Все офицеры и солдаты, которые не сложат оружие, будут уничтожены в предстоящем штурме.

Вся ответственность за гибель гражданского населения падет на ваши головы.

Командующий войсками 2-го Белорусского фронта
Маршал Советского Союза К. Рокоссовский

24 марта 1945 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Рокоссовский
Константин Константинович
СОЛДАТСКИЙ ДОЛГ

Главный редактор редакции *Н.П. Синицын*
Редактор *В.В. Амельченко*
Художник *В.Н. Денисов*
Художественный редактор *Л.Е. Кривокобыльская*
Фоторепродукции *В.В. Солдатова*
Корректоры *В.Л. Соловьева и Н.Д. Ключева*
Компьютерная верстка *Т.Н. Абдулаева*
Технический редактор *М.В. Федорова*

Лицензия ЛР № 020872 от 13 мая 1994 г.

Сдано в набор 24.03.97. Подписано в печать 28.04.97.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Печ. л. 15.
Усл. печ. л. 25,2 + 2 вкл. — 1 печ. л., 1,68 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 25.65.
Тираж 20 000. Изд. № с/96/311. Зак. № 1662. С — 9.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.

Московская типография № 2 Комитета РФ по печати.
129164, Москва, пр. Мира, 105.

К. К. Рокоссовский в бытность младшим унтер-офицером 5-го Каргопольского драгунского полка. Фото 1916 г.

Русские солдаты на одном из фронтов первой мировой войны. Фото 1915 г.

Во время обучения на Кавалерийских курсах усовершенствования командного состава в Ленинграде. Фото 1924 г.

В бытность командиром 15-й Кубанской кавалерийской дивизии. Фото 1936 г.

Генерал-майор К. К. Рокоссовский и полковник Н. В. Калинин после тактических учений. Апрель 1941 г.

Война. Июнь 1941 г.

Гитлеровские войска рвутся к Москве. Октябрь 1941 г.

Огонь по врагу ведет артиллерия. Декабрь 1941 г.

На защите неба Москвы

Бойцы, отправляясь на защиту Москвы, принимают военную присягу у стен Кремля. Октябрь 1941 г.

Командующий 16-й армией К. К. Рокоссовский и член Военного совета А. А. Лобачев (справа) проводят смотр войск. Сентябрь 1941 г.

Танковый десант. Декабрь 1941 г.

Командование 16-й армии заслушивает доклад командира 1-й гвардейской танковой бригады М. Е. Катукова. Слева направо: А. А. Лобачев, К. К. Рокоссовский, В. И. Казаков, М. Е. Катуков. Фото 1941 г.

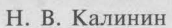
И. А. Плиев и Л. М. Доватор. Ноябрь 1941 г.

Командир 316-й стрелковой дивизии И. В. Панфилов, начальник штаба И. И. Серебряков и комиссар С. А. Егоров наблюдают за боем

Н. В. Калинин

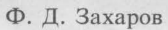
С. П. Тарасов

Атакует подразделение 16-й армии. Декабрь 1941 г.

Ф. Д. Захаров

И. Т. Гришин

Отступление врага на заснеженных полях Подмосковья

К. К. Рокоссовский и его адъютант майор А. М. Кульчинский в госпитале. Май 1942 г.

К. К. Рокоссовский и М. С. Малинин. Фото 1942 г.

В штабе Донского фронта: А. А. Новиков, К. К. Рокоссовский, Н. Н. Воронов, К. Ф. Телегин, М. С. Малинин, В. И. Казаков

Встреча войск Донского и Сталинградского фронтов во время окружения немецко-фашистской группировки под Сталинградом

Разбитая боевая техника врага

Донской фронт. Слева направо: С. И. Руденко, Н. Н. Воронов, В. И. Казаков, К. К. Рокоссовский. Фото 1943 г.

Центральный фронт. Слева направо: Г. Н. Орел, В. И. Казаков, К. К. Рокоссовский, П. И. Батов. Фото 1943 г.

С. И. Руденко

И. М. Чистяков

На Центральный фронт приехала делегация узбекских трудящихся. Фото 1943 г.

П. Л. Романенко

Н. А. Новиков

Командарм В. И. Чуйков докладывает план действий своей армии. Фото 1944 г.

Вперед, на запад!

Г. К. Жуков, П. И. Батов и К. К. Рокоссовский. Октябрь 1944 г.

Салют в Москве 5 августа 1943 г. в ознаменование освобождения Орла и Белгорода

1-й Белорусский фронт. Командующий фронтом вручает боевые награды. Фото 1944 г.

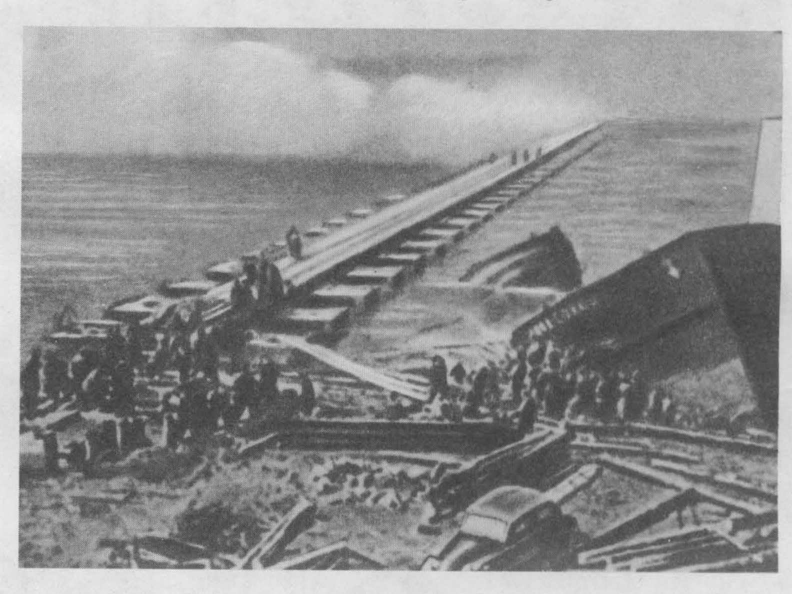
Разведчики части полковника Н. В. Рогова водружают флаг на берегу Балтийского моря. Фото 1945 г.

2-й Белорусский фронт. Слева направо: А. К. Сокольский, К. К. Рокоссовский, А. Г. Русских

На перекрестке войны. Апрель 1945 г.

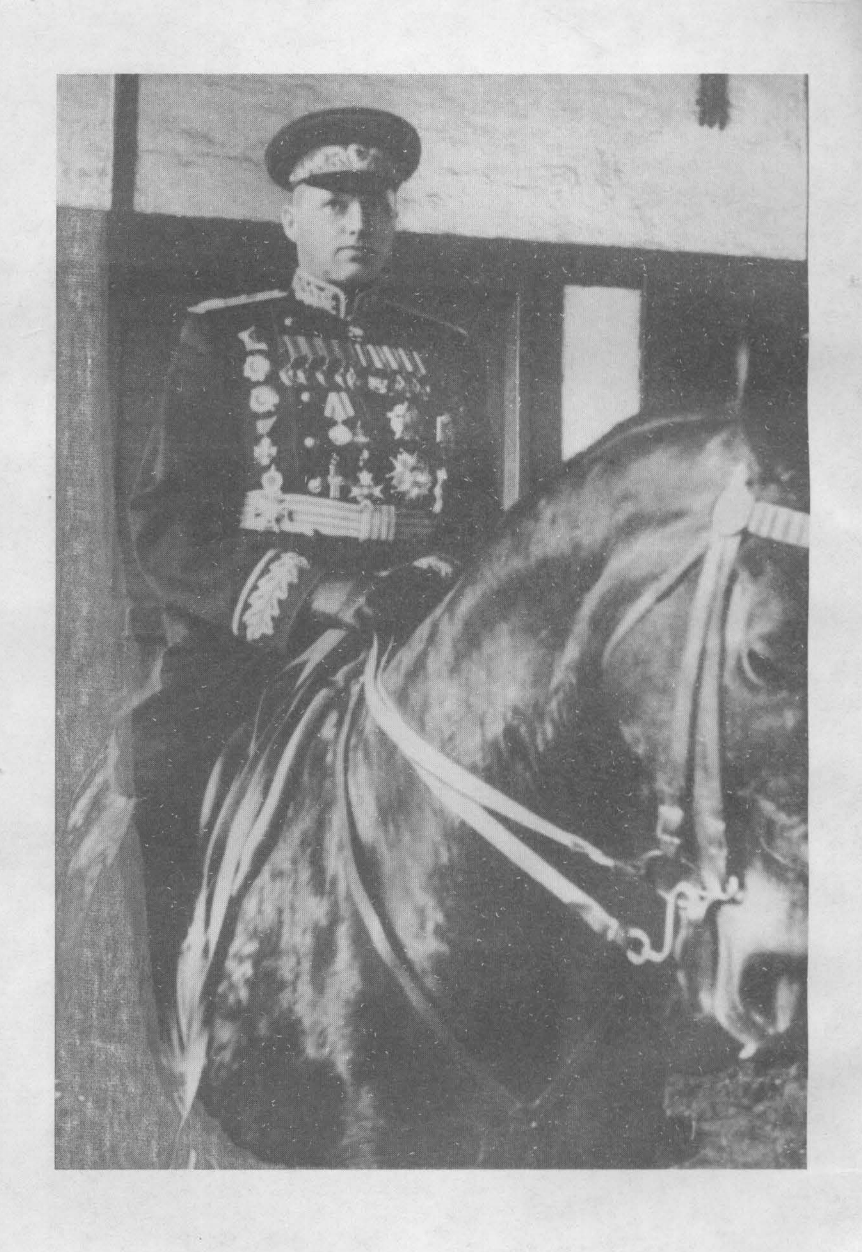
Возводится мост через Одер

Встреча с Монтгомери

Монтгомери вручает Рокоссовскому рыцарский командирский крест Ордена Бани

К. К. Рокоссовский перед началом Парада Победы 24 июня 1945 г.

И. В. Сталин, К. К. Рокоссовский, А. М. Василевский на трибуне Мавзолея В. И. Ленина во время одного из парадов

Главнокомандующий Северной группой войск Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский в своем рабочем кабинете. Фото 1947 г.

Маршал Польши министр национальной обороны ПНР К. К. Рокоссовский.
Фото 1954 г.

Встреча с маршалом Польши Роля-Жимерским. Фото 1947 г.

Отец и дочь. Фото 1947 г.

Генерал армии А. П. Белобородов и К. К. Рокоссовский на съемках фильма «Если дорог тебе твой дом». Фото 1966 г.

Во время инспекторской поездки в Заполярье. Фото 1960 г.

Фото на память в день 20-летия Великой Победы в 1965 г.
Слева направо: К. К. Рокоссовский, К. А. Вершинин, Г. К. Жуков

Встреча с молодежью на Мытищинском машиностроительном заводе. Фото 1966 г.

Рыбалка на Черном море. Фото 1953 г.

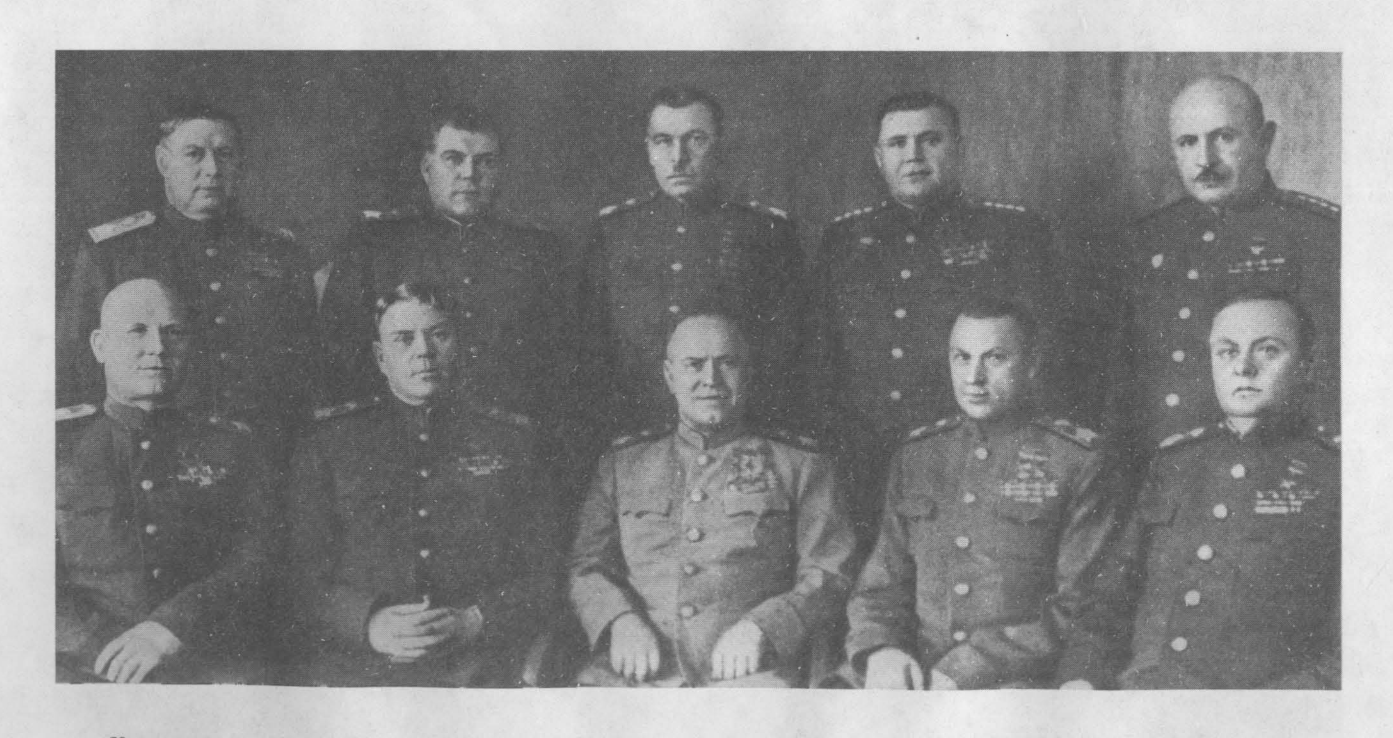
На охоте с К. Ф. Телегиным. Фото 1962 г.

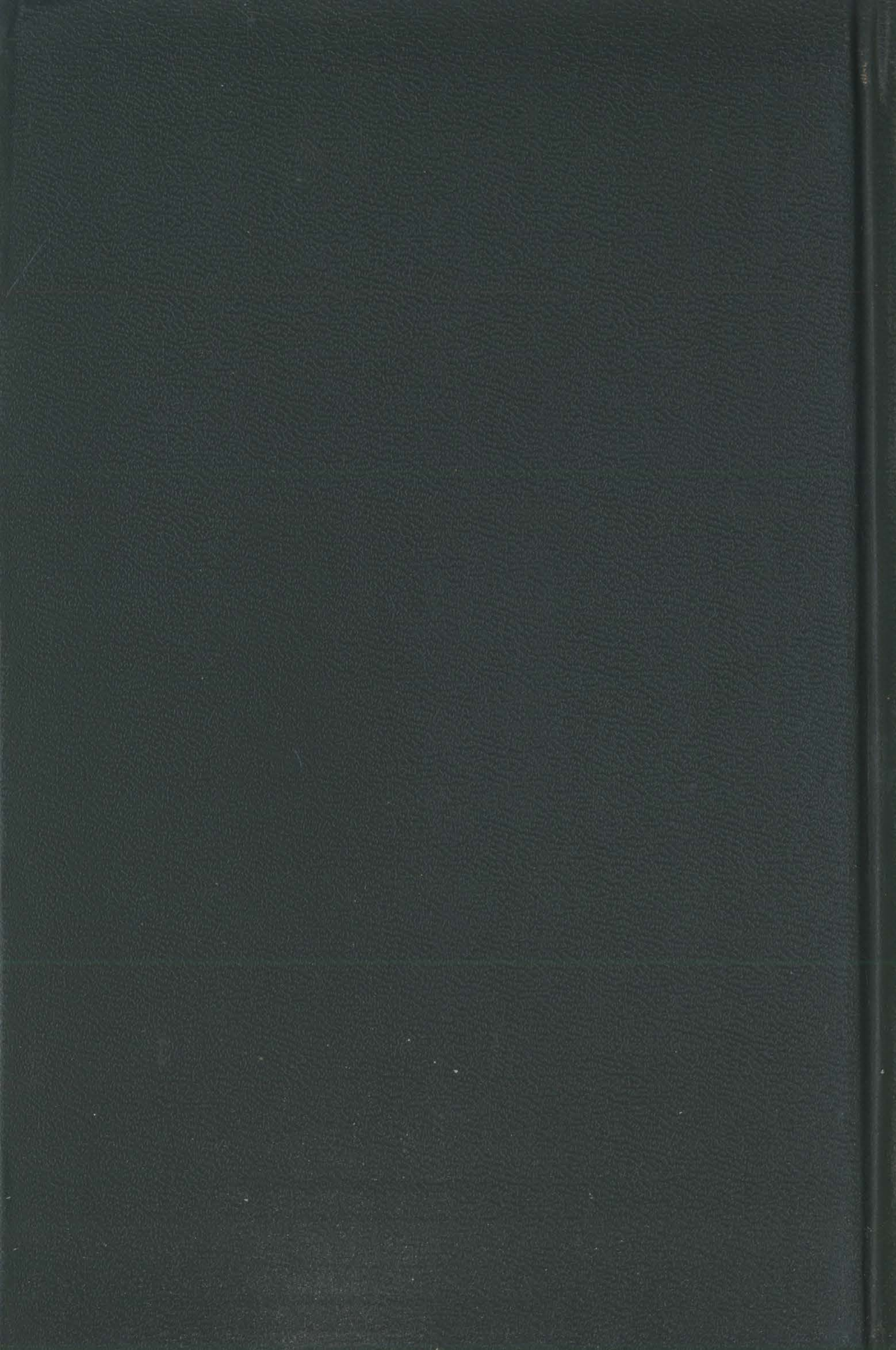
С внуком Костей на даче. Фото 1956 г.

Санаторий «Фрунзенское». Константин Константинович с женой Юлией Петровной. Фото 1967 г.

Командующие фронтами на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Первый ряд: И. С. Конев, А. М. Василевский, Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, К. А. Мерецков. Второй ряд: Ф. И. Толбухин, Р. Я. Малиновский, Л. А. Говоров, А. И. Еременко, И. Х. Баграмян

Книгой К.К. Рокоссовского «Солдатский долг» открывается серия изданий «Полководцы Великой Отечественной», которую предпринимают Межрегиональный фонд «Выдающиеся полководцы и флотоводцы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов» и Воениздат.

Это издание осуществлено благодаря бескорыстной попечительской поддержке банка «Российский кредит».

ПОЛКОВОДЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

К.К. РОКОССОВСКИЙ

СОЛДАТСКИЙ ДОЛГ